БИБЛІОТЕКА КОЛОМЕНСКАГО КОММЕРЧЕСКАГО УЧИЛИЩА

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXII-й. ІЮНЬ. 1901 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Великій князь Николай Павловичъ съ 1814 по 1822 годъ.** Н. К. Шильдера . . . . . 449—472

II. **Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.** 473—490

III. **Резолюціи императора Николая Павловича на бумагахъ департамента государственныхъ имуществъ въ 1837 году.** (Сообщено статсъ-секретаремъ В. И. Вешняковымъ) . . . . . 491—495

IV. **Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова** . . . . . 497—522

V. **Россія и папскій престолъ.** П. Пирлинга. (Съ французскаго) . . . . . 523—560

VI. **Указаніе князя А. Н. Голицына на направленіе „Военн. Журнала“ 1818 г.** 561—565

VII. **Изъ записокъ стараго преображенца. 1853 годъ.** Князя Н. К. Имеретинскаго . . . . . 567—586

VIII. **Цензура медицинскихъ сочиненій въ 1819 году.** 587—594

IX. **Радецкій и Скобелевъ въ сраженіи 27-го и 28-го декабря 1878 г. подъ Шипкой.** В. Дмитровскаго . . . . . 595—624

X. **Изъ архива И. Е. Великопольскаго.** Сообщилъ Б. Модзалевскій. . . . 625—641

XI. **Записки генерала В. И. Левенштерна** . . . . . 643—668

XII. **Записная книжка „Русской Старины“:** Неприсвоенный званію костюмъ мировыхъ посредниковъ. — Жидовскіе кумиры. Сообщилъ А. Мердеръ. (стран. 496).—Письмо И. И. Дмитріева къ Н. И. Тургеневу съ благодарностью за присланную книгу, 21 ноября 1818 г. Сообщ. П. Н. Тургеневъ (566).—Приказъ военнаго министра Барклая-де-Толли съ запрещеніемъ частнымъ начальникамъ производить пушечную пальбу по произволу, 5 окт. 1810 г.—О приселеніи малороссіанъ къ войску донскому, 10 октября 1817 г. (642).

XIII. **Библіографич. листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Бычковъ.

2) Портретъ Ивана Ермолаевича Великопольскаго. Грав. И. И. Хелмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1901 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ подѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Вольшая Подъяческая, 39.
1901.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

25/16

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1901 г.

Библіографическій листокъ.

И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). Графъ В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву. Часть 1-я: Жизнь графа Перовскаго.—Его плѣнъ у французовъ.—Письма изъ Италіи.—Дружба съ Жуковскимъ.—Кончина. Часть 2-я: Зимній походъ въ Хиву, въ 1839 г., подъ начальствомъ Перовскаго.—Его письма объ этомъ походѣ. СПБ. 1901 года.

Первая часть разсматриваемой нами книги состоитъ изъ пяти главъ.

Въ первой главѣ напечатана, прежде всего, очень краткая, напоминающая выписку изъ послужнаго списка, біографія гр. В. А. Перовскаго—изъ сочиненія «Семейство Разумовскихъ» (т. 2-й), при чемъ г. Захарьинъ исправилъ нѣкоторыя невѣрныя даты. Вслѣдъ за этимъ помѣщены отрывочныя свѣдѣнія біографическаго характера, почерпнутыя изъ формулярнаго списка и изъ историческихъ журналовъ. Эти оффиціальныя свѣдѣнія пополнены, въ дальнѣйшемъ изложеніи, свѣдѣніями, заимствованными изъ писемъ графа къ В. А Жуковскому, архіепископу Евсевію и др. „Даже и теперь, спустя почти полвѣка со времени смерти Перовскаго,—говоритъ авторъ,—едва только вы начинаете приближаться къ этой величавой и монументальной фигурѣ и вглядываться въ нее, какъ на васъ вѣетъ отъ нея чисто-героическимъ эпосомъ и, въ то же время, такою мягкостью и душевною чистотою, такимъ идеальнымъ „кодексомъ жизни“, что вы не сомнѣваетесь ни минуты, что предъ вами личность необыкновенная, исключительная—рыцарь въ лучшемъ и въ полномъ значеніи этого слова, съ умомъ обширнымъ, съ сердцемъ благороднымъ и любящимъ, чуждый страха, противорѣчій, лести и честолюбія“.

Заканчиваетъ авторъ свою краткую и далеко не полную,—какъ и самъ это признаетъ,—біографію графа Перовскаго слѣдующими словами: „Вся бѣда этого необыкновенно даровитаго и замѣчательнаго человѣка заключалась въ томъ, что онъ родился для Россіи слишкомъ рано: иные мало его понимали, другіе не могли переносить его умственнаго и нравственнаго превосходства надъ собою. Потому-то у него и было такъ много враговъ и завистниковъ, которые или всячески вредили ему или же довольно искусно замалчивали [1]) всѣ его труды и подвиги, о которыхъ—надо еще замѣтить—онъ самъ не любилъ распространяться и которые онъ совершалъ отнюдь „не для того, чтобы они были замѣтны въ Петербургѣ“.

Вторая глава—Въ плѣну у французовъ,—описаніе В. А. Перовскимъ своего плѣна у французовъ было напечатано въ 60-хъ годахъ въ «Русскомъ Архивѣ», здѣсь же перепечатано съ рукописи, исправленной В. А. Жуковскимъ. Къ сожалѣнію, объ части этой интереснѣйшей рукописи, рисующей намъ, какіе ужасы и страданія пришлось претерпѣть 18-ти-лѣтнему В. А. Перовскому и его сотоварищамъ по плѣну,—не доведены до конца. Не лишне замѣтить, что о всѣхъ страданіяхъ, перенесенныхъ ими въ этомъ плѣну, русская публика узнала лишь восемь лѣтъ спустя послѣ смерти Перовскаго, и то благодаря чистой случайности.

Въ третьей главѣ напечатаны отрывки писемъ изъ Италіи. Извѣстный поэтъ В. А. Жуковскій, котораго Перовскій былъ самымъ близкимъ другомъ,—написалъ къ этимъ письмамъ слѣдующее примѣчаніе: „Письма сіи писаны не для публики, безъ всякаго старанія, плана и такимъ человѣкомъ, который не только никогда не думалъ быть русскимъ авторомъ, но болѣе привыкъ писать по-французски, нежели по-русски. Но онѣ (sic) написаны такъ умно и такимъ пріятнымъ слогомъ, что мы рѣшились напечатать нѣкоторые ихъ отрывки и увѣрены, что читатели наши поблагодарятъ насъ за доставленное имъ удовольствіе“. И дѣйствительно всякій съ удовольствіемъ прочтетъ хотя бы этотъ отрывокъ изъ письма Василія Алексѣевича изъ Сорренто отъ 3-го іюня 1824 года: „...Трескъ и удары, подобные сильнѣйшему грому, слѣдуютъ одинъ за другимъ безпрерывно; молнія сверкаетъ непрестанно и раздираетъ густую тучу, пробѣгая по столбу (чернаго дыма); лава начинаетъ течь: днемъ, подобно черной дымящейся рѣкѣ, тихо подвигается она по наклоненію горы, но медленность не уменьшаетъ ни ея силы, ни ужаснаго дѣйствія. Она влечетъ за собою цѣлыя скалы, величайшія деревья сжигаетъ прежде, нежели ихъ коснется; ничто не можетъ остановить ея хода или измѣнить направленія; каменными волнами клубитъ она чрезъ стѣны, сноситъ ихъ, и они плывутъ вмѣстѣ съ нею. Но самое удивительное, красивое и вмѣстѣ ужасное зрѣлище представляетъ вулканъ ночью: багряное зарево покрываетъ все небо и отражается въ мо-

[1]) Интересно отмѣтить слѣдующее обстоятельство: 18-го февраля этого года исполнилось 25-лѣтіе присоединенія къ Россіи Ферганской области. Почти всѣ газеты посвятили этому событію подходящія статьи и хвалебные дифирамбы живымъ участникамъ похода 1864–65 гг. и воспоминанія объ умершихъ; но никто не вспомнилъ В. А. Перовскаго, положившаго начало завоеванію Кокандскаго ханства въ 1853 году. Въ одной, самой распространенной и почтенной газетѣ помѣстили даже портреты всѣхъ этихъ завоевателей Коканда—и на-ряду съ теперешнимъ военнымъ министромъ А. Н. Куропаткинымъ и покойными Кауфманомъ и Скобелевымъ, воспроизведены генералы В. Н. Троцкій, Абрамовъ и Колпаковскій, но о В. А. Перовскомъ какъ-то забыли, не обмолвились ни единымъ словомъ, не помѣстили его портрета.

БИБЛІОТЕКА
КОММЕРЧЕСКАГО СОБРА
Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ИВАНЪ ЕРМОЛАЕВИЧЪ
ВЕЛИКОПОЛЬСКІЙ.

БИБЛІОТЕКА
КОЛОМЕНСКАГО
КОММЕРЧЕСКАГО СОБРАНІЯ

Великій князь Николай Павловичъ

съ 1814 по 1822 годъ.

I.

Великіе князья Николай и Михаилъ выѣхали изъ Петербурга за границу 5-го (17-го) февраля 1814 года. Въ этомъ путешествіи ихъ сопровождали генералъ Ламздорфъ, кавалеры: Саврасовъ, Алединскій и Арсеньевъ, полковникъ Джанотти и докторъ Рюль.

Проѣздомъ черезъ Германію, великіе князья посѣтили свою сестру, великую княгиню Марію Павловну. Они пріѣхали въ Веймаръ совершенно неожиданно, и Николай Павловичъ явился къ своей августѣйшей сестрѣ переодѣвшись курьеромъ. Она не сразу узнала его, и только благородная осанка и красивый греческій носъ курьера побудили ее внимательно всмотрѣться въ черты его лица и выдали тайну.

28-го февраля (12-го марта) во Франкфуртѣ великихъ князей встрѣтилъ генералъ-адъютантъ Коновницынъ, посланный къ нимъ на встрѣчу императоромъ Александромъ и назначенный состоять при великихъ князьяхъ на время военныхъ дѣйствій. Однако воспитатель великихъ князей, генералъ Ламздорфъ путешествовалъ съ такою медленностью, что они не поспѣли къ рѣшительному моменту кампаніи 1814 года. По прибытіи въ Везуль, оказалось, что дальнѣйшій путь въ главную армію прегражденъ, и такимъ образомъ великіе князья были лишены возможности участвовать въ славныхъ дѣлахъ, заключившихъ собою борьбу съ

Наполеономъ. Они оставались въ Базелѣ до занятія союзниками французской столицы и затѣмъ уже присоединились къ государю, когда проѣздъ въ Парижъ сдѣлался безопаснымъ.

Въ ожиданіи прибытія великихъ князей, императоръ Александръ въ одномъ изъ писемъ къ своей родительницѣ, отъ 3-го (15-го) апрѣля 1814 года, испрашивалъ ея распоряженій относительно предстоявшаго пребыванія своихъ братьевъ въ Парижѣ.

«Соблаговолите, дорогая матушка»,—писалъ онъ между прочимъ,—«дать мнѣ ваши приказанія относительно моихъ братьевъ, и что имъ предстоитъ дѣлать? Должны ли они воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы путешествовать нѣсколько по Голландіи, Англіи, Швейцаріи, или же вамъ угодно будетъ приказать, чтобы они вернулись тотчасъ же? Такъ какъ г. Ламздорфъ находится съ ними, а г. Лагарпъ — здѣсь, то было бы возможно составить планъ путешествія, крайне поучительнаго для нихъ, и которое съ пользою вознаградило бы за все то, что прекращеніе войны заставило ихъ потерять. Въ особенности путешествіе по Швейцаріи и Англіи могло бы быть очень полезно для нихъ. Но въ отношеніи всего этого только одна ваша воля должна рѣшить все. Пока же мы устроимъ все съ г. Ламздорфомъ такъ, чтобы они не теряли времени здѣсь, гдѣ есть средства продолжать свое образованіе по всѣмъ отраслямъ знаній. Г. Лагарпъ принесетъ имъ большую пользу своими знакомствами со всѣми достойными (estimable) образованными людьми. Г. Ламздорфъ рѣшитъ и будетъ наблюдать за всѣмъ».

Приведенная выдержка изъ письма императора Александра крайне характерна для обрисовки отношеній его къ вдовствующей императрицѣ и для уясненія той роли, которую играла Марія Ѳеодоровна въ дѣлѣ воспитанія своихъ младшихъ сыновей.

По пріѣздѣ въ Парижъ великихъ князей, они обозрѣвали различныя учрежденія столицы Франціи. И здѣсь сказалась наклонность Николая Павловича ко всему военному: онъ предпочиталъ осматривать учрежденія военныя, политехническую школу, домъ инвалидовъ, казармы, госпитали. При посѣщеніи дома инвалидовъ обоимъ великимъ князьямъ приходилось видѣть, какъ старые искалѣченные солдаты, молча со слезами на глазахъ, отворачивались отъ нихъ, какъ только замѣчали русскій мундиръ.

Во время обхода Николаемъ Павловичемъ этого убѣжища изувѣченныхъ солдатъ, его вниманіе привлекъ одинъ сержантъ съ лицомъ, покрытымъ рубцами, съ трудомъ передвигавшійся при помощи двухъ костылей.

— Въ какомъ дѣлѣ вы ранены?—спросилъ его великій князь.

— При переправѣ черезъ Березину,—отвѣчалъ инвалидъ, стараясь улыбнуться сквозь свои рубцы.—Казаки привели меня въ такой видъ, какъ вы видите, да и я, увѣряю васъ, не остался у нихъ въ долгу; я

упалъ рядомъ съ ними въ снѣгъ, они не поднялись, а я имѣлъ счастіе возвратиться съ отмороженными ногами. Впрочемъ, такъ и надо: что намъ нужно было искать въ вашей Россіи. Дьявольская страна, защищаются безъ посторонней помощи, правда, въ нее легко входишь, а выйти не выйдешь, а если и выйдешь, то, какъ я, чтобы попасть въ инвалидный домъ.

Великіе князья передали объ этомъ разговорѣ императору Александру, и послѣдній настолько заинтересовался старымъ сержантомъ, что пожелалъ видѣть его. Думая обрадовать его, онъ сказалъ ему, что всѣ французскіе плѣнные, остававшіеся въ Польшѣ и Россіи, въ числѣ болѣе 80.000 человѣкъ, должны вскорѣ возвратиться во Францію.

— Вотъ счастливцы!—воскликнулъ инвалидъ.—Государь, я совѣтую вамъ сообщить поскорѣе эту новость нашему императору Наполеону: онъ вамъ скажетъ большое спасибо.

Тогда Александръ спросилъ его, развѣ ему не извѣстны послѣднія событія, положившія конецъ войнѣ и въ интересахъ всеобщаго умиротворенія приведшія къ перемѣнѣ во Франціи правительства. Старый солдатъ покачалъ головою и сразу сдѣлался грустнымъ и серьезнымъ.

— Надо сознаться, государь, не доброе дѣло сдѣлали вы этимъ,— пробормоталъ онъ сквозь зубы.—Что вы хотите, чтобы мы дѣлали съ королемъ, который не въ состояніи сѣсть на лошадь? О, это не хорошо, это значитъ оскорблять насъ! Къ счастію, это не будетъ продолжительно. Безъ нашего императора Наполеона нѣтъ Франціи! [1])

Простосердечная рѣчь ветерана должна была произвести на императора Александра тѣмъ болѣе глубокое впечатлѣніе, что онъ самъ уже начиналъ сознавать всю ошибочность своего образа дѣйствій по отношенію къ Бурбонамъ, водвореннымъ имъ на престолѣ Франціи.

Во время своего перваго пребыванія въ Парижѣ, Николай Павловичъ имѣлъ случай познакомиться съ герцогомъ Орлеанскимъ. Эта встрѣча не прошла безслѣдно въ жизни великаго князя; онъ былъ свидѣтелемъ семейнаго счастія герцога, и эта отрадная картина глубоко запала въ душу Николая Павловича.

— Какое громадное счастіе жить такъ, семьею,—сказалъ ему великій князь.

— Это единственное истинное и прочное счастіе,—отвѣтилъ герцогъ Орлеанскій убѣжденнымъ тономъ [2]).

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ встрѣчахъ, также не прошедшихъ безслѣдно въ послѣдующей жизни нашего будущаго вѣнценосца.

---

[1]) La Croix. T. 1. p. 66—67.
[2]) La Croix. T. 1. p. 73.

Въ Парижѣ, Николай Павловичъ впервые, послѣ долгой разлуки, снова увидѣлъ бывшаго товарища своихъ дѣтскихъ игръ Адлерберга, поступившаго послѣ выпуска изъ Пажескаго корпуса въ л. гв. Литовскій полкъ. Великій князь радостно привѣтствовалъ его, обласкалъ и съ тѣхъ поръ уже никогда не измѣнялъ своего къ нему благоволенія. При первой возможности Николай Павловичъ взялъ его, впослѣдствіи, къ себѣ въ адъютанты.

Другая встрѣча была не менѣе знаменательна. Великій князь познакомился и сблизился съ генералъ-лейтенантомъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Паскевичемъ, начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи.

Въ запискахъ Паскевича объ этомъ сохранился слѣдующій разсказъ:

«Въ Парижѣ начались, какъ и въ Петербургѣ, гвардейскіе разводы, и мы изъ гренадерскаго корпуса поочередно туда ѣзжали. Въ одинъ изъ сихъ разводовъ, государь, увидавъ меня, подозвалъ и совершенно неожиданно рекомендовалъ меня великому князю Николаю Павловичу. «Познакомься», сказалъ онъ ему, «съ однимъ изъ лучшихъ генераловъ моей арміи, котораго я еще не успѣлъ поблагодарить за его отличную службу».

«Николай Павловичъ послѣ того постоянно меня звалъ къ себѣ и подробно разспрашивалъ о послѣднихъ кампаніяхъ. Мы съ разложенными картами, по цѣлымъ часамъ, вдвоемъ разбирали всѣ движенія и битвы 12-го, 13-го и 14-го годовъ. Я часто у него обѣдывалъ и когда за службою не могъ у него быть, то онъ мнѣ потомъ говорилъ, что я его опечалилъ. Этому завидовали многіе и стали говорить въ шутку, что онъ въ меня влюбился. Его нельзя было не полюбить. Главная его черта, которой онъ меня привлекъ къ себѣ,—это прямота и откровенность.

«Брата Михаила Павловича онъ любилъ; но къ серіознымъ разговорамъ не допускалъ, да и тотъ ихъ не долюбливалъ..... На балѣ у Талейрана государь и прусскій король подошли ко мнѣ, поздоровались, и государь поздравилъ меня съ только-что полученною мною, Александровскою лентою. «Le général l'a bien merité»,—сказалъ прусскій король.

«На что государь, обратясь,—сказалъ мнѣ по-французски: «Le cordon de l'ordre de St. Alexandre n'est qu'une faible preuve de mon estime pour vous et vos services». Я и не подозрѣвалъ, что нахожусь въ такой милости. Передъ этимъ баломъ Николай Павловичъ, узнавъ, что мнѣ пожалована Александровская лента, попросилъ позволенія пріѣхать ко мнѣ и привезти эту ленту. Государь ему позволилъ у меня быть, но ленту не дали, а прислали съ курьеромъ. Великій князь у меня обѣдалъ и провелъ почти весь день. Я сказалъ ему, что очень бы хотѣлъ представить ему всѣхъ моихъ генераловъ и полковыхъ команди-

ровъ, которыхъ рекомендовалъ наилучшимъ образомъ. Великій князь былъ съ ними отмѣнно любезенъ и прямотою своего обращенія обворожилъ ихъ. Они меня за это очень благодарили» [1]).

Оба великіе князя должны были вернуться въ Россію черезъ Нидерланды и Германію. 6-го (18-го) іюня они прибыли въ Брюссель. Десять дней было посвящено на обозрѣніе главнѣйшихъ городовъ королевства; обозрѣніе это происходило въ сопровожденіи принца Оранскаго, принявшаго на себя трудъ быть проводникомъ юныхъ путешественниковъ. Послѣ короткаго пребыванія въ Гаагѣ, они отправились въ Амстердамъ, а оттуда ѣздили въ Саардамъ, чтобы посѣтить домикъ Петра Великаго.

Путешествіе по Германіи происходило съ крайней медленностью, такъ какъ великіе князья безпрерывно отклонялись отъ своего прямаго пути для обозрѣнія мѣстъ недавнихъ битвъ; и тамъ, на поляхъ сраженій Николай Павловичъ объяснялъ своему младшему брату движенія войскъ и распоряженія ихъ предводителей. Парижскія военно-историческія бесѣды съ Паскевичемъ очевидно принесли свои плоды.

Сохранился разсказъ о томъ, что Николай Павловичъ при видѣ могильныхъ холмовъ на Люценскихъ поляхъ сказалъ: «Война ужасная необходимость! Въ эту минуту я болѣе, нежели когда-либо, чувствую, какою славою покрылъ себя нашъ благодѣтель, даровавъ миръ Европѣ».

Замѣтимъ здѣсь, что относительно путешествія Николая Павловича въ 1814 году намъ не удалось собрать никакихъ указаній и достовѣрныхъ подробностей. Трудно даже установить въ точности, посѣтилъ ли великій князь во время этой поѣздки Швейцарію и какую именно часть. Есть основаніе предполагать, что онъ былъ въ Цюрихѣ, гдѣ осматривалъ поле сраженія 1799 года, и есть также указанія, что Николай Павловичъ встрѣтился въ Цюрихѣ съ прусскимъ королемъ [2]).

Въ заключеніе путешествія передъ возвращеніемъ въ Россію великіе князья остановились въ Берлинѣ. Здѣсь Николай Павловичъ встрѣтился впервые съ своей будущей женою, принцессою Шарлоттою, и взаимное впечатлѣніе, которое они произвели другъ на друга, лишь

---

[1]) Князь Щербатовъ: „Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность“. С.-Петербургъ 1888. Т. 1, стр. 220. Довольно любопытно, что грамата на орденъ св. Александра Невскаго была выдана Паскевичу 15-го августа 1831 года, уже въ царствованіе императора Николая.

[2]) Лакруа повѣствуетъ, что когда Николаю Павловичу доложили въ Цюрихѣ, что здѣсь ожидаютъ императрицу Марію-Луизу, отправлявшуюся на воды въ Эмсъ, онъ сдѣлалъ по этому поводу замѣчаніе, въ которомъ отразилось свойственное ему высокое понятіе о долгѣ: „Мнѣ было бы пріятнѣе узнать“, сказалъ великій князь, „что она выполняетъ свой долгъ жены и отправляется наконецъ къ своему мужу на островъ Эльбу“.

облегчило осуществленіе, въ ближайшемъ будущемъ, сокровенныхъ желаній императора Александра и его друга, короля Фридриха-Вильгельма III [1]).

Вскорѣ, однако, насталъ часъ разлуки; великимъ князьямъ нужно было спѣшить въ Петербургъ, чтобы застать тамъ еще императора Александра, передъ отъѣздомъ его на Вѣнскій конгрессъ.

Учебныя занятія Николая Павловича, прервавшіяся по случаю отъѣзда его за границу, возобновились послѣ его возвращенія въ Петербургъ по нѣкоторымъ предметамъ, какъ-то: исторіи финансовъ и по военнымъ наукамъ. Однако съ этого времени занятія не велись съ прежнею правильностью, такъ какъ оба великіе князя стали часто присутствовать на разводахъ, парадахъ и ученіяхъ; однимъ словомъ, они получили свободу и возможность предаваться всѣмъ тѣмъ занятіямъ, которыя прежде строго возбранялись имъ. Много времени поглощали также и всевозможныя придворныя празднества, въ которыхъ оба великіе князя стали принимать участіе.

Въ началѣ 1815 года къ числу лекцій по военнымъ наукамъ присоединились еще бесѣды Николая Павловича съ генераломъ Опперманомъ. Онѣ состояли въ томъ, что великій князь читалъ разработанныя имъ самимъ сочиненія и трактаты о предполагаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ, или планы войны на заданную тему, при чемъ онъ долженъ былъ давать Опперману отвѣты на всѣ его вопросы, касавшіеся деталей самаго плана. Такъ, между прочимъ, въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ 1815 года, Николай Павловичъ защищалъ составленный имъ большой «трактатъ о войнѣ противъ соединенныхъ силъ Пруссіи и Польши», которымъ Опперманъ остался весьма доволенъ; при первомъ чтеніи, наставнику показалось даже, не имѣлъ ли его ученикъ въ своихъ рукахъ, во время этой работы, мемуаръ, написанный о томъ же предметѣ однимъ русскимъ генераломъ.

Судя по журналу 1815 года, генералъ Опперманъ совѣтовалъ Николаю Павловичу читать подробныя исторіи замѣчательныхъ кампаній, черезъ что,—писалъ онъ, «неминуемо должны усовершенствоваться въ великомъ князѣ его блестящія военныя способности, преимущественно состоящія въ талантѣ вѣрно и ясно судить о военныхъ дѣйствіяхъ».

Возобновившіяся занятія Николая Павловича продолжались однако не долго: ихъ прервала новая война съ Наполеономъ, и великіе князья получили разрѣшеніе отправиться къ дѣйствующей арміи.

---

[1]) Въ Берлинѣ Николай Павловичъ нашелъ полную возможность удовлетворить своему влеченію къ фронтовымъ занятіямъ; онъ практически занялся изученіемъ прусскаго воинскаго устава и усвоилъ его себѣ въ совершенствѣ.

При этомъ случаѣ императрица Марія Ѳеодоровна напутствовала своихъ сыновей особымъ письмомъ. Къ его особенностямъ слѣдуетъ отнести настойчивость, съ которою Марія Ѳеодоровна совѣтовала дѣтямъ умѣло распоряжаться временемъ, дорожить имъ, находить возможнымъ читать и заниматься. «Повторяйте себѣ»,—писала она, «что въ тотъ день, когда вы не увеличиваете вашихъ познаній, вы утрачиваете ихъ; душа, какъ и умъ, не можетъ оставаться на одномъ уровнѣ: надо обогащаться нравственными достоинствами, пріобрѣтать познанія, или же характеръ портится и умъ притупляется». Заслуживаетъ также вниманія слѣдующее мѣсто изъ письма императрицы Маріи Ѳеодоровны, и оно получаетъ особенное значеніе, если припомнить, какое вліяніе на характеръ Николая Павловича оказывали въ его дѣтствѣ его любимыя военныя игры: «Я надѣюсь, дорогія мои дѣти»,—писала императрица, «что военный режимъ, который будетъ у васъ передъ глазами, не привьетъ вамъ грубаго, суроваго или же повелительнаго тона; онъ развиваетъ его у всѣхъ, но онъ нестерпимъ у лицъ вашего происхожденія, которыя даже въ тѣ мгновенія, когда они бываютъ вынуждены обуздывать заблужденіе или проступокъ, должны употреблять лишь тонъ твердости, воздѣйствующій несравненно сильнѣе, чѣмъ горячность и вспыльчивость».

Хотя повидимому въ 1815 году императрица Марія Ѳеодоровна безъ особыхъ затрудненій отпустила своихъ сыновей въ армію, но тѣмъ не менѣе она сильно опасалась за ихъ пребываніе въ Парижѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія строки ея письма къ ихъ военному ментору, генералъ-адъютанту Коновницыну, назначенному состоять при великихъ князьяхъ, подобно тому какъ это было въ походѣ прошлаго 1814 года.

«Я нынѣ, при вѣроятномъ вступленіи ихъ въ Парижъ»,—писала она,—«обращаюсь съ полнымъ довѣріемъ къ отеческому вашему о нихъ попеченію, которое въ сей столицѣ роскоши и разврата нужнѣе, нежели гдѣ-либо, и отъ котораго я ожидаю успокоенія материнскаго сердца. Я конечно ни мало не сомнѣваюсь, что внушенныя имъ правила нравственности, благочестія и добродѣтели предохранятъ ихъ отъ дѣйствительныхъ погрѣшеній, но пылкое воображеніе юношей въ такомъ мѣстѣ, гдѣ почти на каждомъ шагу представляются картины порока и легкомыслія, легко принимаетъ впечатлѣнія, помрачающія природную чистоту мыслей и непорочность понятій, тщательно понынѣ сохраненную; развратъ является въ столь пріятномъ или забавномъ видѣ, что молодые люди, увлекаемые наружностію, привыкаютъ смотрѣть на него съ меньшимъ отвращеніемъ и находить его менѣе гнуснымъ. Сего пагубнаго дѣйствія опасаюсь я наиболѣе по причинѣ невиннаго удовольствія, съ каковымъ великіе князья по неопытности своей вспоминали о первомъ своемъ пребываніи въ Парижѣ, не вѣдая скрытаго зла; но, будучи теперь

старѣе, нужно показать имъ въ настоящемъ видѣ сіи впечатлѣнія, отъ которыхъ прошу я васъ убѣдительно предохранить ихъ вашимъ отеческимъ попеченіемъ, обращая также вниманіе на выборъ спектаклей, которые они посѣщать будутъ и которые нерѣдко вливаютъ непримѣтнымъ и тѣмъ болѣе опаснымъ образомъ ядъ въ юныя сердца» [1]).

Получивъ разрѣшеніе отправиться въ армію, великіе князья выѣхали изъ Петербурга въ сопровожденіи генерала Ламздорфа и въ Гейдельбергѣ присоединились къ императору Александру. Оттуда бывшій ихъ воспитатель возвратился въ Петербургъ, а его мѣсто при великихъ князьяхъ занялъ генералъ-адъютантъ Коновницынъ [2]). Пріемъ, оказанный императоромъ Александромъ, и предстоявшій отъѣздъ Ламздорфа въ Россію вызвали со стороны императрицы слѣдующее письмо къ нему, отъ 15-го іюня 1815 года, живо характеризующее ея дружескія отношенія къ воспитателю ея младшихъ сыновей, на котораго она постоянно смотрѣла какъ на втораго отца великихъ князей.

«Сердечно любезный папá Ламздорфъ (Lieber Herzens Papa Lamsdorf), вашъ благополучный пріѣздъ, оказанный вамъ братскій пріемъ (brüderliche Aufnahme) и теплая признательность, проявленная по отношенію къ вамъ императоромъ, чрезмѣрно радуютъ меня. Будьте увѣрены, любезный папа, что каждая душа, одаренная чувствомъ, принимаетъ близко къ сердцу знаки вниманія, проявленнаго къ вамъ со стороны моего сына. Вы послужили Богу и людямъ, моя материнская душа говоритъ спасибо моему сыну и узнала это извѣстіе съ умиленіемъ, которое сопровождалось внутреннею радостью: все было бы къ лучшему въ настоящемъ положеніи, если бы я не знала, любезный папа, что вы нездоровы: императоръ увѣряетъ меня, что вамъ лучше, но ваше письмо доказываетъ мнѣ, что вы страдаете, и это пугаетъ меня: дай Богъ, чтобы спокойствіе принесло вамъ скорое выздоровленіе. Императоръ повидимому очень доволенъ и хвалитъ мнѣ моихъ сыновей; съ внутренною радостью вижу я, что онъ сердечно любитъ ихъ, но они

---

[1]) Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны генералъ-адъютанту Петру Петровичу Коновницыну изъ Павловска отъ 12-го іюля 1815 года. „Русская Старина“ 1870 года. Т. 1-й, стр. 430 (изданіе первое).

[2]) 11-го мая 1815 года императрица Марія Ѳеодоровна писала генералъ-адъютанту Коновницыну: «Петръ Петровичъ. Любезнѣйшіе сыновья мои, великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ, сами вручатъ вамъ сіи строки, коими я передаю ихъ въ ваше попеченіе и усердное расположеніе. Довѣріе императора, любезнѣйшаго моего сына, выборомъ васъ для сопровожденія братьевъ его величества доказанное, личное мое съ вами знакомство и опытъ перваго пребыванія великихъ князей съ вами—все сіе даетъ мнѣ совершеннѣйшее удостовѣреніе, что изъ рукъ почтеннаго генерала Ламздорфа не могутъ они быть преданы лучшему наставнику на полѣ славы, какъ вамъ».

вѣдь и достойны этого; мысль о томъ, что вскорѣ они будутъ разъединены съ вами, огорчаетъ меня, точно вторичная разлука ихъ со мною. Не оставляйте ихъ своимъ отеческимъ благословеніемъ и почаще пишите имъ, что̀ конечно они также будутъ дѣлать: съ Божьей помощью разлука не будетъ продолжительна; всѣ надѣются, что война не затянется. Дай Богъ, чтобъ это было такъ, и чтобы кровопролитія было меньше. Милости, которыхъ удостоены кавалеры, тоже очень радуютъ меня; я прошу васъ тоже передать имъ это: относительно добраго Рюля я написала императору, который конечно будетъ милостивъ: не понимаю, по какой случайности письма моихъ дѣтей не дошли до меня, тогда какъ ваше письмо, любезный папа́, получено мною: быть можетъ, тотъ, кому они отдали ихъ, забылъ отправить ихъ; я написала имъ объ этомъ. Прощайте, любезный папа́, да хранитъ васъ Богъ и да благословитъ онъ васъ тысячу разъ за все добро, которое дѣлаете и сдѣлали моимъ дѣтямъ; не забывайте меня и будьте увѣрены, что я неизмѣнно остаюсь вашимъ истинно признательнымъ другомъ. Марія».

Когда русскія войска вступили во Францію, великіе князья сопровождали императора Александра на маршѣ къ Парижу.

Послѣ тяжкаго и изнурительнаго похода русская армія такъ скоро оправилась, что до возвращенія ея въ отечество государь пожелалъ пощеголять ею и показать свои войска непріятелямъ и союзникамъ. Императоръ Александръ, принявшій на себя роль великодушнаго покровителя Франціи, хотѣлъ представить союзникамъ огромныя силы, которыя онъ имѣлъ подъ рукою для поддержки своихъ намѣреній, и такъ какъ этотъ смотръ долженъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, послужить объявленіемъ о выступленіи русскихъ войскъ изъ Франціи, то демонстрація получила и другое значеніе: выступленіе войскъ показывало, что Россія, по водвореніи законнаго правительства Лудовика XVIII, не намѣрена болѣе участвовать въ дальнѣйшихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Франціи, еслибы парижскіе переговоры не пришли къ мирному концу; къ тому же «врагъ общаго мира и спокойствія», Наполеонъ находился уже на пути къ мѣсту своего заключенія: острову св. Елены, и такимъ образомъ главная побудительная причина воинственнаго порыва императора Александра исчезла [1]).

Мѣстомъ предположеннаго смотра избранъ былъ Вертю. 26-го августа (7-го сентября), въ памятный день Бородинскаго сраженія, рѣшено было произвести примѣрный смотръ, а затѣмъ 29-го августа (10-го сентября) парадный смотръ въ присутствіи союзныхъ государей и всѣхъ ино-

---

[1]) Н. Шильдеръ. «Императоръ Александръ. Его жизнь и царствованіе»— С.-Петербургъ 1897 г. Томъ третій.

странцевъ, приглашенныхъ на это торжество. Въ строю находилось болѣе 150.000 человѣкъ при 540 орудіяхъ.

Репетиція была произведена въ присутствіи государя и великихъ князей Николая и Михаила и привела императора Александра въ полный восторгъ. Разсказывая о репетиціи парада въ Вертю, Михайловскій-Данилевскій сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ этотъ день онъ снова имѣлъ случай убѣдиться, что императоръ Александръ не любилъ воспоминаній объ Отечественной войнѣ: когда генералъ Толь, смотря на выстроившуюся армію, сказалъ его величеству: «какъ пріятно, что сегодня память Бородинскому сраженію», государь не отвѣчалъ ни слова и отвернулся. Данилевскій сопоставляетъ въ этомъ отношеніи императора Александра съ обоими великими князьями, его братьями, «которые восхищаются всѣмъ тѣмъ, что есть русское». «Михаилъ Павловичъ,—передаетъ Данилевскій,—взялъ меня съ жаромъ за руку, когда я ему сказалъ, что къ моему большому удовольствію сегодня не было съ нами ни одного иностранца, что всѣ окружавшіе государя русскіе и радовались искренно величію Россіи, потому что мы были какъ бы посреди семейства нашего».

29-го августа (10-го сентября) смотръ происходилъ въ томъ же порядкѣ, какъ и во время репетиціи, въ присутствіи несмѣтнаго числа иностранцевъ, при чемъ во время церемоніальнаго марша императоръ Александръ лично предводительствовалъ арміей и салютовалъ союзнымъ монархамъ. Въ этотъ день Николай Павловичъ въ первый разъ обнажилъ шпагу передъ Фанагорійскимъ гренадерскимъ полкомъ [1]), а Михаилъ Павловичъ находился во главѣ конной артиллеріи.

Послѣ этого смотра, императоръ Александръ, по заключеніи Священнаго союза, покинулъ Парижъ [2]).

---

[1]) Въ это время Гренадерскимъ корпусомъ командовалъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Впослѣдствіи Николай Павловичъ, будучи уже императоромъ, вспоминалъ объ этомъ эпизодѣ изъ смотра при Вертю и писалъ Ермолову 1-го (13-го) августа 1826 года, при началѣ столкновенія съ Персіей: „Былъ бы Николай Павловичъ прежній человѣкъ, можетъ быть явился къ вамъ, у кого въ командѣ въ первый разъ извлекъ изъ ноженъ шпагу; теперь остается мнѣ ждать и радоваться извѣстіямъ о вашихъ подвигахъ и награждать тѣхъ, которые привыкли подъ начальствомъ вашимъ пожинать лавры". Записки Алексѣя Петровича Ермолова. — Москва 1868. Часть 2-я. Стр. 214.

Во время смотра въ Вертю великій князь Николай Павловичъ командовалъ третьею бригадою 3-й Гренадерской дивизіи.

[2]) Лакруа при этомъ случаѣ, какъ и всегда, передаетъ разговоры и отзывы, достовѣрность коихъ трудно провѣрить (Т. 1. р. 111). Ознакомивъ Николая Павловича съ актомъ Священнаго союза, императоръ Александръ будто бы сказалъ ему: „Помните, что съ сегодняшняго дня вы примкнули

Государь побывалъ въ Брюсселѣ и затѣмъ снова встрѣтился съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ въ Дижонѣ, на маневрахъ собранной здѣсь австрійской арміи.

Къ 10-му (22-му) октября оба великіе князя прибыли въ Берлинъ, (послѣ посѣщенія императрицы Елисаветы Алексѣевны въ Баденѣ), а двумя днями позже 12-го (24-го) числа императоръ Александръ торжественно въѣхалъ въ прусскую столицу.

На этотъ разъ пребываніе государя въ Берлинѣ было ознаменовано однимъ важнымъ событіемъ, политическое значеніе котораго для Россіи и Пруссіи сопровождалось одинаково важными послѣдствіями.

23-го октября (4-го ноября) русскій гренадерскій полкъ, шефомъ котораго былъ прусскій король, вступилъ въ Берлинъ. Въ этотъ день при дворѣ состоялся обѣдъ, къ которому были приглашены всѣ штабъ и оберъ-офицеры полка. Гости сидѣли за столомъ въ большой залѣ; рядомъ, въ другомъ покоѣ, кушали члены императорской и королевской фамилій; въ этотъ семейный кружокъ были приглашены только фельдмаршалы Блюхеръ и Барклай-де-Толли. Среди обѣда императоръ и ко-

---

къ нему. Мнѣ хотѣлось бы думать, что со временемъ вы въ свою очередь будете твердой подпорой его.

Допуская, что приведенныя слова были дѣйствительно высказаны государемъ, слѣдуетъ признать, что Николай Павловичъ, сдѣлавшись императоромъ, въ точности исполнилъ волю своего державнаго брата, оставаясь неизмѣнно вѣрнымъ этому завѣту до самой кончины.

Точно также трудно провѣрить достовѣрность приведеннаго Лакруа разговора великаго князя Николая Павловича съ баронессою Крюденеръ, которая, въ своемъ пророческомъ воодушевленіи, сказала ему однажды: „ваше высочество, вы будете императоромъ".

— „Императоромъ"? переспросилъ великій князь, не довольный этимъ неожиданнымъ обращеніемъ къ нему, „вѣнецъ, который пришлось бы купить потерею моего благодѣтеля и моего брата Константина, былъ бы терновымъ вѣнцомъ, который „Христосъ носилъ на Голгофѣ".—„Jeune homme",—торжественно возразила госпожа Крюденеръ,—„rappelez-vous que les princes sont dans la main de Dieu, qui fait et défait les rois et les empereurs, c'est de Dieu qu'ils tiennent leur mandat et leur puissance; c'est Dieu qu'ils représentent; c'est Dieu qui les inspire et qui les conduit. Soyez donc résigné, ceignez vos reins et attendez l'ordre d'en haut" (Lacroix. T. 1. p. 105).

Эти слова, по свидѣтельству Лакруа, произнесенныя съ видомъ и тономъ вдохновенія, произвели на великаго князя глубокое впечатлѣніе и явились для него какъ бы сверхъестественнымъ откровеніемъ. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно сохранялъ убѣжденіе, что владыки земли не что иное, какъ уполномоченные Бога, и что преходящее могущество, которымъ Провидѣніе облекаетъ ихъ для осуществленія своихъ плановъ, исходитъ непосредственно отъ божественнаго источника.

Если таковы и были впослѣдствіи убѣжденія Николая Павловича, то едва-ли онъ почерпнулъ ихъ изъ бесѣды съ баронессою Крюденеръ.

роль поднялись съ своихъ мѣстъ и провозгласили здоровье помолвленныхъ великаго князя Николая Павловича и принцессы Шарлотты. Блюхеръ и Барклай передали этотъ тостъ въ сосѣднюю залу, и всѣ приглашенные къ королевскому столу поспѣшили принести свои поздравленія.

Свадьбу было рѣшено отложить до совершеннолѣтія великаго князя Николая Павловича.

Императоръ Александръ пробылъ въ Берлинѣ до 27-го октября (8-го ноября) и затѣмъ отправился въ Варшаву; великіе князья, въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Коновницына, возвратились въ Петербургъ.

Обрученіе Николая Павловича съ принцессой Шарлоттой послужило поводомъ къ обмѣну письмами между императрицей Маріей Ѳеодоровной и императоромъ Александромъ съ одной стороны и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ—съ другой.

Письмо Маріи Ѳеодоровны отъ 14-го января 1816 года, написанное ею въ отвѣтъ на письмо прусскаго короля, любопытно еще и въ другомъ отношеніи; оно доказываетъ несомнѣннымъ образомъ, что уже въ 1809 году, во время пребыванія въ Петербургѣ покойной королевы Луизы, у дальновидной императрицы-матери явилась мысль о бракѣ Николая Павловича съ принцессою Шарлоттою.

«Удовольствіе вашего величества по поводу союза нашихъ дѣтей,—писала Марія Ѳеодоровна,—высказанное мнѣ самымъ трогательнымъ образомъ въ письмѣ, переданномъ мнѣ гофмаршаломъ вашего двора барономъ Шильденомъ, раздѣляется мною со всею живостью материнской любви, отвѣчающей на это, государь, въ избыткѣ чувства, что завѣтное желаніе моего сердца исполнилось: желаніе это зародилось въ девятомъ году (le voeu fut formé l'année 9); воспоминанія этого счастливаго времени возбуждаютъ во мнѣ горячія сожалѣнія, которыя примѣшиваются даже къ радости, порождаемой во мнѣ ожидаемымъ счастіемъ моего сына; отзывчивая душа вашего величества пойметъ подобное соединеніе сожалѣній, огорченія и счастія; я надѣюсь даже, что оно послужитъ для васъ доказательствомъ чувствъ, внушаемыхъ мнѣ вашей милой дочерью, и нѣжныхъ и неустанныхъ заботъ, при помощи которыхъ я постараюсь снискать ея дружбу и довѣріе, оберегать ея счастіе и дѣлать ея жизнь пріятной со всею заботливостью материнской нѣжности; обворожительный характеръ юной принцессы, ея умъ основательный, неподдѣльный, нѣжность ея чувствъ наглядно предсказываютъ мнѣ счастіе моего сына и мое собственное; она сроднится съ нами и, сдѣлавъ Николая счастливымъ изъ смертныхъ, сдѣлаетъ меня счастливѣйшею изъ матерей и утѣшитъ меня въ разлукѣ съ моими дочерьми. Вотъ мои ожиданія, государь, и они вамъ доказываютъ, на-

сколько я расположена любить и лелѣять принцессу. Я глубоко тронута добротою вашего величества по отношенію къ Николаю, который, какъ должно, оцѣниваетъ ваше довѣріе, проявляющееся въ томъ, что вы ввѣряете его заботамъ принцессу; онъ оцѣниваетъ эту честь со всѣмъ жаромъ сердца религіознаго, чистаго, честнаго и прямодушнаго, всецѣло отдавшагося своей невѣстѣ и сознающаго всю отвѣтственность, связанную съ мыслью объ обязанности сдѣлать изъ счастья своей подруги постоянное занятіе своей жизни. Вотъ излюбленный предметъ нашихъ разговоровъ, возобновляемыхъ при каждомъ случаѣ: благословеніе Божіе да снизойдетъ на этихъ двухъ дорогихъ существъ и сохранитъ имъ навсегда ихъ чувства, ихъ убѣжденія, обезпечивъ такимъ образомъ счастіе ихъ жизни».

Письмо императора Александра къ прусскому королю, отъ 15-го (27-го) января 1816 года, съ такою полнотою воплощаетъ въ себѣ руководящія начала его политики и съ такою яркостью очерчиваетъ его самого, что мы считаемъ необходимымъ привести его здѣсь цѣликомъ.

«Я не найду выраженій,—писалъ императоръ Александръ,—чтобы выразить вамъ, государь, чувства, которыми я былъ проникнутъ, читая письмо, которое вашему величеству угодно было вручить генералу Шелеру. Я берусь за перо, чтобы отвѣчать на него, и буду прислушиваться лишь къ голосу своего сердца. Это единственный языкъ, который можетъ подходить для насъ. Онъ одинъ можетъ сдѣлать для насъ менѣе тягостной разлуку, на которую насъ обрекаетъ долгъ. Дружба, которая соединяетъ насъ, государь, беретъ свое начало въ чувствѣ (L'amitié qui nous unit, Sire, prend sa source dans le sentiment). Она скрѣплена испытаніями, воспоминаніями и надеждами, соединенными съ нашею судьбою. Она будетъ сопутствовать намъ до могилы. Она скраситъ своими прелестями и тѣмъ, что есть въ ней утѣшительнаго, жизненный путь, который намъ еще предстоитъ совершить, прежде чѣмъ достигнуть великой цѣли нашего существованія—быть счастливыми, какъ монархи и какъ люди,—счастіемъ, которое намъ удастся раздѣлить съ нашими ближними. Эта святая дружба, всю сладость которой я постоянно вкушалъ какъ въ лагерѣ, передъ лицомъ непріятеля, такъ и среди вашего народа и вашихъ войскъ, поддерживала, государь, мой духъ въ самыя бурныя мгновенія и удвоила отвагу моего народа и моихъ войскъ. И вотъ, въ этомъ неизмѣнномъ чувствѣ и въ узахъ постоянно дѣйствующей близости, я буду почерпать всегда настойчивость, необходимую для выполненія лежащей на насъ задачи. Она состоитъ въ томъ, чтобы предохранить отъ всякаго посягательства плодъ нашихъ трудовъ—миръ вселенной, возстановить въ силѣ непреложныя начала религіи и справедливости, единственное основаніе какъ процвѣтанія,

такъ и славы народовъ. Въ этомъ-то смыслѣ я и спѣшу поздравить васъ, государь, съ успѣхомъ мудрыхъ и энергичныхъ мѣръ, принятыхъ вами съ цѣлью ослабить разрушительныя стремленія тайныхъ обществъ, заблужденія которыхъ могли бы подать поводъ къ справедливому безпокойству. Мнѣ пріятно имѣть возможность воздать должное мѣропріятіямъ, столь клонящимся къ общей пользѣ, и выразить вамъ безпрерывно одушевляющія меня пожеланія славы монарху, другу и товарищу по оружію, который дорогъ мнѣ по столькимъ причинамъ, а также и народу, который я такъ уважаю, какъ вашъ. Эти чувства настолько же правдивы, какъ и неизмѣнная дружба, съ которою остаюсь на всю жизнь, государь, вашего величества, добрый братъ, другъ и союзникъ Александръ».

Въ отвѣтъ на это письмо Фридрихъ-Вильгельмъ писалъ между прочимъ императору Александру:

«Съ чувствомъ живѣйшей признательности усмотрѣлъ я изъ вашего письма отъ 15-го (27-го) января, переданнаго мнѣ барономъ Шильденомъ, милостивое выраженіе той драгоцѣнной дружбы, которая постоянно оставалась вѣрна самой себѣ, и которую вамъ угодно доказать мнѣ при каждомъ случаѣ. Она служила мнѣ защитой въ несчастіи, государь, она будетъ спутницей моей жизни и оправдываетъ безграничныя довѣріе и надежды, которыми я чувствую себя проникнутымъ въ отношеніи къ вашему величеству, и которыя чужды какихъ бы то ни было политическихъ разсчетовъ. Мы были соединены намѣреніями и чувствами, и, чтобы еще болѣе скрѣпить эти узы, намъ недоставало лишь родственныхъ связей между нашими семьями. Небу было угодно даровать намъ это счастіе, и никогда еще бракъ не былъ заключенъ при болѣе счастливыхъ условіяхъ. Сожалѣнія, которыя причинитъ отсутствіе любимой дочери, будутъ менѣе тяжелы, когда я скажу себѣ, что тамъ она найдетъ втораго отца, семью, не менѣе готовую расточать ей свою любовь, и супруга, явившагося избранникомъ ея сердца».

Въ этомъ же письмѣ Фридрихъ-Вильгельмъ благодарилъ императора Александра за его рѣшеніе, чтобы принцесса Шарлотта ознакомилась съ ученіемъ православной церкви въ Берлинѣ. Въ этомъ король усматривалъ новое проявленіе доброты императора Александра къ нему, Фридриху-Вильгельму! [1]).

---

[1]) По этому же поводу король писалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (въ мартѣ 1816 года):

„Ma fille a pu écouter la voix de son coeur; elle va unir sa destinée à celle d'un prince qui a captivé les suffrages de tous ceux qui le connaissent et pour comble de bonheur elle retrouvera le coeur d'une tendre mère... Le baron Schilden m'a rendu compte en particulier des arrangements que Votre Majesté

Для преподанія принцессѣ Шарлотты ученія православной церкви въ Берлинѣ былъ посланъ протоіерей Музовскій, который вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ ей и уроки русскаго языка.

II.

По возвращеніи изъ вторичнаго похода, начиная съ декабря 1815 года, великій князь Николай снова принялся за занятія съ нѣкоторыми изъ своихъ прежнихъ профессоровъ. Такъ, Балугьянскій читалъ «науку о финансахъ», Ахвердовъ—русскую исторію (съ царствованія Іоанна Грознаго до смутнаго времени). Съ Маркевичемъ великій князь занимался «военными переводами», а съ Джанотти—чтеніемъ сочиненій Жиро и Ллойда о разныхъ кампаніяхъ войнъ 1814 и 1815 годовъ, а также разборомъ проекта «объ изгнаніи турокъ изъ Европы при извѣстныхъ данныхъ условіяхъ».

Правильное теченіе этихъ лекцій часто нарушалось происходившими парадами, смотрами, разводами и разными придворными церемоніями [1]).

Лѣтомъ 1816 года Николай Павловичъ долженъ былъ въ довершеніе своего образованія предпринять путешествіе по Россіи для ознакомленія съ своимъ отечествомъ въ административномъ, коммерческомъ и промышленномъ отношеніяхъ; а затѣмъ, по возвращеніи изъ этой поѣздки, предполагалось совершить еще заграничное путешествіе, для ознакомленія съ Англіею. По этому случаю, по порученію императрицы Маріи Ѳеодоровны, была составлена особая записка, въ которой въ сжатомъ видѣ излагались главныя основанія административнаго строя провинціальной Россіи, описывались мѣстности, которыя великій князь долженъ былъ проѣзжать, въ историческомъ, бытовомъ, промышленномъ и географическомъ отношеніяхъ, указывалось, что именно могло составлять предметъ бесѣдъ великаго князя съ представителями губернской власти, на что слѣдовало бы обратить вниманіе и такъ далѣе; между прочимъ въ этой же запискѣ давался совѣтъ вести эти бесѣды съ ка-

---

a bien voulu adopter de concert avec l'Empereur pour que ma fille puisse achever à Berlin son instruction dans la religion grecque.

„Qu'il me soit permis de Vous exprimer, madame, combien j'ai été sensible à cette nouvelle marque de Votre condescendance".

[1]) 26-го января 1816 года великій князь Николай Павловичъ назначенъ былъ шефомъ Сѣверскаго конно-егерскаго полка.

ждымъ въ отдѣльности, въ кабинетѣ, чтобы такимъ образомъ получить большую возможность сравнивать различныя мнѣнія и изучать людей [1]). Въ первоначальный маршрутъ путешествія Николая Павловича не была включена Москва, которую, какъ предполагалось, онъ долженъ былъ посѣтить лишь впослѣдствіи. Однако, этотъ планъ подвергся измѣненію. Императоръ Александръ, предпринявшій въ началѣ августа 1816 года путешествіе по Россіи, повелѣлъ брату прибыть въ Москву и ожидать тамъ его пріѣзда.

Въ этомъ путешествіи великаго князя сопровождали: генералъ-адъютантъ Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, кавалеры: Саврасовъ и Глинка. Малѣйшія детали предстоявшей поѣздки, которой императрица Марія Ѳеодоровна придавала громадное воспитательное значеніе, были предусмотрѣны ею самою; не была упущена также изъ виду и важность для Николая Павловича пріобрѣсти популярность среди народа: по пріѣздѣ въ какой-либо губернскій городъ, намѣченный въ его маршрутѣ, онъ прежде всего долженъ былъ отправиться въ соборъ. Ему предлагалось по возможности устраивать пріемы у себя и вмѣстѣ съ тѣмъ принимать приглашенія, которыя могли дѣлать ему, присутствовать на балахъ и т. д. При всемъ томъ генералу Кутузову было сказано предупреждать губернаторовъ, что великій князь не имѣетъ права принимать какія бы то ни было просьбы.

Помимо приведенныхъ наставленій, императрица, по прежнему обычаю, и на этотъ разъ напутствовала сына собственноручнымъ письменнымъ наставленіемъ, въ которомъ совѣтовала, какъ держаться, чтобы снискать всеобщія любовь и уваженіе.

Заботливость Маріи Ѳеодоровны въ этомъ отношеніи доходила до того, что она предупреждала Николая Павловича не говорить слишкомъ громко, потому что его голосъ, повышаясь, пріобрѣталъ рѣзкій оттѣнокъ [2]).

---

[1]) Въ собственноручной запискѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, отъ 15-го апрѣля 1816 года, представленной императору Александру, она опредѣляла слѣдующимъ образомъ цѣль поѣздки великаго князя Николая Павловича: „Le voyage du Grand Duc Nicolas n'est pas un voyage militaire, mais un voyage d'instruction statistique".

[2]) Вступительныя слова этого наставленія, или письма императрицы Маріи Ѳеодоровны отъ 8-го мая 1816 года, невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе по особенному характеру его и наводятъ на размышленія; это какъ бы наставленіе наслѣднику престола: „on vous aime d'espérance".

Императрица пишетъ:

„Le voyage que vous allez entreprendre, cher Nikosche, occupe toutes mes pensées et toute ma sollicitude maternelle: car quoiqu'heureusement je n'aie pas (avec le secours de la bénédiction divine) à craindre pour votre santé et con-

Во время своего путешествія Николай Павловичъ, по желанію императрицы Маріи Ѳеодоровны, долженъ былъ вести особый журналъ, состоящій изъ двухъ частей: изъ «Общаго журнала по гражданской и промышленной части» и «Журнала по военной части».

Великій князь Николай Павловичъ выѣхалъ изъ Петербурга 9-го (21-го) мая 1816 г. Перечислимъ здѣсь нѣкоторые изъ главнѣйшихъ городовъ и мѣстностей, которыхъ коснулся маршрутъ великаго князя; это были: Луга, Порховъ, Великія Луки, Витебскъ, Смоленскъ, Могилевъ, Бобруйскъ, Черниговъ, Кіевъ, Харьковъ, Полтава, Кременчугъ, Елисаветградъ, Одесса, Николаевъ, Херсонъ, Севастополь, южный берегъ Крыма, Таганрогъ, Новочеркаскъ, Воронежъ, Курскъ, Орелъ и Тула.

Николай Павловичъ выполнилъ желаніе императрицы и хотя въ краткихъ словахъ, но заносилъ въ свой журналъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ во время путешествія. Особенно характерны его отзывы о полякахъ и евреяхъ; они получаютъ особенное значеніе въ виду того, что Николай Павловичъ не измѣнилъ этимъ взглядамъ до конца жизни. Приведемъ здѣсь слѣдующій отрывокъ изъ его журнала:

«Въ Бѣлоруссіи дворянство, состоящее почти все изъ весьма богатыхъ поляковъ, отнюдь не показало преданности къ Россіи и кромѣ нѣкоторыхъ витебскихъ и южныхъ могилевскихъ дворянъ всѣ прочіе присягнули Наполеону.

«Крестьяне ихъ почти всѣ на тяжеломъ оброкѣ и весьма бѣдны,— при томъ общая гибель крестьянъ сихъ провинцій — жиды здѣсь совершенно вторые владѣльцы, они промыслами своими изнуряютъ до крайности несчастный народъ.—Они здѣсь всё, и купцы и подрядчики, и содержатели шинковъ, мельницъ, перевозовъ, ремесленники и проч., и такъ умѣютъ притѣснять и обманывать простой народъ, что берутъ даже въ залогъ не засѣянный яровой хлѣбъ и ожидаемую не засѣянную жатву; они настоящія піявицы, всюду всасывающіяся и совершенно

---

servation, elle n'en est pas moins vive, car elle porte sur l'influence que ce voyage aura sur votre bonheur futur qui dépend si essentiellement de l'opinion que vous donnerez de vous à vos compatriotes; dites-vous, cher Nicosche, que vous attirerez dans cette occasion toute l'attention publique sur vous: vous avez un bel enjeu, car jusqu'à ce moment on vous aime d'espérance: on a entendu dire du bien de vous, mais voici l'instant où il faut consolider ce sentiment d'affection: il faut le mériter par votre bonté, votre affabilité, qui doit se montrer dans vos manières, dans vos paroles, jusque dans le ton de votre voix, car en l'élevant trop, en la laissant déployer dans toute sa force elle acquiert une expression rude qui ressemble à la brusquerie, ce qu'il faut absolument éviter".

25116.
Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

истощающія несчастныя сіи губерніи. Удивительно, что они въ 1812 году отмѣнно вѣрны намъ были и даже помогали, гдѣ только могли съ опасностью жизни. Также не совсѣмъ безполезно будетъ упомянуть, что здѣсь въ губерніи 37 католическихъ монастырей, изъ коихъ половина почти іезуитскихъ, воспитывающихъ юношество всѣхъ исповѣданій; главнѣйшіе въ Оршѣ и Могилевѣ. Всякій день обращаютъ они въ свою вѣру молодыхъ людей и какъ они совершенно отдѣлены отъ гражданскаго вѣдомства, даже ихъ имѣнія, то ежедневно происходятъ безпорядки и замѣшательства».

Присоединимъ еще къ этой любопытной замѣткѣ очеркъ арестантскаго острога въ Порховѣ, дающій понятіе о томъ, съ какими печальными картинами народной жизни приходилось сталкиваться русскому путешественнику того времени:

«Въ Порховѣ»,—пишетъ Николай Павловичъ,—«дворянство довольно многочисленно, но живетъ по деревнямъ. Арестантскій острогъ съ госпиталемъ въ такомъ жалкомъ положеніи, что грѣшно не упомянуть объ ономъ. Ветхая деревянная изба, состоящая изъ трехъ низкихъ чулановъ почти безъ оконъ и отдушинъ, въ коихъ посреди помѣщены 22 человѣка инвалидовъ безсмѣнно караульныхъ, а 66 арестантовъ въ двухъ остальныхъ, безъ пищи, безъ одежды, въ спертомъ гниломъ воздухѣ, безъ различія ни родовъ преступленій, ни возраста, одни на другихъ—старая разваливающаяся деревянная караульня, въ которой прилипчивыми болѣзнями одержимые больные арестанты въ одной комнатѣ со стерегущими инвалидами, на однихъ нарахъ, безъ одежды, безъ лѣкарствъ, безъ суммы на содержаніе, кромѣ отъ милостынь собираемой, — вотъ самое вѣрное и очевидное описаніе здѣшняго острога».

Картина, которую рисуетъ Николай Павловичъ о состояніи Воронежскаго острога, также довольно безотрадна и дополняетъ собою Порховскій очеркъ:

«Воронежскій острогъ хотя обнесенъ довольно порядочной каменной стѣной, но внутреннее строеніе отмѣнно худо содержано; нечистота страшная и вообще великій безпорядокъ. Я спросилъ списокъ арестантовъ, и увидя отмѣнно много военныхъ и, желая знать, давно ли тутъ содержатся, получилъ въ отвѣтъ отъ прокурора, что у него списка военныхъ нѣтъ, а что у караульнаго офицера. Я послалъ за нимъ, и онъ отозвался, что у него его нѣтъ, а что долженъ быть у прокурора. Я спросилъ у него, какже онъ дѣлаетъ перекличку, ежели не имѣетъ списка? Онъ отвѣчалъ, что переклички не дѣлаетъ, ибо ни тѣмъ, ни другимъ списка отъ прокурора не сообщено. При семъ долженъ я замѣтить, что въ числѣ арестантовъ есть рядовые гарнизоннаго баталіона за упущеніе колодниковъ; но, не имѣя списка и не дѣлая переклички, какъ требовать, чтобъ былъ порядокъ?».

Интересны также впечатлѣнія, навѣянныя на Николая Павловича поѣздкой по южному берегу Крыма.

«Изъ Байдарской долины»,—записалъ онъ,—«выходитъ единственная и довольно худая дорога по самому краю Южнаго берега, и идетъ чрезъ главныя селенія Мухолатку, Алупку, Ялту, Лимену, Кучукъ-Ламбетъ и проч. — мѣста весьма любопытныя для живописца или путешественника, ищущаго странныхъ и красивыхъ видовъ (un voyageur pittoresque), но не имѣющія ничего того, чтобъ показывало изобиліе или богатство народа; нѣтъ бѣднѣе и лѣнивѣе сихъ южныхъ татаръ; ибо какъ природа имъ все даетъ безъ дальняго труда, то и нужды ихъ тѣмъ самымъ отмѣнно ограничены. Одно и то же фруктовое дерево, которое кормило за 50 или 60 лѣтъ дѣда, кормитъ и внука, а этотъ рѣдко посадитъ молодое дерево, чтобъ уготовить что-либо своимъ дѣтямъ. Они живутъ, можно сказать, совершенно на произволъ природы, которая здѣсь чрезмѣрно щедра: оливковыя деревья, фиги, капорцы, груши, яблоки, вишни, орѣшники, все растетъ дико безъ присмотра; все удается—померанцы, лимоны о проч. Что жъ касается до видовъ, должно признаться, что начиная отъ Байдаръ до Кучукъ-Ламбета нѣтъ мѣста, которое бы не удивляло всякаго своею дикою, но плѣнительною красотою; — но все это рука природы, ибо искусство, такъ сказать, и не заходитъ въ этотъ край; даже удобной для путешествующихъ дороги нѣтъ, равно и жилья, и отъ того, можетъ быть, не столь еще можно пользоваться симъ прекраснымъ краемъ... Если бъ Крымъ былъ не въ татарскихъ рукахъ, то бъ былъ совсѣмъ другимъ; тамъ, гдѣ помѣщики и переселенцы русскіе и малороссійскіе, то все иначе, и хлѣбъ есть и обширные сады, словомъ, пользуются богатствомъ благословенной сей земли».

«Журналъ по военной части» [1]) представляетъ меньшій интересъ и вызвалъ строгую критическую оцѣнку со стороны барона Корфа въ его трудѣ: «Матеріалы и черты къ біографіи императора Николая I».

Въ журналѣ по военной части, пишетъ онъ, «всѣ почти замѣчанія относятся до однихъ не важныхъ внѣшностей военной службы, одежды, выправки, маршировки и проч. и не касаются ни одной существенной части военнаго устройства, управленія или моральнаго духа и направленія войска. Даже о столь важной сторонѣ дѣла, какова стрѣльба, нѣтъ нигдѣ рѣчи, о лазаретахъ же, школахъ и тому подобномъ упоминается лишь вскользь, чрезвычайно кратко». Этотъ отзывъ, представляющійся слишкомъ суровымъ, если припомнить, что Николаю Павловичу, когда онъ писалъ журналъ, было всего двадцать лѣтъ, вызвалъ

[1]) Государственный Архивъ. Разрядъ II, № 146.

при чтеніи рукописи барона Корфа императоромъ Александромъ II слѣдующее справедливое замѣчаніе: «Въ его лѣта и трудно было о семъ судить. — Это не его вина, ибо съ окончанія войны въ 1815 году до вступленія его на престолъ никто объ этомъ и не помышлялъ».

Приведемъ здѣсь изъ этого военнаго журнала одну лишь замѣтку, касающуюся поселенія Елецкаго полка, которымъ, какъ извѣстно, началась эта печальная страница русской исторіи. «Благодѣтельное намѣреніе государя»—пишетъ Николай Павловичъ,—«начинаетъ выполняться, — но, какъ всякое начало, терпитъ великія затрудненія. Баталіонъ расположенъ въ старыхъ весьма худыхъ бѣлорусскихъ хатахъ, кои кое-какъ поддерживаются, но весьма тѣсно; особливо отъ того, что, кромѣ по положенію живущихъ въ немъ двухъ семей, на постоѣ у нихъ еще двое холостыхъ; хотя они и помогаютъ хозяйствомъ въ работѣ, но не менѣе того имъ также весьма тѣсно. О сю пору скота мало; по положенію хозяинъ имѣетъ отъ казны двухъ лошадей и корову, лошадей у малыхъ (у не многихъ) по двѣ, и то самыя худыя изъ бракованныхъ артиллерійскихъ, и отъ того поля, коихъ почва песчаная, не бывъ удобриваемы довольнымъ количествомъ навоза, худо производятъ и все полосами, судя по богатству хозяина.

«Теперь строится по плану магазинъ и 12 избъ съ офицерскимъ домомъ. Госпиталь всѣмъ отмѣнно дуренъ. Полкъ отмѣнно терпитъ тѣмъ, что подъ видомъ способныхъ или неспособныхъ къ поселенію выбираютъ лучшихъ людей изъ дѣйствующихъ баталіоновъ, а на ихъ мѣсто присылаютъ вовсе неспособныхъ и даже слѣпыхъ и горбатыхъ.

«Главное же худо есть то, что жившихъ тутъ 1.880 крестьянъ, при переводѣ ихъ въ Крымъ, такъ худо содержали, что половина ихъ пропала, не дойдя до назначенія».

По пріѣздѣ въ Тулу въ концѣ іюля мѣсяца, великій князь получилъ высочайшее повелѣніе отправиться въ Клинъ, чтобы дождаться тамъ государя и сопровождать его въ Москву.

15-го (27-го) августа императоръ Александръ, въ сопровожденіи великаго князя Николая Павловича, шествовалъ въ Успенскій соборъ.

Отпуская великаго князя обратно въ Петербургъ, послѣ нѣсколькихъ дней совмѣстнаго пребыванія въ первопрестольной столицѣ, императоръ Александръ, по свидѣтельству Лакруа, обратился къ брату, по поводу предстоявшаго ему посѣщенія Англіи, съ слѣдующими словами:

«Въ Англіи лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, можно изучить устройство конституціонныхъ учрежденій; хорошо судить о достоинствахъ этихъ учрежденій по результатамъ, къ которымъ они приводятъ. Я не знаю хорошенько, насколько они подходятъ къ нашей странѣ. Впрочемъ, я никогда не стану врагомъ прогресса, но я постоянно предпочту оставить зло, чѣмъ искоренять его реформой плохой и опасной. Во вся-

комъ случаѣ, путешествіе по Англіи явится превосходной школой для васъ, и я увѣренъ, что оно принесетъ плоды, которыми Россія воспользуется впослѣдствіи».

Николай Павловичъ возвратился въ Петербургъ 26-го августа (7-го сентября) и 13-го (25-го) сентября выѣхалъ изъ него, отправляясь за границу. Конечною цѣлью этой новой поѣздки было посѣщеніе Англіи, «этой достойнѣйшей вниманія стороны», путешествіе по которой, по словамъ Маріи Ѳеодоровны, должно было не только удовлетворить любопытство великаго князя, но и обогатить его полезными познаніями и опытами, «изощряя при томъ его сужденіе» [1]).

Во время этого путешествія при великомъ князѣ находились: генералъ-адъютантъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ, кавалеры Саврасовъ и Глинка и докторъ Крейтонъ (Crighton). Но такъ какъ никто изъ нихъ не былъ знакомъ съ Лондономъ и Англіей, то императоръ Александръ согласился увеличить свиту великаго князя барономъ Павломъ Андреевичемъ Николаи, который хорошо знакомъ былъ съ Англіею по прежней службѣ своей въ Лондонскомъ посольствѣ при графѣ С. Р. Воронцовѣ. Во всемъ, что̀ касалось отношеній къ принцу-регенту, этикета, пріема приглашеній на обѣды и пр., Николай Павловичъ долженъ былъ слѣдовать указаніямъ русскаго посла въ Лондонѣ графа Ливена, при чемъ Маріей Ѳеодоровной ставилось на видъ, что чѣмъ меньше великій князь будетъ терять времени на эти обѣды, тѣмъ это будетъ лучше въ смыслѣ болѣе производительнаго употребленія имъ своего времени.

Судя по редакціи одного мѣста въ собственноручной запискѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, посвященной путешествію Николая Павловича, можно предположить, что первоначально она желала, чтобы великій князь постоянно сохранялъ инкогнито, но что императоръ Александръ не призналъ это необходимымъ, сказавъ, что можно прибѣгать къ этому лишь тогда, когда явится желаніе избѣжать различныхъ церемоній. Въ такомъ случаѣ государь разрѣшалъ великому князю называться графомъ Романовымъ.

Наглядными памятникомъ всесторонней заботливости, съ которою императрица-мать относилась къ дѣлу воспитанія ума и сердца юноши Николая Павловича, служатъ ея письма къ графу Ливену; письма эти полны материнской попечительности не только о матеріальныхъ потребностяхъ сына, но и о духовной и нравственной сторонѣ его жизни; они проникнуты, быть можетъ, нѣсколько слишкомъ строгимъ взглядомъ на

---

[1]) Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Григорію Александровичу Глинкѣ. „Русская Старина“ 1876 года, т. 17-й, стр. 219.

вещи, но вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о рѣдкой возвышенности образа мыслей императрицы на свои обязанности, какъ матери.

Въ своемъ письмѣ къ графу Ливену отъ 21-го сентября 1816 года она просила его не только заботиться о томъ, чтобы обѣды и пріемы поглощали у великаго князя какъ можно менѣе драгоцѣннаго времени, котораго никогда нельзя сберечь въ достаточной степени, но чтобы онъ оберегалъ также Николая Павловича отъ всего, что тѣмъ или инымъ путемъ могло бы вредить его нравственности въ городѣ, въ которомъ «развращенность столь велика и смѣла (la perversité et si grande et si hardie)». Говоря о томъ, что великому князю предстоитъ увидѣть, она писала, что не слѣдуетъ сосредоточивать его вниманіе на какомъ-либо одномъ родѣ предметовъ, но что оно должно быть удѣлено по возможности всему, что интересуетъ человѣчество (intéresse l'humanité) и выдѣляется съ точки зрѣнія общественной пользы. Императрица просила также при устройствѣ помѣщенія для великаго князя принимать въ соображеніе нашъ девизъ—п р о с т о т у (notre devise: la simplicité).

Хотя императрица Марія Ѳеодоровна и императоръ Александръ признавали путешествіе Николая Павловича по Англіи въ высшей степени желательнымъ въ воспитательныхъ и образовательныхъ цѣляхъ, однако, повидимому, существовало нѣкоторое опасеніе, какъ бы великій князь не слишкомъ увлекся свободными учрежденіями Англіи и не поставилъ ихъ въ прямую связь съ видомъ несомнѣннаго благосостоянія ея. Это предположеніе подтверждается запиской-наставленіемъ, составленной для великаго князя по случаю его путешествія графомъ Нессельроде. Въ этой запискѣ юный путешественникъ, «н а б л ю д а т е л ь» (l'Observateur), предостерегается отъ опасности, которой подвергается каждый чужеземецъ за границей: безсознательно подчиниться суммѣ постороннихъ вліяній. Ему указывается на безусловную необходимость судить о какой-либо странѣ въ связи съ ея историческимъ прошлымъ. Такъ какъ главное, что должно поражать путешественника въ Англіи—это ея конституціонныя учрежденія, то авторъ записки и переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса объ ихъ происхожденіи и развитіи.

По его словамъ, Англія своимъ примѣромъ служитъ наиболѣе наглядным подтвержденіемъ той важной и столь упорно непризнаваемой истины, что общественныя учрежденія никогда не являются слѣдствіемъ одной лишь воли человѣка, но, напротивъ того, являются плодомъ времени, событій, иначе говоря, самой природы обстоятельствъ. Развивая дальше эту мысль, Нессельроде пишетъ, что развитіе учрежденій, которыми Англія гордится по праву, происходило съ поражающею медленностію; что не только ни одинъ отдѣльный человѣкъ не можетъ быть признанъ положившимъ первый камень этого античнаго зданія, но что даже было бы трудно точно указать время, когда былъ данъ первый

толчокъ въ этомъ направленіи; что возможность развитія и упроченія этихъ учрежденій во многомъ была обусловлена самимъ географическимъ положеніемъ страны.

Въ концѣ своей записки графъ Нессельроде подходитъ къ главной мысли, которая, безспорно, и составляетъ самую сущность его разсужденій и по его мысли должна была войти въ сознаніе великаго князя. Признавая, что нельзя удержаться, чтобы не отдать должной дани восторга общественному и политическому строю Англіи, онъ предостерегаетъ, что было бы опасно, въ порывѣ восторга, впасть въ столь распространенное заблужденіе, что возможно привить этотъ строй и другимъ народамъ и государствамъ. Поступать такъ значило бы забывать, что широкое развитіе англійскихъ учрежденій находится въ прямой связи съ изолированнымъ положеніемъ страны, и что, къ тому же, единственнымъ залогомъ долговѣчности учрежденій является сцѣпленіе естественныхъ причинъ и необходимыхъ послѣдствій; что желать позаимствовать чужеземныя формы и даровать ихъ какому-либо народу значило бы причины, дѣйствующія испоконъ вѣковъ, замѣнить элементомъ случайной воли и пытаться получить тѣ же результаты; что такимъ образомъ можно пересадить буквy конституціи, но не ея духъ.

Въ заключеніе графъ Нессельроде писалъ: «Однимъ словомъ, учрежденія (англичанъ) заслуживаютъ быть разсматриваемы вблизи лишь для того, чтобы изощрять умъ наблюдателя въ области мышленія, а не для того, чтобы служить репертуаромъ конституціонныхъ формъ, изъ котораго можно было бы позаимствовать масштабъ для возведенія новаго зданія подъ совершенно другимъ небомъ и въ совершенно иномъ климатѣ» [1]).

Была ли извѣстна императору Александру записка графа Нессельроде? Позволительно въ этомъ сомнѣваться; едва-ли она могла служить отголоскомъ взглядовъ и убѣжденій государя, по крайней мѣрѣ въ эту эпоху царствованія. Скорѣе можно предположить, что цѣль, положенная въ основу этой записки, соотвѣтствовала взглядамъ императрицы Маріи Ѳеодоровны и была составлена по ея просьбѣ. Что же касается Николая Павловича, то опасенія лицъ, внушившихъ графу Нессельроде обратиться къ великому князю съ подобнымъ доброжелательнымъ предостереженіемъ, были совершенно напрасны. Кажется, можно съ достаточнымъ основаніемъ утверждать, что въ сущности авторъ записки ломился въ открытую дверь. Въ это время характеръ Николая Павловича успѣлъ уже настолько сформироваться, съ присущимъ ему трезвымъ, далекимъ

---

[1]) Mémoire destiné à Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand Duc Nicolas à l'occasion de son voyage dans les pays étrangers. Varsovie le 10 Septembre 1816.

отъ всякой мелочности, міросозерцаніемъ, что увлеченій въ конституціонномъ смыслѣ нельзя было предвидѣть. Это былъ не ученикъ Лагарпа, не восторженный слушатель рѣчей Паррота, а воспитанникъ Ламздорфа, прошедшій суровую воспитательную школу совершенно инаго свойства, чѣмъ та, въ которой возросъ Александръ. Дѣйствительно, такъ и случилось: Николай Павловичъ не увлекся конституціонными формами Англіи.

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева [1].

XIX.

Преподаватели института путей сообщенія: академикъ Гессъ, инженеры Янушевскій, Волковъ, Соболевскій и Кербедзъ.—Назначеніе графа Клейнмихеля главноуправляющимъ путями сообщенія. — Катастрофа въ классѣ портупей-прапорщиковъ.—Новый директоръ генералъ Энгельгардтъ.—Инспекторъ Языковъ.—Прошлое института путей сообщенія.—Начало его паденія.—Производство и выпускъ.

Въ послѣднемъ, подпоручичьемъ классѣ, выдающимися профессорами были:

Академикъ Гессъ, извѣстный химикъ, сочиненія котораго, по тогдашнему состоянію науки, считались наилучшими. Къ сожалѣнію, въ этотъ годъ ему нездоровилось, и потому онъ читалъ кратко, небрежно и не успѣлъ даже прочесть органическую химію.

Инженеръ Янушевскій, читавшій астрономію. Это былъ одинъ изъ самыхъ талантливѣйшихъ профессоровъ, имѣвшій исключительную способность передавать всякій читаемый имъ предметъ необыкновенно ясно и отчетливо. Я имѣлъ уже случай упомянуть о немъ, какъ о человѣкѣ, обладавшемъ чрезвычайно обширнымъ математическимъ образованіемъ.

Инженеръ Волковъ читалъ водяныя сообщенія и гидротехническія сооруженія. Онъ былъ человѣкъ, вообще, очень образованный и съ большими теоретическими свѣдѣніями по инженерной спеціальности.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1893 г., декабрь.

Составивъ общій курсъ строительнаго искусства, онъ представилъ его бывшему главноуправляющему, графу Толю, съ просьбою о напечатаніи его сочиненія на казенный счетъ въ типографіи вѣдомства. Вскорѣ послѣ того графъ Толь умеръ, и его мѣсто занялъ графъ Клейнмихель. Вступивъ въ управленіе вѣдомствомъ съ предвзятою мыслью переформировать его и урегулировать все по-своему и не успѣвъ еще ознакомиться съ вопросами вѣдомства путей сообщенія, графу Клейнмихелю представилось, что курсъ строительнаго искусства можетъ быть изданъ, какъ строительный уставъ, долженствовавшій служить законнымъ руководствомъ для всѣхъ инженеровъ,—и въ этомъ смыслѣ было предложено Волкову измѣнить свое сочиненіе для напечатанія его на казенный счетъ. Тогда Волковъ взялъ свое сочиненіе обратно и, разладивъ по этому случаю съ Клейнмихелемъ, вышелъ въ отставку. Волковъ былъ человѣкъ болѣзненный и, уѣхавъ за границу, наткнулся тамъ на лѣченіе животнымъ магнетизмомъ, отъ котораго почувствовалъ облегченіе, и принялся разработывать этотъ вопросъ. Между прочимъ, онъ печаталъ, по этому предмету, статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ» половины сороковыхъ годовъ. Впослѣдствіи онъ окончательно поселился въ Парижѣ и, сойдясь съ экономистомъ Joseph Garnier, издававшимъ экономическій журналъ, сталъ писать по вопросамъ политической экономіи, и сочиненія его появлялись тоже отдѣльными книгами. Я сошелся съ Волковымъ уже въ Парижѣ, когда я самъ началъ писать тоже по экономическимъ вопросамъ. Хотя мы стояли на противоположныхъ точкахъ зрѣнія, но это не помѣшало намъ сблизиться и горячо спорить другъ съ другомъ.

Инженеръ Соболевскій читалъ у насъ геогнозію и минералогію. Хотя онъ былъ инженеръ путей сообщенія, но, занимаясь предметами горной спеціальности, сдѣлалъ себѣ весьма извѣстное имя по этой отрасли науки. Впослѣдствіи былъ долгое время директоромъ института, чрезвычайно уважаемымъ и всѣми любимымъ.

Практическую механику и гидравлику читалъ у насъ извѣстный, знаменитый инженеръ Кербедзъ. До него означенный предметъ читалъ Мельниковъ, который издалъ въ свое время превосходную гидравлику. Принявъ на себя постройку Николаевской желѣзной дороги и не проживая постоянно въ Петербургѣ, онъ не могъ уже быть долѣе профессоромъ въ институтѣ. Хотя и Кербедзъ, въ это время, былъ назначенъ строителемъ Николаевскаго моста черезъ Неву, но онъ, живя въ Петербургѣ, могъ оставаться, нѣкоторое время, профессоромъ. Понятно, что онъ былъ страшно отвлеченъ постройкой необыкновенно знаменитаго сооруженія: Николаевскій мостъ есть вполнѣ дѣтище Кербедза, по мысли, по проекту и по исполненію.

Постройка этого моста составляла особенно трудную задачу, не имѣв-

шую еще тогда ни одного примѣра ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, вслѣдствіе той глубины и быстроты теченія, которыя представляетъ Нева.

Въ то время не имѣли еще никакого понятія о кессонахъ, которые разрѣшили и упростили устройство основаній подъ быки на большихъ глубинахъ и, опускаемые, по мѣрѣ надобности, въ грунтъ на 7—8 саженей и болѣе—отстраняютъ рискъ паденія быковъ отъ подмывовъ.

Кербедзу пришлось первому устроивать основаніе на сваяхъ, на безпримѣрной до того глубинѣ, съ заливкою ихъ бетономъ и съ огражденіями быковъ отъ подмывовъ. Тогда не было еще и скафандровъ, а всѣ подводныя работы производились при помощи воздушнаго колокола. Одна забивка свай на такой глубинѣ, какую имѣетъ Нева, представляла огромныя затрудненія, требовавшія особенныхъ пріемовъ и приспособленій. Кербедзъ преодолѣлъ всѣ препятствія, не имѣя возможности пользоваться какими-либо посторонними совѣтами, такъ какъ не было еще ни одного инженера въ Европѣ и Америкѣ, который производилъ бы сооруженіе на подобной глубинѣ.

Послѣ этого, я не могу не обратить опять вниманіе читателей на слѣдующій вопросъ: какова же должна была быть въ то время подготовка въ институтѣ путей сообщенія, дававшемъ, безъ опыта, такихъ самостоятельныхъ инженеровъ? Да! постройкой Николаевскаго моста Кербедзъ создалъ, конечно, себѣ вѣчный памятникъ.

Во время пребыванія моего въ классѣ подпоручиковъ, по отношенію къ институту случилось нѣсколько эпизодовъ, о которыхъ я не долженъ умолчать.

Я говорилъ уже прежде, что институтъ путей сообщенія, основанный императоромъ Александромъ I-мъ, по образцу политехнической школы въ Парижѣ, представлялъ исключеніе между военно-учебными заведеніями, къ разряду которыхъ онъ былъ причисленъ. Александръ I особенно любилъ это заведеніе и одно время подчинилъ его непосредственно себѣ, помимо главноуправляющаго путями сообщенія.

Единственно потому, что заведеніе это пользовалось особыми правами, и что въ немъ обращалось главное вниманіе на ученіе, а не на фронтовую часть, оно, безъ всякаго на то повода, разсматривалось, какъ заведеніе, могущее способствовать, будто бы, развитію политическихъ, либеральныхъ идей. Опроверженіемъ этому заблужденію могъ бы служить тотъ фактъ, что изъ числа тысячи военныхъ и гражданскихъ людей, компрометтированныхъ по возмущенію 14-го декабря, оказался лишь одинъ, получившій образованіе въ институтѣ путей сообщенія, и тотъ былъ подвергнутъ не каторгѣ, а заключенію въ крѣпость.

Но такъ или иначе, мысль объ обращеніи института въ обыкновенное учебное заведеніе таилась въ извѣстной правительственной сферѣ. При герцогѣ Виртембергскомъ и при графѣ Толѣ нельзя было думать о подобномъ преобразованіи, ибо они ни за что не согласились бы поднять руку на то заведеніе, о развитіи научнаго образованія въ которомъ они такъ сильно заботились.

Но вотъ, гр. Толь умираетъ, и главноуправляющимъ назначается графъ Клейнмихель. Полтора года онъ не трогалъ института, но затѣмъ, придравшись къ одному ничтожному обстоятельству, наложилъ руку на заведеніе. Разскажу это обстоятельство.

Я говорилъ уже въ предшествующихъ главахъ, что въ институтѣ было два начальства: учебное и фронтовое въ совокупности съ хозяйственнымъ, и что первое пользовалось любовью и уваженіемъ воспитанниковъ, а второе—обратно.

Однажды, въ томъ году, къ которому относится разсказъ, а именно въ учебный сезонъ 1843—1844 г., въ выпускномъ классѣ портупей-прапорщиковъ случилась слѣдующая, небольшая исторія.

По правиламъ, послѣ обѣда, съ 2-хъ до 5-ти часовъ дежурными были офицеры фронтоваго начальства, а съ 5-ти часовъ вступали въ дежурство по классу портупей-прапорщиковъ инженерные офицеры изъ репетиторовъ. Такимъ образомъ, каждый воспитанникъ зналъ, что съ 5-ти часовъ онъ подчиненъ учебному начальству, и по обыкновенію офицеры фронтоваго начальства не входили уже послѣ означеннаго часа въ классъ портупей-прапорщиковъ. Случилось, что инженерный офицеръ опоздалъ $^1/_4$ часа на дежурство, о чемъ классъ, состоящій изъ 100 человѣкъ, могъ и не знать. Въ это время, дежурный по фронтовой части, штабсъ-капитанъ Кострица, котораго вообще не жаловали, вошелъ въ классъ и сдѣлалъ грубымъ образомъ какое-то замѣчаніе одному изъ воспитанниковъ. Воспитанникъ этотъ отвѣтилъ ему, что это до него не касается, что онъ не имѣетъ даже права входить въ это время въ классъ и дѣлать какія-либо распоряженія, такъ какъ классъ имѣетъ своего дежурнаго. Многіе товарищи подхватили и стали кричать: «уходите изъ класса, уходите вонъ!». Кострица пожаловался начальству, указалъ 5 человѣкъ, какъ бы зачинщиковъ, которыхъ и посадили подъ арестъ.

Въ нашемъ подпоручичьемъ классѣ ничего не знали объ этой исторіи, тѣмъ болѣе, что офицерскіе классы помѣщались въ нижнемъ этажѣ, совершенно отдѣльно отъ воспитанниковъ, помѣщавшихся вверху.

Въ одинъ день, при уходѣ домой послѣ лекцій въ 2 часа, намъ объявили, что сегодня послѣ обѣда лекцій и репетицій не будетъ и потому намъ незачѣмъ приходить. Нѣкоторые, не слыхавъ этого распоряженія, пришли въ 5-ть часовъ въ институтъ; но ихъ въ классы не

пустили, и они увидѣли въ вестибюлѣ роту солдатъ въ полной аммуниціи съ ружьями. Мы съ братомъ жили недалеко отъ института; двое изъ этихъ господъ зашли къ намъ и сообщили объ этой странности. Мы всѣ подумали, что въ институтѣ разразился бунтъ.

На другой день мы узнали слѣдующій фактъ:

Пятерыхъ арестованныхъ портупей-прапорщиковъ привели, подъ карауломъ солдатъ, въ большую залу, гдѣ были выстроены всѣ воспитанники института. Во всѣхъ сосѣднихъ комнатахъ, вплоть до выхода, были размѣщены солдаты. Когда привели этихъ несчастныхъ пять человѣкъ, имъ объявили, что они разжалованы въ солдаты, и такъ какъ они уже не воспитанники института, которые, по закону, не могутъ быть подвергаемы тѣлесному наказанію, а нижніе чины, то они будутъ наказаны розгами. Изъ этихъ пяти человѣкъ выбрали троихъ и наказали, какъ разсказывали очевидцы, очень жестоко, такъ, что нѣкоторые воспитанники, изъ присутствующихъ при этой экзекуціи и никогда не видѣвшіе подобныхъ операцій, падали въ обморокъ.

Означенный фактъ произвелъ самое подавляющее впечатлѣніе на всѣхъ, и на него смотрѣли, какъ на оскорбленіе всего корпуса инженеровъ. Сѣдовласые люди, даже при встрѣчѣ на улицѣ, сообщая другъ-другу о случившемся фактѣ, проливали,—говорю это безъ фразы,—горькія слезы о гибели института.

Хотя подобныя операціи совершались въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ чуть не ежедневно, но разсказанный эпизодъ, случившійся въ нашемъ институтѣ, вопреки существовавшаго закона, быстро разнесся по всему Петербургу и въ особенности въ высшемъ обществѣ, которое вообще не жаловало Клейнмихеля и возмутилось въ такой мѣрѣ, что когда Клейнмихель показался вскорѣ въ итальянской оперѣ, то немедленно поднялся въ театрѣ крикъ: «Живодеръ, тиранъ! вонъ отсюда, живодеръ!», и многіе указывали руками на ложу, гдѣ появился Клейнмихель. Конечно, онъ немедленно скрылся. Въ этомъ порывѣ негодованія приняли участіе всѣ и преимущественно дамы, поэтому комендантское и полицейское начальства оставили этотъ шумъ безъ разслѣдованія объ иниціаторахъ его; да ихъ и не было, а случилось это единодушно, внезапно. Вѣроятно, найдутся еще въ живыхъ люди, бывшіе этотъ разъ въ театрѣ.

Въ половинѣ сезона 1843—1844 гг. весь персоналъ прежняго начальства института былъ замѣненъ новымъ еще до измѣненія устава заведенія.

Директоромъ института, вмѣсто почтеннаго и извѣстнаго инженера генералъ-лейтенанта Готмана, былъ назначенъ бывшій командиръ какого-то полка, генералъ-маіоръ Энгельгардтъ. Онъ оставилъ по себѣ память человѣка, легендарно ограниченнаго, породивъ безчислен-

ное множество до крайности комическихъ эпизодовъ. Для характеристики этой личности, приведу нѣсколько этихъ эпизодовъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ.

Получивъ повелѣніе подтягивать институтъ, будто бы распущенный, тогда какъ въ немъ царилъ строгій порядокъ, Энгельгардтъ, касаясь собственно лишь полицейской стороны дѣла, приказалъ дежурнымъ записывать тѣхъ офицеровъ, которые будутъ приходить хотя бы на пять минутъ позже назначеннаго часа. Спустя недѣлю, онъ вызвалъ всѣхъ записанныхъ и сталъ дѣлать имъ, по очереди, замѣчанія. Одинъ отвѣтилъ ему:

— Я опоздалъ, ваше превосходительство, менѣе пяти минутъ и пришелъ до начала лекціи.

— А-а-а!—сказалъ Энгельгардтъ,—вы пять минутъ, другой пять минутъ, третій пять минутъ, этакъ наберется болѣе часа.

Конечно, всѣ невольно разсмѣялись.

Надо замѣтить, что Энгельгардтъ всегда начиналъ со слова *а*, которое долго протягивалъ, и имѣлъ слабость ораторствовать, будучи однако абсолютно лишенъ не только дара краснорѣчія, но и простаго умѣнья говорить сколько-нибудь складно.

Спустя нѣкоторое время послѣ его назначенія директоромъ института былъ назначенъ и новый инспекторъ, инженеръ-полковникъ Языковъ, нашъ профессоръ, котораго мы слушали уже три года.

Явившись съ Языковымъ въ классъ, Энгельгардтъ приготовилъ длинную рѣчь, чтобы представить намъ новаго инспектора. Понятно, что содержаніе его рѣчи должно было быть комично, потому что онъ вздумалъ рекомендовать намъ человѣка, котораго мы давно знали; онъ же никогда его не зналъ и никакого понятія о его прежней дѣятельности не имѣлъ и имѣть не могъ. Энгельгардтъ мямлилъ свою рѣчь, напередъ заученную, очень долго; мы едва удерживались отъ хохота, а Языковъ, лукаво посматривая на насъ, видимо употреблялъ всѣ усилія, чтобы тоже не разсмѣяться. Наконецъ, директоръ одолѣлъ свою рѣчь и пошелъ въ другой классъ, раздѣленный отъ нашего корридоромъ. Тамъ знали, что онъ держитъ рѣчь, но никто, конечно, не могъ слышать содержанія ея. Энгельгардтъ вошелъ въ этотъ классъ и началъ:—«Господа... а-а»—замялся, повторилъ опять: «Господа, а»—опять замялся, говорить рѣчи не сталъ, а, брякнувъ:—«Господа-а-а... то же самое»—и не сказавъ ничего, кромѣ этихъ словъ, быстро удалился. Неудержимый хохотъ разразился по всему классу.

Энгельгардтъ очень не взлюбилъ одного офицера, Валицкаго, и безпрерывно придирался къ нему. Однажды онъ проходилъ по швейцарской, въ то время, когда офицеры расходились по домамъ. Валицкій

надѣлъ уже трехъугольную шляпу и стоялъ спиной къ проходившему Энгельгардту.

— Господинъ подпоручикъ Валицкій,—закричалъ Энгельгардтъ,—отчего вы не отдаете честь начальству?

— Я стоялъ задомъ къ вашему превосходительству и не видалъ васъ,—отвѣтилъ Валицкій.

— Это не отговорка; въ службѣ надо имѣть глаза и спереди, и сзади.

Обыкновенно, въ классахъ офицеры были въ разстегнутыхъ сюртукахъ, иначе нельзя было заниматься черченіемъ проектовъ и проч. Энгельгардтъ отдалъ приказъ имѣть сюртуки застегнутыми на всѣ пуговицы и воротники на всѣ крючки. Тогда носили воротники высокіе и жесткіе. Мы немедленно заявили учебному начальству, что при такихъ условіяхъ мы не въ состояніи ни чертить проектовъ, ни записывать лекціи, съ подпертыми головами чуть не желѣзной крѣпости воротниками, которые не были тогда скошены. Вслѣдствіе этого послѣдовалъ новый приказъ: имѣть три нижнія пуговицы сюртука и воротники разстегнутыми. Обходя на другой день классы, Энгельгардтъ увидалъ нѣсколькихъ офицеровъ съ сюртуками, застегнутыми на всѣ пуговицы. Подходитъ къ одному и говоритъ:

— Вы одѣты не по формѣ!

Офицеръ этотъ, недоумѣвая, въ чемъ дѣло, осмотрѣлъ себя и отвѣтилъ:

— Ваше превосходительство, я одѣтъ, кажется, по формѣ.

— А-а-а, у васъ нижнія пуговицы не разстегнуты.

— Мнѣ въ настоящую минуту это не мѣшаетъ заниматься,—замѣтилъ офицеръ.

— А-а-а, ваше учебное начальство сказало мнѣ, что мѣшаетъ. Прошу разстегивать три пуговицы для однообразія въ формѣ.

Но забавнѣе всего была исторія съ волосами.

Въ то время всѣ молодые офицеры щеголяли прическами. Большею частью завивались; одни носили два пробора съ завитымъ кокомъ въ серединѣ и съ завитыми висками; другіе—съ однимъ проборомъ и съ кокомъ на боку, третьи завивались въ барашекъ и т. д. На одномъ придворномъ балѣ государь обратилъ на это вниманіе, и великій князь Михаилъ Павловичъ отдалъ приказъ носить волосы длиною въ 1 вершокъ, безъ пробора, и для этого обязали подпиской всѣхъ парикмахеровъ. Немедленно и по нашему корпусу былъ отданъ такой же приказъ, и всѣ заботы Энгельгардта поглотились волосами. Ежедневно, обходя классы, онъ останавливался передъ каждымъ офицеромъ, а ихъ въ обоихъ классахъ было болѣе 200 человѣкъ, всматривался и давалъ себѣ отчетъ о длинѣ волосъ. Однажды, глядя на мои волоса, онъ сказалъ:

— А-а-а... у васъ волосы длинны.

— Я только вчера былъ у парикмахера, а они знаютъ уже размѣръ длины волосъ,—сказалъ я.

— А-а-а, это такъ, для обыкновеннаго офицера не длинны, а для старшаго длинны; пожалуйста, остригитесь.

Отъ такой логики я и окружающіе меня товарищи чуть не фыркнули со смѣха прямо въ лицо Энгельгардту.

Дѣлать, однако, было нечего, и я укоротилъ еще длину волосъ.

Обходя классы на другой день, онъ остановился передо мною и сказалъ:

— А-а-а, вотъ теперь хорошо; вы, какъ старшій, должны показывать примѣръ и носить волосы короче нормы.

Надо пояснить, какой смыслъ имѣло слово «старшій».

Въ это время отмѣнены были дежурные по классамъ, назначавшіеся, по очереди, изъ тѣхъ же классовъ, а установлены были постоянные старшіе, долженствовавшіе наблюдать за порядкомъ. Классъ подпоручиковъ занималъ двѣ комнаты: для одной половины класса старшимъ былъ назначенъ я, а для другой—братъ мой, какъ стоявшіе первыми по списку.

Въ непродолжительномъ времени былъ опять придворный балъ, на который всѣ офицеры явились безъ проборовъ, коротко остриженными, а иные—подъ гребенку. Для непривычнаго глаза такія куафюры произвели непріятное впечатлѣніе, преимущественно на дамъ. Хотя отданный прежде приказъ о куафюрѣ безъ пробора не былъ отмѣненъ, но изъ-подъ руки было приказано возвратиться къ прическѣ съ проборомъ при умѣренной длинѣ волосъ.

Надо было видѣть хлопоты Энгельгардта, чтобы достигнуть выполненія этого неоффиціальнаго распоряженія. Промежутокъ времени между строжайшимъ наблюденіемъ за прической безъ пробора и новымъ распоряженіемъ длился не болѣе мѣсяца. У Энгельгардта не хватило храбрости открыто пригласить всѣхъ отступить отъ прежняго его строжайшаго наблюденія за нашей прической, и вотъ онъ ежедневно, при обходѣ классовъ, останавливался то передъ однимъ офицеромъ, то передъ другимъ.

— Молодой человѣкъ,—скажетъ онъ,—вы совсѣмъ не занимаетесь собою, для вашихъ лѣтъ это не простительно. Вотъ посмотрите на меня—и онъ начнетъ разглаживать руками свои волосы въ обѣ стороны отъ мѣста пробора.

Наконецъ, всѣ догадались, въ чемъ дѣло, и, давъ отрости нѣсколько волосамъ, стали чесаться съ проборами. Послѣ того вопросъ о волосахъ замолкъ.

Теперь пусть читатель задастъ себѣ вопросъ: каково должно было

быть впечатлѣніе для насъ и для всего инженернаго корпуса видѣть директоромъ института такого субъекта, какимъ былъ Энгельгардтъ, и это послѣ европейскихъ знаменитостей по учености и практической дѣятельности, какими были Бетанкуръ, Базенъ, Готманъ и замѣститель его, Севастьяновъ? Могъ ли устоять институтъ, если во главѣ его всталъ человѣкъ, который могъ быть лишь посмѣшищемъ не только для насъ, офицеровъ, но и для всѣхъ воспитанниковъ института. Грустно и тяжело подумать, какъ безсмысленно было разрушено то, что составляло гордость нашей страны.

Здѣсь, кстати, скажу нѣсколько словъ о возникновеніи института путей сообщенія.

Отсутствіе спеціальнаго заведенія для образованія инженеровъ было пробѣломъ, который, конечно, сознавалъ императоръ Александръ I-й; но, по всѣмъ версіямъ, рѣшительная мысль объ основаніи спеціальнаго для того заведенія утвердилось у императора во время тильзитскаго свиданія съ Наполеономъ I-мъ, который, относясь тогда къ русскому императору самымъ искреннимъ образомъ, обѣщалъ прислать ему лучшихъ своихъ ученыхъ и инженеровъ.

Императоръ Александръ I-й, какъ образованнѣйшій человѣкъ своего вѣка, зналъ, конечно, значеніе политехнической парижской школы, давшей уже въ то время множество знаменитыхъ именъ по всѣмъ отраслямъ науки и практической дѣятельности. Съ этого времени и замѣчаются усиленныя заботы императора Александра I урегулировать вѣдомство путей сообщенія.

Вскорѣ послѣ тильзитскаго мира, во главу вѣдомства путей сообщенія ставится образованнѣйшій молодой принцъ Георгій Ольденбургскій, отецъ слишкомъ извѣстнаго у насъ своими высокими добродѣтелями, покойнаго принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, императоръ пригласилъ въ русскую службу Августина де-Бетанкура, пользовавшагося въ Европѣ громкою извѣстностью по своей учености и практической дѣятельности, давъ ему чинъ генералъ-лейтенанта. Этому-то человѣку и было поручено создать институтъ путей сообщенія.

Кромѣ разныхъ дарованій, Бетанкуръ обладалъ и огромною энергіей; создавъ институтъ, онъ быстро поставилъ его въ блестящее положеніе, и заведеніе наполнилось воспитанниками изъ самаго высшаго круга, желавшими получить наилучшее образованіе въ Россіи.

Бетанкуръ пользовался такимъ довѣріемъ, уваженіемъ и любовью императора, что,—послѣ преждевременной смерти принца Георгія

[1]) Памятникъ его, слишкомъ имъ заслуженный, красуется на Литейной улицѣ, въ Петербургѣ.

Ольденбургскаго, котораго всѣ оплакивали,—Александръ I-й подчинилъ институтъ непосредственно себѣ, помимо главноуправляющаго Деволанда и, по вопросамъ, до института относящимся, Бетанкуръ дѣлалъ доклады прямо государю.

Принимая во вниманіе обѣщаніе Наполеона I-го, данное имъ Александру I-му при тильзитскомъ свиданіи, Бетанкуръ обратился къ французскому правительству съ просьбою о присылкѣ въ Россію инженеровъ. Надо отдать справедливость Наполеону, что онъ дѣйствительно прислалъ, какъ обѣщалъ, цвѣтъ людей ученыхъ и практическихъ, а именно: Потье, Базена, Фабри и Дестрема,—всѣ, составившіе себѣ громкія имена.

Впослѣдствіи Бетанкуръ былъ главноуправляющимъ всего вѣдомства, и въ это время пригласилъ изъ Франціи еще двухъ ученыхъ инженеровъ: Ламе и Клапейрона, пріобрѣвшихъ громкую извѣстность въ Европѣ; директоромъ же института явился Базенъ, который значительно расширилъ еще курсъ наукъ въ заведеніи. Затѣмъ, за его болѣзнью, былъ назначенъ директоромъ Института извѣстный инженеръ генералъ-лейтенантъ Готманъ, первый воспитанникъ перваго выпуска изъ института; а инспекторомъ былъ генералъ-маіоръ Севастьяновъ, о которомъ я уже упоминалъ, какъ о человѣкѣ, съумѣвшемъ совокупить въ институтѣ наилучшія силы, стоявшія во главѣ науки не только въ нашемъ отечествѣ, но и во всей Европѣ.

При такихъ-то замѣчательныхъ личностяхъ возникъ и процвѣталъ институтъ до 1844 года, когда было приступлено къ разрушенію этого зданія.

И сколько громкихъ именъ далъ прежній разсадникъ и не только по инженерной, но и по другимъ отраслямъ дѣятельности.

Перечислять ихъ было бы долго. Я упомяну лишь о тѣхъ, имена которыхъ были извѣстны или въ публикѣ, или въ спеціальной литературѣ.

Начну съ самаго старѣйшаго.

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, ознаменовавшій себя не только какъ въ высшей степени образованный государственный мужъ, но главнымъ образомъ во время своего попечительства Московскаго университета, выпустивъ оттуда такихъ замѣчательныхъ людей по всѣмъ отраслямъ, которые составили гордость Россіи. И этотъ знаменательный фактъ не былъ случайностью. Надо было умѣть созидать нужныя для того условія, надо было умѣть оцѣнивать людей въ ихъ зародышѣ и способствовать ихъ росту. Почему же, послѣ ухода Строганова, перестали появляться изъ Московскаго университета подобныя звѣзды и могучія личности, какія вышли при немъ изъ этого питомника? При дальнѣйшемъ изложеніи моихъ воспоминаній, я разскажу, при какихъ

условіяхъ я имѣлъ честь и счастье познакомиться съ графомъ и узнать этого истиннаго государственнаго мужа.

Ламздорфъ, бывшій при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ, и баронъ Мейендорфъ, состоявшій въ свитѣ императора Александра I-го, въ свое время были весьма извѣстны всему обществу, какъ образованнѣйшіе люди.

Мельниковъ—первый строитель и учитель постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Впослѣдствіи министръ.

Кербедзъ. О немъ я уже сказалъ нѣсколько словъ выше.

Волковъ, о которомъ я уже упомянулъ.

Журавскій, первый, при содѣйствіи инженера Хржановскаго, далъ теорію американскихъ мостовъ системы Гау и построилъ знаменитый Веребьинскій мостъ, который, по своей смѣлости и грандіозности, не имѣлъ себѣ подобнаго ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ. До тѣхъ поръ, хотя и строились въ Америкѣ мосты той же системы, но они строились безсознательно и, при отсутствіи теоріи, съ большими несообразностями. Впослѣдствіи, Журавскій былъ приглашенъ соорудить шпиль на Петропавловскомъ соборѣ, когда обнаружилось, что инженеры другаго вѣдомства не могли сладить съ этой постройкой. Кромѣ обширнаго сочиненія Журавскаго о мостахъ системы Гау, онъ немало печаталъ статей и по другимъ вопросамъ инженернаго искусства.

Баронъ Дельвигъ издалъ большое сочиненіе по части снабженія городовъ водою и построилъ первый въ Россіи серьезный водопроводъ въ Москвѣ. Впослѣдствіи былъ главнымъ инспекторомъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и товарищемъ министра.

Вишнякову принадлежитъ изобрѣтеніе «брикетовъ», которыми пользуются теперь всѣ страны, гдѣ употребляется для топлива каменный уголь. Эти брикеты обусловили уже до сихъ поръ милліардныя сбереженія во всемъ мірѣ. Между тѣмъ, пока не истекъ 15-ти-лѣтній срокъ его привилегіи, брикеты не вводились въ употребленіе, а Вишняковъ долженъ былъ платить за привилегіи въ разныхъ государствахъ; поэтому задолжалъ и умеръ, кажется, здѣсь въ долговомъ отдѣленіи. Независимо отъ милліардныхъ сбереженій, съ введеніемъ въ употребленіе брикетовъ, исчезли громадныя горы угольнаго мусора, вѣками накопившагося около мѣстъ добычи каменнаго угля, которыя занимали обширныя пространства, безплодно пропадающія. Вишнякому принадлежитъ тоже идея о децимальныхъ вѣсахъ, которые представляютъ уже давно неизбѣжную необходимость.

Изъ числа тѣхъ, которые сдѣлали себѣ извѣстность по спеціальной литературѣ, назову:

Севастьянова, какъ пропагандиста начертательной геометріи со всѣми ея отраслями.

*

Глухова и Собко, составившихъ замѣчательную памятную книгу для инженеровъ высшаго образованія.

Добронравова и Ястржебскаго, издавшихъ, каждый, механику собственнаго сочиненія.

Липина, составившаго самостоятельно безпримѣрно обширныя таблицы. По выходѣ этой книги, многіе говорили, въ шутку, что у Липина недостаетъ въ его таблицахъ одного анализа птичьяго молока.

Красовскаго, издавшаго архитектуру, которая долгое время была главнымъ руководствомъ для архитекторовъ.

Кипріанова, который, наткнувшись при работахъ шоссе на извѣстныя породы камней, принялся за изслѣдованіе этой породы и, въ концѣ концовъ, сдѣлалъ себѣ своими сочиненіями довольно извѣстное имя, какъ палеонтологъ.

Соболевскаго, сдѣлавшаго себѣ извѣстность сочиненіями по горной части.

Языкова, издавшаго нѣсколько сочиненій по военнымъ наукамъ.

Не могу умолчать и о моемъ братѣ, который уже много лѣтъ усердно работаетъ и пишетъ по вопросамъ, до общей философіи относящимся.

Изъ числа же тѣхъ бывшихъ инженеровъ, окончившихъ курсъ въ институтѣ, которые перешли на военное, боевое поприще, вспоминаю Пассека, Тергукасова и Жолобова, не говоря уже о многихъ, отличившихся въ отечественную войну 12-го, 13-го и 14-го годовъ.

Пассекъ окончилъ курсъ наукъ въ институтѣ въ 1832 году поручикомъ, вторымъ по списку. Затѣмъ перешелъ въ генеральный штабъ, и вскорѣ имя его загремѣло на Кавказѣ, какъ человѣка необыкновенно талантливаго и особенно храбраго, и въ 1845 году, уже въ чинѣ генералъ-маіора, былъ убитъ въ Даргинской экспедиціи.

Тергукасовъ окончилъ курсъ наукъ въ 1839 году и, перейдя въ генеральный штабъ, составилъ себѣ довольно громкое имя на Кавказѣ.

Жолобовъ, тоже по окончаніи курса наукъ въ институтѣ, въ 1847 году, вторымъ по списку, перешелъ въ генеральный штабъ. Во время Крымской кампаніи главнокомандующій Меншиковъ сразу замѣтилъ его и приблизилъ къ себѣ. Но онъ былъ смертельно раненъ ядромъ подъ Альмой, въ двухъ шагахъ отъ главнокомандующаго, который только-что отдалъ приказаніе Жолобову направить въ атаку два эскадрона гусаръ. Умирая, Жолобовъ заботился не о себѣ, а о томъ, чтобы не случилось того же самаго съ княземъ Меншиковымъ, распоряжавшимся подъ непріятельскими выстрѣлами, и о томъ, чтобы кто-нибудь другой исполнилъ данное ему порученіе. Жолобовъ былъ особенно любимымъ моимъ товарищемъ во время моего приготовленія въ институтъ у Полонскаго.

Я упомянулъ мелькомъ нѣсколько лицъ, которыхъ, за исключеніемъ

двоихъ, лично и хорошо зналъ; а сколько было замѣчательныхъ дѣятелей изъ дореформеннаго института, о которыхъ я не упоминаю потому, что они извѣстны только исключительно инженерному міру, но которые исполнили множество изъ ряда вонъ выходящихъ и замѣчательныхъ по своей концепціи сооруженій. Кому, напримѣръ, подымающемуся по шоссе на Кіевскую гору въ крѣпость, придетъ въ голову, что онъ ѣдетъ по сооруженію, безпримѣрному по своему искусству. Императоръ Николай I-й приказалъ, по стратегическимъ или другимъ соображеніямъ, устроить непремѣнно въѣздъ отъ Днѣпровскаго моста прямо въ крѣпость. Гора была ползучая, пропитанная ключами. Эта задача, казавшаяся неразрѣшимой, была, однако, разрѣшена извѣстными инженерами, Четвериковымъ и Кербедзомъ 2-мъ, братомъ строителя Николаевскаго моста. Проѣзжающій по извилистому подъему, конечно, не подозрѣваетъ, что онъ ѣдетъ на этомъ протяженіи вдоль водостоковъ, устроенныхъ, на глубинѣ 12 и 15 саженъ, искуснѣйшимъ образомъ, съ величайшими затрудненіями, которые пересѣкли всѣ ключи, и гора перестала ползти.

А знаменитая и своеобразно устроенная Вышневолоцкая система водянаго сообщенія, о которой я упомянулъ уже прежде, какъ о диковинкѣ, на которую пріѣзжали полюбоваться американскіе инженеры. На этомъ пути находится узкая, извилистая, маловодная и быстрая рѣка Мста съ порогами. По временамъ въ рѣку пускаютъ воду изъ естественныхъ и искусственно образованныхъ озеръ, лежащихъ верстъ за 100, въ которыхъ скопляютъ воду, запирая ихъ бейшлотами. Маловодная рѣка обращается тогда въ быстрый потокъ. Барки должны летѣть по порогамъ со скоростью болѣе 30 верстъ въ часъ и, конечно, безпрестанно ударяться о берега то съ одной, то съ другой стороны. Поэтому казалось, что серьезнаго судоходства по этой системѣ развиться не могло. Но вотъ, одинъ инженеръ, Корицкій, придумываетъ устройство такъ называемыхъ заплывей, которыя не только предупреждаютъ разбивку барки о берегъ, но и способствуютъ, автоматически, возвращенію ея на фарватеръ. Послѣ устройства этихъ заплывей, главное движеніе грузовъ съ Волги въ Петербургъ направилось на Вышневолоцкую систему, по которой сообщеніе и быстрѣе, и дешевле. Было время, когда, до устройства Николаевской и Рыбинской дорогъ, проходило по этой системѣ до 40 милліоновъ пудовъ въ годъ одного хлѣбнаго груза; и потому—сколько милліоновъ сберегалось ежегодно въ общей экономіи страны? Если теперь по означенному пути двигается очень небольшое количество хлѣбныхъ грузовъ, то только потому, что желѣзныя дороги измѣнили условія торговли.

Да! прежній разсадникъ далъ много замѣчательныхъ людей. И это были не мастеровые, а піонеры и созидатели инженернаго искусства.

Съ развитіемъ этого искусства, оно, конечно, переходитъ потомъ въ мастерство; отъ того-то и могли возникнуть такіе дѣятели, пристягнувшіеся къ строительной сферѣ, какъ Поляковъ съ плеядою своихъ собратій, явившихся рѣшителями судебъ инженеровъ.

Я невольно увлекся тяжелыми воспоминаніями и соболѣзнованіемъ о началѣ паденія института и теперь долженъ возвратиться ко времени окончанія мною полнаго курса, т. е. къ экзамену изъ подпоручиковъ въ поручики.

Обыкновенно, при выпускѣ въ поручики, требовалось держать экзаменъ изъ всей высшей математики, изъ всего строительнаго искусства и изъ предметовъ, читавшихся въ послѣднемъ классѣ. Всѣ знали этотъ порядокъ и въ теченіе года освѣжали постепенно въ своей памяти означенные предметы по тѣмъ статьямъ, которыя читались въ предшествующихъ классахъ.

Передъ экзаменомъ давалась недѣля времени для подготовленія. Каждое лицо кончало экзаменъ въ два дня. Одинъ день назначался для главныхъ предметовъ, а, черезъ недѣлю, другой день для всѣхъ побочныхъ предметовъ.

На этотъ разъ вышло иначе. За три дня до экзамена намъ объявили, что, для выпуска въ поручики, мы должны держать экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ, начиная буквально съ азбуки, т. е. даже изъ всего, такъ называемаго, гимназическаго курса, включая и грамматику, и священную исторію, и географію по Арсеньеву, которая, главнымъ образомъ, требовала задалбливанія департаментовъ, графствъ, штатовъ, городовъ и городишекъ съ ихъ достопримѣчательностями, какъ-то: числомъ салотопенныхъ, мыловаренныхъ, кожевенныхъ и тому подобныхъ заводовъ и проч. Перечислены были всѣ предметы, въ числѣ 40, и назначенъ былъ ежедневный экзаменъ въ теченіе 40 дней.

Цѣль такой, внезапно объявленной, тиранніи немедленно обнаружилась. Графъ Клейнмихель задумалъ уже совершить преобразованіе института въ обыкновенный кадетскій корпусъ и хотѣлъ показать, что до этого времени институтъ былъ распущенъ и что въ немъ учились дурно.

Большинство подпоручиковъ, полагая, что все это будетъ дѣлаться для проформы, готовились лишь изъ тѣхъ предметовъ, изъ которыхъ прежде обыкновенно держали экзаменъ на поручика, не заботясь объ остальныхъ. Но тѣ, которые стояли высоко по списку, тѣмъ—и изъ самолюбія, и изъ того, чтобы, при своемъ офицерскомъ званіи, не стоять пнемъ передъ экзаменаторами, и изъ уваженія къ чести заведенія, — нельзя было отнестись къ вопросу такъ небрежно, и потому означенные сорокъ дней остались въ ихъ памяти на всю жизнь, какъ неслыханная и небывалая тиранніа.

Окончивъ экзаменъ изъ одного предмета, надо было бѣжать домой, чтобы подготовиться на-завтра. Сорокъ ночей мы провели безъ сна, собираясь, по-очереди, другъ у друга, по нѣсколько человѣкъ; чтобы разгонять сонъ, мы пили безмѣрное количество чернаго, крѣпкаго кофе безъ сахару, съ лимономъ. Не менѣе того, случалось заснуть, сидя, мертвымъ сномъ или свалиться на полъ и, когда товарищъ растолкаетъ, то не вдругъ придешь въ сознаніе: гдѣ находишься и что кругомъ дѣлается. Самые тяжелые часы были отъ 3-хъ до 6-ти утра; а послѣ какъ будто становилось вообще легче и голова дѣлалась свѣжѣе.

Въ классѣ подпоручиковъ было около 110 человѣкъ. Результатомъ означеннаго экзамена было то, что его выдержало только восемь человѣкъ. Слѣдовательно, цѣль, которая имѣлась въ виду у Клейнмихеля, была достигнута, и уже въ видѣ милости выпустили въ поручики слѣдующихъ 12 человѣкъ, т. е. всего 20 человѣкъ.

Я, почти изъ всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ священной исторіи, получилъ полные баллы. Священникъ у насъ былъ молодой, чрезвычайно видный собою человѣкъ, окончившій курсъ въ духовной академіи, у котораго не успѣли еще отрости волосы до должной длины. Онъ былъ уменъ, образованъ, успѣлъ быстро втереться въ домъ графа Клейнмихеля, сдѣлался тамъ домашнимъ человѣкомъ и, конечно, угодникомъ всѣхъ его намѣреній.

Въ скоромъ времени послѣ преобразованія института, послѣдовавшаго по нашемъ производствѣ въ поручики, священникъ сталъ давать тамъ тонъ всему и ворочалъ институтомъ, какъ хотѣлъ, такъ что его голосъ. при безличности директоровъ и трусости остальныхъ лицъ, являлся рѣшающимъ во всѣхъ вопросахъ въ виду того, что онъ почти ежедневно посѣщалъ Клейнмихеля, какъ свой человѣкъ, и потому всѣ боялись этого священника. И, такимъ-то образомъ, вмѣсто прежняго судьи степени образованія инженеровъ, знаменитаго европейскаго геометра, Остроградскаго, явился попъ.

У насъ въ классѣ было около половины католиковъ, и ксендзъ, безъ всякаго экзамена, поставилъ всѣмъ своимъ изъ Закона Божія полные баллы. Нашъ же священникъ, ради показанія своей силы, отнесся къ экзамену самымъ строгимъ образомъ. И вотъ я, при его экзаменѣ, ошибся на цѣлый вѣкъ въ хронологіи Маккавеевъ, и онъ поставилъ мнѣ за это 7 балловъ.

Одному изъ моихъ товарищей, шедшему постоянно не выше 15-го или 10-го нумера по списку, посчастливилось получить одинаковые со мною баллы изъ всѣхъ предметовъ и, какъ католикъ, онъ имѣлъ полные баллы и изъ Закона Божія.

Не говоря уже о новомъ директорѣ института, о которомъ я далъ уже понятіе, но и лица учебнаго начальства, мѣсяца за три до нашего

выпуска, были обновлены. Между тѣмъ, они составляли главный составъ конференціи, рѣшавшей нашу участь.

Всѣ эти лица, отъ страха относительно Клейнмихеля, не осмѣлились отступать отъ указаннаго имъ правила—руководствоваться послѣдними баллами экзамена и не принимать въ соображеніе годовыхъ балловъ и прецедентовъ прежнихъ лѣтъ. И потому, они, не взирая на годовые баллы мои и моего брата и на то, что мы четыре года сряду, изъ числа болѣе ста человѣкъ, чередовались первымъ и вторымъ мѣстами, и что человѣкъ, никогда не возвышавшійся далѣе десятаго нумера по списку, явился случайной выскочкой вслѣдствіе лишь того, что ксендзъ выставилъ ему полные баллы изъ Закона Божія, — опредѣлили его первымъ, меня вторымъ, а брата третьимъ.

Очень натурально, что я, въ ожиданіи рѣшенія конференціи, былъ въ нѣкоторомъ волненіи и ходилъ по корридору, слыша громкіе споры въ конференцъ-залѣ, не зная, конечно, къ чему они относятся. Вдругъ вышелъ оттуда, въ сильно раздраженномъ состояніи, прежній нашъ инспекторъ, генералъ-маіоръ Севастьяновъ, который оставался еще пока членомъ конференціи. Увидавъ меня, онъ быстро подошелъ ко мнѣ и, буквально со слезами на глазахъ, сказалъ:

— Не могъ отстоять васъ; эти господа не внемлютъ даже словамъ Остроградскаго; институтъ погибаетъ. А вы не огорчайтесь.

Въ этотъ моментъ подошелъ одинъ изъ членовъ экзаменаціонной коммиссіи, извѣстный инженеръ, генералъ Дестремъ (французъ), который былъ въ это время директоромъ департамента проектовъ и смѣтъ, и потому не имѣлъ уже близкихъ отношеній къ институту и меня вовсе не зналъ.

Я уже прежде далъ нѣкоторую характеристику Севастьянова, какъ человѣка благороднѣйшаго и, несмотря на свои годы, въ высшей степени восторженнаго.

— Знаете ли вы,—сказалъ Севастьяновъ, обращаясь къ Дестрему и указывая на меня,—кто это и гдѣ ему мѣсто?

Дестремъ, разумѣется, выразилъ взглядомъ свое недоумѣніе.

— Вотъ кто онъ, и вотъ, гдѣ ему надо быть, хотя онъ и молодъ. Я четыре года слѣдилъ за нимъ, Остроградскій близко узналъ его, и мы съ нимъ горячо стояли за него, а его не ставятъ первымъ. Я ушелъ изъ конференціи и не пойду туда болѣе.

Отзывъ Севастьянова Дестрему о томъ, какъ онъ смотрѣлъ на меня, и мѣсто, которое онъ указывалъ мнѣ, былъ, при его восторженности, слишкомъ лестенъ для меня, и я не нахожу удобнымъ привести здѣсь его слова; но сознаюсь, что они на вѣкъ врѣзались въ мою память и поддерживали многіе годы мой духъ, ибо ихъ высказалъ человѣкъ, на 30 лѣтъ старше меня и имѣвшій уже опытность во многомъ.

Я могъ бы умолчать объ этомъ фактѣ, но я привелъ его единственно для того, чтобы характеризовать рельефнѣе бывшее передъ тѣмъ наше учебное начальство въ институтѣ. Севастьяновъ не былъ уже инспекторомъ; не менѣе того, онъ горячо защищаетъ интересъ чуждаго уже ему воспитанника; не успѣвъ въ этомъ, онъ взволновывается въ такой мѣрѣ, что уходитъ изъ конференціи и, пользуясь случайностью, сообщаетъ свое негодованіе и мнѣ, и почтенному лицу, старѣйшему по годамъ и по служебному положенію во всемъ корпусѣ. Для чего онъ дѣлаетъ это? Для того, чтобы дать утѣшеніе бывшему его воспитаннику и подчиненному. Воспитываться у такихъ людей и подчиняться имъ было большимъ счастьемъ. Этому начальству подчинялись не въ силу устава, не отъ страха, а во имя духа и нравственнаго его со всѣхъ сторонъ авторитета, — что только и можетъ давать начальству дѣйствительную и твердую силу.

Въ то время, при многочисленномъ составѣ выпускныхъ классовъ, было установлено правиломъ выставлять на золотую доску трехъ первыхъ по списку, вслѣдствіе того, что часто недоумѣвали, кому отдать преимущество. Были годы, когда затруднялись отдать преимущество тремъ изъ пяти первыхъ; но отъ установленнаго правила, относительно числа трехъ лицъ, не отступали. Такимъ образомъ, мы съ братомъ попали на золотую доску.

Эти доски были изъ пергамента, на которомъ печатались имена золотыми буквами. Вдругъ, черезъ 45 лѣтъ послѣ основанія института, послѣдовало распоряженіе замѣнить эти доски мраморными досками. Приходилось вырѣзать на этихъ доскахъ до 135 именъ. Одинъ изъ директоровъ института, подобный Энгельгардту, или онъ самъ,—хорошенько не знаю, — въ видахъ экономіи, распорядился, съ разрѣшенія Клейнмихеля, помѣстить на мраморныхъ доскахъ лишь по одному имени.

И вотъ, имена, стоявшія въ теченіе 45 лѣтъ съ основанія института, на золотыхъ доскахъ, были вычеркнуты. Такимъ образомъ, слетѣли съ этихъ досокъ такія имена, какъ знаменитый Кербедзъ, а также: Севастьяновъ, Крафтъ, Добронравовъ, Глуховъ и множество именъ весьма извѣстныхъ по корпусу инженеровъ. Затѣмъ, слетѣли съ этой доски: Пассекъ и Жолобовъ; но имена этихъ двухъ лицъ сохраняются, по крайней мѣрѣ, на доскѣ убитыхъ въ бою.

По мнѣнію однихъ, такой фактъ составляетъ пустякъ, а другіе полагаютъ, что это не пустякъ, въ особенности, для дѣтей этихъ лицъ и для ихъ потомства. Для многихъ эта честь или эта награда гораздо многознаменательнѣе чиновъ и разныхъ декорацій. Наконецъ, какъ бы кто ни смотрѣлъ на этотъ вопросъ, — сорвать имена, стоявшія многіе годы на доскахъ чести, есть своего рода преступный произволъ.

Вскорѣ, по окончаніи нами курса, институтъ былъ обращенъ

въ обыкновенное военно-учебное заведеніе; въ него стали принимать дѣтей 11 и 12 лѣтъ, слѣдовательно, безъ всякаго убѣжденія о способностяхъ мальчика къ математическимъ и положительнымъ наукамъ, требующимъ и сообразительности, и расположенія къ сосредоточенности. Хотя Остроградскій и оставался нѣкоторое время, но онъ до-нельзя обрѣзалъ свой курсъ, смотрѣлъ на слушателей, какъ на ребятъ, пересталъ быть главнымъ нервомъ института—и институтъ палъ.

По окончаніи курса и по производствѣ въ поручики, мы, будучи назначены, по требованію Мельникова, на Николаевскую желѣзную дорогу, въ его дирекцію, отправились на дѣйствительную службу въ тѣ же края, гдѣ за годъ передъ тѣмъ производили изысканія, въ распоряженіи инженера Семичева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РЕЗОЛЮЦІИ

императора Николая Павловича на бумагахъ департамента государственныхъ имуществъ въ 1837 г.

(Сообщено статсъ-секретаремъ В. И. Вешняковымъ).

Въ десятомъ выпускѣ Сборника Историческихъ Матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, вышедшемъ въ 1898 году[1]), въ числѣ многочисленныхъ собственноручныхъ записокъ императора Николая I къ статсъ-секретарю А. С. Танѣеву, напечатаны, между прочимъ (стр. 19—20), три слѣдующія записки, отъ 1, 2 и 3 января 1837 года:

1. Министру финансовъ написать, что Я, желая ближе познакомиться съ порядкомъ дѣлъ департамента государственныхъ имуществъ, велѣлъ *съ завтрашняго числа* директору онаго департамента присылать всѣ бумаги, которыя по порядку дѣлъ слѣдуютъ къ министру на разсмотрѣніе, прямо ко Мнѣ *ежедневно* чрезъ 1-ое отдѣленіе Моей канцеляріи, чрезъ которую непосредственно отъ Меня получать будетъ нужныя разрѣшенія.

2. Напишите по Моему повелѣнію наистрожайшее приказаніе директору департамента государственныхъ имуществъ, чтобы съ полученіемъ сего прислалъ Мнѣ бумаги къ докладу съ этимъ же фельдъегеремъ.

3. Не получивъ бумагъ изъ департамента государственныхъ имуществъ, нужнымъ нахожу послать за ними прямо въ департаментъ съ полученіемъ сего.

---

[1]) Подъ редакціею Н. Дубровина.

Чѣмъ же объяснялось такое настойчивое требованіе императора Николая Павловича получать бумаги департамента государственныхъ имуществъ? Это объяснялось тѣмъ интересомъ, который выказывалъ въ это время императоръ задуманному имъ преобразованію управленія государственныхъ крестьянъ, находившихся въ вѣдѣніи министерства финансовъ. Объ этомъ упоминается и въ запискахъ одного изъ современниковъ этого преобразованія, В. А. Инсарскаго [1]), и въ біографіи графа Киселева [2]), призваннаго Николаемъ Павловичемъ совершить это преобразованіе.

Фактъ личнаго просмотра и исправленія подлинныхъ бумагъ департамента государственныхъ имуществъ самимъ императоромъ, какъ фактъ въ высшей степени знаменательный, отмѣченъ и въ юбилейномъ «Очеркѣ пятидесятилѣтней дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ [3])».

Но въ чемъ заключались замѣчанія императора, сдѣланныя имъ при просмотрѣ бумагъ, и какія этотъ просмотръ имѣлъ послѣдствія, объ этомъ до сихъ поръ въ литературѣ не появлялось никакихъ свѣдѣній. Заинтересовавшись этимъ вопросомъ, во время юбилейныхъ работъ по министерству государственныхъ имуществъ, я обратился къ розысканію означенныхъ бумагъ и нашелъ ихъ хранящимися, вмѣстѣ съ высочайшими повелѣніями, въ департаментѣ общихъ дѣлъ.

Всѣхъ бумагъ съ резолюціями императова Николая I оказалось 31; большая часть царскихъ помѣтъ относится къ способу составленія бумагъ и указываетъ на безполезность слишкомъ длиннаго изложенія въ отвѣтныхъ бумагахъ обстоятельствъ, вызывавшихъ переписку. Такъ, на одномъ предписаніи Могилевской казенной палатѣ, подписанномъ уже гр. Канкринымъ, императоръ написалъ: «Я полагаю, что прописка всѣхъ сихъ обстоятельствъ въ отвѣтной бумагѣ совершенно лишнее, ибо распоряженіе министерства финансовъ есть въ семъ случаѣ простое разрѣшеніе принятія въ подрядъ одного лица и дозволеніе другому отыскивать формою суда, что̀ можно было сказать ясно и коротко». За симъ, въ послѣдующихъ бумагахъ, адресованныхъ или казеннымъ палатамъ, или нѣкоторымъ министрамъ, государь иногда отдѣлялъ чертой все подробное вступленіе съ изложеніемъ дѣлъ и писалъ: «лишнее»—«все до сихъ поръ лишнее», а далѣе: «здѣсь слѣдовало только означить, что въ отвѣтъ на отношеніе подъ №» (иногда Николай Павловичъ выставлялъ и №№ бумагъ), министръ фи-

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1873 г. стр. 530.

[2]) Графъ П. Д. Киселевъ и его время, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, т. II стр. 11—12.

[3]) Очеркъ и т. д. 1887 г. стр. 12.

нансовъ приказываетъ слѣдующее, или противъ заключенія отвѣта писалъ: «надо было только отвѣтить симъ», или «начать нужно было тутъ», иногда же Николай Павловичъ самъ исправлялъ такъ: «Усматривая изъ донесенія Воронежской палаты подъ №»....

Когда начали писать бумаги короче, ссылаясь при этомъ только на мѣсяцъ и число входящихъ бумагъ, государь писалъ: «правильно, но прибавить должно было №». На одномъ же отвѣтѣ Тверской казенной палатѣ государь написалъ: «писано совершенно противно всѣмъ правиламъ, ибо № не выставленъ, на который служитъ отвѣтомъ».

На одной краткой отвѣтной бумагѣ министру внутреннихъ дѣлъ, государь отмѣтилъ: «писано какъ слѣдуетъ», а въ текстѣ, гдѣ была сдѣлана ссылка на отношеніе министра отъ 24-го января, прибавилъ: «должно было поставить №».

Нѣкоторыя бумаги, заготовленныя отъ министра финансовъ казеннымъ палатамъ, вызывали замѣчаніе государя, что такого рода предписанія могли бы исходить и отъ директора департамента. Такъ на одномъ предписаніи министра финансовъ Тамбовской казенной палатѣ, о способахъ пріобрѣтенія печатныхъ экземпляровъ общаго циркуляра министерства внутреннихъ дѣлъ, государь написалъ: «мой отвѣтъ—директоръ департамента». Подобныя же резолюціи были сдѣланы и на нѣсколькихъ тождественныхъ предписаніяхъ казеннымъ палатамъ объ отпускѣ дровъ изъ нѣкоторыхъ старостинскихъ имѣній: «И сіе могъ разрѣшить директоръ департамента», или «можно бы было разрѣшить и самому директору департамента».

Даже на одномъ проектѣ отношенія рижскому военному, лифляндскому генералъ-губернатору, о доставленіи свѣдѣній, Николай I отмѣтилъ: «могъ по вашему приказанію писать о томъ директоръ департамента».

По поводу двухъ тождественныхъ бумагъ Гродненской казенной палатѣ объ арендныхъ недоимкахъ императоръ замѣтилъ: «Эти двѣ бумаги совершенно того же содержанія: проще бы было о томъ писать одному губернатору, съ порученіемъ передать приказаніе казенной палатѣ».

Кромѣ этихъ замѣчаній, касающихся болѣе формы изложенія, нѣкоторыя бумаги обратили на себя вниманіе государя и по существу. Такъ, по поводу проекта представленія Сенату, съ планами на земли, избранныя Колокольцовыми, по праву покупки въ Оренбургской губерніи, Николай Павловичъ написалъ: «Представить дѣло; а начальника отдѣленія, въ которомъ бумагу писали, за поднесеніе ко мнѣ бумаги со скобленными именами, посадить, въ примѣръ другимъ, на 8 дней на Сенатскую гауптвахту».

На отвѣтѣ морскому министру съ препровожденіемъ свѣдѣній о

лашманахъ, по поводу предполагавшагося въ то время сокращенія числа ихъ съ 160.000 до 120.000 чел. [1]), государь написалъ: «Не лучше ли мѣру сію начать съ тѣхъ губерній, гдѣ лѣсовъ нѣтъ или истощились, какъ предлагалъ г. Перовскій».

На бумагѣ, адресованной олонецкому губернатору, по поводу доноса крестьянина Пѣтушкова о злоупотребленіяхъ арендатора онежскихъ лѣсопильныхъ заводовъ, купца Бранта, и въ виду предположенія министерства произвести слѣдствіе чрезъ мѣстнаго чиновника отъ губернатора, Николай Павловичъ написалъ: «вѣрнѣе было бы послать на мѣсто надежнаго чиновника министерства финансовъ».

На одномъ докладѣ, подписанномъ гр. Канкринымъ и скрѣпленномъ управляющимъ департаментомъ, сенаторомъ Дубенскимъ, государь замѣтилъ: «Не видно, кому представляется сія записка, Сенату или Мнѣ».

Какой же практическій результатъ имѣло разсмотрѣніе Николаемъ I подлинныхъ исходящихъ бумагъ департамента государственныхъ имуществъ? Отвѣтомъ на это можетъ служить выдержка изъ дневника графа П. Д. Киселева, приведенная въ его біографіи А. П. Заблоцкимъ [2]). Однажды, послѣ обѣда, императоръ Николай Павловичъ, отпустивъ своихъ гостей, удержалъ одного графа Киселева и завелъ съ нимъ рѣчь объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ:

«Я давно убѣдился, говорилъ, между прочимъ, императоръ, въ необходимости преобразованія ихъ положенія; но министръ финансовъ, отъ упрямства или неумѣнья, находитъ это невозможнымъ. Я его знаю и потому настаивалъ на необходимости заняться пристально и, увидѣвъ, что съ нимъ это дѣло не пойдетъ, рѣшился приступить къ нему самъ и положить основаніе подъ личнымъ своимъ руководствомъ; но тутъ много подробностей, которыми и нѣкогда мнѣ заниматься, и которыя, признаюсь, мнѣ мало знакомы. Посему мнѣ нуженъ помощникъ, и какъ я твои мысли на

---

[1]) Это сокращеніе числа лашмановъ, обязанныхъ заготовкою лѣса для флота въ низовыхъ губерніяхъ, состоялось затѣмъ по высочайшему указу 19-го февраля 1837 г.

[2]) Въ біографіи гр. Киселева, изданной А. П. Заблоцкимъ, (т. II, стр. 11—12), это мѣсто дневника помѣчено 17-мъ февраля 1836 года, при чемъ сдѣлана выноска, что и В. А. Инсарскій въ своихъ запискахъ упоминаетъ о послѣдовавшемъ въ послѣднихъ числахъ декабря 1836 г. повелѣніи государя представлять ему бумаги департамента государственныхъ имуществъ. — Заблоцкій прибавляетъ, что у Инсарскаго очевидно ошибка и вмѣсто 1836 года должно быть 1835 года. Однако, судя по X-му выпуску „Сборника С. Е. И. В. Канцеляріи, гдѣ три записки къ ст. секр. Танѣеву отнесены къ январю 1837 г., ошибка, очевидно, у самого Заблоцкаго. Разговоръ Николая I съ П. Д. Киселевымъ могъ быть только въ 1837 г., потому что и всѣ бумаги департам. госуд. имуществъ были отъ января 1837 года.

этотъ предметъ знаю, то хочу тебя просить принять все это дѣло подъ свое попеченіе и заняться со мною. Гр. Канкринъ уже убѣдился, что на нынѣшнемъ основаніи отъ департамента успѣха ожидать не можно, а я ему доказалъ, по прочтеніи входящихъ и исходящихъ бумагъ за цѣлую недѣлю, что они пишутъ вздоръ, что онъ бумагъ этихъ не видитъ и что все дѣло идетъ безъ толку».

Какъ ни строгъ былъ отзывъ императора Николая I о дѣятельности департамента государственныхъ имуществъ, но графъ Канкринъ, повидимому, отнесся къ государевымъ отмѣткамъ на бумагахъ съ довольно легкимъ сердцемъ, потому что, когда по прекращеніи посылки бумагъ императору, по департаменту государственныхъ имуществъ былъ составленъ и представленъ графу Канкрину докладъ, въ которомъ объяснялось, что бумаги писались по принятому въ дѣлопроизводствѣ порядку, и затѣмъ испрашивалось указаніе, какъ поступить съ представленными бумагами и какъ дѣйствовать на будущее время, тогда докладъ возвращенъ былъ съ слѣдующею резолюціею директора канцеляріи министра финансовъ, А. М. Княжевича: «г. министръ финансовъ отозвался, 5-го февраля, что всѣ оныя бумаги слѣдуетъ, переписавъ въ томъ же видѣ, прислать къ подписанію его сіятельства, а тѣ, на коихъ высочайшія отмѣтки, хранить въ департаментѣ; что упомянутыя отмѣтки приняты будутъ въ руководство при составленіи новаго образованнаго департамента, и что, впредь, надлежитъ съ онымп сообразоваться, поколику установленный порядокъ дозволитъ».

Неприсвоенный званію костюмъ мировыхъ посредниковъ.

Въ 1864 году генералъ-губернаторъ юго-западнаго края писалъ подвѣдомственнымъ ему губернаторамъ, что до свѣдѣнія его дошло, будто нѣкоторые предсѣдатели съѣздовъ и посредники, внѣ службы и при отправленіи обязанностей, носятъ неприсвоенный званію костюмъ: красная рубаха безъ верхней одежды, широкіе шаровары, длинные сапоги съ напускомъ, а сверхъ рубахи что-то вродѣ армяка, или малороссійской свитки, — ношеніе подобной одежды рѣшительно въ служебномъ отношеніи не можетъ быть терпимо: нельзя не видѣть въ томъ особой цѣли; нельзя полагать, чтобы гг. чиновники мировыхъ учрежденій выказывали пренебреженіе къ должности своей или не понимали значенія оной.

Подъ опасеніемъ удаленія со службы предлагается не являться къ исполненію обязанностей въ неприсвоенной званію одеждѣ.

Объ образѣ мыслей и направленіи тѣхъ, кои внѣ службы будутъ носить подобное одѣяніе, — собирать негласно свѣдѣнія.

Жидовскіе кумиры.

Въ 1843 г. Чигиринскаго уѣзда, 2 части благочинный доносилъ митрополиту: «не смотря на распоряженія губернскаго правленія объ уничтоженіи жидовскаго кладбища, состоящаго въ м. Медвѣдовкѣ между домами жителей христіанъ, тамошніе евреи продолжаютъ на означенномъ кладбищѣ возобновлять гробы, ставить новые кумиры и отправлять предъ ними свои молитвы. А для сбереженія сего кладбища противозаконно держатъ въ услугахъ христіанина, кореннаго крестьянина».

Сообщилъ **А. Мердеръ.**

Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.

VII [1]).

Настоятель мадритской посольской церкви о. Колосовскій. — Возвращеніе І. І. Базарова въ Стутгартъ и предположеніе о назначеніи его законоучителемъ великихъ князей.— Пріѣздъ въ Стутгартъ великой княгини Маріи Николаевны. — Праздникъ на Ротенбергѣ. — Кончина великой княгини Маріи Павловны.—Вызовъ І. І. Базарова въ Царское Село.—Возвращеніе въ Стутгартъ.—М. Н. Муравьевъ.—Гогенгеймская сельско-хозяйственная академія.— Вопросъ объ устройствѣ нашей церкви.—Учрежденіе общины сестеръ милосердія.— Путешествіе великаго князя Константина Николаевича въ Іерусалимъ.— Положеніе православія на Востокѣ.— Оберъ-прокуроръ Св. Синода князь С. Н. Урусовъ.—Сочиненіе І. І. Базарова, удостоенное преміи гр. Киселева.— Императрица Александра Ѳеодоровна въ Висбаденѣ.—Представленіе Страстей Господнихъ въ Верхней Баваріи.— Кончина митрополита Григорія.— Діаконъ Репловскій.

Наконецъ, настало время оставить Баденъ-Баденъ. Въ половинѣ сентября должна была возвратиться изъ Россіи великая княгиня Ольга Николаевна, и мы, совершивъ 3-го сентября въ послѣдній разъ службу въ Баденѣ, сняли церковь и всѣмъ причтомъ воротились въ Стутгартъ. Но прежде, чѣмъ начать здѣсь зимній сезонъ, я еще отправился съ дѣтьми на Ротенбергъ, гдѣ мы обыкновенно оставались до ноября, такъ какъ сборъ винограда, бывшій всегда заключительнымъ празднествомъ нашей виллежіатюры, въ этихъ странахъ рѣдко бываетъ раньше половины октября. Живя на этой горѣ, я имѣлъ случай познакомиться съ новымъ сослуживцемъ по заграничной службѣ. То былъ о. Колосовскій, бывшій

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1901.

законоучителемъ въ Царскосельскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія, теперь отправлявшійся въ Мадридъ настоятелемъ тамошней посольской церкви. На него была возложена особая задача предохранить молодаго сына тамошняго посланника, князя Голицына, о которомъ извѣстно было, что онъ тайкомъ перешелъ въ католичество, отъ опасности быть переведеннымъ также въ католическую вѣру. Опасность эта была тѣмъ очевиднѣе, что князь Голицынъ обладалъ огромнымъ состояніемъ, и тамошніе іезуиты не преминули бы воспользоваться случаемъ завладѣть этимъ богатствомъ. Благодаря усердію и заботливости о. Колосовскаго, молодой князь былъ спасенъ отъ католичества, но не отъ опасности разгульной жизни при такихъ огромныхъ средствахъ, которыя онъ унаслѣдовалъ послѣ смерти отца въ раннемъ возрастѣ. О. Колосовскій явился ко мнѣ въ русскомъ духовномъ костюмѣ съ огромною бородою и длинными волосами, падавшими на спину. Я ему тогда же замѣтилъ, какъ ему будетъ неудобно сохранить свою русскую внѣшность въ чужихъ краяхъ, но онъ сначала не хотѣлъ мнѣ вѣрить, находя дикимъ для себя перемѣнить рясу на сюртукъ и обрѣзать длинные волосы. Однако онъ скоро долженъ былъ убѣдиться въ этомъ. Уже въ Стутгартѣ, проходя по улицамъ, онъ привлекалъ всеобщее любопытство, за нимъ вездѣ слѣдовали толпы народа, мальчишки съ крикомъ и визгомъ бѣжали за нимъ и передъ нимъ, на него смотрѣли какъ на какое-то маскарадное чучело. Поэтому, когда онъ черезъ нѣсколько дней опять явился ко мнѣ на Ротенбергъ, на немъ былъ уже сюртукъ, и его чудесные волосы на головѣ были подрѣзаны, оставалась только нетронутою роскошная борода, которую онъ сохранилъ до смерти, скоро постигшей его за границею.

Наступавшая зима въ Стутгартѣ въ этотъ разъ не была для насъ такъ пуста, какъ прежде. Со времени пребыванія нашей церкви въ Баденѣ, наши соотечественники какъ будто въ первый разъ открыли Стутгартъ и съ этихъ поръ съ каждымъ годомъ стали болѣе и болѣе съѣзжаться къ намъ на зиму. Они скоро узнали, что въ Стутгартѣ отличныя школы, и нѣкоторыя семейства начали поселяться здѣсь для воспитанія дѣтей; открылся даже пансіонъ для русскихъ мальчиковъ, гдѣ ихъ набралось въ одну зиму человѣкъ 12. Впослѣдствіи стали помѣщать и дѣвочекъ въ имѣющійся здѣсь Екатерининскій институтъ, основанный еще королевою Екатериною Павловною для высшаго женскаго образованія. Кромѣ того въ Канштатѣ, находящемся въ 5-ти минутахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Стутгарта, появились русскіе въ различныхъ, находящихся тамъ заведеніяхъ, какъ-то: знаменитомъ ортопедическомъ д-ра Гейне, гдѣ лѣчился одно время герцогъ Лейхтенбергскій Николай Максимиліановичъ, въ заведеніи для накожныхъ болѣзней д-ра Фейля, для душевнобольныхъ, гдѣ также было

нѣсколько нашихъ соотечественниковъ, и, наконецъ, въ воспитательномъ заведеніи Клозе, черезъ которое прошло не мало русскихъ юношей. Однимъ словомъ, Стутгартъ вдругъ оживился, и у меня на мѣстѣ началась пастырская дѣятельность преимущественно по урокамъ закона Божія, а также и русскаго языка, такъ какъ въ то время я находился совсѣмъ одинъ безъ помощниковъ, при малограмотныхъ псаломщикахъ. Это было также однимъ изъ побужденій, заставившихъ меня хлопотать о замѣнѣ старыхъ дьячковъ молодыми людьми даже съ академическимъ образованіемъ. И дѣйствительно, когда на мѣста псаломщиковъ стали поступать ко мнѣ кандидаты богословія, то нашли себѣ здѣсь много занятія по приготовленію молодыхъ людей къ поступленію въ гимназію и даже университеты. Къ этому оживленію русскаго духа въ Стутгартѣ прибавилось и обновленіе нашего посольства въ русскомъ духѣ. Бывшій уже прежде у насъ посланникомъ В. П. Титовъ, послѣ двухгодичнаго пребыванія при покойномъ наслѣдникѣ Николаѣ Александровичѣ, снова возвратился къ намъ на мѣсто посланника, и посольскій домъ въ Стутгартѣ опять сталъ русскимъ домомъ, въ которомъ наши соотечественники находили радушный пріемъ.

Но въ то время, какъ я устроился на зиму 1858—59 года, довольный прибавкою пастырской дѣятельности въ самомъ Стутгартѣ, на меня сильно покушались въ Петербургѣ, и мнѣ чуть не предстояла перемѣна жизни съ переходомъ на службу въ Россію. Сначала моя августѣйшая ученица, великая княгиня Ольга Ѳеодоровна очень желала удержать меня при себѣ духовникомъ, а вслѣдъ за этимъ послѣдовало гораздо серьезнѣйшее предложеніе со стороны императрицы Маріи Александровны, которая пожелала имѣть меня помощникомъ Божанова при своихъ августѣйшихъ дѣтяхъ. Въ письмѣ императрицы, сообщенномъ мнѣ великой княгиней Ольгой Николаевной, ея величество такъ выражалась на этотъ счетъ: «A présent parlons d'une affaire, qui me tient fort à coeur et qui regarde le tien aussi. Je cherche un prêtre pour mes 2 cadets, tu devines, à qui je pense. Veux-tu nous faire le sacrifice de Bazaroff? Et d'abord voilà ce que nous demanderions de lui: qu'il se voue aux enfants, comme celui de Mary aux siens (разумѣется И. В. Рождественскій), confesseur, maître, ami, compagnon et—plus que tout cela—guide et conseiller de ceux qui les élevent. Enfin un prêtre sans complaisance, ferme à toute epreuve, sans fanatisme, qui s'assimilie à la vie des enfants à devenir un élément indispensable, n'ayant que le bien de l'église et leur salut en vue et pas l'opinion du monde. Veut il et peut-il nous être tout cela dans la mesure de ses forces, alors nous le recevrons à bras ouverts; mais si la moindre parcelle de protestantisme a trouvé accès chez lui, alors nous ne nous entendrons pas. Je tiendrai beaucoup à la partie de l'enseignement (qui chez Bajanoff est negligée—

hélas), mais comme il y a du temps jusque là, il pourra s'y préparer d'après les perfectionnements actuels. Si cela s'arrange, je voudrais l'avoir pour cet été ou automne-pas plus tard; je n'ai encore rien dit à Bajanoff avant d'avoir la réponse, je crois, qu'il comprendra lui-même que son temps n'y suffit plus, en été et automne les leçons des enfants sont très interrompues, tandis que Bazaroff devrait loger avec nous. Je sais, chère, que je te demande un grand sacrifice! Avant de lui parler, fais moi, je t'en prie, la description de son caractère, comme tu le comprends; ist er nicht zu weich? mais du coeur il m'en faut avant tout pour les enfants» [1]).

Въ отвѣтъ на это я прямо высказалъ своей великой княгинѣ, что императрица ищетъ для своихъ дѣтей втораго Рождественнаго, и что кромѣ него другаго такого не найдетъ.

Между тѣмъ рѣшимость великой княгини пожертвовать мною для императрицы начинала колебаться. Особенно возсталъ противъ этого супругъ ея, тогда еще наслѣдный принцъ.

— Это стыдно,—говорилъ онъ мнѣ —для Россіи, что тамъ не могутъ найти законоучителя для дѣтей государя и что для этого должны отнимать у великой княгини духовника, къ которому она привыкла.

Наконецъ, пришли къ такому заключенію, что если бы я понадобился для окончанія воспитанія наслѣдника, то великая княгиня Ольга

---

[1]) Теперь поговоримъ о дѣлѣ, которое очень близко мнѣ къ сердцу такъ же, какъ и тебѣ. Я ищу священника для моихъ двухъ младшихъ сыновей, ты догадываешься кого я имѣю въ виду. Согласна ли ты пожертвовать намъ Базаровымъ? Во-первыхъ вотъ, что мы требуемъ отъ него: чтобы онъ посвятилъ себя дѣтямъ, подобно тому, какъ священникъ Маріи Николаевны посвятилъ себя своимъ воспитанникамъ (разумѣется И. В. Рождественскій), чтобы онъ былъ духовникъ, наставникъ, другъ, товарищъ и—главное руководитель и совѣтникъ своихъ воспитанниковъ. Словомъ, чтобы онъ не былъ снисходителенъ, но неизмѣнно твердъ, и не фанатикъ, чтобы онъ такъ слился съ жизнью дѣтей, что сдѣлался бы неизбѣжнымъ ея элементомъ, имѣя въ виду лишь пользу церкви и ихъ спасенія, а не мнѣніе свѣта. Если онъ хочетъ и можетъ быть всѣмъ этимъ по мѣрѣ своихъ силъ, то мы примемъ его съ распростертыми объятіями, но если въ его душу запала хотя малѣйшая капля протестантства, то мы не поймемъ другъ друга. Я очень дорожу учебной частью (которой Бажановъ, къ сожалѣнію пренебрегаетъ), но такъ какъ время еще терпитъ, то Базаровъ можетъ къ этому подготовиться, сообразуясь съ современными требованіями. Если это устроится, то я хотѣла бы имѣть его нынѣшнимъ лѣтомъ или осенью—самое позднее; я еще ничего не говорила Бажанову до полученія отвѣта; я полагаю, онъ самъ пойметъ, что у него не хватаетъ на это времени; лѣтомъ и осенью занятія дѣтей часто прерываются; а Базарову придется жить съ нами. Я знаю, дорогая, что я прошу у тебя большой жертвы! Прежде чѣмъ поговорить съ нимъ, опиши мнѣ пожалуйста его характеръ, какъ ты его понимаешь; не слишкомъ ли онъ мягокъ? Сердечность мнѣ необходима для дѣтей прежде всего.

Николаевна готова пожертвовать своимъ духовникомъ для этой важной должности, и въ этомъ смыслѣ былъ данъ рѣшительный отвѣтъ императрицѣ.

Весною этого года пріѣхала въ Стутгартъ великая княгиня Марія Николаевна, возвращавшаяся изъ своего пребыванія въ Италіи въ Россію. Такъ какъ я пользовался всегда ея милостивымъ расположеніемъ ко мнѣ, то я обратился къ ней за совѣтомъ, какъ мнѣ поступить въ настоящемъ случаѣ. Мнѣ было трудно и тяжело оставить и великую княгиню Ольгу Николаевну, которую очень озабочивала и даже печалила возможность лишиться своего духовника и замѣнить его кѣмъ-нибудь другимъ, а съ другой стороны совѣсть подсказывала мнѣ не уклоняться отъ призванія къ новому и при томъ столь важному долгу. Великая княгиня Марія Николаевна взглянула на это дѣло съ практической стороны и между прочимъ сказала мнѣ:

— Жаль мнѣ васъ, если вы поступите къ Большому Двору. Вы тамъ совсѣмъ испортитесь!

— Отчего же такъ, ваше величество?

— Да оттого, что тамъ слишкомъ много интригъ. И вы сами не замѣтите, какъ втянетесь въ этотъ омутъ, или же если окажетесь неспособнымъ на это, сдѣлаетесь жертвою интриги. Поэтому вотъ мой совѣтъ вамъ: не принимайте этого мѣста сейчасъ же, а поѣзжайте сперва на пробу; понравится вамъ тамъ, оставайтесь тамъ съ Богомъ, не понравится—воротитесь назадъ, чему очень будетъ рада Ольга Николаевна.

И какъ я былъ благодаренъ впослѣдствіи за этотъ добрый совѣтъ великой княгини. А пока это дѣло оставалось нерѣшеннымъ, и я началъ уже думать, что оно совсѣмъ въ воду кануло, тѣмъ болѣе, что я былъ убѣжденъ, что на это мѣсто самымъ подходящимъ и желательнымъ кандидатомъ былъ все-таки И. В. Рождественскій. Правда, великая княгиня Марія Николаевна не хотѣла съ нимъ разстаться, желая удержать его при своихъ дѣтяхъ, и сама императрица находила его немного сухимъ и строго клерикальнымъ, но зато онъ имѣлъ за себя всѣхъ воспитателей великихъ князей, которые любили и почитали его какъ своего близкаго, почти семьянина. Иванъ Васильевичъ имѣлъ особую способность балагурить со всѣми, нисколько не роняя своего достоинства, а напротивъ тутъ же, принимая иногда докторальный тонъ, при чемъ онъ не стѣснялся въ употребленіи рѣзкихъ выраженій, что̀ ему охотно прощалось особенно придворными дамами. На все это я чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ. Помню, какъ разъ даже В. Б. Бажановъ удивлялся этой способности Ивана Васильевича балагурить съ придворными.

— Онъ даже,—говорилъ Василій Борисовичъ,—ходитъ къ фрейлинамъ

и проводитъ съ ними вечера, тогда какъ я даже не знаю, гдѣ онѣ тамъ живутъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Поэтому, съ наступленіемъ лѣта, я преспокойно переселился съ дѣтьми на Ротенбергѣ въ свою лѣтнюю резиденцію, которую я такъ любилъ по ея тишинѣ, чудесному мѣстоположенію и чистому воздуху. Сюда ко мнѣ охотно пріѣзжали въ гости проживавшіе въ Стутгартѣ русскіе, даже великая княгиня Ольга Николаевна удостоивала меня съ своимъ супругомъ своимъ посѣщеніемъ. Разъ одно такое посѣщеніе помогло мнѣ распространить свои владѣнія на Ротенбергѣ. Надобно замѣтить, что на этой горѣ стоялъ прежде родовой замокъ виртембергской царствующей фамиліи, Schloss Wirtemberg, давшій имя цѣлой странѣ. Руины этого замка еще существовали до 1819 года, когда, по кончинѣ въ этомъ году королевы Екатерины Павловны, супругъ ея, отецъ теперешняго (1887 г.) короля, приказалъ срыть до основанія развалины этого замка и на этомъ самомъ мѣстѣ выстроить русскую церковь, въ которой и было погребено тѣло королевы Екатерины Павловны, а въ 1864 году, по завѣщанію скончавшагося въ этомъ году самого короля, и его тѣло погребено въ этой же церкви рядомъ съ гробомъ любимой имъ супруги. Поэтому вся эта гора находится во владѣніи и вѣдѣніи виртембергскаго двора, и хотя здѣсь же вблизи церкви выстроенъ домъ для священника съ принадлежащимъ къ нему садикомъ и виноградниками, но остальная часть горы, которая образуетъ собою отдѣльный холмъ, на вершинѣ котораго стоитъ наша церковь, отдавалась дворцовымъ управленіемъ въ наемъ ротенбергскимъ крестьянамъ для покоса, и потому мы не смѣли даже шагу сдѣлать отъ своего дома, чтобы не топтать завѣтной травы. Но въ этотъ разъ, когда насъ извѣстили, что въ 6 часовъ вечера къ намъ на Ротенбергъ пожалуютъ ихъ высочества чай пить, мы соблазнились устроить имъ угощеніе на другой сторонѣ горы, откуда открывался видъ на виллу великой княгини, на Неккарскую долину и дальніе отроги Шварцвальда. Ихъ высочества были въ восторгѣ отъ этого мѣстечка; тутъ же, пока мы сидѣли вокругъ чайнаго стола, дѣти мои и приглашенныя изъ другихъ русскихъ семействъ бѣгали кругомъ по травѣ. Вдругъ изъ деревни является депутація съ претензіею на то, что мы потоптали ихъ траву, и съ требованіемъ денежнаго вознагражденія за это. Какъ кронпринцъ, такъ и великая княгиня были изумлены этимъ требованіемъ, и я долженъ былъ объяснить, почему эти люди были въ правѣ требовать себѣ вознагражденіе. Тогда великая княгиня спросила у нихъ, сколько они платятъ въ годъ аренды, и тутъ же объявила, что съ слѣдующаго года она сама беретъ въ аренду всю эту гору, а мнѣ предоставляетъ пользоваться ею по моему благоусмотрѣнію. Такъ это и сдѣлалось, и до сихъ поръ королева платитъ теперь уже своему супругу-королю

годовую аренду за всю гору, я же пользуюсь и травою, а главное безпрепятственно всею горою, на которой съ тѣхъ поръ я сдѣлалъ разныя посадки, проложилъ новыя дорожки и обратилъ всю гору въ паркъ, въ которомъ теперь можно наслаждаться и тѣнью, и разными плодами съ насажденныхъ мною фруктовыхъ деревьевъ. Но самый большой праздникъ на Ротенбергѣ бывалъ въ Троицынъ день. Тогда мы убирали церковь по русскому обычаю березками, цвѣтами и травою. Великая княгиня съ кронпринцемъ, все посольство и всѣ русскіе, ближніе и дальніе, которые нерѣдко съѣзжались для этого праздника изъ окрестностей, наполняли церковь. Послѣ обѣдни всѣ собирались ко мнѣ пить чай, а нѣкоторые оставались обѣдать—всегда на чистомъ воздухѣ въ саду и проводили цѣлый день, гуляя вокругъ горы. Незабвенное то было время, и многіе, какъ изъ моихъ сосѣдей-сослуживцевъ, такъ и изъ прихожанъ завидовали моей ротенбергской идилліи.

Въ іюнѣ этого года меня потребовали въ Веймаръ, гдѣ скончалась великая княгиня Марія Павловна. Туда собрались: я, берлинскій священникъ и тамошній протоіерей Сабининъ, для торжественнаго соборомъ погребенія великой княгини. Здѣсь я въ первый разъ познакомился съ ея дочерью, принцессою Августою, теперешнею императрицею германскою. Я поднесъ ей тогда мой переводъ панихиды и такъ угодилъ ей этимъ, что она не разставалась съ этой книжкой не только во время панихидъ, совершавшихся надъ тѣломъ ея усопшей матери, но и послѣ, какъ она сама потомъ говорила, при домашнихъ молитвахъ о упокоеніи души ея матери. Въ этотъ разъ она подарила мнѣ въ знакъ своего благоволенія образъ Казанской Божіей Матери, писанный на фарфорѣ, въ рѣзной деревянной рамкѣ, и взяла съ меня слово, чтобы я въ какой бы городъ ни пріѣхалъ, гдѣ только будетъ находиться она, непремѣнно являлся къ ней, что я свято исполняю и доселѣ, особенно въ Баденъ-Баденѣ, гдѣ мнѣ приходится часто бывать, и гдѣ ея величество проводитъ каждый годъ весну и лѣто. Разъ только случилось мнѣ побывать въ Баденѣ на нѣсколько дней во время ея пребыванія тамъ и не представиться ея величеству. Прочитавъ мое имя на тамошнемъ Fremdenliste, она сейчасъ же послала за нашимъ посланникомъ Колошинымъ и стала его допрашивать, отчего я былъ въ Баденѣ и не явился къ ней. Тотъ отвѣчалъ, что я пріѣзжалъ только на одну ночь и на другое утро уѣхалъ. Это заставило меня непремѣнно являться къ ней. Братъ ея, нынѣ царствующій великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій, какъ въ это время въ Веймарѣ, такъ и послѣ, при разныхъ встрѣчахъ, оказывалъ мнѣ свое особое благоволеніе. Послѣ погребенія великой княгини, онъ пожаловалъ мнѣ брилліантовый перстень и веймарскій орденъ Бѣлаго Сокола на шею. Такимъ образомъ къ Церингскому льву у меня прибавился соколъ, и мнѣ припомнилась шутка

графа Толстаго, говорившаго, что у меня на шеѣ будетъ скоро цѣлый звѣринецъ.

Въ іюлѣ наша великая княгиня отправилась въ Эмсъ, гдѣ въ это время находилась императрица Александра Ѳеодоровна. Службу при ней совершалъ тамъ о. Янышевъ съ своимъ причтомъ изъ Висбадена. Но вотъ его потребовала великая княгиня Елена Павловна въ Мекленбургъ для освященія церкви въ Рюмплинѣ, назначавшемся лѣтнею резиденціи для великой княгини Екатерины Михаиловны, бывшей въ замужествѣ съ герцогомъ Мекленбургъ-Стрѣлицкимъ, и меня вызвали въ Эмсъ для служенія при императрицѣ. Двойное Мекленбургское государство, раздѣляющееся на Мекленбургъ-Шверинъ и Мекленбургъ-Стрѣлицъ, обладаетъ теперь тремя русскими церквами. Кромѣ рюмплинской, тамъ имѣется теперь церковь въ Людвигслюстѣ, лѣтней резеденціи великой герцогини Анастасіи Михаиловны, и еще надгробная надъ прахомъ бывшей великой герцогини Елены Павловны, одной изъ пяти дочерей императора Павла Петровича, бывшихъ въ замужествѣ за границею, изъ которыхъ одна, Екатерина Павловна, была королевою Виртембергскою и погребена на Ротенбергѣ, другая, Александра Павловна, была за палатиномъ венгерскимъ Іосифомъ и погребена въ мѣстечкѣ Иромѣ, близъ Песта, въ особенно устроенной для этой цѣли русской церкви. Третья, Марія Павловна, скончавшаяся въ Веймарѣ и погребенная въ герцогскомъ склепѣ, рядомъ съ гробами Гёте и Шиллера; впрочемъ, къ этому склепу пристроили маленькую русскую церковь, и гробъ великой княгини поставили такъ, что онъ одною половиною находится подъ русскою церковью, а другой прилегаетъ къ общей опочивальнѣ Саксенъ-Веймарскихъ герцоговъ, удостоившихъ принять въ свою среду прахъ и двухъ великихъ поэтовъ Германіи. Четвертая изъ пяти сестеръ, почивающихъ за границею, была Анна Павловна, бывшая королевою Нидерландскою и скончавшаяся въ Гагѣ. Наконецъ пятая—Елена Павловна, погребенная въ Мекленбургѣ. Всѣ наши заграничныя церкви, не домовыя, а настоящіе храмы, построены большею частію на видныхъ и возвышенныхъ пунктахъ, и я помню замѣчаніе по этому случаю Гоголя, которое онъ сдѣлалъ мнѣ въ Висбаденѣ при постройкѣ тамошней церкви тоже на горѣ, съ которой она видна на далекое разстояніе.

— Посмотрите,—говорилъ онъ,—какъ иностранцы превозносятъ нашу церковь, сами того не замѣчая. Да она со временемъ и осѣнитъ ихъ всѣхъ своимъ православнымъ крестомъ.

Дай Богъ когда-нибудь сбыться этимъ пророческимъ словамъ нашего великаго писателя.

Въ концѣ іюля императрица оставила Эмсъ и отправилась въ Интерлакенъ; за ней послѣдовала и наша великая княгиня, я же

возвратился на свой Ротенбергъ. Здѣсь я предпринялъ съ своими дѣтьми и ихъ товарищами давно задуманное путешествіе, частію по желѣзной дорогѣ, а частію пѣшкомъ, къ развалинамъ Рехберга и Гогенштауфена. Виртембергъ вообще богатъ воспоминаніями историческихъ событій, скученныхъ на недалекомъ разстояніи одно отъ другаго. Такъ, съ Ротенберга виденъ замокъ Гогенцоллернъ, колыбель нынѣ царствующаго прусскаго дома, а по другую сторону нашей горы лежитъ городокъ Вайблингенъ, давшій имя Гвибеллинамъ, въ ихъ борьбѣ съ Гвельфами, которые, въ свою очередь, имѣли свое сѣдалище въ южномъ Виртембергѣ. Къ сожалѣнію, отъ всѣхъ этихъ историческихъ событій осталось очень мало вещественныхъ воспоминаній. Такъ, на горѣ, гдѣ стоялъ прежде родовой замокъ Гогенштауфеновъ, мы ничего не нашли, кромѣ одного камня, поставленнаго стоймя на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ замокъ, все остальное было растащено жителями сосѣднихъ деревень для ихъ домашнихъ построекъ и—можетъ быть—въ томъ или другомъ хлѣву отыщутся камни съ историческими надписями, о чемъ теперь очень заботится недавно образовавшееся общество любителей отечественной древности.

Возвратившись изъ этой прогулки, я пребеззаботно продолжалъ свою виллеѳіатуру, пользуясь тѣмъ, что весь мой стутгартскій приходъ разъѣхался на лѣто по водамъ и дачамъ, какъ вдругъ получаю отъ секретаря императрицы Маріи Александровны депешу, въ которой говорится, что ея величество желаетъ, чтобы я съ слѣдующимъ почтовымъ пароходомъ изъ Штетина прибылъ въ Царское Село. Это было въ началѣ недѣли, а пароходы отправлялись по субботамъ, такъ что мнѣ оставалось не болѣе двухъ дней, чтобы собраться въ путь и доѣхать до Штетина. Для меня теперь было очевидно, что переговоры о назначеніи меня законоучителемъ къ великимъ князьямъ разрѣшились предложеніемъ великой княгини Маріи Николаевны не принимать этого назначенія безъ предварительной пробы, и что меня вызываютъ теперь на эту пробу. И вотъ, я отправился, сѣвъ на «Прусскаго Орла» въ Штетинѣ 4-го августа. Погода была благопріятная, и мы на третій день плаванія благополучно подходили къ Кронштадту, какъ изъ Ораніенбаума къ намъ приближается придворный катеръ, и пароходъ остановился. Всѣ столпились у борта, чтобы узнать причину этой остановки. Съ катера входитъ на пароходъ придворный чиновникъ съ бумагою къ капитану. Слышу, произносятъ мое имя. Я называюсь, и чиновникъ рапортуетъ мнѣ: «я имѣю порученіе снять васъ съ парохода и доставить въ Царское Село». Положеніе мое было не изъ пріятныхъ. Я ѣхалъ на пароходѣ по-заграничному въ партикулярномъ платьѣ, и хотя мои рясы и подрясники находились со мной въ чемоданѣ, но у меня не было съ собой духовной шляпы, которую я намѣревался купить въ

Петербургѣ. При этомъ я вспомнилъ, какъ мнѣ пришлось въ послѣдній разъ по пріѣздѣ въ Петергофъ просидѣть два дня безвыходно въ своей кельи, въ ожиданіи прибытія шляпы изъ Петербурга. Сообразивъ все это и еще болѣе опасаясь, что меня по пріѣздѣ могутъ потребовать къ императрицѣ, я счелъ болѣе благоразумнымъ отправиться напередъ въ Петербургъ, и отказался отъ приказанія снять меня съ парохода. Посланецъ не возражалъ на это и только потребовалъ отъ меня, чтобы на бумагѣ, врученной ему съ этимъ распоряженіемъ, я росписался, что я читалъ ее и отправился въ Петербургъ, что я и сдѣлалъ, прибавивъ, что явлюсь на другой день въ Царское Село. По окончаніи этихъ переговоровъ, пароходъ нашъ двинулся въ путь, и мы пристали къ Кронштадту, откуда другой, меньшій по величинѣ, пароходъ доставилъ насъ въ Петербургъ.

На другой день утромъ, облекшись совсѣмъ по-русски въ мое духовное платье, я отправился по желѣзной дорогѣ въ Царское Село, гдѣ на станціи меня ожидалъ придворный экипажъ. Подкативъ ко дворцу, я встрѣтилъ у подъѣзда князя Горчакова, который зналъ уже о вызовѣ моемъ императрицею и привѣтствовалъ меня восходящею звѣздою, прибавивъ въ шутку: «теперь будетъ на васъ коситься кардиналъ Бажановъ». Онъ любилъ шутя называть Василія Борисовича кардиналомъ, обозначая тѣмъ его высокое положеніе въ свѣтѣ и его полусвѣтское, полудуховное вліяніе на текущія дѣла. Мнѣ отвели квартиру въ такъ называемомъ «полуциркулѣ» противъ дворца, гдѣ помѣщались всѣ воспитатели великихъ князей, и въ тотъ же день я былъ принятъ императрицею, которая удостоила меня продолжительной бесѣды о воспитаніи царскихъ дѣтей въ особенности. Во время этой бесѣды вошелъ государь, очень милостиво принявшій меня. Онъ постоялъ нѣсколько минутъ, слушая нашъ разговоръ, не принявъ впрочемъ въ немъ участія ни однимъ словомъ. Это меня немного удивило въ этотъ разъ, но впослѣдствіи я узналъ, что воспитаніе дѣтей онъ предоставилъ совершенно императрицѣ и никогда не принималъ участія въ ея распоряженіяхъ по этому дѣлу. Только въ планахъ Титова, призваннаго быть воспитателемъ наслѣдника, онъ выразилъ свою волю вопреки желанію императрицы, склонявшейся на сторону Титова въ его мечтательныхъ планахъ на счетъ воспитанія наслѣдника всероссійскаго престола, вслѣдствіе чего В. П. Титовъ отказался отъ принятыхъ имъ на себя обязанностей и возвратился на свой прежній постъ посланника въ Стутгартѣ.

Отъ меня, конечно, не требовалось никакой программы воспитанія. Моя обязанность была быть только законоучителемъ и имѣть нравственное вліяніе на монхъ воспитанниковъ. Однако, въ пѣляхъ императрицы, намѣченныхъ ею въ письмѣ къ великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ при перепискѣ объ избраніи меня на этотъ постъ, лежала болѣе широкая

программа, такъ какъ тамъ говорилось и о воспитательномъ значеніи законоучителя и его вліяніи на самихъ воспитателей. Но въ этомъ-то и состояла вся трудность задачи. Не знаю, поняли ли это сами воспитатели, или имъ данъ былъ намекъ на это свыше, только я замѣтилъ съ самаго моего перваго появленія между ними какое-то нерасположеніе ко мнѣ. Началось съ того, что они всѣ были удивлены моему появленію, какъ какой-то неожиданности. Я полагаю возможнымъ, что они дѣйствительно ничего не знали о происходившихъ переговорахъ на счетъ меня.

Между тѣмъ, меня приглашали чуть не каждый день на собесѣдованіе съ императрицею. Это сначала возбуждало въ нихъ зависть, а потомъ начало пугать ихъ. И вотъ началась противъ меня интрига, которую мнѣ предсказывала великая княгиня Марія Николаевна. Догадавшись, что меня хотятъ приставить къ наслѣднику и—можетъ быть—замѣнить мною самого Бажанова, они поспѣшили вызвать изъ Петербурга протоіерея Рождественскаго, который хотя и былъ уже этимъ лѣтомъ съ великими князьями въ Гапсалѣ, но не имѣлъ такой близости къ императрицѣ, и подъ предлогомъ окончанія уроковъ, начатыхъ имъ съ наслѣдникомъ въ Гапсалѣ, помѣстили его въ томъ же полуциркулѣ, рядомъ со мною, говоря, чтобы мнѣ не скучно было. Между тѣмъ, меня приглашали каждый день къ столу то великихъ князей, то великой княжны Маріи Александровны. И. В. Рождественскій также бывалъ приглашаемъ и, какъ человѣкъ давно уже знакомый и свой, имѣлъ большую близость со всѣми. Такъ прошла цѣлая недѣля. Въ этихъ обстоятельствахъ я очень радъ былъ, что получилъ письмо отъ нашей великой княгини, которая писала мнѣ, чтобы я, не давая никакого положительнаго обѣщанія, возвратился въ Стутгартъ къ 14—26-му сентября, ко времени возвращенія туда ея высочества изъ Интерлакена. Надо было видѣть трудно скрываемое удовольствіе моихъ сожителей «полуциркуля», когда я сообщилъ имъ это извѣстіе. Мой дядюшка Рождественскій пришелъ въ негодованіе, говоря, что ему одному не справиться со всѣми уроками. Императрица, къ которой я явился съ этимъ извѣстіемъ, очень пожалѣла о моемъ отъѣздѣ и очень милостиво простилась со мною. Я же самъ, сѣвши 9-го сентября въ почтовую карету, чтобы чрезъ Варшаву ѣхать за границу, почувствовалъ, какая гора свалилась съ плечъ моихъ, не оттого, что я возвращался къ своей привольной жизни въ Стутгартѣ, а отъ того душнаго воздуха, отъ котораго задыхаются всѣ непривычные къ нему. Воротившись въ Стутгартъ, я разсказалъ все великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ; она отвѣчала мнѣ, что это было бы хорошо, если бы это было нѣсколько лѣтъ раньше, но теперь, когда я былъ уже столько времени духовникомъ при особѣ ея высочества,

поступать мнѣ помощникомъ по законоучительству даже не Бажанова, а Рождественскаго, неприлично.

—Я обѣщала,—заключила она,—императрицѣ уступить васъ для наслѣдника и только для этой цѣли рѣшаюсь разстаться съ вами.

Послѣ этого я понялъ, что, несмотря на многія попытки воротиться на службу въ Россію, судьба моя была предрѣшена свыше на служеніе церкви и отечеству за границею. Какъ припоминается мнѣ при этомъ одинъ разговоръ мой на эту тему съ покойнымъ вѣнскимъ протоіереемъ М. Ѳ. Раевскимъ. Полный еще тогда юношескихъ порывовъ къ дѣятельности, я развивалъ передъ нимъ жалобы на то, что наше духовное начальство такъ мало даетъ ходу намъ, заграничнымъ священникамъ. Помоему, оно должно бы принимать во вниманіе, что молодые люди, поступающіе на службу за границу, расширяютъ здѣсь и свои познанія и свой взглядъ на нужды церкви, и сообразно съ этимъ должно бы было по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ вызвать ихъ въ Россію и давать имъ болѣе или менѣе вліятельныя мѣста, на которыхъ они могли бы прилагать пріобрѣтенныя ими на практикѣ свѣдѣнія къ церковной жизни внутри отечества. На это онъ отвѣчалъ мнѣ, что наше духовное начальство должно быть довольно, если оно находитъ способныхъ дѣятелей на заграничныхъ мѣстахъ и, если нашло таковыхъ, дорожить ими и не замѣщать ихъ другими новыми.

— Вы посмотрите вокругъ себя,—говорилъ онъ,—кто бы въ настоящую минуту могъ лучше замѣстить Е. И. Попова въ Лондонѣ, или І. В. Васильева въ Парижѣ, Янышева въ Висбаденѣ, васъ въ Стутгартѣ или въ Вѣнѣ? Даже перемѣстите насъ одного на мѣсто другаго, и мы будемъ непригодны для новой дѣятельности, тогда какъ теперь каждый на своемъ мѣстѣ, пріобрѣвши навыкъ и опытность, съ большою пользою служитъ церкви и отечеству.

Золотыя слова, и какъ много было въ нихъ правды, по крайней мѣрѣ, для того времени!

Итакъ, я опять очутился на своемъ излюбленномъ Ротенбергѣ, гдѣ мы обыкновенно оставались до ноября. Здѣсь меня посѣтилъ М. Н. Муравьевъ, бывшій тогда министромъ государственныхъ имуществъ. Онъ заѣхалъ въ Стутгартъ съ цѣлію познакомиться лично съ Гогенгеймскою сельско-хозяйственною академіею, которая въ это время особенно славилась и своими профессорами, и своими практическими заведеніями, и куда посылались изъ Россіи молодые люди, большею частію кандидаты на профессуру по сельскому хозяйству, для дальнѣйшаго образованія. По желанію министра я долженъ былъ сопровождать его въ эту экскурсію. Гогенгеймъ находится въ разстояніи 2-хъ часовъ ѣзды въ экипажѣ отъ Стутгарта. Это—дворецъ, построенный въ концѣ прошлаго столѣтія герцогомъ Карломъ и обращенный въ 1818 году королемъ

Вильгельмомъ въ сельско-хозяйственное заведеніе. Очень интересно было сравнить взглядъ на это заведеніе русскаго министра съ общимъ понятіемъ мѣстныхъ жителей, гордившихся этимъ заведеніемъ. М. Н. Муравьеву показалось все въ немъ чрезвычайно мелкимъ, узкимъ и тѣснымъ. Образцовыя поля тянулись узкими полосами, по которымъ невозможно было пройти плугомъ, и потому они обрабатывались кирками. Скотный дворъ, помѣщавшійся въ прежнихъ придворныхъ конюшняхъ, не соотвѣтствовалъ всѣмъ научнымъ требованіямъ. Однимъ словомъ, все, что на скромный нѣмецкій взглядъ казалось grossartig, русскому глазу, привыкшему къ широкимъ размѣрамъ, представлялось мизернымъ и мелкимъ. Результатомъ этого самоличнаго обзора нашимъ министромъ Гогенгеймскаго заведенія было то, что съ тѣхъ поръ перестали посылать туда нашихъ молодыхъ ученыхъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ.

Перебравшись на зимнюю квартиру въ Стутгартъ, я опять принялся за переписку и корреспонденцію по интересовавшимъ меня предметамъ благоустроенія нашей церкви. Въ это время о. Янышевъ изъ Висбадена сообщилъ мнѣ интересныя свѣдѣнія по дѣлу устройства у насъ въ Россіи первой, дотолѣ никогда не бывавшей, общины сестеръ милосердія. Благое начинаніе въ этомъ дѣлѣ принадлежало великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая своимъ свѣтлымъ умомъ первая поняла высокое значеніе дѣятельности сестеръ милосердія въ другихъ странахъ и крайнюю нужду и пользу подобнаго учрежденія въ нашемъ отечествѣ. Но какъ это было совсѣмъ новое дѣло, то великая княгиня поручила о. Янышеву изучить его на мѣстѣ какъ въ католическихъ, такъ и протестантскихъ странахъ. Для этого онъ ѣздилъ во Францію, гдѣ монашескіе ордена давно довели эту часть христіанской дѣятельности до возможнаго совершенства, а также на Рейнъ въ Кайзервертъ, гдѣ находился знаменитый разсадникъ протестантскихъ сестеръ милосердія. Составивъ на основаніи этихъ наблюденій проектъ устава новой общины для Россіи, о. Янышевъ прислалъ его мнѣ для сообщенія нашей великой княгинѣ, которая вдвойнѣ интересовалась этимъ дѣломъ какъ для Россіи, такъ и для своего Виртемберга, гдѣ также еще не существовало сестеръ милосердія. Вообще это дѣло было выработано католическою церковью не безъ примѣси пропаганды и, какъ такое, оно долго оставалось чуждымъ протестантской церкви. Но вотъ знаменитый проповѣдникъ Лакордеръ съ каѳедры Парижской Богоматери произнесъ вызовъ другимъ вѣроисповѣданіямъ въ слѣдующихъ словахъ: «Хотите знать въ двухъ словахъ преимущества католичества? Вотъ они: миссіонеръ и сестра милосердія». И протестантство встрепенулось. Миссіонерство у нихъ давно было развито и практиковалось въ большихъ размѣрахъ, но сестеръ милосердія вовсе не имѣлось и даже, какъ замѣ-

чено, протестанты чуждались этого дѣла, какъ несвойственнаго духу свободнаго изслѣдованія истины, исключающему всякій прозелитизмъ. Но Лакордеръ въ своей знаменитой проповѣди ясно доказалъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ этой самоотверженной любви къ ближнему, которую олицетворяетъ въ себѣ сестра милосердія, нѣтъ истиннаго христіанства, такъ какъ оно есть любовь. Съ этимъ не могли не согласиться даже такіе заклятые враги католичества, какъ протестанты; этого не должна бы была пропустить мимо ушей и наша православная церковь. Но въ то время, какъ протестанты, сознавъ правоту укоризны, принялись на свой манеръ устраивать у себя дѣло христіанскаго милосердія, мы продолжали оставаться въ своемъ обычномъ усыпленіи, пока не нашлась такая бодрствующая особа, какъ великая княгиня Елена Павловна, которая своимъ вліяніемъ, свойственнымъ ея высокому положенію, возбудила это дѣло и привела его въ исполненіе. И наша великая княгиня рѣшилась ввести это благодѣтельное учрежденіе въ своей странѣ, только она начала это дѣло въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Для этого она призвала къ себѣ прелата Капфа, одного изъ главныхъ пасторовъ Стутгарта, извѣстнаго своимъ піэтистическимъ направленіемъ, котораго не трудно было склонить на это дѣло. Тотъ поѣхалъ въ Страсбургъ, гдѣ уже существовало заведеніе протестантскихъ діаконисъ, привезъ съ собою двухъ сестеръ и съ помощью ихъ открылъ маленькую больницу въ нѣсколько кроватей сперва въ нанятой квартирѣ, потомъ въ небольшомъ купленномъ домѣ, а въ 1866 году съ помощью частныхъ пожертвованій выстроилось огромное зданіе, заключающее въ себѣ и больницу, и заведеніе для образованія діаконисъ, которыя служатъ больнымъ какъ въ госпиталяхъ, такъ и въ частныхъ домахъ.

Не переставали меня занимать и восточныя дѣла, къ участію въ которыхъ я призывался предложеніемъ мнѣ занять мѣсто начальника нашей миссіи въ Іерусалимѣ. Для этого у меня было два усердныхъ корреспондента—одинъ греческій архимандритъ Григорій Веглерисъ, впрочемъ совсѣмъ обрусѣвшій и состоявшій на службѣ въ Россіи, а другой—мой пріятель по Стутгарту дипломатъ А. С. Мухановъ, служившій въ это время при нашемъ посольствѣ въ Константинополѣ. О. Григорій извѣщалъ меня о впечатлѣніи, произведенномъ на востокѣ путешествіемъ великаго князя Константина Николаевича. «Путешествіе великаго князя,—писалъ онъ мнѣ,—въ Іерусалимъ состоялось, несмотря на всѣ толки, будто великій князь долженъ былъ отложить свою поѣздку во святой градъ. Его высочество изволилъ вездѣ оставаться довольнымъ. Какъ русская духовная миссія въ Іерусалимѣ, такъ и тамошній патріархъ и константинопольскіе святители заслужили его милостивое расположеніе и благодарность за усердный, восторженный пріемъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя описать того, какъ встрѣчали на угнетенномъ, единовѣр-

номъ намъ Востокѣ православнаго князя изъ дома благочестивыхъ царей русскихъ, этихъ защитниковъ и покровителей нашихъ братій во Христѣ, подавленныхъ игомъ исламизма. Рукоплесканія, слезы, крикъ и даже въ иныхъ мѣстахъ (въ Смирнѣ) русское громоносное «ура!»—все было потрачено съ избыткомъ и для того только, чтобы какъ-нибудь обнаружить свою невыразимую радость этому дорогому, безцѣнному сѣверному гостю, въ шествіи котораго всякій православный житель востока надѣялся видѣть начало, зарю лучшихъ, отрадныхъ дней для своей страждущей отчизны. Дѣла константинопольской церкви призываютъ къ участію въ нихъ и церковь русскую. Тамъ теперь такія волненія, что и ангелъ ихъ не разберетъ. Міряне возстаютъ противъ духовныхъ, стараясь отнять у нихъ искони усвоенныя ими права, напримѣръ, право избранія епископовъ и патріарха. Духовные жалуются на свѣтскихъ и просятъ противъ нихъ себѣ защиты у русскаго правительства и русской церкви. Говорятъ, государь императоръ по этому случаю поручилъ нашимъ митрополитамъ разсудить объ этомъ предметѣ и представить свои соображенія на счетъ устройства константинопольской церкви. Чѣмъ все это кончится, еще не извѣстно. Во всякомъ случаѣ, дай Богъ, чтобы на мѣсто разногласія и вражды по-прежнему водворились миръ и любовь въ нѣдрахъ православнаго Константинополя».

Грустныя извѣстія о положеніи православія на Востокѣ наводили меня на мысль о нуждѣ радикальныхъ преобразованій въ самомъ организмѣ церкви и нерѣдко заставляли задумываться надъ средствами пробужденія къ жизни родной церкви. На этотъ разъ я обратился съ своими мечтами къ моему старинному пріятелю, вошедшему теперь въ силу и въ это время исправлявшему должность синодальнаго оберъ-прокурора, князю Сергѣю Николаевичу Урусову. Знакомство мое съ нимъ началось еще въ сороковыхъ годахъ въ Висбаденѣ, куда князь привозилъ для лѣченія свою больную жену. Разъ я сижу въ одной изъ аллей на скамейкѣ, ко мнѣ подсаживается какой-то маленькій невзрачный человѣчекъ. Мы сидимъ и молчимъ. Но вотъ проходитъ какой-то нѣмецкій рабочій и съ словами «guten Tag» тоже садится между нами и, осмотрѣвъ насъ обоихъ, обращается къ моему сосѣду, какъ болѣе подходящему по виду къ его классу, съ вопросомъ: welcher Profession sind Sie? Очевидно, онъ принялъ его за своего брата-ремесленника и хотѣлъ знать, какимъ ремесломъ онъ занимается. Князь же, не понявъ или не разслышавъ вопроса, отвѣчалъ: orthodoxe; вѣроятно, вмѣсто Profession ему послышалось Confession. Этотъ отвѣтъ въ свою очередь поставилъ въ тупикъ вопрошателя, который по всей вѣроятности никогда не слыхивалъ слова orthodoxe, и потомъ онъ, еще разъ оглянувъ его, всталъ и съ новымъ guten Tag пошелъ дальше своею дорогою. Но зато я теперь обратился къ свое-

му сосѣду, признавшемуся такъ невпопадъ православнымъ, уже по-русски, и съ этой минуты началось наше знакомство, которое впослѣдствіи приняло характеръ дружескихъ сношеній. Каждый разъ, какъ я бывалъ въ Россіи, я непремѣнно посѣщалъ князя Сергѣя Николаевича или въ Москвѣ или въ Петербургѣ, и мы подолгу бесѣдовали съ нимъ о разныхъ вопросахъ и нравственныхъ, и церковныхъ, и политическихъ. Въ послѣднюю мою поѣздку въ Петербургъ князь Урусовъ, сначала остававшійся въ скромной неизвѣстности, а теперь сдѣлавшійся вдругъ человѣкомъ въ большомъ ходу, котораго употребляли на все и вездѣ, котораго всѣ искали и интересовались имъ, сдѣлался почти недоступенъ не потому, чтобы онъ измѣнилъ свой характеръ скромности и крайней услужливости, но потому, что онъ былъ такъ занятъ, что его трудно было застать дома и еще труднѣе найти его на досугѣ, чтобы поговорить отъ души. Понавѣдавшись къ нему нѣсколько разъ и все безуспѣшно, я спросилъ его камердинера: когда же наконецъ можно застать князя дома?

— Да вы пожалуйте, говоритъ, сегодня, такъ часовъ въ 11 вечера. Князь къ тому времени воротятся отъ великой княгини Елены Павловны и будутъ очень рады васъ видѣть.

Какъ ни необыченъ былъ по-заграничному такой поздній часъ для визита, я все-таки отправился въ назначенное время въ квартиру князя и прождалъ еще съ полчаса его возвращенія. Когда онъ вернулся и нашелъ меня у себя, онъ очень обрадовался, взялъ меня къ себѣ въ кабинетъ, и мы расположились было бесѣдовать на свободѣ, какъ вдругъ докладываютъ о какомъ-то директорѣ департамента. Это въ 12 часовъ ночи.

— Ахъ! батюшки-свѣты,—встрепенулся мой князь.—Вотъ петербургская-то жизнь. Ну, проси.

Дѣйствительно, входитъ солидный господинъ въ вицмундирѣ съ портфелемъ подъ мышкою. Кто зналъ лично князя С. Н. Урусова, тотъ пойметъ слѣдующую картину, которой я былъ свидѣтелемъ. Принимая своего директора съ распростертыми объятіями, князь беретъ изъ рукъ его портфель и начинаетъ ему въ поясъ кланяться съ словами:

— Покорнѣйше васъ благодарю! п о к о р н ѣ й ш е васъ благодарю! и все приступая къ нему ближе съ поклонами, выпроваживаетъ его изъ кабинета, потомъ все тѣми же низкими поклонами провожаетъ его до передней.

Послѣ того, какъ тотъ, все пятясь назадъ отъ этихъ поклоновъ, затворилъ за собою дверь передней, князь вбѣгаетъ ко мнѣ въ кабинетъ съ словами:

— Ну, батюшка, теперь мы дома. Давайте, поговоримъ отъ души!

И вотъ здѣсь-то я далъ волю своимъ мечтамъ и фантазіямъ, которыя послужили потомъ темою моей усердной переписки съ княземъ Урусовымъ...

Въ мартѣ 1860 года, я былъ обрадованъ совершенно неожиданнымъ мною извѣстіемъ, что моя книжка Библейской исторіи, издававшаяся сначала подъ именемъ «Сказанія, заимствованныя изъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго завѣта», удостоена была безъ всякаго съ моей стороны соисканія преміи гр. Киселева, состоящей изъ золотой медали въ 300 рублей. Извѣщая меня объ этомъ, бывшій тогда министромъ государственныхъ имуществъ Валуевъ препроводилъ ко мнѣ и отчетъ ученаго комитета, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «Изъ принятыхъ на конкурсъ четырехъ печатныхъ сочиненій вниманіе комитета обратила «Библейская исторія въ краткихъ сказаніяхъ, заимствованныхъ изъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго завѣта», какъ сочиненіе, подходящее подъ IV условіе конкурса и заслуживающее преміи. Книжка эта, по мнѣнію комитета, по простотѣ и ясности изложенія и правильности языка, есть превосходнѣйшее изъ всѣхъ донынѣ вышедшихъ сочиненій по сей части. Въ ней авторъ передаетъ понятнымъ для крестьянина языкомъ историческія событія Ветхаго и Новаго завѣта, останавливая вниманіе читателя на важнѣйшихъ и болѣе поучительныхъ для него событіяхъ. Авторъ, какъ замѣтно, имѣлъ преимущественно въ виду читателей еще неразвитыхъ и при изложеніи библейскихъ событій Ветхаго завѣта умѣлъ избѣгнуть неудобствъ, наиболѣе встрѣчающихся при составленіи подобныхъ книгъ, и сдѣлалъ это безъ вреда для полноты сочиненія. Краткость, ясность и полнота изложенія сочиненія дѣлаютъ его и хорошимъ учебникомъ, и книгою полезною для чтенія. На основаніи сихъ соображеній ученый комитетъ, съ утвержденія г. министра государственныхъ имуществъ, нашелъ справедливымъ присудить сочиненію «Библейская исторія и пр.» золотую медаль графа П. Д. Киселева [1]), о семъ и объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе.

Въ іюнѣ пожаловала въ Висбаденъ императрица Александра Ѳеодоровна, вслѣдствіе чего туда переселились и наша великая княгиня и мы съ причтомъ для совершенія богослуженія. Это было послѣднее пребываніе императрицы въ Висбаденѣ и за границею вообще, такъ какъ осенью этого года послѣдовала ея кончина. Замѣчательно было какъ бы предзнаменованіе этого событія, совершившееся на моихъ глазахъ. Въ день рожденія покойнаго государя 25-го іюня совершали мы панихиду въ комнатахъ императрицы. Когда я подалъ ея величеству зажженную свѣчу, свѣча эта вдругъ погасла въ ея рукѣ. Императрица,

[1]) На лицевой сторонѣ этой медали находился бюстъ гр. П. Д. Киселева, а на обратной въ вѣнкѣ текстъ св. писанія: „Аминь, глаголю вамъ, понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе. Ев. Мат. гл. 10 ст. 40“, а вокругъ: „въ память управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ 1836—1856“.

нисколько не смутившись этимъ, обратилась къ стоявшей возлѣ нея великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ со словами: «смотри! это мнѣ умереть».

Проводивъ императрицу, которая изъ Висбадена отправилась прямо въ Россію, не желая, по ея словамъ, умереть въ чужихъ краяхъ, мы задумали съ нашимъ посланникомъ В. П. Титовымъ сдѣлать поѣздку въ верхнюю Баварію, гдѣ въ мѣстечкѣ Оберъ-Аммергау черезъ каждыя десять лѣтъ въ десятичные годы давалось представленіе Страстей Господнихъ, привлекавшее къ себѣ толпы благочестивыхъ и еще болѣе любопытныхъ со всѣхъ концовъ свѣта. Я взялъ съ собою моего старшаго сына, и мы въ началѣ августа отправились въ это паломничество. Доѣхавъ по желѣзной дорогѣ до Мюнхена, мы освѣдомились тамъ, какимъ способомъ намъ добраться до завѣтнаго мѣста, лежащаго въ тирольскихъ горахъ. Растолковавъ намъ маршрутъ, насъ предупредили въ Мюнхенѣ, что если мы напередъ не заказали себѣ экипажа и квартиры, то мы рискуемъ не достигнуть своей цѣли отъ множества людей, устремляющихся на это зрѣлище. Однако, мы рѣшились пуститься на-авось. Переѣхавъ на пароходѣ Старенбергское озеро, сдѣлавшееся впослѣдствіи столь извѣстнымъ по несчастной гибели баварскаго короля Людвига, бросившагося въ его волны и утопившаго съ собою и своего лейбъ-медика, мы на пристани увидали безчисленное множество экипажей всякаго рода отъ почтовыхъ колясокъ и омнибусовъ до простыхъ телѣгъ съ продольными сидѣніями изъ досокъ. Когда мы вышли на берегъ, то тутъ же замѣтили, что лучшіе изъ экипажей всѣ были заказаны напередъ изъ Мюнхена ѣхавшими вмѣстѣ съ нами на пароходѣ пассажирами, и намъ оставалось искать себѣ мѣстечка въ омнибусахъ или телѣгахъ, которыя всѣ брались тутъ чуть не съ бою. Однако, намъ удалось кое-какъ достать себѣ три мѣста въ одномъ изъ такихъ экипажей, гдѣ насъ помѣстилось человѣкъ 12, большею частію изъ простаго народа. Ѣзды отсюда до Оберъ-Аммергау было часовъ 6, и въ такой тѣснотѣ въ неудобномъ экипажѣ было бы невыносимо просидѣть все это время. По счастію дорога шла большею частію въ гору и слѣдовательно шагомъ, почему мы могли часто выходить изъ своего омнибуса и идти пѣшкомъ, наслаждаясь и горнымъ воздухомъ, и живописными окрестностями. Это путешествіе, равно какъ и самое представленіе въ Оберъ-Аммергау я описалъ и напечаталъ въ «Странникѣ» 1861 года въ статьѣ подъ названіемъ: «Представленіе Страстей Господнихъ въ Верхней Баваріи» и потому, не повторяя здѣсь описаннаго, остановлюсь воспоминаніемъ только на нѣкоторыхъ эпизодахъ этого интереснаго путешествія. Добравшись до цѣли нашего странствованія, мы были встрѣчены здѣсь неудобствами, предсказанными намъ въ Мюнхенѣ. Мы пріѣхали туда въ субботу вечеромъ наканунѣ представленія, которое дается по воскресеньямъ въ теченіе лѣта каждаго десятичнаго года, и первою заботою нашею было до-

стать себѣ мѣста на завтрашнее представленіе. Для этого мы отправились къ театру, расположенному въ полѣ за селеніемъ. Здѣсь насъ поразили фигуры костюмированныхъ людей, двигавшихся въ полѣ и распивавшихъ кружки пива у раскинутыхъ вокругъ балагановъ. Оказалось, что это были завтрашніе актеры, всѣ изъ селенія Оберъ-Аммергау, фарисеи, римскіе воины, народъ въ костюмѣ эпохи, и когда мы, доставъ себѣ билеты, вспомнили о ночлегѣ, который трудно было достать, такъ какъ все было давно занято, и для этого обратились съ вопросомъ къ одному поселянину, то онъ, подумавъ, указалъ намъ на одного костюмированнаго со словами:

— А вотъ спросите у этого фарисея, можетъ быть, у него въ домѣ найдется еще мѣстечко.

Но на вопросъ нашъ объ этомъ фарисей отвѣчалъ, что у него все уже переполнено.

— А вотъ,—прибавилъ онъ,—попробуйте у Матери Божіей, тамъ еще можетъ быть найдете себѣ ночлегъ.

Какъ ни странно намъ было слышать такіе адреса для пріисканія ночлега, мы все-таки пошли по направленію къ указанному намъ дому Матери Божіей, думая, однако, сначала, что домъ такъ называется по изображенію на стѣнѣ его Божіей Матери въ сіяніи и облакахъ. Но на самомъ дѣлѣ, оказалось, что дочь хозяина этого дома участвуетъ въ представленіи въ роли Матери Божіей, и жители селенія такъ уже сроднились съ своими ролями, что и въ частномъ быту называютъ себя не по именамъ, но по ролямъ, къ которымъ они готовятся въ продолженіе десятка лѣтъ отъ одного десятигодичнаго представленія до другаго. Матерь Божія на нашъ вопросъ о ночлегѣ отвѣчала, что въ домѣ у нихъ все занято, но что на чердакѣ есть двухспальная постель, на которой могутъ помѣститься и трое. Намъ показалось немного дико такимъ способомъ провести ночь, и потому мы спросили, нѣтъ ли у нихъ въ домѣ хоть дивана или скамейки для третьяго. Диванъ оказался, но только слишкомъ короткій. Дѣлать было нечего. В. П. Титовъ согласился помѣститься на этомъ диванѣ на ночь, предоставивъ мнѣ съ сыномъ двухспальную кровать на чердакѣ. Запасшись этимъ ночлегомъ, мы отправились поискать себѣ ужинъ и вмѣстѣ осмотрѣть интересовавшую насъ мѣстность. Въ 8 часовъ вечера раздались пушечные выстрѣлы и звонъ колоколовъ, возвѣщавшіе канунъ завтрашняго представленія; по улицамъ прошла музыка изъ доморощенныхъ артистовъ селенія. Надобно замѣтить, что оберъ-аммергаусцы, считая это представленіе своею исключительною собственностью, никого не допускаютъ къ участію въ немъ, кромѣ своихъ поселянъ. Однако, насмотрѣвшись на все это, мы вспомнили, что намъ пора на покой — тѣмъ болѣе, что завтра надо было рано вставать, такъ какъ представленіе начиналось въ

8 часовъ утра. Но каково же было наше изумленіе, когда, отворивъ дверь въ комнату, въ которой В. П. Титовъ долженъ былъ спать на своемъ диванѣ, мы нашли ее заложенною множествомъ спавшихъ на полу людей. То были простые крестьяне, собравшіеся изъ окрестностей на представленіе и не имѣвшіе другаго мѣста для ночлега, кромѣ пріютившаго ихъ крова гостепріимной Матери Божіей, пускавшей къ себѣ гостей, сколько войдетъ. Пришлось Владиміру Павловичу шагать черезъ спящихъ, чтобы добраться до своего дивана. Меня же съ сыномъ молодая хозяйка проводила на чердакъ къ двухспальной кровати и тутъ же просила насъ снять сапоги, чтобы она успѣла ихъ вычистить съ вечера, такъ какъ на другое утро рано она должна идти въ церковь, чтобы причащаться передъ разыгрываніемъ своей роли Матери Божіей въ предстоящемъ представленіи. Этотъ долгъ исполняютъ всѣ главные актеры, представляющіе священныя роли Христа, апостоловъ и евангельскихъ женъ. Кромѣ того, роль Христа предоставляется человѣку безупречнаго поведенія и болѣе благообразному.

На другое утро мы встали рано и поспѣшили на мѣсто зрѣлища. Тамъ все уже было полно народа, съ благоговѣніемъ ожидавшаго начала этого священнодѣйствія, ибо въ глазахъ католическаго крестьянства это не было простое представленіе евангельскихъ событій, но литургическое дѣйство, подобно тому, какъ въ нашей церкви въ старину совершалось дѣйство трехъ отроковъ въ пещи огненной или входъ въ Іерусалимъ съ патріархомъ на конѣ. Оберъ-аммергаузское дѣйствіе приняло со временемъ характеръ настоящаго театральнаго представленія, тѣмъ не менѣе, какъ по великости и святости содержанія, такъ и по благоговѣнію и даже артистичности исполненія, оно захватываетъ душу и до такой степени приковываетъ къ себѣ вниманіе, что, несмотря на восьмичасовое съ перерывомъ только на одинъ часъ продолженіе, не чувствуешь усталости ни отъ долгаго сидѣнія на одномъ мѣстѣ, ни отъ напряженнаго слѣдованія за смѣняющимися сценами. Это наблюденіе еще болѣе поразило меня, когда мнѣ удалось побывать еще разъ на этомъ представленіи 20 лѣтъ спустя въ 1880 году въ обществѣ того же старшаго сына и уже внуковъ моихъ, его дѣтей, мальчиковъ 9-ти и 7-ми лѣтъ. Эти мальчуганы не только не утомились нисколько отъ долгаго сидѣнія на этомъ представленіи, но напротивъ еще съ бо̀льшимъ вниманіемъ, чѣмъ мы, взрослые, слѣдили за нимъ съ начала до конца. И въ самомъ дѣлѣ, это необычайное проведеніе передъ глазами самыхъ священныхъ событій міровой исторіи въ живыхъ лицахъ невольно захватываетъ духъ и сердце. Мнѣ, какъ въ первый, такъ и во второй разъ при этомъ представленіи было страшно одно только, чтобы не вышло какой-либо профанаціи столь священнаго предмета. Однако, принимая во вниманіе какъ настроеніе самихъ актеровъ, приготовляю-

щихся принятіемъ св. таинъ къ исполненію главныхъ ролей, такъ и благоговѣйное присутствіе народа, стекающагося на это зрѣлище, какъ на поклоненіе святынѣ, невольно входишь и самъ въ такое же настроеніе и думаешь только объ одномъ, что это представленіе единственное въ своемъ родѣ, что, имѣя свою мѣстную подкладку, оно можетъ совершаться такъ въ одномъ только этомъ мѣстѣ и даже не чаще, какъ на разстояніи десятка лѣтъ.

Высидѣвъ первую часть, мы вышли вмѣстѣ съ другими въ 12 часовъ на волю, чтобы подкрѣпить свои силы на слѣдующіе 4 часа. Нужно было подумать объ обѣдѣ, но—увы!—намъ только и пришлось что подумать объ этомъ, а исполнить это благое намѣреніе не было никакой возможности. Окружавшіе эту мѣстность балаганы съ съѣстными припасами и пивомъ были буквально осаждены высыпавшими изъ театра зрителями, и каждый кусокъ хлѣба, каждая кружка пива доставались съ боя. Возвращаться же для этого въ селеніе не было возможности, такъ какъ времени на обѣдъ и отдыхъ дано было всего одинъ часъ, а селеніе было не близко, и вотъ мы опять принуждены были обратиться за помощью къ мытарямъ и фарисеямъ, которые прогуливались здѣсь же въ своихъ театральныхъ костюмахъ. Съ благодушіемъ, свойственнымъ тирольцамъ, каждый изъ нихъ поспѣшилъ достать намъ что можно, одинъ принесъ хлѣба, другой—сосисокъ, третій огромную кружку пива, и мы, подкрѣпивъ себя этою скромною пищею, поспѣшили опять занять свои мѣста, тѣмъ болѣе, что раздался уже второй выстрѣлъ пушки, а по третьему начиналось представленіе. Въ этой второй части самое интересное было распятіе. Сцена эта была проведена безукоризненно. Очень благоразумно было устроено, что самый актъ прибиванія ко кресту былъ исполненъ за сценою; слышалось только вбиваніе гвоздей, и когда поднялся занавѣсъ, глазамъ зрителей представилась картина трехъ крестовъ съ висящими на нихъ тѣлами, совершенно скомпонированная по образцу знаменитой картины Рубенса. Но хорошо бы было, если бы это дѣйствительно была только картина, хотя и живая. Но когда стали раздаваться изъ устъ распятаго на крестѣ извѣстныя 7 словъ евангельскихъ, невольно возмущалось религіозное чувство; испытывалась профанація священнаго акта, особенно когда эти слова произносились на мѣстномъ нарѣчіи, какимъ говоритъ простонародіе.

Выдержавъ все это до конца, мы вышли въ пять часовъ изъ этого представленія, полные разнообразныхъ впечатлѣній, въ которыхъ мы не могли дать себѣ отчета. Одно, что насъ теперь занимало, это то, чтобы не оставаться еще на ночь въ домѣ нашей Матери Божіей и по возможности пріискать себѣ другой болѣе удобный ночлегъ. По счастію, тутъ же у театра намъ предложилъ свои услуги обратный кучеръ изъ

Партенкирхена свезти насъ въ это мѣстечко, извѣстное своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ и потому посѣщаемое во множествѣ туристами. Обрадовавшись этому случаю, мы сейчасъ же захватили наши пожитки и отправились въ путь.

Въ Партенкирхенѣ мы нашли себѣ и удобное помѣщеніе, и прелестную мѣстность, такъ что мы съ большимъ удовольствіемъ провели здѣсь цѣлый день. Но эта самая прелесть природы возбудила въ насъ охоту погулять еще подольше по живописнымъ мѣстамъ верхней Баваріи, и мы рѣшились отправиться оттуда въ Тегернзее, куда на лѣто собираются пожить на дачахъ, и гдѣ въ это лѣто находилось семейство нашего секретаря посольства графа Толя. Описывать всѣ живописныя мѣстности, проѣханныя нами въ эту поѣздку—значило бы повторять Бедекера. Довольно сказать, что мы такъ увлеклись этимъ путешествіемъ, что сами не замѣтили, какъ забрались въ Тироль, доѣхали до Инсбрука и Ботцена, и только черезъ двѣ недѣли вернулись назадъ въ Стутгартъ.

Воротившись на Ротенбергъ, я нашелъ множество поздравленій съ разныхъ сторонъ съ пожалованіемъ мнѣ ордена Св. Владиміра 3-й степени. Бутеневъ, бывшій нашимъ посланникомъ въ Римѣ, прибавлялъ, что это уже генеральская награда, а о. Янышевъ изъ Висбадена предсказывалъ мнѣ послѣ этого петербургское митрополитство. Но не бывъ, по счастію, никогда честолюбивымъ, я послѣ нѣсколькихъ попытокъ какъ съ своей стороны, такъ и со стороны начальства расширить свою дѣятельность на болѣе вліятельномъ мѣстѣ внутри Россіи, скоро и легко примирялся съ своимъ скромнымъ положеніемъ, находя его только, по совѣсти говоря, слишкомъ удобнымъ и беззаботнымъ. Одно, впрочемъ, печалило меня, что вокругъ и вблизи себя я не находилъ людей равныхъ себѣ по богословскому образованію, съ которыми можно было бы мѣняться мыслями и впечатлѣніями. Но противъ этого я принялъ уже мѣры, возбудивъ вопросъ о замѣщеніи псаломщицкихъ мѣстъ за границею кандидатами богословія, и въ слѣдующемъ же году получилъ на мѣсто двухъ старинныхъ дьячковъ, которымъ выхлопотали пенсію, одного кандидата, а другаго магистра изъ кончившихъ курсъ Петербургской академіи. Теперь мы стали хлопотать о назначеніи къ нашей церкви діакона, котораго по штату до сихъ поръ не полагалось. При этомъ мы увлеклись новыми теченіями времени и по примѣру, поданному митрополитомъ московскимъ Филаретомъ, который посвятилъ въ священники холостаго профессора Горскаго, пожелали имѣть у себя дьякона неженатаго. Но эта новизна встрѣтила большія затрудненія со стороны начальства. Князь Урусовъ, къ которому я обратился по порученію великой княгини Ольги Николаевны, съ просьбою объ этомъ, отвѣчалъ мнѣ на это такъ: «великой княгинѣ угодно имѣть въ Стутгартѣ неженатаго діакона изъ бѣлаго духовенства. Это такъ трудно, что

я рѣшительно считаю это даже невозможнымъ. Посвященіе Горскаго московскимъ митрополитомъ, извѣстнымъ блюстителемъ церковныхъ правилъ и обычаевъ, произвело однако нѣкоторое волненіе. Мы получили и получаемъ изъ внутренности Россіи разныя письма, въ которыхъ весьма непріязненно отзываются по этому случаю о новости, вводимой въ церковь. Мнѣ достовѣрно также извѣстно, что въ Сербіи и въ славянскихъ земляхъ посвященіе Горскаго было принято неблагопріятно. Судите сами, рѣшатся ли послѣ этого наши пастыри поставить неженатаго діакона. Самое движеніе, которое не случайно, а силою необходимости, возбуждено въ нашей церковной жизни, вызываетъ сопротивленіе, весьма понятное, весьма естественное въ тѣхъ, которые выросли, возмужали, окрѣпли подъ вліяніемъ понятій, даже привычекъ, освященныхъ вѣками. Нельзя также не сознаться, что каждое преобразованіе при всей своей пользѣ и логичности имѣетъ ту невыгоду, что увлекаетъ молодые пламенные умы за черту благоразумія и спокойствія. Напримѣръ, допущеніе безбрачія для священника представляется многимъ мечтателямъ пріятнымъ для нихъ протестомъ противъ иночества. Это ошибочное воззрѣніе приписывается молвою духовному начальству и огорчаетъ многихъ весьма ревностныхъ христіанъ. Такое чувство въ особенности выразилось на-дняхъ по случаю кончины митрополита Григорія. Я ежедневно слышу, какъ жалѣютъ объ этомъ достойномъ пастырѣ, восхваляя въ немъ непоколебимую приверженность къ православію. Смерть его, дѣйствительно, назидательна. Ночью послѣ соборованія за 2 часа передъ послѣднимъ вздохомъ онъ въ полной памяти прощался съ братіей лавры, съ служителями. Я тутъ былъ и получилъ отъ него послѣднее благословеніе. Преемникъ ему еще не назначенъ. При такомъ центростремительномъ и центробѣжномъ направленіи сильнѣйшій рычагъ, за который намъ слѣдуетъ взяться, есть воспитаніе. Разсчитывать на скорое улучшеніе семинарій и духовныхъ училищъ мнѣ кажется невозможнымъ. Легче созидать новое, чѣмъ измѣнять старое. Это новое, по моему мнѣнію, состоитъ въ образованіи жены священника, въ подготовленіи того постояннаго теплаго вліянія, которое семейный бытъ долженъ имѣть на человѣка. Въ этомъ отношеніи учрежденіе училищъ, подобныхъ Царскосельскому, Ярославскому, есть благодѣяніе государственное. Мало того,—такія училища незамѣтно составляютъ нравственную связь между императрицей всероссійской и самыми низшими, отдаленными ступенями общественной жизни. Скромная труженническая дѣятельность воспитанницъ училища въ какомъ-либо заброшенномъ углу Олонецкой губерніи не ускользаетъ отъ вниманія государыни. Духовенство начинаетъ это понимать, епископы сами открываютъ средства для устройства женскихъ училищъ; митрополитъ Іосифъ увѣрялъ меня, что онъ готовъ посвятить остатки своей энергіи

на воспитаніе женщинъ духовнаго званія. Конечно, надо стараться дѣлать и мужей достойными своихъ женъ. Богъ не безъ милости. Письмо, которое вы мнѣ прислали, доказываетъ, что и на это поприще готовы способные, но еще невѣдомые дѣятели. Я непремѣнно займусь пріисканіемъ вдоваго діакона; но вы, конечно, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, не забыли, что найти просвѣщеннаго вдовца-діакона— почти такая же задача, какъ найти человѣка съ фонаремъ Діогена».

Съ этимъ послѣднимъ доводомъ мы не могли не согласиться, и къ намъ поступилъ діакономъ женатый магистръ Московской духовной академіи, Репловскій, личность чрезвычайно замѣчательная и оригинальная, стоющая того, чтобы на немъ остановиться въ этихъ воспоминаніяхъ. Во первыхъ, это былъ очень умный и даровитый человѣкъ, огромной начитанности и учености, но угловатый въ своихъ манерахъ и рѣзкій на словахъ. Окончивъ курсъ академіи однимъ изъ первыхъ, онъ долженъ былъ остаться при ней баккалавромъ, но, извѣстный уже по рѣзкости своихъ сужденій митрополиту Филарету, онъ былъ назначенъ преподавателемъ семинаріи въ Ярославль. Въ это время гр. Путятинъ, состоявшій тогда нашимъ морскимъ агентомъ въ Лондонѣ, пригласилъ Репловскаго быть наставникомъ его дѣтей; но на пути къ этому назначенію онъ былъ перехваченъ кн. Урусовымъ, который, желая угодить намъ выборомъ достойнаго человѣка, уговорилъ его принять мѣсто діакона въ Стутгартѣ. Здѣсь онъ сразу заявилъ себя ученымъ и чуть не всезнающимъ человѣкомъ. Великая княгиня поручила ему просматривать русскіе журналы и отмѣчать въ нихъ, что было интереснаго для чтенія. Разъ Репловскій приноситъ ей книжку «Русскаго Вѣстника», въ которомъ онъ отмѣтилъ краснымъ карандашемъ нѣсколько строкъ въ выноскѣ къ одной статьѣ. На вопросъ великой княгини, что же интереснаго въ этой книжкѣ? Репловскій отвѣчалъ: «Ничего, ваше высочество, кромѣ вотъ этой выноски». Это было оригинально и еще болѣе обратило вниманіе всѣхъ на самого оригинала. Такъ ему поручено было впослѣдствіи преподаваніе уроковъ великой княжнѣ Вѣрѣ Константиновнѣ, находившейся на воспитаніи въ Стутгартѣ. Чтобы облегчить ей изученіе русской исторіи, онъ сталъ излагать главнѣйшія событія изъ оной въ виршахъ, которыя такъ нравились не однимъ только дѣтямъ, что заучивались наизусть. Но какъ ни уважали, какъ ни ласкали Репловскаго при дворѣ и въ обществѣ русскихъ, онъ никакъ не давался въ руки и отбивался всячески отъ общественной жизни, запираясь въ своей библіотекѣ, на собраніе которой онъ потратилъ много денегъ. Разъ ему хотѣли сдѣлать честь даже пригласить его на обѣдъ ко двору—и именно въ день тезоименитства его августѣйшей ученицы Вѣры Константиновны. Прибѣгаетъ ко мнѣ Репловскій и объявляетъ, что онъ къ обѣду не пойдетъ.

— Какъ! Что! Да какъ это можно! —говорю ему.—Да что же я скажу въ ваше извиненіе? Вѣдь вы не больны, такъ какъ сегодня были на службѣ и поздравляли именинницу?

— Да скажите просто, что у Репловскаго фрака нѣтъ (а къ обѣду конечно надо было являться во фракѣ).

Такъ и не пошелъ. И это ему простили, какъ оригинальную странность. Рѣзкостью своихъ манеръ и поступковъ онъ не столько оскорблялъ, сколько удивлялъ всѣхъ. Разъ передъ службою я ему какъ-то замѣтилъ, шутя, что у него сзади волосы вьются, какъ у селезня наверхъ. Выслушавъ это, онъ только крякнулъ. Но каково же было мое изумленіе и даже испугъ, когда на слѣдующую службу мой діаконъ явился остриженный подъ гребенку и безъ бороды.

— Что это съ вами?—говорю.

— Да ужъ больно сталъ на селезня походить.

Случилось ему съѣздить какъ-то въ Россію и въ Петербургѣ, проѣзжая по Невскому проспекту, онъ былъ облитъ водою изъ трубы поливальщикомъ улицы. Скорѣе можно было думать, что это случилось по неосторожности и неумышленно, но Репловскій приписалъ это злонамѣренности.

— Ѣдетъ,—разсказывалъ онъ,—попъ; вотъ я окачу его балахонъ, такъ онъ понялъ дѣйствіе поливальщика, и съ этого времени онъ сталъ думать о снятіи рясы и сложеніи съ себя духовнаго сана.

И дѣйствительно, когда ему предложили каѳедру церковнаго права въ Кіевскомъ университетѣ, онъ подалъ въ синодъ просьбу о сложеніи съ себя діаконскаго сана. Но этотъ поспѣшный шагъ вмѣстѣ съ неблагосклоннымъ взглядомъ духовнаго начальства на его литературную дѣятельность (онъ писалъ очень умныя, дѣльныя, но часто желчныя статьи, преимущественно въ «Православномъ Обозрѣніи»), а еще болѣе заподозрѣніе его даже въ политической неблагонадежности (думали, напримѣръ, что онъ пишетъ въ «Колоколѣ» обличительныя статьи), противъ чего я очень сильно защищалъ его и передъ духовнымъ начальствомъ и даже высшею властью, сдѣлали то, что Репловскій сталъ задумываться и дѣлаться непомѣрно страннымъ. Такъ онъ прибѣгалъ ко мнѣ въ испугѣ съ словами:

— А что какъ меня станутъ разстригать! призовутъ въ консисторію, посадятъ на табуретъ, да призовутъ сторожа съ ножницами? Вотъ скандалъ!

Подъ этими впечатлѣніями онъ отправился въ Россію, чтобы хлопотать о своемъ разстриженіи и опредѣленіи въ Кіевскій университетъ, и тамъ въ Москвѣ никѣмъ невидѣнный лишилъ себя жизни. Его нашли зарѣзавшимся въ одномъ паркѣ; и какъ онъ былъ въ партикулярномъ платьѣ, то не знали даже не только, кто онъ, но и къ какому званію

принадлежитъ. Только мы, прочитавъ въ газетахъ описаніе этого загадочнаго самоубійства, стали догадываться, что этотъ несчастный былъ никто другой, какъ нашъ Репловскій, потому что на немъ нашли книжку стихотвореній съ подписью «составилъ я самъ». Эту книжку вмѣстѣ съ другимъ стихотвореніемъ, подъ заглавіемъ: «Большая книга для малыхъ дѣтей» онъ предъ отъѣздомъ въ Россію показывалъ всѣмъ намъ, говоря:

— Это я приготовилъ для своей жены; когда она овдовѣетъ, то будетъ ходить съ этими книжками по домамъ и собирать на бѣдность.

Благодаря добрымъ людямъ, вдова его съ 5-ью сиротами не дошла до этой крайности. Она вскорѣ получила мѣсто начальницы какого-то пріюта въ Петербургѣ, а дѣти ея были приняты въ казенныя заведенія на воспитаніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БИБЛІОТЕКА
КОЛОМЕНСКАГО
КОММЕРЧЕСКАГО СОБРАНІЯ

Россія и папскій престолъ.

II [1]).

Сеймъ въ Варшавѣ.—Страна жаждетъ мира.—Замойскій въ апогеѣ своей популярности.—Его лебединая пѣснь.—Противникъ брака съ австрійской принцессой.—Сарматская откровенность.—Подозрѣнія короля.—Рѣчь Замойскаго на сеймѣ.—Сарказмы и презрѣніе.—Комедіи Плавта и Теренція.—Сапѣга говоритъ противъ Димитрія.—Дилемма.—Молчаніе покровителей Димитрія.—Рѣшеніе сейма.—Затрудненіе короля.—Онъ продолжаетъ свою двуличную политику.—Распущеніе сейма.—Дипломатическій походъ въ Европѣ.—Мистификація Постника-Огарева въ Варшавѣ.—Аудіенція въ Вавелѣ.—Сущность спора.—Частная аудіенція.—Уклончивый и хитрый отвѣтъ Сапѣги.—Письмо Бориса Годунова къ Рудольфу II.—Уклончивый отвѣтъ императора.—Письмо къ папѣ.—Оно передано въ конклавъ.—Историческое недоразумѣніе.

Судя по отвѣтамъ, которые были присланы сенаторами на королевское письмо, въ мартѣ мѣсяцѣ 1604 г., и по инструкціямъ, даннымъ сеймиками выборнымъ, можно было предсказать все то, что произошло на сеймѣ въ Варшавѣ 20-го января 1605 г. Въ послѣдніе мѣсяцы предъидущаго года положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось. Димитрій, какъ увидимъ далѣе, перешелъ польскую границу въ сопровожденіи воеводы Мнишека. Его вступленіе въ предѣлы Московскаго государства во главѣ арміи было совершившимся фактомъ, но объ его дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ не имѣли еще опредѣленныхъ свѣдѣній; извѣстія, доходившія въ Польшу, были весьма разнорѣчивы: одни говорили, будто Димитрій побѣждаетъ, другіе —будто онъ потерпѣлъ пораженіе и обращенъ въ бѣгство.

[1]) См. „Русск. Старину“ май 1901 г.

Но и помимо этой неизвѣстности, которая могла сама по себѣ парализоватьв сякую энергію, было ясно, въ какую сторону склонялось общественное мнѣніе. Страна жаждала мира, она боялась налоговъ, которые влечетъ за собою война, и всѣхъ бѣдствій, съ нею неразлучныхъ. Поэтому многія, весьма авторитетныя лица возстали противъ неизвѣстнаго человѣка, который могъ поселить раздоръ между Польшею и Москвою, и хотя у него были кое-какіе сторонники, но они защищали его не особенно энергично, и въ концѣ концовъ король очутился въ полномъ разногласіи съ сеймомъ [1]).

Самымъ выдающимся лицомъ въ этомъ собраніи былъ Янъ Замойскій. Физическія силы оставили уже доблестнаго патріота, но онъ гордился старческими недугами, пріобрѣтенными имъ на службѣ республики. Какъ бы предвидя близкую кончину, Замойскій затянулъ свою лебединую пѣснь. Достигнувъ высшихъ почестей, званія великаго гетмана и великаго канцлера, онъ называлъ себя равнымъ послѣднему шляхтичу, былъ восторженнымъ поклонникомъ идеальнаго равенства польской шляхты и ярымъ защитникомъ старинныхъ польскихъ привилегій. Популярность, которой онъ пользовался, достигла въ то время высшей степени, но онъ уже не пользовался прежнимъ вліяніемъ при дворѣ. Между нимъ и королемъ возникли серьезныя разногласія, и онъ не имѣлъ болѣе довѣрія Сигизмунда. Причины этой размолвки были совершенно интимнаго, личнаго свойства. Потерявъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ свою супругу, эрцгерцогиню австрійскую Анну, король хотѣлъ вступить во вторичный бракъ съ ея сестрою. Съ точки зрѣнія политики, это усилило бы снова вліяніе Австріи, а съ точки зрѣнія каноническаго права, этотъ бракъ, заключенный между столь близкими родственниками, считался бы незаконнымъ. Замойскій былъ всегдашнимъ противникомъ Габсбурговъ; онъ оспаривалъ ихъ кандидатуру на польскій престолъ и одержалъ блестящую побѣду надъ эрцгерцогомъ австрійскимъ. Онъ умѣлъ также, подчасъ, разыграть роль до фанатизма строгаго моралиста: намѣренія короля приводили его въ ужасъ. Препятствія со стороны церкви, строго говоря, болѣе не существовало, такъ какъ 19-го іюня 1604 г. Климентъ VIII добровольно предложилъ королю дать необходимое разрѣшеніе на этотъ бракъ [2]); тѣмъ не менѣе Замойскій боялся скандала и притворился, будто онъ не вѣритъ въ разрѣшеніе папы. На вопросъ, предложенный ему по этому поводу самимъ св. отцомъ, онъ отвѣчалъ какъ римлянинъ, что первою супругою короля должна быть республика и что надобно заключать остальные браки, сообра-

---

[1]) „Русск. ист. библ.“, т. I.—Щепкинъ, т. XX, стр. 228.

[2]) С.-Петербургъ Публ. библ., Автографы, 63, т. II, f. 24, маленькое письмецо Климента VIII, вложенное въ письмо Сигизмунда къ Зеновичу.

жаясь съ ея интересами. Перейдя затѣмъ къ главному пункту, онъ заявилъ, съ истинно сарматской откровенностью, что патріархальные нравы Польши не должны быть нарушаемы [1]).

Упорство Замойскаго вырыло бездну между нимъ и королемъ и было причиною, что совѣты канцлера уже не принимались Сигизмундомъ по-прежнему, и онъ не всегда слѣдовалъ имъ. Король предвидѣлъ, что въ дѣлѣ Димитрія онъ также встрѣтитъ отпоръ со стороны Замойскаго; онъ высказывалъ это даже Рангони [2]).

Дѣйствительно, до тѣхъ поръ пока король не заявилъ себя оффиціально покровителемъ претендента, его планы не касались великаго гетмана, такъ какъ послѣднему не приходилось созывать войска и хотя нѣкоторыя лица присвоили себѣ до извѣстной степени его права, какъ напримѣръ воевода Мнишекъ, но король былъ увѣренъ, что Замойскій никому не уступитъ лавровъ удачной кампаніи и сдѣлаетъ изъ политическаго вопроса вопросъ личнаго самолюбія. Рѣчь, произнесенная Замойскимъ на сеймѣ, 1-го февраля, разсѣяла это заблужденіе.

Никто не зналъ Москвы лучше, нежели славный участникъ доблестныхъ походовъ Стефана Баторія; ему было извѣстно, какими средствами располагало Московское государство и какими воинами были русскіе. Онъ пользовался славою талантливаго государственнаго человѣка и искуснаго воина и при томъ былъ краснорѣчивымъ ораторомъ, поэтому его слова увлекали слушателей. Король Стефанъ Баторій посвятилъ его нѣкогда въ свои планы образовать на востокѣ могущественную славянскую монархію; Замойскій видѣлъ въ этомъ планѣ наилучшее рѣшеніе вопроса о вѣковой враждѣ, существовавшей между Россіей и Польшей.

По вступленіи на престолъ Сигизмунда, онъ предлагалъ ему продолжать незаконченное дѣло его предшественника; но на свѣтѣ не было уже той могущественной руки, которая могла бы держать мечъ Баторія; его обширные планы считались уже анахронизмомъ.

Канцлеръ отнесся къ замысламъ Димитрія весьма серіозно. Онъ говорилъ, что современное состояніе Польши требовало соблюденія мира со всѣми сосѣдями, даже съ Турціей. Онъ думалъ и о славѣ польскаго оружія: онъ допускалъ мысль о войнѣ съ Москвою подъ однимъ условіемъ: чтобы было сформировано большое войско и чтобы война велась по всѣмъ правиламъ.

Что же касалось замысловъ Димитрія, то онъ осуждалъ ихъ безусловно съ политической и съ нравственной точки зрѣнія. Во-первыхъ,

---

[1]) Римъ, Bibl. Chigi, т. III, 57, f. 225, письмо Замойскаго къ Клименту VIII отъ 14-го марта 1605 г.

[2]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, b., f. III v°. Rome et l'émétrius, стр. 185.

этотъ извѣстный борецъ за вольности польской націи былъ возмущенъ тѣмъ, что столь важное дѣло могло быть начато безъ вѣдома сейма, ибо, хотя король и довелъ о немъ до свѣдѣнія народныхъ представителей' но онъ вступилъ въ сношенія съ Димитріемъ, не получивъ ихъ одобренія, и академическія рѣчи, произнесенныя ими на сеймѣ, не имѣли существеннаго значенія. Такая пассивная роль была не по вкусу Замойскаго. Онъ не только требовалъ, чтобы этотъ вопросъ обсуждался на сеймѣ, но настаивалъ на томъ, чтобы права народа уважались на дѣлѣ, и заявилъ рѣшительно, что замыслы Димитрія суть не что иное, какъ посягательство на договоръ 1602 года и на клятву, данную по этому поводу. Человѣкъ прямолинейный, чуждый современной раздвоенности, онъ говорилъ какъ подобаетъ гражданину и доброму христіанину. Походъ на Москву будетъ также пагубенъ для блага республики,—говорилъ онъ,—какъ и для спасенія нашихъ душъ. Борисъ разсѣетъ полчища Димитрія, и его месть обрушится на Польшу, которой онъ объявитъ безпощадную войну. Если правительство не окажетъ Димитрію помощь оффиціально, а будетъ только потворствовать всѣмъ тѣмъ, кто пожелаетъ помочь ему, то эта уловка ни къ чему не поведетъ: русскіе не придадутъ ей никакого значенія. Мрачными красками рисовалось ему будущее клятвопреступленіе и возможность пораженія польскихъ войскъ: эта картина выводила изъ себя неподкупнаго воина.

Въ его глазахъ царевичъ былъ простымъ искателемъ приключеній. Онъ преслѣдовалъ его своими сарказмами и говорилъ о немъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Не видавъ претендента, онъ не могъ ничего сказать о немъ лично, но онъ высмѣивалъ разсказанную имъ исторію, изображая ее какъ смѣшную и невѣроятную басню.

— Боже милосердный,—восклицалъ онъ,—да что этотъ господарикъ разсказываетъ намъ? это настоящая комедія Плавта или Теренція. Такъ вмѣсто него убили другаго ребенка; его убили не глядя, убили только для того, чтобы убить; но почему же на его мѣсто не положили въ такомъ случаѣ барана или овцу?

И, увлекшись, Замойскій выступилъ со слѣдующимъ страннымъ предложеніемъ.

— Если не хотятъ, — говорилъ онъ, — признавать царемъ Бориса Годунова потому, что онъ выскочка, если хотятъ посадить на престолъ законнаго монарха, такъ пусть же обратятся къ настоящимъ потомкамъ великаго князя Владиміра, къ князьямъ Шуйскимъ.

Никто еще не говорилъ такъ страстно и энергично. Въ своихъ безпощадныхъ обвиненіяхъ Замойскій коснулся самой сущности вопроса. Слова, сказанныя имъ громогласно на сеймѣ, должны были облетѣть всю страну. Левъ Сапѣга въ тотъ же день поддержалъ Замойскаго своимъ вѣскимъ, авторитетнымъ словомъ, имѣвшимъ въ данномъ случаѣ огром-

ное значеніе. Въ началѣ, литовскій канцлеръ держалъ себя по отношенію къ Димитрію вполнѣ безпристрастно и даже былъ на его сторонѣ. Такъ какъ въ его канцеляріи сосредоточивались всѣ свѣдѣнія, получаемыя изъ-за границы, и кромѣ того онъ велъ непосредственныя сношенія съ Москвой, то онъ могъ имѣть самыя вѣрныя свѣдѣнія о претендентѣ, и оказывается, что впослѣдствіи Сапѣга относился къ нему съ такимъ же недовѣріемъ, какъ и Замойскій [1]).

Оба канцлера одинаково смотрѣли на полномочія, предоставленныя сейму, и на обязательства, которыя налагалъ договоръ 1602 г. и клятва, данная Годунову, которую весьма важно было не нарушать; «ибо, говорилъ Сапѣга, Господь строго караетъ за нарушеніе клятвы»; наконецъ, оба они были одинаковаго мнѣнія о личности Димитрія. Рѣчь Сапѣги, хотя менѣе саркастическая и язвительная, нежели слова Замойскаго, имѣла тѣмъ не менѣе огромное значеніе. Канцлеръ все видѣлъ самъ, все взвѣсилъ и пришелъ къ заключенію, что Димитрій не есть сынъ Іоанна Грознаго. На чемъ основывалъ онъ свое мнѣніе? На свѣдѣніяхъ, которыя имъ были получены. Въ чемъ же заключались эти свѣдѣнія? Онъ этого не говорилъ, онъ сказалъ только, что законный наслѣдникъ престола нашелъ бы иное средство возстановить свои права. Хотя слова Сапѣги не были подтверждены документально и все сказанное имъ можно было назвать голословнымъ, тѣмъ не менѣе они произвели сильное впечатлѣніе на собравшихся.

Перейдя къ обсужденію вопроса съ точки зрѣнія политики, канцлеръ высказалъ, что по его мнѣнію Польшѣ нельзя было ожидать отъ этой войны никакой выгоды. Тутъ возникала слѣдующая дилемма: Димитрій побѣдитъ или будетъ побѣжденъ. Если онъ будетъ побѣжденъ, то Польшѣ придется въ скоромъ времени воевать съ Москвою; если же онъ побѣдитъ, то предстоитъ неизвѣстное, ибо на его слова нельзя положиться и нельзя льстить себя надеждою, что онъ сдержитъ слово, данное полякамъ, когда они не сдержали клятвы, данной Борису Годунову.

Какъ видимъ, оба высшіе сановники республики говорили вполнѣ чистосердечно; въ чистотѣ ихъ намѣреній нельзя было сомнѣваться, но по отношенію къ тѣмъ лицамъ, кои покровительствовали Димитрію, ихъ слова были вызывающими.

Несмотря на это, никто не возвысилъ голоса въ защиту претендента, никто не попытался доказать его царственнаго происхожденія, никто не заявилъ желанія, чтобы правительство вмѣшалось въ это дѣло. Кое-кто изъ сенаторовъ высказалъ, что Димитрій, сформировавъ войско, оказалъ странѣ услугу, очистивъ ее отъ всякаго сброда; раздавались

---

[1]) С.-Петербургъ, Публ. библ., Лат., O, IV, 16, f. 39; Разн., IV, F., 85, f., 370; Щепкинъ, т. XX, стр. 247.

также голоса въ пользу того, что слѣдовало предоставить событія ихъ естественному теченію и сохранить свободу дѣйствій для критическаго момента. Оказать Димитрію пассивное доброжелательство съ чисто практической цѣлью—таково было, по мнѣнію многихъ сенаторовъ, самое правильное рѣшеніе вопроса; далѣе этого ихъ желанія не шли; но эти робкія заявленія были вскорѣ покрыты голосомъ Мацѣевскаго, епископа Краковскаго, который требовалъ, чтобы Мнишекъ [1]) былъ немедленно отозванъ; Янъ Острожскій требовалъ, чтобы виновные были наказаны, Дорогостайскій въ язвительныхъ выраженіяхъ нападалъ на короля.

Вскорѣ на сеймѣ ясно обозначилось довольно сплоченное большинство. Замойскій говорилъ даже, что Мнишека слѣдовало вызвать въ сеймъ, потребовать у него отчета въ его поведеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ послать довѣреннаго человѣка къ Димитрію, чтобы разузнать, насколько успѣшно шли его военныя дѣйствія: только принявъ эти предварительныя мѣры, можно было, по его мнѣнію, дѣйствовать рѣшительно. Съ другой стороны, обсуждая мѣры, которыя слѣдовало предпринять немедленно, Сапѣга совѣтовалъ послать въ Москву уполномоченнаго, который объяснился бы съ Борисомъ Годуновымъ, оправдалъ бы въ его глазахъ республику и возложилъ бы всю отвѣтственность на Димитрія. Онъ считалъ это необходимымъ для того, чтобы предотвратить войну. Но все это были мнѣнія отдѣльныхъ лицъ; а сеймъ постановилъ слѣдующее:

«Надобно постараться успокоить волненіе, возбужденное московскимъ господарчикомъ, для того, чтобы ни королевство Польское, ни великое герцогство Литовское не пострадало отъ Москвы; всякій осмѣлившійся нарушить договоры, заключенные съ другими государствами, долженъ считаться измѣнникомъ».

Эти вполнѣ законныя требованія ставили короля въ весьма затруднительное положеніе. Если судить только фактически, то они вполнѣ соотвѣтствовали инструкціямъ, даннымъ королемъ по отношенію къ Димитрію, и тому недовѣрію, съ какимъ онъ относился къ претенденту. Поэтому вполнѣ естественно было ожидать, что рѣшеніе сейма удостоится королевской санкціи; но Сигизмундъ велъ подъ національнымъ флагомъ политику, не соотвѣтствовавшую желанію народа; его связывали съ Димитріемъ тайныя обязательства: доказательствомъ и залогомъ этого служили оказанныя ему милости. Не желая отказаться отъ своихъ иллюзій, онъ предпочелъ слѣдовать по-прежнему двойственной политикѣ и не утвердилъ заключеній, принятыхъ народнымъ собраніемъ. Сеймъ также не хотѣлъ уступить и долженъ былъ разойтись, ничего не добившись.

Король ясно намѣтилъ себѣ дальнѣйшій образъ дѣйствій. Его роль

---

[1]) Мнишекъ появился, повидимому лишь подъ конецъ сейма.

въ этомъ дѣлѣ не была пассивная: относясь къ Димитрію съ вида безучастно, онъ втайнѣ помогалъ ему; поэтому выраженное сеймомъ требованіе строго соблюдать договоры касалось его лично, но никакіе упреки не могли поколебать его рѣшенія; поступая такимъ образомъ, онъ руководствовался, быть можетъ, мыслію, что законный монархъ имѣетъ неоспоримыя права на престолъ, личность же Димитрія все еще была въ его глазахъ загадочною.

Отношенія Сигизмунда къ Борису Годунову были также неискренни, неудача, постигшая перваго посланнаго, не обезкуражила Бориса. Въ Варшаву былъ отправленъ другой тайный агентъ, Постникъ-Огаревъ, съ повелѣніемъ возобновить переговоры, начатые Смирнымъ [1]). Онъ не могъ сообщить королю ничего новаго. Московская полиція не теряла изъ вида претендента, она знала, что ему помогли Свирскій въ Украйнѣ, Ратомскій въ Сѣверскѣ, что онъ велъ переговоры съ крымскимъ ханомъ, но, благодаря хитрости поляковъ, Огаревъ не зналъ самаго главнаго. Какъ только онъ прибылъ на границу, его посадили въ карантинъ и продержали тамъ такъ долго и слѣдили за нимъ такъ строго, что до него не дошелъ слухъ о вступленіи Димитрія въ предѣлы Московскаго государства. Поэтому онъ не могъ дѣйствовать увѣренно, и его можно было безнаказанно мистифицировать, чѣмъ сеймъ и воспользовался.

10-го февраля 1605 г. происходило весьма оригинальное засѣданіе сейма, на которомъ присутствовалъ Огаревъ. Всего нѣсколько дней передъ тѣмъ, нѣкоторыя честныя и дальновидныя лица высказали передъ сеймомъ свои сомнѣнія относительно Димитрія, осуждали его безумное предпріятіе, требовали соблюденія договоровъ и сохраненія святости клятвы. Московскій посланный говорилъ въ томъ же духѣ, но высказалъ еще болѣе вѣскія соображенія, изложилъ требованія еще яснѣе и настаивалъ на справедливости этихъ требованій. Все то, что онъ говорилъ, дотого походило на ихъ собственныя рѣчи, что сенаторы могли задать себѣ вопросъ, говоритъ ли все это иностранный дипломатъ или ихъ собственный коллега. Огаревъ окончательно вошелъ въ роль уполномоченнаго Годунова только тогда, когда онъ обратился къ сейму съ животрепещущимъ вопросомъ, въ которомъ выразилась самая сущность происходившихъ преній.

— Какъ надобно смотрѣть на короля и на сенаторовъ, — сказалъ онъ, — какъ на сообщниковъ Димитрія или какъ на его противниковъ. Если они не признаютъ претендента, то они должны по-

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90 c. f. 32—68. Rome et Démétrius, стр. 194. С.-Петербургъ, Публ. библ., Polskaia, F. IV, 119, f. 96. Русск. ист. библ., т. I, кол. 37. Щепкинъ, т. XX, стр. 262. Посланный былъ задержанъ на границѣ до окончанія сейма.

рвать съ нимъ всякія сношенія и наказать виновныхъ. Если же они станутъ помогать ему въ его гнусныхъ замыслахъ, то этимъ будетъ нарушенъ договоръ 1602 г., будетъ попрана честь, нарушена клятва, и явится поводъ къ войнѣ; Польша, нарушившая клятву, будетъ обвинена передъ лицомъ всей Европы и всего христіанскаго міра.

Поляки могли бы многое сказать ему на это, но они не хотѣли выдавать передъ иноземцемъ тайну своихъ домашнихъ распрей.

12-го февраля въ замковой церкви было назначено тайное засѣданіе, на которое были приглашены особые коммиссары и оба канцлера. Пренія, происходившія на этомъ собраніи, остаются для насъ тайною. Нунцій Рангони передаетъ въ своихъ депешахъ только оффиціальный отвѣтъ, данный Огареву 26-го февраля въ присутствіи всего сената.

— Король,—сказалъ Огареву Сапѣга,—не нарушилъ перемирія; онъ даже готовъ подтвердить его и желаетъ сохранить дружбу съ царемъ. Что касается Димитрія, то онъ не помогаетъ ему войскомъ; онъ хотѣлъ только обсудить предъявленныя имъ требованія и представить ихъ на обсужденіе московскаго правительства. Узнавъ объ этомъ, Димитрій бѣжалъ къ запорожскимъ казакамъ. Произвелъ ли онъ вмѣстѣ съ ними набѣгъ на Москву—не извѣстно. Какъ бы то ни было, король не можетъ быть отвѣтственъ за это, такъ какъ запорожцы не признаютъ его власти, точно такъ же, какъ донскіе казаки не подчиняются власти царя. Король запретилъ помогать Димитрію; ежели онъ вернется въ Польшу, то онъ будетъ арестованъ; если онъ появится въ предѣлахъ Москвы, то Борисъ Годуновъ достаточно могущественъ, чтобы справиться съ нимъ и съ его сторонниками» [1]).

Допустивъ, что Рангони черпалъ свои свѣдѣнія изъ вѣрнаго источника,—что мы имѣемъ полное право предполагать, зная, какія близкія сношенія существовали между нунціемъ и канцлеромъ,—надобно признать, что отвѣтъ, данный Огареву Сапѣгою, былъ не только уклончивъ и насмѣшливъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ несогласенъ съ истиною и полонъ притворства. Великій канцлеръ республики опровергалъ въ немъ самого себя и рѣчь, произнесенную имъ 1-го февраля; съ его изворотливостью и хитростью могло сравниться лишь то стоическое равнодушіе, съ какимъ сеймъ отнесся къ честному веденію дипломатическихъ переговоровъ. Получивъ отказъ на всѣ предъявленныя имъ требованія и не имѣя возможности провѣрить сказаннаго Огареву, ничего не оставалось, какъ откланяться и уѣхать [2]).

---

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, c. f., 68, 1605 г., 26-го февраля, депеша Рангони. Щепкинъ, т. XX, стр. 267. Наша коллекція, 1605 г., 11-го марта, La Blanque—Поссевину.

[2]) Въ томъ же 1605 году въ Краковъ былъ посланъ Бупаковъ, а въ Кіевъ Пальчиковъ. Бантышъ-Каменскій, т. III, стр. 111.

Всѣ шаги, сдѣланные Годуновымъ внѣ предѣловъ Польши, также не привели ни къ чему. Очутившись въ затруднительномъ положеніи, онъ поступилъ такъ же, какъ Іоаннъ Грозный, когда тотъ, обуреваемый страхомъ, обратился въ Прагу и Римъ съ просьбою объ иностранномъ вмѣшательствѣ, подъ предлогомъ крестоваго похода противъ невѣрныхъ. Годуновъ, въ свою очередь, открылъ дипломатическую кампанію въ Европѣ, но дѣйствовалъ не такъ ловко, какъ его бывшій монархъ, и не столь удачно. Онъ не отправилъ къ императору и къ папѣ послапниковъ, но написалъ имъ обстоятельныя письма, въ которыхъ подробно описалъ исторію Гришки Отрепьева, превратившагося въ царевича Димитрія, жаловался на короля польскаго и говорилъ общія мѣста о томъ, что война съ Сигизмундомъ помѣшаетъ дѣйствовать общими силами противъ турокъ. Между строкъ проглядывало желаніе, чтобы оба двора пришли ему на помощь по своему собственному почину. На этотъ призывъ никто не откликнулся.

Австрія, всегда и вездѣ опаздывавшая, превзошла на этотъ разъ самое себя медлительностью. Несмотря на то, что она находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Москвою, императоръ Рудольфъ долго хранилъ молчаніе, а затѣмъ отвѣтилъ на письмо Бориса обиняками и въ заключеніе писалъ, что онъ обратится по этому поводу съ вопросомъ къ королю польскому. Какъ видно, императоръ не особенно спѣшилъ принять сторону Бориса.

Въ Ватиканѣ дѣло было еще хуже. По просьбѣ Годунова Рудольфъ отослалъ его письмо къ папѣ съ нарочнымъ курьеромъ; но когда послѣдній прибылъ въ Римъ, то папскій престолъ оказался вакантнымъ. Преемникъ Климента VIII, Левъ XI, скончался, пробывъ на папскомъ престолѣ всего около мѣсяца. Письмо, по обыкновенію, было передано кардиналамъ, съѣхавшимся на конклавъ, которые ничего не могли предпринять самостоятельно и не могли предвидѣть, какое рѣшеніе будетъ принято будущимъ папою. Европа, въ лицѣ своихъ главнѣйшихъ двухъ представителей, предоставила Годунова его участи [1]).

Неудавшаяся миссія Огарева породила весьма странное недоразумѣніе. Основываясь на томъ, что онъ говорилъ на сеймѣ, нѣкоторые историки выводятъ заключеніе, что въ 1605 году въ Кремлѣ измѣнили мнѣніе, составленное о Димитріи въ 1604 г., и утверждаютъ, будто Димитрій былъ названъ Гришкою Отрепьевымъ только въ первый моментъ, когда его появленіе повергло въ Москвѣ всѣхъ въ ужасъ и смятеніе, а по зрѣломъ обсужденіи и когда были наведены надлежащія справки, эта ошибка была исправлена: впрочемъ, въ Москвѣ и иныхъ мѣстахъ его продолжали называть тѣмъ же именемъ, и только въ

[1] Болдаковъ, стр. 59—74.

Польшѣ Огареву велѣно было назвать претендента настоящимъ именемъ. Но надобно замѣтить, что и въ Варшавѣ Огаревъ исправилъ сдѣланную ошибку только на словахъ, ибо въ привезенномъ имъ письмѣ царевичъ названъ вездѣ Гришкою Отрепьевымъ. Эта неожиданная перемѣна никого не поразила, сеймъ былъ невозмутимъ, и Годунова никто не заподозрѣлъ въ желаніи вывернуться.

Это странное обстоятельство выясняется только при сличеніи текста различныхъ донесеній, которыя взаимно противорѣчатъ другъ другу и тщательно скрываютъ ту тайну, которую намъ хотѣлось бы проникнуть. Дѣйствительно, о посольствѣ Огарева говорится въ разныхъ донесеніяхъ: всѣ они совершенно не согласны между собою относительно личности Димитрія, въ каждомъ изъ нихъ сообщаются совершенно иныя свѣдѣнія о его происхожденіи. Рангони, въ депешѣ отъ 12-го февраля, называетъ его «разбойникомъ, аріаниномъ, колдуномъ, отступникомъ и сыномъ сапожника» [1]). Двое датчанъ, бывшихъ въ то время въ Варшавѣ, разсказываютъ со словъ другихъ лицъ, что Димитрій былъ прежде служкою архимандрита и что онъ сынъ копіиста [2]). Синдикъ Гансъ Кекербартъ пишетъ въ примѣчаніи къ своему донесенію, что Димитрій былъ сынъ крестьянина. Наконецъ, какъ бы для того, чтобы окончательно сбить съ толку будущихъ историковъ, одинъ неизвѣстный компиляторъ сообщаетъ въ Данцигъ еще болѣе изумительныя свѣдѣнія: по его словамъ, Димитрій, былъ сыномъ писца, служившаго у одного архимандрита, и его звали Димитрій Реоровичъ [3]). Несмотря на столь явныя противорѣчія, всѣ лица, писавшія эти донесенія, ссылаются на свидѣтельство одного и того же лица—Огарева.

Эти разнорѣчивыя показанія могутъ до нѣкоторой степени быть объяснены тѣмъ, что Огаревъ и Сапѣга говорили по-русски; а вышеупомянутыя донесенія писаны иностранцами: италіанцемъ, датчаниномъ, нѣмцемъ, поэтому нельзя ожидать, чтобы они передали слышанное вполнѣ вѣрно. Къ тому же, до Варшавы могли дойти слухи о томъ, что говорилось о Димитріи въ Москвѣ. Московское правительство, даже въ оффиціальныхъ документахъ, возводило на голову Димитрія самыя гнусныя обвиненія, не особенно заботясь объ ихъ правдоподобіи. Такъ, напримѣръ, патріархъ Іовъ называлъ его, ни мало не стѣсняясь, ста-

---

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, c. f., 32. Rome et Démétrius, стр. 194.

[2]) Щепкинъ, т. XX, стр. 264. Болдаковъ, стр. 137.

[3]) Щепкинъ, т. XX, стр. 265, 268. Димитрій Реоровичъ имя весьма подозрительное. Одни называютъ то же самое лицо Димитріемъ, другіе Григоріемъ или Гришкою. Неизвѣстный компиляторъ вѣроятно составилъ изъ этихъ двухъ именъ—одно. Щепкинъ допускаетъ, что Реоровичъ—есть только искаженіе слова Григорій.

вленникомъ евреевъ, католиковъ и лютеранъ, предоставляя православнымъ разобраться въ этомъ, какъ они хотѣли. Огаревъ слѣдовалъ вѣроятно той же тактикѣ, говорилъ много и не стѣснялся въ эпитетахъ; его слушатели уловили вѣроятно и запечатлѣли въ своей памяти тѣ слова, которыя произвели на нихъ наиболѣе сильное впечатлѣніе; такимъ образомъ ихъ донесенія могли быть по существу донельзя разнообразны. Разумѣется, это не болѣе какъ предположеніе или гипотеза, которую всякій можетъ принять или отвергнуть по своему благоусмотрѣнію, но Годунова нельзя считать отвѣтственнымъ за все, что говорили другіе. Въ письмѣ, представленномъ сейму Огаревымъ, царевичъ Димитрій отождествленъ съ Гришкой Отрепьевымъ; нельзя утверждать, основываясь на разнорѣчивыхъ показаніяхъ нѣсколькихъ иностранцевъ, что Борисъ отказался отъ этого мнѣнія.

КНИГА ВТОРАЯ

ПОХОДЪ НА МОСКВУ.

I.

Побѣда и пораженіе.

1604—1605 гг.

Результаты поѣздки въ Краковъ.—Непоколебимая увѣренность Мнишека. — Громкіе титулы Димитрія.—Брачный договоръ.—Димитрій обѣщаетъ жениться на Маринѣ. — Уступка областей и обѣщанное денежное вознагражденіе. — Удѣлъ Марины.—Религіозная свобода.—„Русскіе люди“ и „латинская вѣра“.— Полковые священники.—Отецъ Стривери обѣщаетъ позаботиться о нихъ.— Назначеніе Чижовскаго и Лавицкаго.—Ихъ характеръ.—Димитрій очаровываетъ ихъ.—Его планы на будущее.—Исповѣдь.—Военныя приготовленія.— Неотложная спѣшность. — Молчаніе Замойскаго. — Заговоръ противъ Димитрія. — Экзекуція въ Самборѣ. — Главная квартира въ Львовѣ. — Жалобы мѣстнаго населенія.—Запоздалыя мѣропріятія короля.—Выступленіе войска.— Димитрій во Львовѣ.—Признаніе Хрущова.—Смотръ войска въ Глинянахъ.— Священники отправляются къ войску.—Походъ на Кіевъ.—Переходъ черезъ Днѣпръ.—Рубиконъ новаго цезаря.

Путешествіе въ Краковъ и аудіенція, данная королемъ польскимъ, ознаменовали собою новую эпоху въ жизни претендента. Возвратясь въ Самборъ, онъ уже зналъ, что дѣлать далѣе и чего добиваться. Король не мѣшалъ ему дѣйствовать и въ тайнѣ даже поощрялъ его; нѣкоторые изъ магнатовъ также покровительствовали ему, а нунцій Рангони относился къ нему благосклонно и доброжелательно. Оставалось

только побороть недоброжелательство противниковъ и сдѣлать послѣднія приготовленія къ походу.

Воевода Сендомірскій относился къ Димитрію съ величайшимъ довѣріемъ. Онъ не выражалъ, по крайней мѣрѣ на словахъ, ни малѣйшаго сомнѣнія въ его царственномъ происхожденіи и, весьма вѣроятно, чистосердечно вѣрилъ въ его военные успѣхи и будущее величіе. Онъ уже величалъ его громкимъ титуломъ «славнѣйшаго и непобѣдимаго Димитрія Ивановича, императора всея Россіи, князя Углицкаго, Дмитровскаго и Городецкаго, самодержца и наслѣдника всѣхъ земель, подвластныхъ Московскому царству»; этотъ высокопарный титулъ приведенъ въ одномъ оффиціальномъ документѣ отъ 4-го мая 1604 г. [1]). Мнишекъ видѣлъ своего любимца мысленно въ Кремлѣ располагающимъ по своему благоусмотрѣнію сокровищами, накопленными московскими царями, диктующимъ законы подданнымъ и распредѣляющимъ свои владѣнія кому угодно. Димитрій раздѣлялъ эти надежды, смотрѣлъ на будущее также свѣтло и увѣренно и, по обыкновенію, не скупился на обѣщанія. Это была идеальная почва, на которой они могли сойтись, заключить условія и принять взаимныя обязательства.

Димитрію необходимо было имѣть поддержку въ Польшѣ. Ему нуженъ былъ покровитель для того, чтобы вести переговоры съ магнатами, собрать волонтеровъ и организовать войско. Мнишекъ былъ не прочь взять на себя эту роль, но, какъ человѣкъ практичный, онъ хотѣлъ связать претендента извѣстными условіями и, не довольствуясь словесными обѣщаніями, требовалъ, чтобы онъ выдалъ этотъ документъ, скрѣпленный надлежащей подписью, съ приложеніемъ печати. Два таковыхъ документа были написаны въ Самборѣ 24-го мая и 12-го іюня 1604 г. [2]). Въ нихъ ярко отразилась личность разореннаго и предавшагося ханжеству владѣльца Самбора.

Краеугольнымъ камнемъ всего зданія служилъ бракъ съ Мариною. Благосклонный пріемъ, оказанный Димитрію королемъ, уничтожилъ послѣднія сомнѣнія ея родителей; они болѣе не препятствовали браку своей дочери, а Димитрій, со своей стороны, принялъ на себя, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, формальное обязательство просить руки Марины и раздѣлить съ нею царскую корону. Онъ обѣщалъ прислать къ королю изъ Москвы чрезвычайное посольство, чтобы испросить его соизволенія на этотъ бракъ, на что Сигизмундъ, какъ полагали, несомнѣнно изъявилъ бы свое согласіе.

Такимъ образомъ, семейство Мнишекъ породнилось бы съ могущественнымъ монархомъ, и на немъ отразился бы блескъ царской пор-

---

[1]) Львовъ, Archiwum Krajowe, Ind. Guer. San., 331, f. 450.
[2]) Собр. гос. грам., т. II, стр. 159, № 76; стр. 165, № 79.

фиры: честь, безъ сомнѣнія, была велика, но она должна была принести и матеріальныя выгоды.

Претендентъ располагалъ уже по своему благоусмотрѣнію имперіей и тѣми милліардами, которые еще не были въ его рукахъ. Вступивъ на престолъ своихъ предковъ, онъ обѣщалъ тотчасъ уступить воеводѣ и его наслѣдникамъ въ потомственное владѣніе двѣ великолѣпныя русскія области, княжества Смоленское и Сѣверское, исключая тѣхъ земель и городовъ, которые должны были отойти къ королю польскому и взамѣнъ которыхъ ему были обѣщаны другіе города, мѣстечки, земли и доходы. Помимо этого, онъ обѣщалъ еще ранѣе, при первой же возможности, внести въ оскудѣвшую кассу своего тестя милліонъ польскихъ злотыхъ, для подъема въ Москву и для удовлетворенія самыхъ назойливыхъ кредиторовъ.

Будущая царица, избранница его сердца, была бы надѣлена еще щедрѣе: ей были обѣщаны пригоршнями брилліанты и столовое серебро и въ приданое два удѣла: Новгородъ Великій и Псковъ; къ ногамъ красавицы-польки были повергнуты цѣлыхъ два княжества.

Покончивъ такимъ образомъ съ денежной стороною вопроса и удовлетворивъ свою алчность, Мнишекъ занялся духовными вопросами. Надобно отдать ему справедливость, онъ никогда не забывалъ вѣры своихъ предковъ. Ревнуя о ея процвѣтаніи, онъ мечталъ объ обращеніи русскихъ въ католичество. Во-первыхъ, онъ требовалъ отъ Димитрія, чтобы Маринѣ, вырощенной и воспитанной матерью-католичкой, была предоставлена полная свобода исповѣдывать католическую религію и исполнять ея обряды при дворѣ, въ Кремлѣ, этой колыбели православія, и повсемѣстно въ Имперіи. Въ Новгородѣ и Псковѣ она пользовалась бы еще болѣе драгоцѣннымъ правомъ: ей разрѣшалось, если она пожелаетъ, основывать латинскія школы, строить католическія церкви и монастыри, и назначать туда католическихъ епископовъ и священниковъ.

Всѣ эти требованія ничуть не смущали претендента; онъ смѣло обязался исполнить все это и даже далъ понять, что, принявъ католическую вѣру, онъ считаетъ долгомъ распространить ее въ своей Имперіи. Въ концѣ концовъ онъ далъ торжественную клятву строго исполнить все обѣщанное и «обратить» русскихъ людей въ латинскую вѣру.

Въ своей самонадѣянности онъ полагалъ, что для выполненія этихъ грандіозныхъ плановъ ему будетъ вполнѣ достаточно одного года. Если же ему не удалось бы сдѣлать все это въ годъ, то воевода и его дочь освобождались отъ своихъ обязательствъ, если бы они не пожелали ждать долѣе. Трудно было быть болѣе сговорчивымъ и благожелательнымъ и выказать болѣе величія и благородства.

Между тѣмъ, претендентъ воспользовался еще разъ случаемъ вы-

казать свою преданность католической вѣрѣ и доказать своими поступками, что онъ уже былъ ея ревностнымъ послѣдователемъ [1]).

Бесѣдуя однажды съ нунціемъ, онъ выразилъ желаніе имѣть при себѣ милостыннаго священника. Объ этомъ желаніи Димитрія стало тотчасъ извѣстно въ Вавелѣ, и провинціалъ польскихъ іезуитовъ, отецъ Децій Стривери, получилъ по поводу этого письма одновременно изъ замка и отъ нунція, въ коихъ его настоятельно просили исполнить какъ можно скорѣе желаніе Димитрія. Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать; вскорѣ былъ найденъ даже практическій способъ исполнить это желаніе. Въ войскѣ претендента находились католики, слѣдовательно, было необходимо имѣть походную католическую церковь, въ которой могли отправлять богослуженіе іезуиты, которые были бы такимъ образомъ къ услугамъ солдатъ и ихъ верховнаго вождя. Поэтому два іезуита изъ Ярославской коллегіи были назначены состоять при арміи Димитрія. Призванные исполнять однѣ и тѣ же обязанности, они не были сходны ни по характеру, ни по своимъ нравственнымъ свойствамъ, ни даже по образу мыслей. Отецъ Николай Чижовскій былъ человѣкъ спокойный, уравновѣшенный, предпріимчивый, но не особо смѣлый; онъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для ректора, поэтому онъ неоднократно управлялъ коллегіумами. Его товарищъ, отецъ Андрей Лавицкій, отличался главнымъ образомъ своими сердечными качествами. Въ молодости онъ мечталъ быть миссіонеромъ въ Индіи и заслужить мученическій вѣнецъ подъ раскаленнымъ небомъ тропическихъ странъ. Теперь онъ охотно ѣхалъ на сѣверъ, въ страну льдовъ и снѣговъ; и это не уменьшило его рвеніе и желаніе послужить своей вѣрѣ.

Какъ только Димитрій узналъ о назначеніи іезуитовъ, онъ выразилъ желаніе видѣть ихъ и просилъ, чтобы они какъ можно скорѣе пріѣхали въ Самборъ. Іезуиты, съ перваго же свиданія, были очарованы его обхожденіемъ. Въ его обращеніи не было ничего грубаго, монашескаго, онъ былъ любезенъ, предупредителенъ, искусно владѣлъ рѣчью и говорилъ безъ заднихъ мыслей.

— Я далъ обѣтъ,—сказалъ онъ,—воздвигнуть въ Россіи костелы, коллегіи, монастыри. Отъ васъ будетъ зависѣть распространить въ странѣ католическую вѣру и достигнуть того, чтобы она процвѣтала.

И онъ присовокупилъ съ полнымъ довѣріемъ: «Ввѣряю вамъ свою душу».

И такъ, этимъ двумъ ксендзамъ предстояло сдѣлаться въ Россіи проповѣдниками католицизма; въ ихъ обязанности входило не только поучать евангелію небольшую горсть солдатъ, но имъ предстояло вернуть въ нѣдра церкви огромную Имперію, отпавшую отъ Рима; будущій

---

[1]) Наше собраніе. Diarum o. Лавицкаго. f. 5.—Велевицкій, т. II, стр. 69.

императоръ заранѣе обѣщалъ имъ свою преданность: это было грандіозно, неожиданно и весьма утѣшительно. Мнишекъ присутствовалъ при бесѣдѣ Димитрія съ ксендзами, и, желая испытать новообращеннаго, предложилъ ему пріобщиться св. Тайнъ наканунѣ Успеньева дня, вдали отъ любопытныхъ глазъ и передъ выступленіемъ въ походъ. Претендентъ чувствовалъ приливъ набожности, поэтому онъ охотно согласился на это, исповѣдался во дворцѣ, а на слѣдующій день, въ Успенье, пріобщился св. Тайнъ. Въ тотъ же день утромъ онъ посѣтилъ вмѣстѣ съ Мнишекомъ церковь доминиканцевъ, гдѣ они отслушали обѣдню.

Ксендзы не могли придти въ себя отъ изумленія. Они отправились обратно въ Ярославль съ убѣжденіемъ, что имъ предстоитъ трудная, но въ высшей степени важная и благотворная задача.

Среди этихъ разнообразныхъ заботъ, мысли Димитрія были заняты по преимуществу военными приготовленіями, коими онъ дѣятельно занимался. Чѣмъ далѣе, тѣмъ становилось необходимѣе какъ можно скорѣе дать дѣло казакамъ, коихъ народъ называлъ общимъ именемъ черкесовъ и которые, собравшись, вопреки королевскому приказанію, въ большомъ количествѣ, внушали страхъ мѣстнымъ жителямъ. Они пользовались въ Польшѣ такою славою, что населеніе не могло считать себя въ безопасности до тѣхъ поръ, пока они не удалятся. Къ тому же, благопріятныя извѣстія, которыя получались съ границы, и настоянія тѣхъ лицъ, кои принимали участіе въ Димитріи, заставляли его спѣшить. Но, предварительно, надобно было заручиться содѣйствіемъ нѣкоторыхъ поляковъ и завербовать ихъ въ войско. Мнишекъ дѣятельно помогалъ Димитрію, писалъ письма сенаторамъ, переписывался съ королемъ, извѣщалъ его обо всемъ происходившемъ, но соблюдалъ при этомъ крайнюю осторожность, тщательно скрывалъ свои дѣйствія и говорилъ откровенно только со своими единомышленниками. 14-го іюня 1604 г. онъ написалъ королю нижеслѣдующія изумительныя строки: «Всенижайше прошу ваше величество быть увѣреннымъ въ томъ, что я выполняю свои планы съ такою осторожностью, что меня никогда ни коимъ образомъ нельзя заподозрить въ нарушеніи долга»[1]). Всѣ его старанія склонить Замойскаго на сторону Димитрія не удались: великаго гетмана нельзя было ни уговорить, ни подкупить. Также неудачны были и всѣ попытки, сдѣланныя въ этомъ смыслѣ самимъ Димитріемъ. Лесть, похвалы, откровенность, настоянія короля, всевозможные доводы были пущены въ ходъ безуспѣшно. Замойскій не отвѣтилъ ни слова на два письма, посланныя ему претендентомъ. Онъ ограничился тѣмъ, что написалъ воеводѣ Мнишеку высокомѣрное и строгое письмо, предостерегая его насчетъ опасности, угрожавшей республикѣ,

[1]) Москва, Архивъ мин. юстиціи. Лат. метр., Нов. кн., 55, f. 270.

и указывая на то, что его дѣйствія противорѣчили королевской волѣ: письмо было написано въ строго оффиціальномъ тонѣ, не допускавшемъ мысли о какихъ-либо происках или интригахъ [1]).

Димитрій не особенно былъ этимъ смущенъ. Онъ зашелъ слишкомъ далеко, чтобы повернуть обратно. Его не остановилъ даже заговоръ, составленный противъ него и который былъ обнаруженъ приблизительно въ это же время. Въ Самборѣ появились какія-то подозрительныя личности; на претендента было произведено покушеніе, и онъ спасся только благодаря счастливой случайности. По увѣренію Мнишека, убійца былъ подкупленъ Борисомъ Годуновымъ, котораго испугали военныя приготовленія Димитрія. Одинъ москвитянинъ выдалъ убійцу, который безъ дальнѣйшихъ проволочекъ былъ обезглавленъ въ Самборѣ. Эти свѣдѣнія были сообщены Рангони самимъ воеводою. Въ одномъ изъ русскихъ источниковъ говорится о казни этого человѣка, но о томъ, что онъ покушался убить Димитрія и что это было сдѣлано по повелѣнію Бориса Годунова, упоминаетъ только одинъ Мнишекъ [2]).

Тѣмъ временемъ, но какого именно числа, опредѣлить трудно, главная квартира арміи, сформированной Димитріемъ съ цѣлью вторженія въ московскіе предѣлы, была расположена во Львовѣ, городѣ, лежавшемъ близко къ русской границѣ, гдѣ легче было организовать войско. Львовъ вскорѣ принялъ совершенно иной видъ. Польскіе волонтеры, жаждавшіе военной славы во множествѣ стекались въ этотъ городъ, соблазняясь грандіознымъ предпріятіемъ, и привлеченные именами тѣхъ лицъ, кои приняли начальство надъ войскомъ. Они переполнили городъ, расположились лагеремъ въ его окрестностяхъ и скоро дали о себѣ знать; въ городѣ начались скандалы, грабежи и убійства. Жалобы жителей Львова дошли до короля. Они умоляли его избавить ихъ, какъ можно скорѣе, отъ солдатъ, которые хозяйничали у нихъ какъ въ непріятельской странѣ. Москвитяне также жаловались на войска, сосредоточенныя на границѣ.

Нельзя было не обратить вниманія на эти жалобы. Послѣ того какъ были приняты нѣкоторыя мѣры, не приведшія ни къ какому результату, Сигизмундъ прибѣгнулъ къ рѣшительному средству: волонтерамъ было приказано немедленно разойтись; ослушникамъ королевскаго указа угрожали самыя строгія наказанія: они объявлялись бунтовщиками и врагами республики. Королевскій указъ, помѣченный 7-мъ сентября былъ посланъ во Львовъ съ коморникомъ. Сообщая это извѣстіе своему двору, Рангони говорилъ насмѣшливо, что коморникъ не поспѣетъ

---

[1]) Żolkiewski, Zapiski, кол. 10—24, № 4—10.

[2]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, b. f. 232.—Rome et Démétrius, стр. 201.

пожалуй туда во-время. Дѣйствительно, когда онъ прибылъ во Львовъ, волонтеры давно уже ушли изъ города [1]).

Главныя силы арміи выступили въ походъ въ концѣ августа, а 25-го числа, самъ Димитрій, справившись, худо ли хорошо, съ послѣдними препятствіями, выѣхалъ изъ Самбора. Онъ увозилъ съ собою лучезарное воспоминаніе о Маринѣ и сознаніе того, что онъ связалъ себя весьма тягостными обѣщаніями; за неимѣніемъ лучшаго, онъ былъ преисполненъ самыми радужными надеждами. Въ воскресенье, 29-го августа, онъ появился на короткое время во Львовѣ, присутствовалъ на богослуженіи въ каѳедральномъ соборѣ и слушалъ проповѣдь одного іезуита. Когда проповѣдникъ подошелъ къ нему, чтобы привѣтствовать его, Димитрій еще разъ повторилъ ему увѣреніе въ своей преданности папскому престолу и въ своемъ сочувствіи къ ордену іезуитовъ [2]).

Походъ начался при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Въ самомъ началѣ къ Димитрію явилась депутація Донскихъ казаковъ, съ предложеніемъ ихъ услугъ и съ письмами отъ ихъ товарищей. Они притащили съ собою закованнаго въ кандалы несчастнаго Хрущева, о которомъ было упомянуто выше. Приведенный къ царевичу, онъ палъ передъ нимъ ницъ, расплакался и по одному сходству его съ покойнымъ царемъ призналъ его истиннымъ сыномъ Іоанна IV. За это ему было объявлено прощеніе; его языкъ тотчасъ развязался. Онъ провелъ, въ послѣднее время, въ Москвѣ всего пять дней, но слышалъ по пути и въ столицѣ весьма много новаго. По его словамъ, вокругъ Годунова царствовало зловѣщее и глубокое безмолвіе, но жители Сѣверской области съ восторгомъ говорили о царевичѣ. Нѣкоторые бояре, расхрабрившись, заявили, что трудно будетъ сражаться противъ законнаго монарха, но, сами испугавшись сказаннаго, не промолвили болѣе ни слова; нѣкоторые другіе были злодѣйски умерщвлены за то, что они подняли на одномъ пиру чашу за здравіе Димитрія. Царскія войска совершали подозрительные маневры: ихъ подвинули къ Сѣверской области подъ предлогомъ набѣга на татаръ. Къ этому Хрущевъ присовокупилъ упомянутыя выше подробности относительно Смирного-Отрепьева, нѣкоторыя свѣдѣнія о родныхъ Димитрія и о посольствахъ, коими обмѣнялись Москва и Персія. Воевода и царевичъ восхищенные слышаннымъ, поспѣшили сообщить все это Рангони [3]). Подобнаго рода вѣсти должны были распространяться очень

---

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, b., 937.—Rome et Démétrius, стр. 191.—Гиршбергъ, стр. 67—69.

[2]) Дневникъ путешествія Димитрія въ Собр. гос. грам., т. II, стр. 167, № 80.—Listy Żolk., стр. 138, № 130.

[3]) Собр. гос. гр., т. II, стр. 173, № 81.—Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, b., f., 231, 232.—Rome et Démétrius, стр. 161, № 4; стр. 202, № 1

быстро; сообщаемыя нунціемъ, онѣ должны были казаться еще правдоподобнѣе. Остается выяснить, насколько достовѣрны были разсказы Хрущева. Что они были благопріятны для тѣхъ, кто ихъ передавалъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Въ первыхъ числахъ сентября, претендентъ произвелъ смотръ своему войску въ Глинянахъ [1]). Штабъ войска состоялъ изъ воеводы Мнишека, его сына Станислава, ихъ друзей и родственниковъ. Это было немного, но по крайней мѣрѣ всѣ они были хорошо вооружены, хорошо обмундированы и знали, на что они идутъ. Остальную часть войска составляли польскіе волонтеры и казаки. Около небольшаго числа ветерановъ, составлявшихъ ядро войска, группировался всякій сбродъ, разные искатели приключеній, въ томъ числѣ были отъявленные негодяи и мошенники. Эти люди не были воодушевлены никакой идеей, не горѣли священнымъ огнемъ, не преслѣдовали никакой идеальной цѣли; ими руководило единственно желаніе наживы, ихъ воодушевляла только надежда на богатую добычу. Развѣ не было безуміемъ вести эту толпу продажныхъ людей на завоеваніе Москвы?

По обыкновенію, немедленно было приступлено къ избранію главныхъ начальствующихъ лицъ. Высшее званіе гетмана было предложено, какъ и слѣдовало ожидать, воеводѣ Сендомірскому. Онъ былъ старъ и болѣзненъ, и участвовалъ въ молодости въ нѣкоторыхъ походахъ совершенно случайно; походная жизнь была ему уже въ тягость, но званіе сенатора имѣло нѣкоторое обаяніе въ глазахъ войска. Подъ его начальствомъ находилось два или три полковника, избранные также большинствомъ голосомъ, и цѣлый сонмъ капитановъ. На время войны были составлены, всѣми одобренныя, обязательныя правила, отвѣчавшія требованіямъ времени. Въ началѣ была утверждена слѣдующая диспозиція войска: въ центрѣ, вокругъ краснаго знамени, украшеннаго чернымъ византійскомъ орломъ на золотомъ фонѣ, шли главныя силы пѣхоты и кавалеріи съ Мнишекомъ и Димитріемъ; на правомъ флангѣ шли казаки, на лѣвомъ — уланы и гусары. Аванъ и аррьергардную службу несли казаки: они были развѣдчиками и колоновожатыми арміи. Что касается численности наличнаго состава войска, то его нельзя опредѣлить даже приблизительно. Численность поляковъ колебалась отъ одной до двухъ тысячъ; ихъ ряды во время похода постоянно рѣдѣли. За то число казаковъ, коихъ было уже не менѣе двухъ тысячъ, по-

---

[1]) Главными источниками для этого разсказа служатъ письма Димитрія, Мнишека, обоихъ ксендзовъ, Diarum Лавицкаго, русскія хроники, Борша, Маржеретъ.—Письма изъ Чернигова отъ 10-го и 15-го ноября (Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, b, f, 298, 300) писаны также ксендзами. Полный текстъ этихъ писемъ напечатанъ у Даровскаго (Darowski).

стоянно возрастало. Также точно увеличивалось и число русскихъ, присоединившихся къ арміи во время похода. 18-го сентября гетманъ объявилъ о томъ, что скоро прибудетъ десять тысячъ донскихъ казаковъ, которые уже были завербованы; запорожцы также обѣщали прислать значительное подкрѣпленіе; оставалось только идти впередъ [1]).

Въ концѣ того же мѣсяца, два ксендза, выѣхавшіе, какъ намъ извѣстно, изъ Самбора въ Ярославль, присоединились къ войску, а 17-го октября они уже взбирались вмѣстѣ съ войскомъ по живописнымъ холмамъ, окружающимъ плоскогорье, на которомъ стоитъ Кіевъ. Это было воеводство князя Острожскаго, сынъ котораго Янушъ относился къ Димитрію враждебно, поэтому его войско соблюдало величайшія предосторожности; ведеты не снимались день и ночь, но никто не побезпокоилъ армію, которая смѣло шла къ границѣ.

Смиренный богомолецъ, такъ недавно посѣтившій этотъ древній и священный городъ въ монашеской рясѣ, затерянный въ толпѣ, появился теперь въ его стѣнахъ въ желѣзнымъ латахъ, окруженный войскомъ, съ мечомъ въ рукахъ, коимъ онъ угрожалъ Кремлю. Католическій епископъ г. Кіева, Христофоръ Казимірскій, не скрывалъ своихъ симпатій къ царевичу; онъ далъ въ честь его парадный обѣдъ и поощрялъ его къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. Въ Кіевѣ Димитрій чувствовалъ себя какъ дома, ему были знакомы всѣ святыни и памятники города, и онъ предложилъ сопровождавшимъ его ксендзамъ посѣтить ихъ. Іезуиты осмотрѣли по его указанію Софійскій соборъ, его богатыя ризницы и золотыя врата, блистающія мозаикой и фресками. Они молились на развалинахъ церкви, во имя св. Іакинѳа, но уклонились отъ посѣщенія знаменитыхъ пещеръ Кіевской лавры, въ которыхъ покоятся мощи святыхъ, почитаемыхъ русскимъ народомъ, и которыя были переполнены въ то время солдатами. Они не вѣрили въ святость этихъ мощей, не рѣшались поклониться имъ и предпочли не спускаться въ эти подземелья.

Простоявъ около Кіева три дня, войско двинулось далѣе къ Днѣпру, составлявшему въ то время границу Польши и Московскаго государства. 20-го октября походныя палатки были разбиты на берегу рѣки, поглотившей нѣкогда въ своихъ мутныхъ водахъ Перуна и въ которой приняли крещеніе соратники Владиміра Святаго. Тутъ Димитрія ожидало неожиданное препятствіе: на рѣкѣ не оказалось ни одной лодки, которой войско могло бы воспользоваться для переправы; князь Янушъ приказалъ ихъ убрать. Немало времени было потрачено на то, чтобы достать лодки и паромы. Переправа черезъ рѣку продолжалась

---

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, b., f., 232.—Rome et Démétrius, стр. 202. № 1.

5 — 6 дней; кіевляне оказали въ этомъ случаѣ войску всевозможное содѣйствіе, и претендентъ, въ знакъ благодарности, даровалъ имъ нѣкоторыя торговыя льготы. Актъ, коимъ даны имъ эти привилегіи, подписанъ въ Вышгородѣ 23-го октября 1604 г. [1]).

Димитрій смѣло бросилъ вызовъ судьбѣ, и какъ Цезарь перешелъ Рубиконъ.

II.

Мнѣніе, высказанное Замойскимъ.—Различіе между Баторіемъ и Димитріемъ.—Перемѣны, происшедшія въ Россіи.—Настаетъ часъ Димитрія.—Непоправимая ошибка Годунова.—Въ чужой странѣ.—Сдача Моравска.—Разграбленіе Чернигова.—Городъ сдается.—Подкрѣпленіе.—Прибытіе казаковъ.—Возмущеніе въ лагерѣ.—Осада Новгородъ-Сѣверска.—Петръ Басмановъ.—Неудача, постигшая Димитрія.—Сдача крѣпостей.—Армія Мстиславскаго.—Сраженіе 31-го декабря 1604 г.—Набожность Димитрія.—Возмущеніе поляковъ.—Отъѣздъ Мнишека.—Новый гетманъ.—Инструкціи, данныя ксендзамъ.—Димитрій въ Сѣвскѣ.—Его жалобы Рангони.—Годуновъ относится къ побѣжденнымъ какъ къ побѣдителямъ.—Сраженіе при Добрыничѣ.—Казаки обращаются въ бѣгство.—Поляки слѣдуютъ за ними.—Общее бѣгство.—Димитрій находитъ убѣжище въ Путивлѣ.—Мстиславскій останавливается передъ Рыльскомъ.—Подозрительное бездѣйствіе.

Когда въ присутствіи Замойскаго говорили о дѣйствіяхъ Мнишека, то онъ замѣчалъ съ раздраженіемъ, что если все затѣянное имъ увѣнчается хотя малѣйшимъ успѣхомъ, то придется бросить въ огонь всѣ лѣтописи и изучать исторію только по запискамъ воеводы Сендомирскаго.

Въ самомъ дѣлѣ, что могло быть фантастичнѣе этого похода въ Москву. Въ военныхъ лѣтописяхъ не встрѣчается ничего подобнаго; этотъ походъ могъ сбить съ толку самыхъ искусныхъ стратеговъ. Для того, чтобы вести войну съ Іоанномъ IV, Стефанъ Баторій потребовалъ у Польши самую отборную ея конницу, у Венгріи самую выносливую пѣхоту и собиралъ деньги отовсюду, гдѣ только могъ. Подъ знамена Димитрія стекался всякій сбродъ, подонки общества, люди безъ рода и племени, думавшіе только о наживѣ и между тѣмъ, какъ Баторій, покрытый славою и обагренный кровью, остановился передъ неприступными стѣнами Пскова, передъ Димитріемъ при его приближеніи къ Москвѣ, открылись ворота ликующей столицы, и въ до-

---

[1]) Акты .... Зап. Росс., т. IV, стр. 247, № 161.

вершеніе всего онъ овладѣлъ Кремлемъ не послѣ побѣды, а послѣ пораженія!

Съ чисто-военной точки зрѣнія, престарѣлый гетманъ оказался тысячу разъ правъ. Его ошибка была въ томъ, что онъ позабылъ о перемѣнахъ, совершившихся въ общественномъ строѣ Московскаго государства, о тиранніи царской власти, соперничествѣ бояръ, о перемѣнѣ династіи, о слухахъ, ходившихъ въ народѣ, о закрѣпощеніи крестьянъ, нарушеніи старинныхъ обычаевъ, честолюбіи однихъ и враждѣ другихъ, вообще о томъ роковомъ стеченіи обстоятельствъ, которое вызвало рядъ кризисовъ и привело Москву къ упадку. Святая Русь была потрясена до основанія; ожесточились грозныя силы, небо заволокло мрачными тучами, приближалась страшная гроза: пробилъ часъ, когда на сцену могъ появиться Димитрій. Смѣлость замѣняла ему стратегическіе планы, его лучшими союзниками были смутныя обстоятельства того времени. Идти на Москву и короноваться въ Кремлѣ— такова была цѣль, къ которой стремился претендентъ: онъ былъ какъбы загипнотизированъ этой мыслью. Вмѣсто того чтобы составлять планы военныхъ дѣйствій, онъ довольствовался остроумными соображеніями. Онъ надѣялся на то, что народное возстаніе, возбужденное преданными ему людьми, доставитъ ему престолъ. Онъ изображалъ изъ себя не завоевателя, а жертву и мстителя. Гордый своимъ происхожденіемъ, онъ требовалъ, какъ законный наслѣдникъ своихъ царственныхъ предковъ соблюденія присяги, данной Іоанну IV. «Горе православнымъ, которые нарушатъ ее», говорилъ онъ. Его дѣло становилось такимъ образомъ священнымъ національнымъ дѣломъ русскаго народа, которому предстояло очистить свою совѣсть, признать себя виновнымъ, взяться за оружіе, низвергнуть похитителя съ престола и возвратить его законному монарху.

Эти рѣчи должны были найти откликъ преимущественно въ Сѣверскомъ княжествѣ, гдѣ усердно дѣйствовали агенты Димитрія и гдѣ они нашли благопріятную почву для своей дѣятельности. Эта область, лежавшая на границѣ Московскаго государства, о которой русскіе цари весьма мало заботились, сильно пострадала отъ опричины и отъ тѣхъ переворотовъ, которые совершались въ государствѣ. Въ Сѣверскомъ княжествѣ находили убѣжище бѣглые преступники, разбойники, бродяги, не имѣвшіе опредѣленныхъ средствъ къ жизни и стремившіеся жить на волѣ, вдали отъ надзора правительственной власти. По мѣрѣ того какъ возрастало населеніе области, въ нее стали вводить болѣе строгія административныя мѣры, которыя казались жителямъ нестерпимыми, тѣмъ болѣе, что онѣ были совершенно неожиданны. Къ тому же, эти мѣры были зачастую слишкомъ строги, непослѣдовательны и примѣнялись неразумно. Страшный голодъ, постигшій Россію въ 1601 г.,

увеличилъ число недовольныхъ, обдѣленныхъ судьбою людей, которымъ нечего было терять и которые разсчитывали напротивъ, при всякой перемѣнѣ, что-либо выиграть; эту голодную, невѣжественную и грубую толпу легко было увлечь, стоило только поощрять ея желанія, посулить ей что-либо въ будущемъ. Этимъ и занимались Ратомскій и его агенты; ихъ успѣхъ побудилъ Димитрія начать свои дѣйствія именно съ этой мѣстности, тѣмъ болѣе, что онъ могъ избѣжать такимъ образомъ большой военной дороги, усѣянной крѣпостями [1]).

Ничто не помѣшало полчищамъ Димитрія совершить переправу черезъ Днѣпръ. Войска, посланнаго Годуновымъ въ Сѣверское княжество и выступившаго въ походъ на глазахъ Хрущева, не оказалось на берегу рѣки въ то время, какъ черезъ нее переправлялся съ войскомъ Димитрій. Была ли тому причиною увѣренность Бориса, что поляки не нарушатъ перемирія 1602 г., или онъ относился съ слишкомъ большимъ пренебреженіемъ къ противнику, разыгрывавшему роль его соперника,—какъ бы то ни было, этимъ была сдѣлана непоправимая ошибка. Перейдя на лѣвый берегъ, поляки ознаменовали свое вступленіе на чужую землю совершеніемъ религіознаго обряда. Іезуиты успѣли въ нѣсколько недѣль смягчить грубую натуру своей паствы, которая, приближаясь къ таинственному, полному опасности будущему, открывавшемуся передъ нею на порогѣ Московскаго государства, внимала съ бо́льшимъ благоговѣніемъ голосу своихъ духовныхъ пастырей. Любопытно прослѣдить, какъ держалъ себя въ этомъ случаѣ Димитрій; не желая компрометтировать себя, онъ не слушалъ вмѣстѣ съ прочими поученія и проповѣди іезуитовъ, но, пробравшись въ палатку ксендзовъ тайкомъ, нерѣдко просилъ ихъ благословить его и молиться за него.

Войско простояло на берегу Днѣпра не долго. Оно было раздѣлено на два отряда, и каждый изъ нихъ немедленно двинулся далѣе. Димитрій шелъ со своими воинами чрезъ густые лѣса и болота, преодолѣвая шутя всѣ препятствія; наконецъ, передъ нимъ вырисовались на горизонтѣ остроконечныя башни Моравска. Эта маленькая крѣпостца пріобрѣла неожиданно выдающееся значеніе: подъ ея стѣнами разыгрался первый актъ великой и достопамятной драмы.

31-го октября небольшой отрядъ казаковъ и поляковъ, отдѣлившихся отъ главныхъ силъ арміи, явился подъ стѣны Моравска и потребовалъ, чтобы жители сдались безусловно. Письма Димитрія, переданныя гарнизону на концѣ шпаги, произвели волшебное дѣйствіе. Гарнизонъ рѣшилъ сдаться. Подъ первымъ впечатлѣніемъ испытаннаго страха къ

---

[1]) Состояніе Сѣверскаго княжества въ ту эпоху прекрасно описано Платоновымъ, Очерки, стр. 253 и сл.—Образецъ прокламацій Димитрія см. Акты арх. эксп. II, стр. 76, № 26.

царевичу была отправлена депутація, коей велѣно было изъявить ему покорность. Чернь, очевидно подготовленная заранѣе, только этого и ожидала: она взволновалась; давно сдерживаемый восторгъ проявился весьма бурно.

Ворота крѣпости открылись; жители толпами вышли Димитрію на встрѣчу, выстроились по обѣ стороны дороги, проливали слезы радости и выражали свои чувства въ простодушныхъ и образныхъ выраженіяхъ: «Солнышко наше восходитъ,—говорили они;—оно долго спало; Димитрій Ивановичъ вернулся къ намъ». Въѣздъ претендента въ крѣпость походилъ на возвращеніе монарха въ свои владѣнія, къ своему народу. Ему были поднесены символическія и священныя эмблемы: хлѣбъ-соль, ключи отъ крѣпости и золотыя монеты. Попы окропили его святою водою и поднесли ему чтимыя народомъ иконы, къ которымъ онъ приложился. Наконецъ, ему выдали закованныхъ въ кандалы двухъ воеводъ, обвиненныхъ въ томъ, что они хотѣли подавить народное движеніе въ пользу Димитрія.

Въ знакъ торжества жители стрѣляли изъ орудій. Этотъ легкій и блестящій успѣхъ превосходилъ самыя смѣлыя ожиданія: послѣ этого можно было предпринять, что угодно.

Подобныя сцены повторились въ Черниговѣ около 4-го ноября; впрочемъ, онѣ были омрачены нѣкоторыми прискорбными событіями [1]), которыя показали Димитрію, что въ его войскѣ таилось немало дурныхъ инстинктовъ и между прочимъ склонность къ грабежу. Черниговъ, по выраженію москвитянъ, былъ дверью въ ихъ страну; если Димитрію удалось бы прорваться черезъ нее силою, то ему былъ бы открытъ прямой путь къ столицѣ, но городъ былъ хорошо укрѣпленъ, снабженъ въ изобиліи орудіями, порохомъ, боевыми снарядами и съѣстными припасами. При приближеніи Димитрія, чернь, точно такъ же, какъ и въ Моравскѣ, возмутилась противъ воеводы, князя Татьева (prince Tatev); она соблазнилась обѣщаніями, но воевода остался вѣренъ своей присягѣ; однако, видя враждебное настроеніе толпы, онъ удалился со стрѣльцами въ крѣпость, предоставивъ городъ во власть мятежниковъ; послѣдніе не сомнѣвались въ своей побѣдѣ, полагая, что стоило только призвать казаковъ, и гарнизонъ и воевода будутъ въ ихъ рукахъ. Но на дѣлѣ вышло иначе.

По первому знаку мятежниковъ, казаки, составлявшіе авангардъ, прискакали въ галопъ, но князь Татьевъ встрѣтилъ ихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ и причинилъ имъ значительный уронъ. Этого предлога для такихъ завзятыхъ грабителей было достаточно. Они не пошли на приступъ крѣпости, такъ какъ имъ представлялась гораздо болѣе легкая

[1]) Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 60.

добыча, чтобы отомстить за своихъ; они кинулись на беззащитный городъ и дали полную волю своимъ алчнымъ наклонностямъ. Перепуганные жители обратились съ жалобою къ Димитрію; въ городъ тотчасъ прибыли его посланные, а на слѣдующій день и онъ самъ пріѣхалъ въ Черниговъ и убѣдился въ справедливости принесенныхъ ему жалобъ. Положеніе было весьма серьезное.

Царевичъ негодовалъ; казакамъ было сдѣлано строгое внушеніе и приказано возвратить все награбленное. Хотя за дѣло принялись энергично, но жителямъ удалось вернуть только самую ничтожную часть своего имущества, и такимъ образомъ они поплатились за свое чрезмѣрное усердіе къ Димитрію. Что касается князя Татьева, то онъ довольно легко согласился признать новаго монарха.

Двѣ русскія крѣпости были уже во власти Димитрія. Разумѣется, побѣда была еще незначительна, но нравственное впечатлѣніе, произведенное ею, было огромное. Вѣсть о томъ, что царевичъ шелъ побѣдоносно на Москву, разнеслась по окрестности; чѣмъ болѣе чудесною казалась его исторія, тѣмъ болѣе ей вѣрили. Крестьяне, бродяги, нищіе стекались сотнями на его пути, кланялись ему по народному обычаю въ ноги и становились подъ его знамена. 12-го ноября подошло девять тысячъ донскихъ казаковъ, а нѣсколько дней спустя четыре тысячи запорожцевъ, которые были завербованы ранѣе и ожидались Димитріемъ съ нетерпѣніемъ. Численность его арміи доходила въ то время, какъ говорятъ, до 38 тысячъ человѣкъ; если бы это войско было однородное, хорошо дисциплинировано и повиновалось своему вождю, то оно могло бы быть грозною силою. Но между солдатами оказалось немало вольницы, не хотѣвшей подчиняться порядку и дисциплинѣ.

Это выразилось вполнѣ наглядно въ теченіе тѣхъ восьми дней, которые войско простояло подъ Черниговомъ. У Димитрія зачастую нехватало денегъ, необходимыхъ для веденія войны, а его сторонники не хотѣли служить ему даромъ. Съ казаками еще можно было поладить, они были готовы довольно долго ожидать вознагражденія за свои труды, но съ поляками трудно было сговориться относительно размѣра и срока вознагражденія. Въ тотъ день, когда у Димитрія не хватило денегъ, чтобы заплатить имъ жалованіе, въ войскѣ вспыхнуло возмущеніе, достигшее быстро тревожныхъ размѣровъ. Самые смѣлые изъ бунтовщиковъ захватили знамя, собрались вокругъ него и ушли изъ лагеря, направляясь въ Польшу и унося съ собою всю надежду Димитрія на побѣду.

Димитрій бросился за ними въ погоню, осыпалъ ихъ упреками, прельщалъ обѣщаніями, но бунтовщики хотѣли злотыхъ, а не словъ, они не отдавали знамя и не хотѣли возвращаться въ лагерь. Тогда въ характерѣ Димитрія обнаружилась новая черта; имъ овладѣло величай-

шее уныніе. Онъ обратился къ ксендзамъ и со слезами на глазахъ, глубоко растроганный и смущенный, говорилъ о томъ, что онъ хочетъ отомстить за свою честь и покаяться въ своихъ грѣхахъ; не зная, какъ взяться за дѣло и съ чего начать, онъ былъ внѣ себя. Едва удалось уговорить его, но онъ успокоился окончательно только тогда, когда дезертиры возвратились въ лагерь. Отецъ Лавицкій говоритъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ, но не упоминаетъ, какимъ образомъ это было достигнуто. Весьма вѣроятно, что золотыя монеты, найденныя въ Черниговѣ, сыграли при этомъ не послѣднюю роль.

Димитрій ободрился такъ же легко, какъ впалъ въ уныніе. 21-го ноября его армія расположилась лагеремъ передъ Новгородъ-Сѣверскомъ. Онъ напрасно льстилъ себя надеждою безъ труда пожать тутъ лавры. Въ числѣ начальниковъ тамошняго гарнизона находился Петръ Басмановъ. Историки говорятъ о немъ, какъ о выдающемся стратегѣ. Каковы бы ни были его военныя дарованія, во всякомъ случаѣ, это былъ человѣкъ рѣшительный, энергичный, и носилъ имя, прославленное въ лѣтописяхъ опричины. Когда непріятель показался вдали, то онъ прибѣгнулъ къ обычной у русскихъ, въ подобномъ случаѣ, тактикѣ; предмѣстья города были подожжены съ четырехъ сторонъ, городъ съ его деревянными зданіями запылалъ, и жители были заперты въ крѣпости. Авангардъ царевича не одержалъ тутъ успѣха, какъ въ другихъ мѣстахъ; жители осыпали казаковъ площадной бранью, но не уходили изъ крѣпости; весьма немногіе изъ нихъ бѣжали, но Басмановъ энергичными мѣрами прекратилъ это бѣгство.

Дѣло принимало серьезный оборотъ, крѣпость была довольно неприступна, пришлось вести правильную осаду: вырыть рвы и подвезти осадныя орудія прежде, нежели идти на приступъ. Осаждающіе энергично принялись за дѣло; апроши были въ нѣсколько дней окончены. Наскоро возведенныя батареи начали дѣйствовать, и войско, въ сильнѣйшій морозъ, три или четыре раза, днемъ и ночью ходило на приступъ Новгородъ-Сѣверска. Всадники спѣшивались, поддерживали пѣхотинцевъ; казалось, крѣпость не выдержитъ атаки. Но хорошо наведенныя орудія непріятеля причиняли осаждающимъ такой уронъ, что они вынуждены были отступить. Положеніе становилось критическимъ. Военные заявляли авторитетно, что въ стѣнѣ необходимо пробить брешь, а это было невозможно за неимѣніемъ орудій большаго калибра. Димитрій былъ мраченъ, опечаленъ, жаловался на свою неудачу и обвинялъ поляковъ въ недостаткѣ храбрости, на что они отвѣчали ему по-своему. Но этотъ обмѣнъ колкостей и насмѣшекъ не облегчилъ взятія крѣпости.

За эту неудачу претендентъ былъ вознагражденъ неожиданной сдачею нѣкоторыхъ близъ лежащихъ городовъ. Съ 10-го по 12-е декабря, Пу-

тивль, Рыльскъ, Сѣвскъ, Курскъ и Кромы прислали своихъ депутатовъ привѣтствовать Димитрія Ивановича и изъявить ему свою покорность. Димитрій сталъ любимцемъ народа во всемъ бассейнѣ Десны, Сейма и далѣе; число его приверженцевъ быстро возростало. Онъ былъ обязанъ этому казакамъ, которые отдѣлились на берегу Днѣпра отъ главныхъ силъ арміи и шли кружными путями къ одному и тому же пункту, гдѣ они должны были соединиться.

Они встрѣчали на своемъ пути людей, которые были готовы ихъ слушать и слѣдовать за ними, ибо имъ наскучила зависимость, обходившаяся имъ не дешево, и они стремились къ свободѣ. Народъ, переходившій на сторону Димитрія, не ограничивался одними обѣщаніями, онъ шелъ къ нему съ вещественными доказательствами своей преданности: новые подданные Димитрія приводили къ нему связанныхъ по рукамъ и по ногамъ правителей Годунова и предоставляли ихъ въ его полное распоряженіе. Особенно отличились жители Путивля: они просили позволенія сражаться съ Басмановымъ и доставили Димитрію орудія. Въ то время, какъ успѣхъ чередовался такимъ образомъ съ неудачами, разнесся слухъ, что приближается армія Бориса; Димитрій могъ очутиться межь двухъ огней.

Извѣстіе это оказалось справедливымъ. Годуновъ долго колебался. Ему не хотѣлось воевать съ искателемъ приключеній, но когда всѣ прочія средства не удались, то по неволѣ пришлось принять этотъ унизительный для него вызовъ. Призракъ сталъ чѣмъ-то осязательнымъ, съ нимъ воскресло грозное имя, онъ началъ угрожать, но неволѣ приходилось отвоевывать у него русскую землю.

Годуновъ не тревожилъ Димитрія цѣлыхъ четыре мѣсяца, и претендентъ имѣлъ время безпрепятственно перейти Днѣпръ, устроиться въ Сѣверскомъ княжествѣ и произвести на народъ впечатлѣніе своею легендою. Давно была пора оказать ему противодѣйствіе.

Перейдя изъ одной крайности въ другую, Борисъ Годуновъ сосредоточилъ большія силы въ Брянскѣ и ввѣрилъ начальство надъ ними сыну опальнаго боярина, Ѳедору Мстиславскому, котораго онъ прельстилъ обѣщаніями. Его армія приближалась къ Новгородъ-Сѣверску.

Всѣ надежды на побѣду были на сторонѣ царя. У него было свѣжее войско, состоявшее изъ русскихъ, татаръ и нѣмцевъ, и которое превосходило армію Димитрія численностью. Кромѣ того, онъ могъ атаковать Димитрія съ фронта и съ тыла, прижать его къ неприступнымъ стѣнамъ Новгорода и заключить въ желѣзное кольцо. Мстиславскій не воспользовался этимъ преимуществомъ.

Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ и переговоровъ, которые не имѣли никакого результата, 31-го декабря 1604 г. произошло

рѣшительное сраженіе. Борша и Маржеретъ описали это кровопролитное дѣло [1]). Одинъ изъ нихъ сражался въ арміи Димитрія, другой въ войскѣ Мстиславскаго; оба они опредѣляютъ число сражавшихся въ этомъ бою и описываютъ отдѣльные эпизоды сраженія различно.

Историки пытались возстановить по этимъ разсказамъ нѣчто цѣлое и только все запутали. Справедливѣе будетъ признать, что нѣтъ никакой возможности согласовать эти разнорѣчивыя показанія, и ограничиться тѣми фактами, которые приводятъ очевидцы. Придерживаясь этого правила, можно сказать безошибочно, что честь побѣды принадлежала полякамъ, которые разстроили своими стремительными атаками ряды русскихъ, и что претендентъ одержалъ тутъ рѣшительную побѣду. Князь Мстиславскій былъ раненъ въ этомъ сраженіи, поспѣшно оставилъ поле битвы, не теряя даже времени на то, чтобы похоронить мертвыхъ; воспользовавшись защитою, которую представляли ему сосѣдніе лѣса, онъ быстро отступилъ. Его парчевое знамя и нѣсколько орудій остались въ рукахъ побѣдителей. Маржеретъ заканчиваетъ свой разсказъ слѣдующими странными словами: «Словомъ, можно сказать, что у русскихъ не было рукъ, чтобы бить врага...». Хотя Борша выражается сдержаннѣе, но и онъ говоритъ, что русскіе удивительно легко обратились въ бѣгство.

Что касается Димитрія, то онъ смотрѣлъ на дѣло не такъ просто. Въ порывѣ восторга онъ приписалъ побѣду частицѣ животворящаго Креста, полученной имъ отъ ксендзовъ. За нѣсколько дней до сраженія онъ встрѣтилъ одного изъ нихъ на большой дорогѣ и, подойдя къ нему, сказалъ: «Я далъ обѣтъ, если Господь благословитъ мое предпріятіе, воздвигнуть въ Москвѣ церковь въ честь Божіей Матери и намѣренъ предоставить ее вамъ». Поощренный этими словами, ксендзъ упомянулъ о драгоцѣнной реликвіи, присланной незадолго передъ тѣмъ изъ Польши и предназначавшейся для царевича. Димитрій, въ порывѣ набожности, выразилъ желаніе тотчасъ получить эту реликвію, надѣлъ ее на шею и послѣ одержанной побѣды, вспоминалъ Константина Великаго и говорилъ, что небо покровительствуетъ ему такъ же точно, какъ этому сопернику Максенція.

Впрочемъ, хотя во время этого сраженія и было произведено нѣсколько прекрасныхъ кавалерійскихъ атакъ, но въ общемъ онѣ велись не особенно энергично, и результатъ сраженія нельзя было назвать рѣшительнымъ. Въ этомъ нельзя винить Димитрія. Преслѣдовать непріятеля, отрѣзать ему отступленіе и изрубить его—таковъ былъ планъ царевича.

---

[1]) Борша, стр. 378.—Маржеретъ, стр. 76—Аа. О томъ, что это сраженіе происходило именно 31-го декабря, говоритъ въ своемъ дневникѣ Лавицкій. Diarium, f. II v°.

Но поляки смотрѣли на дѣло иначе. Они не разъ доказали, что болѣе дорожили жалованьемъ, нежели военной славою. И такъ какъ Димитрію нечѣмъ было заплатить имъ, то они не хотѣли повиноваться. За побѣдой слѣдовало новое возмущеніе, болѣе серьезное, нежели предъидущее.

Вернуться въ Польшу—таковъ былъ лозунгъ, которому повиновалось войско. Чтобы удержать дезертировъ, Димитрій прибѣгнулъ, по словамъ Борши, къ довольно опасному средству. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ ротою Фредро, которой посчастливилось болѣе другихъ; она получила жалованье и обѣщала выручить его. Напрасныя старанія; всѣ разсчеты Димитрія оказались ошибочны; секретъ былъ обнаруженъ, и 10-го января 1605 г. вспыхнулъ бунтъ: анархія была полная, въ лагерѣ царствовала страшная неурядица; все было разграблено: съѣстные припасы, боевые снаряды, орудія и знамена. Гетманъ принялъ лично участіе въ усмиреніи мятежа, старался повліять на солдатъ, но ему удалось только добиться, что раздраженные до неистовства поляки успокоились на нѣсколько часовъ. На слѣдующую ночь гроза разразилась еще съ бо́льшей силою: не было никакой возможности укротить бѣшенство солдатъ. Всѣ громко требовали немедленнаго возвращенія въ Польшу; дезертиры тотчасъ ушли изъ лагеря.

Вслѣдствіе несчастнаго для Димитрія совпаденія, самъ гетманъ, убѣждая прочихъ остаться, уѣхалъ, 14-го января, въ Польшу, подъ предлогомъ, будто имъ былъ полученъ отъ короля новый приказъ, которому онъ долженъ былъ повиноваться, и что ему было необходимо отстаивать на сеймѣ дѣйствія претендента. Престарѣлаго и болѣзненнаго воеводу, разумѣется, не особенно соблазняли треволненія военнаго времени и всѣ случайности сраженій. Его обязанность принялъ Адамъ Дворжицкій. Но легче было избрать новаго начальника, нежели удержать подъ знаменами распущенное войско. Димитріемъ все болѣе и болѣе овладѣвало безпокойство при видѣ того, что число дезертировъ увеличивалось. Онъ бѣгалъ отъ палатки къ палаткѣ, умолялъ поляковъ не покидать его и получалъ одни отказы, выраженные нерѣдко въ весьма оскорбительной для него формѣ. Онъ и этотъ разъ обратился за поддержкою къ ксендзамъ и со слезами просилъ ихъ помочь ему. Они обѣщали, во что бы то ни было, остаться съ нимъ. Это было имъ приказано, и они остались на своемъ посту, какъ доблестные воины; ихъ преданность своему долгу спасла Димитрія. Въ самый критическій моментъ, войско увидѣло, что повозка, въ которой они ѣхали, двинулась по дорогѣ въ Москву; ихъ примѣръ повліялъ, какъ говорятъ, на многихъ поляковъ, которые еще колебались. Приблизительно тысяча двѣсти поляковъ согласились слѣдовать за царевичемъ и раздѣлить его участь; дезертировало не болѣе восьми сотъ человѣкъ.

Послѣ этихъ бурныхъ сценъ Димитрій не рѣшился оставаться долѣе подъ Новгородъ-Сѣверскомъ и снялъ осаду города. Его не пугала мысль, что у него въ тылу остаются крѣпости въ рукахъ непріятеля. Главной его цѣлью было добраться какъ можно скорѣе въ Москву, куда онъ надѣялся вступить побѣдителемъ. Сопровождаемый казаками и разстроенными польскими баталіонами, онъ двинулся къ Сѣвску, гдѣ разсчитывалъ собраться съ силами. Это былъ этапъ по пути къ столицѣ; городъ былъ вполнѣ преданъ ему. Нѣсколько дней отдыха дали ему возможность оглянуться на прошлое и обсудить свое настоящее положеніе.

Его тревожили двѣ вещи: во-первыхъ, измѣна поляковъ, которая могла повториться, и во-вторыхъ, ходившіе среди русскихъ слухи объ его отреченіи отъ православной вѣры. Ему угрожала такимъ образомъ двоякая опасность: быть покинутымъ поляками и сдѣлаться, какъ католикъ, ненавистнымъ русскимъ. Онъ полагалъ, что это было дѣло интриги, которая велась противъ него Замойскимъ и Янушемъ Острожскимъ; поэтому онъ прибѣгнулъ за помощью къ нунцію Рангони, умоляя защитить его. Изъ Сѣвска былъ посланъ въ Краковъ гонецъ съ этой просьбой [1]). Но въ то время какъ царевичъ старался обезпечить себя съ этой стороны, его противники продолжали угрожать ему: еще одно сраженіе было неизбѣжно.

Князь Мстиславскій не терялъ изъ вида своего противника, онъ обдумывалъ, какъ отомстить ему. Послѣ пораженія подъ Новгородъ-Сѣверскомъ, Борисъ Годуновъ, желая поднять духъ своего войска, обошелся съ побѣжденными какъ съ побѣдителями [2]). Онъ старался ободрить ихъ. Всѣмъ, начиная отъ начальника и кончая послѣднимъ солдатомъ, были оказаны знаки особаго царскаго благоволенія. Мстиславскаго пользовалъ придворный врачъ, присланный съ этой цѣлью изъ Москвы,—особая милость, оказываемая весьма рѣдко, только въ случаѣ крайней необходимости. Оправившись отъ ранъ, онъ поспѣшно реорганизовалъ кадры своего войска. Къ нему былъ назначенъ въ помощники Василій Шуйскій, извѣстный своей хитростью и пронырствомъ, тотъ самый, который велъ слѣдствіе въ Угличѣ. Реорганизованное ими войско двинулось, совершая небольшіе переходы, къ Сѣвску. Въ концѣ января Димитрію донесли, что онъ расположился лагеремъ около города.

При этомъ извѣстіи, въ станѣ претендента мнѣнія раздѣлились. Поляки, смотрѣвшіе на положеніе дѣлъ съ болѣе правильной точки зрѣнія, хотѣли вести съ непріятелемъ переговоры, выиграть время, дѣйствовать

---

[1]) Архивъ папскаго престола, IV, f, 57 v°. Письмо Димитрія къ Рангони отъ 18-го января 1605 г.

[2]) Акты... арх. эксп., т. II, стр. 76, № 27. По старому стилю, день этой битвы показанъ 21-го декабря.

подкупомъ. Такая медлительность была не по вкусу казакамъ. Воины по профессіи, они горѣли желаніемъ сразиться съ непріятелемъ: Димитрій присоединился къ ихъ мнѣнію. Впрочемъ, всѣ были увѣрены въ побѣдѣ и 30-го января 1605 г. съ радостнымъ чувствомъ пошли въ битву; сраженіе происходило въ окрестностяхъ маленькой деревушки, Добрыничи.

И этотъ разъ отъ насъ ускользаютъ нѣкоторыя подробности сраженія, въ которомъ шла борьба между личною доблестью и численностью. Силы Мстиславскаго значительно превосходили силы его противника. Численность одержала верхъ; впрочемъ, солдаты Димитрія сражались не все время съ одинаковою доблестью. Вначалѣ, поляки повели атаку съ удивительной энергіей; эти прекрасные кавалеристы, помчавшіеся на непріятеля на своихъ быстрыхъ и прекрасныхъ лошадяхъ, оттѣснили на первыхъ порахъ москвитянъ; быть можетъ, имъ удалось бы смять ихъ окончательно, если бы запорожцы, въ моментъ самаго жаркаго боя, не измѣнили Димитрію. Ихъ было до семи тысячъ, и претендентъ разсчитывалъ на ихъ поддержку, какъ вдругъ, по его собственному свидѣтельству, они обратились самымъ постыднымъ образомъ въ бѣгство въ тотъ моментъ, когда на нихъ даже не было произведено атаки [1]). Это бѣгство было такъ удивительно, что пронесся слухъ, будто казаки были подкуплены московскимъ золотомъ.

Борша, точно такъ же, какъ царевичъ, обвиняетъ въ этомъ казаковъ и приписываетъ имъ весь позоръ этого пораженія. Но что думать о поведеніи поляковъ? Начавъ сраженіе блистательно, они видимо слишкомъ скоро упали духомъ и, быть можетъ, черезчуръ поспѣшно послѣдовали за бѣжавшими казаками. Борша говоритъ о дѣйствіяхъ своихъ соотечественниковъ весьма снисходительно: по его словамъ, они устремились за казаками, чтобы вернуть ихъ на поле битвы. Это благородное побужденіе не было извѣстно Маржерету. Русская армія, говоритъ онъ, ослѣпленная пороховымъ дымомъ, «дала залпъ изъ 10 или 12 тысячъ пищалей, которыя навели на поляковъ такой страхъ, что они пришли въ большое замѣшательство и обратились въ бѣгство». Но это не все. На помощь полякамъ шли поспѣшно ихъ остальныя силы, «но, видя, что они бѣгутъ въ такомъ безпорядкѣ, они замедлили свой ходъ...». Читая эти разнорѣчивые разсказы очевидцевъ, получается такое впечатлѣніе, что въ Добрыничахъ арміей Димитрія овладѣлъ тотъ паническій и ничѣмъ необъяснимый страхъ, который овладѣваетъ иногда войскомъ совершенно неожиданно, лишаетъ его увѣренности въ своихъ силахъ и

[1]) Димитрій описываетъ сраженіе при Добрыничѣ въ письмѣ къ Рангони, которое затерялось. Онъ говоритъ объ этомъ и въ письмѣ отъ 18-го апрѣля. Архивъ папскаго престола, IV, f. 58.

причиняетъ ему болѣе вреда, нежели оружіе непріятеля. Вся армія Димитрія обратилась въ бѣгство и такъ поспѣшно, что бѣглецы не вернулись даже въ лагерь, а побросали на мѣстѣ всѣ свои боевые снаряды, обозы, оружіе и повозки [1]). Увлеченные всеобщимъ бѣгствомъ, іезуиты, схвативъ походную церковь, вскочили на лошадей, приготовленныхъ для Димитрія, и хотя они были весьма неопытные всадники, но поскакали, что̀ есть духу, рискуя сломать себѣ шею и изувѣчить себя.

Князь Мстиславскій торжествовалъ на полѣ битвы. Чтобы довершить побѣду, ему надобно было бы захватить самого претендента, лишивъ мятежниковъ ихъ предводителя и поляковъ того человѣка, коему они покровительствовали и за кого сражались,—это было самое главное. Годуновъ только этого и желалъ; война могла окончиться только съ плѣненіемъ Димитрія. Но какимъ образомъ было достигнуть этого? гдѣ находился царевичъ? Въ то время когда его войско обратилось въ бѣгство, онъ самъ поспѣшно бѣжалъ и остановился, чтобы отдохнуть только, въ Путивлѣ, куда онъ прибылъ 3-го февраля и куда собрались остатки его арміи; его защитники возвратились къ нему истомленные, обезсиленные, неспособные къ дальнѣйшей защитѣ. Эта горсть бѣглецовъ представляла собою легкую добычу для москвитянъ. Еще нѣсколько часовъ, и Димитрій погибъ бы окончательно, если бы непріятель сдѣлалъ еще одно послѣднее усиліе.

«Непріятель могъ бы преслѣдовать насъ,—писалъ Лавицкій,—настигнуть насъ и всѣхъ перебить и поджечь станъ; но Провидѣніе не допустило до этого, онъ остановился приблизительно въ разстояніи одной версты, не посмѣвъ воспользоваться одержанною побѣдою».

Дѣйствительно, медлительность Мстиславскаго совершенно непонятна. Неужели онъ не подозрѣвалъ, въ какомъ отчаянномъ положеніи находились побѣжденные, неужели онъ не могъ, оставивъ свой обозъ, идти впередъ усиленными переходами, преслѣдовать непріятеля и нанести ему рѣшительный ударъ? Быть можетъ, это было не такъ легко, но во всякомъ случаѣ иначе поступить было невозможно. Вмѣсто того, Мстиславскій промедлилъ, не дошелъ даже до Путивля, остановился на полупути у Рыльска и началъ бомбардировать эту крѣпость, рискуя попасть межь двухъ огней [2]). Благодаря этому Димитрій былъ спасенъ.

---

[1]) Наше собраніе. 1605 г., 15-го апрѣля, письмо Лавицкаго къ Аквавивѣ

[2]) Платоновъ (Очерки, стр. 267) прекрасно очертилъ всю безвыходность его положенія. Принимая во вниманіе слабость Димитрія, затрудненія, предстоявшія ему, казались непреодолимы.

III.

Гамлетовскій вопросъ, представившійся Димитрію въ Путивлѣ.—Колебанія.—Сдержанность іезуитовъ.—Ихъ впечатлѣнія и замѣтки.—Негодяй Гришка Отрепьевъ.—Исполненіе Димитріемъ религіозныхъ обрядовъ.—Его молитва передъ сраженіемъ.—Частичка животворящаго креста.—Чудотворная икона Курской Божіей Матери.—Камень безоаръ.—Димитрій думаетъ о реформахъ.—Его нелюбовь къ русскимъ монахамъ.—Щекотливый вопросъ.—Димитрій жаждетъ знаній.—Его планы.—Его умъ и память.—Димитрій не разлучается въ Путивлѣ съ географической картою.—Попытка заняться наукою.—Письма и философія.—Три дня ученія.—Вниманіе и предупредительность.—Палатка іезуитовъ.—Праздники.—Симпатіи къ русскимъ.—Зрѣющая жатва.

Когда остатки арміи Димитрія собрались въ Путивлѣ, онъ могъ воочію убѣдиться въ томъ, какъ велико было постигшее его бѣдствіе. Изъ этого затруднительнаго положенія не представлялось никакого выхода; по крайней мѣрѣ Димитрій его не находилъ; онъ былъ опечаленъ, дошелъ почти до отчаянія. Не имѣя денегъ и людей, могъ ли онъ противустоять непріятелю? слѣдовало ли ему продолжать войну или слѣдовало вернуться обратно? Можно ли было еще взять смѣлостью и отвагою, или слѣдовало отказаться отъ короны, которой не было возможности достигнуть? Ему приходилось рѣшить роковой Гамлетовскій вопросъ, и онъ не зналъ, что отвѣтить на него [1]).

Димитрій, въ откровенной бесѣдѣ съ іезуитами, высказалъ имъ свои мысли и снѣдавшую его тревогу. Прежде всего обсуждался ими вопросъ о понесенномъ пораженіи. По мнѣнію ксендзовъ, казаки не были ни единственными, ни главными виновниками этого пораженія. Они становились на болѣе возвышенную точку зрѣнія и проводили по поводу послѣднихъ событій какую-то сверхъестественную теорію. Во время сраженія, говорили они, какой-то солдатъ изнасиловалъ одну русскую женщину; фактъ былъ вопіющій, онъ требовалъ возмездія. «Вотъ,—говорили ксендзы,—гдѣ слѣдуетъ искать истинную причину постигшаго насъ бѣдствія. Преступленія, совершаемыя людьми, навлекаютъ гнѣвъ Божій; этимъ объясняется бѣгство солдатъ». Димитрій согласился съ ними, былъ глубоко возмущенъ гнуснымъ поступкомъ и говорилъ пространно на эту тему. Но въ концѣ этой тирады опять возникъ мучительный для него вопросъ, который онъ самъ не могъ рѣшить и который ему

[1]) Вся эта глава написана по дневнику (Diarium) о. Лавицкаго, его письмамъ и письмамъ Чижовскаго. Одни изъ нихъ хранятся въ Ватиканскомъ архивѣ (рукоп. Боргезе, II, 499; III, 90, b.), другія находятся въ нашемъ собраніи. Незначительное число этихъ писемъ напечатано въ „Rome et Démétrius“.

хотѣлось, чтобы за него рѣшили другіе: слѣдовало ли продолжать войну или не слѣдовало? Священники ничего не могли отвѣтить на это. Рангони строго-на-строго указалъ и ограничилъ ихъ обязанности: политика и война не входили въ кругъ ихъ дѣятельности. Они посовѣтовали Димитрію поговорить объ этомъ съ его товарищами по оружію и ограничились своимъ излюбленнымъ припѣвомъ объ упованіи на Бога, властителя жизни и смерти.

Впрочемъ, эта мучительная нерѣшимость продолжалась не долго. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ Димитріемъ въ Путивлѣ, самыя изумительныя событія слѣдовали одно за другимъ съ такою быстротою, что претендентъ вскорѣ позабылъ о своихъ неудачахъ и снова принялся за дѣло, проявивъ необычайную энергію и дѣятельность. Ксендзы имѣли случай часто видѣть его довольно близко, бесѣдовать съ нимъ и наблюдать за нимъ. Вынесенныя ими впечатлѣнія освѣщаютъ его личность.

Димитрій обладалъ искусствомъ быть откровеннымъ, довѣрчивымъ и въ то же время не выдавать своихъ тайнъ. Онъ не обнаруживалъ своихъ политическихъ плановъ, но любилъ побесѣдовать откровенно о своихъ видахъ на будущее и разсуждать на общія темы. Его пылкая фантазія рисовала ему яркія картины будущаго, и онъ умѣлъ передать ихъ въ плѣнительной формѣ. Записывая, по возвращеніи домой, свои разговоры съ Димитріемъ, ксендзы находились очевидно подъ обаяніемъ его неистощимаго, блестящаго краснорѣчія и его смѣлыхъ рѣчей, которыя поддерживали самыя завѣтныя ихъ надежды и упреждали событія. Впечатлѣніе получалось тѣмъ болѣе сильное, что Димитрій былъ въ ихъ глазахъ истиннымъ сыномъ Іоанна IV. Если бы они сколько-нибудь сомнѣвались въ этомъ, то восторженный пріемъ, оказанный ему москвитянами, убѣдилъ бы ихъ скоро въ противномъ. Противодѣйствіе Димитрію шло свыше и поддерживалось силою. Предоставленный самому себѣ, народъ легко переходилъ на его сторону. Восторгъ и преданность народа принимали иногда тотъ зловѣщій характеръ, коимъ отличаются народныя движенія, такъ, напр., два воеводы были убиты толпою, какъ только ихъ заподозрили въ сообщничествѣ съ измѣнниками. Народъ не слушалъ болѣе Годунова и не обращалъ вниманія на проклятіе, коимъ угрожалъ ему патріархъ Іовъ. Царь и патріархъ тщетно проклинали мнимаго царевича и называли его Гришкой Отрепьевымъ, народъ продолжалъ считать Димитрія истиннымъ царевичемъ и восторженно привѣтствовалъ его. Димитрій, дѣйствовавшій тутъ осторожнѣе, нежели въ Польшѣ, позаботился о томъ, чтобы установить различіе между собою и Гришкою Отрепьевымъ. Въ Путивль былъ приведенъ отъявленный негодяй и колдунъ, и очевидцы удостовѣрили, что это и былъ тотъ самый Гришка Отрепьевъ, именемъ котораго Годуновъ

смущалъ народъ. Мы увидимъ далѣе, какое значеніе можно было придавать ихъ свидѣтельству.

Въ глазахъ толпы истинный царевичъ могъ быть только ревностнымъ сыномъ православной церкви. Димитрій былъ дотого убѣжденъ въ этомъ, что онъ ревниво оберегалъ тайну своего отреченія отъ православія и считалъ, что только враги могли выдать ее; втихомолку же, по крайней мѣрѣ передъ іезуитами, онъ соблюдалъ обряды католической церкви и дѣлалъ видъ, что относится къ нимъ совершенно серьезно. Не только на Рождество, но и на Пасху, когда воевода уже не ходилъ болѣе за нимъ по пятамъ, онъ исповѣдывался по своему собственному желанію и пріобщился Св. Тайнъ и, все еще мечтая о коронѣ, обѣщалъ сдѣлать то же наканунѣ своего коронованія. Его храбрость доходила иной разъ до того, что онъ давалъ душеспасительные совѣты полякамъ и посылалъ ихъ къ ксендзамъ за отпущеніемъ отъ грѣховъ. Тѣмъ не менѣе его набожность была чисто внѣшняя, показная: такимъ образомъ онъ впадалъ въ ту ошибку, въ которой упрекалъ другихъ. Онъ любилъ давать обѣты и обѣщанія, въ надеждѣ на успѣхъ, нерѣдко просилъ ксендзовъ благословить его. Рангони передаетъ, что передъ сраженіемъ онъ преклонялъ колѣна и читалъ слѣдующую молитву: «Господи, если дѣло мое правое, помоги и защити меня; если оно неправое, покарай меня по Своей справедливости». Припомнимъ, съ какимъ удовольствіемъ онъ принялъ частичку животворящаго креста. Одержавъ побѣду, онъ сталъ еще болѣе дорожить ею и чтить ее и употреблялъ ее, по русскому обычаю, когда давалъ клятву. При перенесеніи въ Путивль чудотворной иконы Курской Божіей Матери, Димитрій обратилъ всеобщее вниманіе богомольцевъ своимъ усердіемъ [1]). Онъ встрѣтилъ икону, велѣлъ обнести ее вокругъ стѣнъ и держалъ все время около себя. Даже болѣзнь не мѣшала ему разыгрывать свою роль. Въ первыхъ числахъ мая, мучимый лихорадкою, не имѣя врача и какой-либо помощи, онъ не зналъ, что дѣлать. Ему предложили испробовать цѣлебное дѣйствіе камня безоара [2]). Ксендзы запаслись ямъ, и народная молва приписывала ему чудеса. Димитрій изъявилъ готовность сдѣлать опытъ. Кусочекъ драгоцѣннаго противоядія былъ тотчасъ брошенъ въ воду; всѣ преклонили колѣна вокругъ больнаго, онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, прочелъ «Отче нашъ» и проглотилъ лѣкарство. Онъ вскорѣ поправился и сдѣлался большимъ поклонникомъ безоара.

Въ Путивлѣ не обсуждался вопросъ о возсоединеніи церквей; онъ былъ исчерпанъ въ бесѣдахъ съ Рангони и въ договорѣ, заключенномъ

[1]) Бареццо Барецци, стр. 13.

[2]) Безоаръ, безоаровый камень—твердыя отложенія въ желудкѣ безоаровой козы. На востокѣ употребляется какъ лѣкарство и цѣнится очень дорого. Прим. переводчика.

съ Мнишекомъ. Тѣмъ не менѣе религіозные вопросы занимали царевича, и онъ говорилъ о нихъ подчасъ, какъ человѣкъ, мечтающій о преобразованіяхъ. Его интересовалъ въ особенности одинъ пунктъ. Проживъ долгое время съ монахами, онъ хвасталъ тѣмъ, что знаетъ ихъ хорошо, но не питалъ къ нимъ особенной нѣжности. Напротивъ, онъ относился къ нимъ съ величайшимъ презрѣніемъ; прислушиваясь къ его жалобамъ на чернецовъ, видно было, что онъ прочувствовалъ все, что онъ говорилъ. Онъ не уважалъ ихъ внѣшняго благочестія; ихъ ханжество возмущало его; по его словамъ, русскіе монахи придавали исполненію пустыхъ обрядовъ болѣе значенія, нежели соблюденію главныхъ догматовъ религіи. Онъ взводилъ противъ нихъ еще болѣе серьезныя обвиненія, его отвращеніе къ монахамъ имѣло болѣе вѣскія причины: онъ укорялъ ихъ въ распутствѣ, праздности, невѣжествѣ, въ томъ, что они дотого пренебрегаютъ правилами монастыря, что не помнятъ даже имени его основателя и происхожденія ихъ ордена. Всякій разъ какъ объ этомъ заходила рѣчь, Димитрій былъ неистощимъ; въ его словахъ слышались гнѣвъ и озлобленіе, можно было подумать, что онъ готовъ мстить имъ. Однажды, произнося грозную рѣчь противъ подобнаго рода монастырей, онъ предложилъ ксендзамъ вопросъ: «Что дѣлать, какъ взяться за дѣло, чтобы искоренить всѣ эти злоупотребленія?» Вопросъ былъ щекотливый и могъ возбудить подозрительность русскихъ. Ксендзы предпочли предоставить юному реформатору дѣйствовать по его собственному вдохновенію.

Былъ еще рядъ мыслей, на которомъ Димитрій останавливался особенно охотно: онъ страстно любилъ науку. Пребываніе за границею дало ему возможность сдѣлать кое-какіе выводы и сравненія. Польша Ягеллоновъ, усѣянная высшими училищами и школами, очевидно, стояла въ то время выше невѣжественной и отсталой Московіи. Димитрій ясно понималъ причину этого явленія; онъ мечталъ о всевозможныхъ школахъ для имперіи, которой, хотѣлъ управлять, и рѣшилъ основать ихъ безотлагательно. У него были по этому поводу совершенно опредѣленные планы. Его твердымъ намѣреніемъ было создать въ Россіи академіи и школы. Онъ хотѣлъ послать молодыхъ москвитянъ за границу и вызвать въ Москву большое число учителей и учениковъ, чтобы сразу завести начальныя школы и высшія учебныя заведенія. Онъ далъ бы этимъ большой толчекъ образованію и, имѣя хорошихъ помощниковъ, достигъ бы вѣроятно лучшихъ результатовъ, нежели Борисъ Годуновъ. Сто лѣтъ спустя, когда въ исторіи Россіи совершился крупный переворотъ, Петръ I прибѣгнулъ къ тому же средству и дѣйствовалъ такъ же энергично и рѣшительно, какъ намѣревался дѣйствовать Димитрій.

Въ этомъ стремленіи къ наукѣ не было ничего преувеличеннаго; оно проистекало у Димитрія изъ внутренняго убѣжденія. Онъ былъ ода-

ренъ блестящимъ умомъ и быстрымъ соображеніемъ, легко схватывалъ всякій вопросъ по существу и во всѣхъ его подробностяхъ; изумительная память никогда не измѣняла ему. Но его природныя способности весьма мало были развиты ученіемъ; весь запасъ его литературныхъ свѣдѣній ограничивался нѣсколькими текстами изъ Библіи, преимущественно изъ Новаго Завѣта и довольно смутными и отрывочными свѣдѣніями изъ исторіи и географіи. Ему знакомы были имена и подвиги Филиппа Македонскаго и Александра Великаго, Константина и Максенція; при случаѣ онъ могъ поговорить о Геродотѣ. Гдѣ бы онъ ни жилъ, даже временно, на его столѣ всегда лежала географическая карта, которой онъ умѣлъ пользоваться и которую онъ твердо изучилъ. Нагнувшись надъ нею, онъ показывалъ ксендзамъ путь въ Индію черезъ Московію, сравнивалъ его съ морскимъ путемъ, огибавшимъ мысъ Доброй Надежды, и перечислялъ всѣ преимущества перваго пути. По части лингвистики несомнѣнно, что онъ не зналъ латинскаго языка и лучше владѣлъ русскимъ языкомъ, нежели польскимъ. Уже по этому одному онъ могъ заткнуть за поясъ московскихъ бояръ, изъ коихъ многіе никогда не открывали книги и не написали ни одного письма.

Но всѣ эти знанія были ничтожны по сравненію съ тѣмъ, что онъ хотѣлъ знать: онъ жаждалъ пріобрѣсти во всемъ основательныя познанія. Досугъ, коимъ онъ пользовался въ Путивлѣ, подалъ ему мысль сдѣлать къ этому попытку. 20-го апрѣля онъ пригласилъ къ себѣ обоихъ ксендзовъ и, къ величайшему ихъ изумленію, въ присутствіи нѣсколькихъ москвитянъ завелъ съ ними рѣчь объ истинной мудрости и средствахъ къ достиженію ея, высказавъ между прочимъ ту мысль, что монархъ долженъ въ совершенствѣ обладать военнымъ искусствомъ и быть одушевленъ любовью къ наукѣ. Послѣ этого предисловія, онъ заявилъ рѣшительно, что хочетъ заняться науками: и просилъ ксендзовъ помочь ему въ этомъ. Застигнутые врасплохъ, они не знали, что отвѣчать, и выразили опасеніе, что главнокомандующій арміей будетъ не особенно усерднымъ ученикомъ и броситъ когда-нибудь грамматику, чтобы скакать на поле битвы. Димитрій не хотѣлъ слушать никакихъ объясненій и просилъ ихъ поспѣшить. На слѣдующій день іезуиты попробовали еще разъ уклониться отъ этого, хотя въ душѣ рѣшили исполнить его желаніе. Но Димитрій не хотѣлъ ничего слушать. Увидавъ въ рукахъ о. Андрея книгу, онъ взялъ ее: это было сочиненіе Квинтиліана. Не теряя времени на разговоры, онъ предложилъ ксендзамъ сѣсть и подалъ книгу отцу Андрею: «Потрудитесь читать ее, сказалъ онъ, и объяснить мнѣ нѣкоторыя мѣста этого сочиненія. Я послушаю васъ съ удовольствіемъ». Этотъ первый урокъ, который ограничился вѣроятно самыми общими свѣдѣніями, сильно подстрекнулъ его любопытство. Онъ настаивалъ на своемъ планѣ. Начался правильный курсъ занятій: по утру одинъ часъ былъ посвященъ философіи, а ве-

черомъ грамматикѣ и литературѣ. Преподаватели говорили по-польски, секретарь записывалъ ихъ слова и переводилъ по-русски, чтобы облегчить Димитрію занятія. Димитрій держалъ себя какъ простой школьникъ: онъ серьезно отвѣчалъ урокъ, стоя передъ іезуитами, съ непокрытой головою. Но это усердіе продолжалось не долго. Москвитяне были недовольны продолжительными бесѣдами Димитрія съ іезуитами; среди нихъ начали ходить неблагопріятные для него слухи, и по прошествіи трехъ дней занятія были прекращены.

Хотя Димитрій болѣе не занимался съ іезуитами, но они находились въ постоянномъ общеніи. Отецъ Андрей былъ его секретаремъ и писалъ ему всѣ письма на латинскомъ языкѣ. Впрочемъ, ихъ отношенія не всегда были ровныя. Первое время, когда счастье улыбнулось ему, Димитрій держалъ себя отъ нихъ нѣсколько дальше, но неудачи вскорѣ сблизили его съ іезуитами, и послѣ временнаго охлажденія онъ сталъ относиться къ нимъ еще внимательнѣе и довѣрчивѣе. Онъ вспоминалъ въ любезныхъ выраженіяхъ услуги, оказанныя ему обоими ксендзами, приглашалъ ихъ къ своему столу и по московскому обычаю пилъ за здравіе ихъ генерала, провинціала и за весь орденъ іезуитовъ. Въ такія минуты онъ дѣлался откровененъ, предавался мечтамъ о будущемъ и то и дѣло возвращался къ своей излюбленной темѣ объ образованіи и прогрессѣ. Онъ мечталъ какъ можно скорѣе основать въ разныхъ городахъ Имперіи многочисленныя училища, живо интересовался вопросомъ объ ихъ внутреннемъ устройствѣ и о затратахъ, какія это повлечетъ за собою. Онъ говорилъ такъ убѣдительно, что ксендзы уже обсуждали планъ будущей школы и даже просили дать имъ необходимыя полномочія для того, чтобы устроить ее.

Димитрій умѣлъ быть предупредительнымъ и любезнымъ во всѣхъ мелочахъ обыденной жизни. Онъ былъ въ высшей степени деликатенъ. Такъ, напр., онъ выразилъ желаніе, чтобы іезуиты пользовались однимъ столомъ съ нимъ, освѣдомлялся объ ихъ здоровьи, заботился объ ихъ экипажѣ и лошадяхъ, дарилъ имъ для походной церкви матеріи и образа и платилъ даже разныя мелочи по ихъ текущимъ счетамъ. Всѣ эти любезности усугублялись выраженіемъ его особой къ нимъ симпатіи. Однажды онъ примѣрялъ священническую шапочку и смотрѣлся въ зеркало.

— Эта шапочка какъ нельзя болѣе идетъ вамъ,—сказалъ одинъ полякъ, но вамъ нужна царская корона.

— Что касается меня,—возразилъ претендентъ,—то я не прочь былъ бы сдѣлаться со временемъ монахомъ.

Можно было догадаться, о какихъ монахахъ онъ говорилъ.

Каковы ни были его чувства, Димитрію было весьма важно оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ іезуитами, которые пріобрѣли въ силу своего сана неоспоримое вліяніе на войско; ихъ палатка служила

походною церковью, она была всегда открыта. Солдаты собирались туда отстоять обѣдню, слушать проповѣди, поученія. Въ эту невѣжественную и грубую массу нужно было сѣять пригоршнями доброе сѣмя. Во время Рождественскаго и Великаго поста ревность къ исполненію религіозныхъ обрядовъ еще болѣе увеличилась. Великіе праздники праздновались торжественно, при звукахъ военной музыки и стрѣльбѣ изъ орудій. На Пасху солдатамъ было предложено въ видѣ зрѣлища остроумное драматическое представленіе. Москвитяне были преисполнены восторга и удивленія. Ксендзы были очень дѣятельны: они посѣщали ежедневно больныхъ, ухаживали за ранеными, ободряли солдатъ передъ сраженіемъ, рисковали даже спускаться во рвы осажденныхъ городовъ. Такимъ образомъ между солдатами и іезуитами возникла близкая и прочная связь. Димитрій вскорѣ подмѣтилъ это и былъ слишкомъ уменъ, чтобы не воспользоваться столь благопріятнымъ обстоятельствомъ.

Впрочемъ, вліяніе ксендзовъ ограничивалось почти исключительно одними поляками. Съ москвитянами, находившимися въ войскѣ, имъ приходилось держать себя весьма осторожно, довольствуясь тѣмъ, что они могли жить съ ними въ добромъ согласіи. Русскіе подозрѣвали Димитрія въ приверженности къ латинской церкви, и въ нихъ такъ сильно укоренилось предубѣжденіе противъ католиковъ, что о сближеніи съ ними нечего было и думать. Что касается казаковъ, то они заботились болѣе всего о томъ, какъ бы поживиться добычею, и только весьма немногіе интересовались вопросами религіи.

Простой народъ оказался доступнѣе вліянію іезуитовъ, въ особенности въ Путивлѣ, гдѣ армія простояла довольно долго. Черная ряса іезуитовъ никого тамъ не пугала, народъ приходилъ слушать ихъ проповѣди и присутствовалъ при богослуженіи; наиболѣе смѣлые заходили даже къ ксендзамъ въ домъ, гдѣ многіе предметы возбуждали ихъ любопытство: самыя обыкновенныя вещи казались имъ чѣмъ-то особеннымъ; ихъ очень занимала шапочка, которую носили іезуиты, они внимательно осматривали ее со всѣхъ сторонъ и примѣряли. Вскорѣ весь городъ зналъ іезуитовъ. Дѣти показывали на нихъ пальцами, когда они выходили изъ дому, и бѣжали имъ навстрѣчу. Нѣкоторыя лица, быть можетъ по наущенію поляковъ, просили, чтобы ксендзы учили ихъ читать и писать. Одинъ попъ выразилъ даже желаніе учиться по-латыни, а какой-то молодой человѣкъ хотѣлъ даже сопровождать своихъ будущихъ учителей въ Москву. Всѣ эти выраженія симпатіи были пріятны ксендзамъ. Они не скрывали возростающей своей симпатіи къ русскому народу, лелѣяли смутныя надежды и, видя эту зрѣющую жатву, желали, чтобы для сбора ея было побольше работниковъ.

Событія, повидимому, оправдывали ихъ надежды; пораженіе принесло претенденту болѣе пользы, нежели побѣда.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Указаніе кн. А. Н. Голицына на направленіе „Военнаго Журнала“ 1818 г.

1.

Письмо князя А. Н. Голицына—Н. М. Сипягину.

28-го марта 1818 г. № 679.

Милостивый Государь мой Николай Мартемьяновичъ.

«Военный Журналъ», издаваемый здѣсь при гвардейскомъ штабѣ, выходитъ, какъ извѣстно, безъ цензурнаго просмотрѣнія. Таковое право свободнаго книгопечатанія присвояется правительствомъ нѣкоторымъ ученымъ сословіямъ въ предположеніи, что издаваемыя ими книги, или періодическія сочиненія имѣютъ въ виду единственно общую пользу.

Читая «Журналъ Военный» собственно для себя, пораженъ я былъ удивленіемъ, что въ первой на сей годъ книжкѣ онаго, подъ статьею Метафизика войны излагаются мысли и сужденія, которыя не могутъ быть терпимы ни въ какомъ благоустроенномъ, христіанскомъ государствѣ. Я долгомъ почитаю сообщить вашему превосходительству мои замѣчанія, будучи увѣренъ, что вы съ ними согласитесь.

Напримѣръ, сочинитель или переводчикъ сей статьи, разсуждая о причинахъ и побужденіяхъ къ храбрости, на страницѣ 5-й говоритъ:

«Суевѣріе, безъ сомнѣнія, есть сильнѣйшая пружина въ человѣкѣ, побуждающая его презирать жизнь и не страшиться смерти. Оно сулитъ награды въ другомъ мірѣ, за предѣлами сей краткой жизни, на которую пріучаетъ взирать съ равнодушіемъ; представляетъ награды свои великими, совершенными, превосходными, вѣчными, словомъ сказать, чертитъ ихъ по волѣ нашихъ желаній, наконецъ убѣждаетъ насъ, что мы сражаемся съ беззаконниками, погрязшими въ неправдѣ и порокахъ; сражаемся за вину самую справедливую за дѣла самого неба» (стр. 5).

Симъ ироническимъ разсужденіемъ писатель весьма явно желаетъ удостовѣрить, что вѣра христіанская есть, будто бы, не что иное, какъ токмо льстящее самолюбію суевѣріе. Священный гласъ ея, призывающій иногда на защиту святыни и отечества, есть по его мнѣнію только гласъ страстей нашихъ и, наконецъ, лживо обѣщаетъ она вѣчныя, совершенныя награды подвижникамъ своимъ, чертя оныя по волѣ желаній нашихъ, то-есть, онъ утверждаетъ, что вѣра есть мечта, движущая нами въ угодность тѣмъ же страстямъ.

Потомъ на страницѣ 7-й упоминаетъ онъ, что и Магометъ употреблялъ средствомъ къ возбужденію храбрости въ войскахъ своихъ то же суевѣріе; далѣе изъясняетъ, что «вліяніе суевѣрія не имѣетъ теперь дѣйствія на войска французскія, хладнокровныя къ вѣрѣ; итакъ нужно прибѣгнуть къ другимъ страстямъ, для возбужденія ихъ храбрости», каковою признаетъ любовь къ отечеству. Изъ всего того легко видѣть можно, что писатель статьи сей старается представить въ одинаковой степени достоинства, и вѣру и суевѣріе и магометанство и страсти, и даже выгоднѣе отзывается о нѣкоторыхъ суевѣрныхъ языческихъ обрядахъ, нежели о самой христіанской вѣрѣ, признавая первые освященными духомъ времени и уваженіемъ народовъ (стр. 6).

Я предоставляю собственному суду вашего превосходительства, какое сдѣлать заключеніе о пользѣ такого сочиненія, въ которомъ христіане столь предосудительно говорятъ о христіанской вѣрѣ и предъ христіанами же и въ такомъ государствѣ, гдѣ правительство тщится поддержать и утверждать религію всѣми мѣрами. Вамъ извѣстно самимъ, что христіанская вѣра, основанная на истинахъ Евангельскихъ, служитъ твердѣйшею опорою государствамъ и правительствамъ, и тамъ, гдѣ оная не уважается, народы впадаютъ во всѣ неистовства разврата, буйства и безначалія. Мы видѣли тому примѣры разительнѣйшіе, и въ послѣднюю Отечественную войну нашу съ французами, когда мужественные воины россійскіе, призывая имя Божіе, шли отважно на отраженіе врага отъ домашнихъ предѣловъ, а соотечественники ихъ въ теплыхъ моленіяхъ изливали предъ Богомъ Спасителемъ своимъ душу и сердце, исполненныя вѣрою и надеждою на него. Государь императоръ самъ изволилъ признать торжественно предъ цѣлымъ свѣтомъ, что и онъ приписываетъ всю славу побѣды единому Богу; онъ самъ призывалъ подданныхъ своихъ и по нынѣ призываетъ ихъ пребыть вѣрными христіанской вѣрѣ, поставляетъ ее основаніемъ всего человѣческаго благополучія, необходимостію, долгомъ для каждаго въ особенности и правиломъ для всѣхъ вообще. Почему вы согласитесь со мною, что издатели книгъ не могутъ позволить себѣ помѣщать въ нихъ правила, противныя желанію правительства и монарха. Сіе тѣмъ паче невозможно въ «Военномъ Журналѣ», издаваемомъ для чтенія молодыхъ офи-

церовъ, кои должны почерпать оттуда правила для своихъ поступковъ, образа мыслей и наученія.

Хотя я и не имѣю собственнаго и прямаго участія въ семъ журналѣ, но по званію моему министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, обязанностію себѣ вмѣняю обратить вниманіе ваше, милостивый государь мой, на сіе обстоятельство, и надѣюсь, что вы найдете сами за необходимое внушить издателямъ сего журнала, чтобы впредь подобныхъ, оскорбляющихъ православную вѣру нашу статей въ ономъ помѣщаемо не было, и чтобы вообще содержаніе его всегда соотвѣтствовало довѣренности монаршей, каковою оно пользуется и по которой журналъ сей освобождается отъ цензурнаго просмотрѣнія.

Можетъ быть, ваше превосходительство найдете приличнымъ напечатать самое сіе письмо въ «Военномъ Журналѣ», не упоминая токмо о томъ, кто оное писалъ, дабы читатели журнала, кои видѣли помянутую статью, выведены были изъ заблужденія, въ каковое, вѣроятно, нѣкоторые могли введены быть ею, и узнали, что содержаніе ея ни мало не одобряется и противно правиламъ христіанства.

Какое же употребленіе изъ сего расположитесь сдѣлать, я съ нетерпѣніемъ буду ожидать вашего на то отзыва, имѣя честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ

Вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Александръ Голицынъ.

Собственною рукою князя Голицына написано: «P.S. Само собою, разумѣется, ежели вы найдете нужнымъ напечатать сіе письмо, то нужно будетъ не помѣщать въ немъ, что касается до министра духовныхъ дѣлъ».

2.

Письмо Н. М. Сипягина—князю А. Н. Голицыну.

29-го марта 1818 г.

Милостивый Государь князь Александръ Николаевичъ.

Получивъ сейчасъ почтеннѣйшій отзывъ вашего сіятельства съ замѣчаніями на статью, помѣщенную въ первой книжкѣ «Военнаго Журнала», спѣшу отвѣчать на оное. Издатели, помѣстивъ статью сію, сдѣлали на оную, и именно на мѣсто, указываемое вашимъ сіятельствомъ, свои замѣчанія; но виноваты въ томъ только, что положили помѣстить ихъ при концѣ статьи въ третьей книжкѣ «Военнаго Журнала», которую на сихъ дняхъ буду имѣть честь препроводить къ вамъ, а для большаго

удостовѣренія, прилагаю при семъ съ оныхъ копію [1]). Но чтобы еще болѣе показать согласіе мое съ мнѣніемъ вашимъ, я приказалъ помѣстить въ той же книгѣ и письмо вашего сіятельства сходно со сдѣланными примѣчаніями.

Съ моей стороны я всегда непремѣннымъ имѣю правиломъ свято соблюдать постановленія всемилостивѣйшаго государя и отнюдь не позволяю подчиненнымъ своимъ въ толкованіяхъ удаляться отъ того, что составляетъ наше счастіе и земное и вѣчное. Ежели одна сія статья не можетъ оправдать издателей, то до сихъ поръ они въ выборѣ статей строго избѣгали всего, могущаго навлечь непріятности; но при всемъ томъ не преминулъ подтвердить имъ ни малѣйше не удаляться отъ постановленныхъ правилъ и избѣгать даже всякаго случая, двусмысленно могущаго быть разтолкованнымъ. А чтобъ еще болѣе показать вашему сіятельству, что при изданіи журнала не имѣю намѣренія

---

[1]) Въ № 3 журнала на страницѣ 6-й въ примѣчаніи отъ редакціи было напечатано: „Переводчикъ сей статьи нарочно не выпустилъ ничего изъ содержавія, дабы показать, какъ думаютъ о важнѣйшихъ предметахъ мнимые законодатели вкуса и просвѣщенія; но будучи несогласенъ съ мнѣніемъ сочинителя, не можетъ умолчать о сбивчивомъ его понятіи на счетъ вѣры, понятіи, показывающемъ отпечатокъ человѣка, напоеннаго гибельными правилами того времени, когда изступленные умы хотѣли разрушить все священное для народовъ, все составляющее счастіе государствъ. Назвать вѣру христіанскую суевѣріемъ, смѣшать оную съ язычествомъ и магометанствомъ есть непростительное заблужденіе. Какъ можно сдѣлать столь уничижительное сравненіе? Какъ можно назвать скоропреходящею страстію единственное благо жизни нашей, единственную отраду въ горести, с в я т у ю в ѣ р у? Она одна можетъ произвести величайшія пожертвованія; она одна, показывая намъ тлѣнность земнаго счастія и могущество добродѣтели, даетъ надежду пріобрѣсти истинное незыблемое счастіе; она одна можетъ спасти государства и народы отъ угрожающей имъ гибели. Напрасно будетъ возбуждать полководецъ страсти своихъ воиновъ, когда они не имѣютъ вѣры: они не знаютъ ничего священнаго въ мірѣ, и готовы все содѣлать игрушкою развращенныхъ, буйныхъ своихъ страстей. Падетъ и вождь, который основалъ зданіе своего величія на зыбкихъ страстяхъ; погибнетъ и воинство, которое пожертвовало страстямъ вѣрою и добродѣтелями. Читая статью сію, можно бы подумать, что она писана у народа, наслаждающагося земнымъ счастіемъ, что Всевышній, укротя гнѣвъ свой и ожидая долготерпѣливо исправленія заблудшихъ дѣтей своихъ, не лишилъ еще ихъ благости своея, не простеръ еще на нихъ гнѣва своего. Но ежели войска французскія, вѣря словамъ писателя, и послѣ столь страшнаго недавняго урока, хладнокровны къ вѣрѣ, ежели гибель соотчичей ихъ въ предѣлахъ государства, гдѣ сильнѣйшею подпорою почитается вѣра, двукратное торжественное вступленіе въ столицу ихъ воиновъ, подвизавшихся съ теплою вѣрою въ Спасителя, и примѣръ великаго государя, отдавшаго всю славу дѣлъ своихъ Богу, ежели все это, говорю, не могло разогнать душевнаго мрака ихъ, то жалокъ народъ, который, будучи увлекаемъ порывами страстей, быстро влечется къ своей погибели“.

избѣгать правилъ цензуры, я приказалъ доставлять въ цензурный комитетъ всѣ статьи, начиная съ пятой книжки, ибо четвертая уже набрана.

Я смѣю увѣрить ваше сіятельство, что какъ я лично, такъ и всѣ подчиненные мои, будучи воспитаны въ правилахъ вѣры, точно соблюдаютъ всѣ уставы ея и никогда не намѣрены удаляться отъ ея постановленій.

Ожидая на сіе отвѣта вашего сіятельства, до полученія котораго прикажу удержать раздачу третьей книжки «Военнаго Журнала», съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію, имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Николай Сипягинъ.

3.

Письмо князя А. Н. Голицына—Н. М. Сипягину.

31-го марта 1818 г. № 166.

Милостивый Государь мой Николай Мартемьяновичъ. На отношеніе вашего превосходительства отъ 29-го сего мѣсяца, поспѣшаю симъ отвѣтствовать, что составленную издателями «Военнаго Журнала» статью, въ опроверженіе помѣщенной въ 1-й книжкѣ того же журнала подъ названіемъ Метафизика войны, нахожу я приличною къ показанію, что ложныя мнѣнія на счетъ христіанской религіи, въ прежней статьѣ изложенныя, не одобряются издателями сего журнала.

Что же касается до намѣренія вашего доставлять въ цензурный комитетъ всѣ статьи «Военнаго Журнала» для одобренія къ печатанію, то въ письмѣ моемъ къ вамъ не имѣлъ я въ виду требовать цензурованія сего журнала, не считая себя на то въ правѣ, но если вашему превосходительству угодно будетъ то исполнить, сіе отъ васъ зависитъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою и проч.

Замѣчанія кн. Голицына были напечатаны на стр. 61 № 3 журнала подъ именемъ письма «Почтенной особы» съ слѣдующимъ заключеніемъ: «Кто не признаетъ истины замѣчаній почтенной особы, удостоившей издателей своимъ письмомъ, и не отдастъ всей должной справедливости основательнымъ ея сужденіямъ? Издатели, будучи одушевлены тѣми же чувствами приверженности къ святой вѣрѣ, поспѣшили напечатать сіе письмо, полагая съ своей стороны, что оно доставитъ читателямъ «Военнаго Журнала» особенное удовольствіе» (стр. 63).

Письмо И. И. Дмитріева къ Н. И. Тургеневу съ благодарностью за присланную книгу.

Ноября 21-го 1818 г. Москва.

Милостивый Государь мой Николай Ивановичъ! Вы не можете представить, сколько я порадованъ былъ вашимъ подаркомъ, и по чувствамъ патріота, и по участію, которое всегда беру въ доброй славѣ земляковъ моихъ, т. е. симбирянъ, въ вашей же и подавно, помня издавна пріятельскую связь домовъ нашихъ. И такъ примите искреннюю благодарность мою за вашу книгу [1]), а съ тѣмъ вмѣстѣ взаимный и отъ меня подарокъ въ экземплярѣ новаго, хотя и жалкаго, изданія моихъ стихотвореній. Совѣщусь отплачивать вамъ за дѣльную книгу пустословіемъ стихотворнымъ: что же дѣлать? чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. По крайней мѣрѣ вмѣните это въ знакъ искренняго моего къ вамъ почтенія, съ которымъ навсегда имѣю честь быть, милостивый государь мой, покорнѣйшій вашъ слуга Иванъ Дмитріевъ.

Сообщилъ П. Н. Тургеневъ.

[1]) „Опытъ теоріи налоговъ“ изд. 1-ое, С.-Петербургъ, 1818 г.

Изъ записокъ стараго преображенца.

1853 годъ.

XII [1]).

Полковой командиръ графъ Барановъ. — Его характеристика.—Канунъ Восточной войны.—Отношенія императора Николая I къ преображенцамъ.—Перестройка казармъ 1-го баталіона.—Полковой штабъ.—Ранжировка полка.—Манезры.

Перемѣна полковаго командира въ полку—то же, что́ перемѣна хозяина во всякомъ хозяйствѣ.

Опять оправдалась пословица: «Слогъ—это человѣкъ!» Новый полковой командиръ возвѣстилъ новое вступленіе совершенно безъискусственнымъ приказомъ,—общепринятою формулою «по всѣмъ дѣламъ службы относиться къ нему и порядки предшественника сохранить».

При первомъ представленіи офицеровъ, графъ Барановъ сказалъ имъ, также весьма просто и безъискусственно, нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Сущность ихъ была: «послужимъ вмѣстѣ, познакомимся и, надѣюсь, полюбимъ другъ друга».

Я возвратился изъ отпуска 7-го октября и тотчасъ же явился къ графу Э. Т. Баранову. Онъ жилъ тогда на Фурштадтской, въ домѣ княгини Васильчиковой. Съ большимъ любопытствомъ и волненіемъ отворилъ я стеклянную дверь небольшаго кабинета. Наискось отъ двери стоялъ письменный столъ, а за нимъ сидѣлъ и занимался средняго роста и среднихъ лѣтъ генералъ, тщательно причесанный и выбритый; онъ тотчасъ всталъ при моемъ появленіи. Въ лицѣ его не было ничего подскобленнаго, подчищеннаго по формѣ, но и ничего запущеннаго или

[1]) См. „Русс. Старину“ мартъ 1901 г.

подрисованнаго для шику. Выраженіе лица показалось мнѣ серіознымъ и холоднымъ. Преображенскій сюртукъ не обвивалъ его, довольно полнаго тѣла, по тогдашней манерѣ одѣваться въ обтяжку,—но сидѣлъ свободно и красиво. Ни въ жестахъ, ни въ словахъ не было ничего театральнаго; они были сдержаны и просты. Графъ спросилъ только: куда я ѣздилъ, устроилъ ли свои дѣла, и прибавилъ обычную фразу, что радъ со мною познакомиться. Я вышелъ изъ кабинета и думалъ себѣ:

«Ну, этотъ уже не тотъ!»

Изъ сухаго, оффиціальнаго пріема я вынесъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе и никакъ не могъ предвидѣть, что графъ Барановъ будетъ, впослѣдствіи, любимцемъ всего полка. При первомъ свиданіи, онъ показался мнѣ нѣсколько горделивымъ, и меня особенно поразила его манера кланяться. Подчиненныхъ онъ привѣтствовалъ легкимъ склоненіемъ головы, по обычаю царской фамиліи и высшихъ придворныхъ сановниковъ. О томъ, какъ онъ держалъ себя съ высшимъ и съ высочайшимъ начальствомъ, скажу очень скоро, по случаю ранжировки полка. Пока замѣчу только, что графъ Барановъ былъ рожденъ и выросъ въ другихъ условіяхъ, чѣмъ его предшественники. Его мать, графиня Юлія Ѳедоровна (рожденная Адлербергъ), была воспитательницею великихъ княженъ, дочерей Николая 1-го. Ея же братъ, дядя графа Баранова, графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ, въ духовномъ завѣщаніи императора Николая именованъ «истиннымъ другомъ» государя, а сынъ Адлерберга и двоюродный братъ Баранова, графъ Александръ Владиміровичъ былъ уже и въ то время любимцемъ и другомъ наслѣдника (Александра Николаевича). Затѣмъ, семья Адлербергъ и Барановыхъ сложилась изъ членовъ фамилій Нелидовыхъ, Полтавцевыхъ и Скобелевыхъ. Всѣ они были любимы и уважаемы при дворѣ, въ большомъ свѣтѣ и въ военныхъ сферахъ.

Графъ Эдуардъ Трофимовичъ началъ службу въ Измайловскомъ полку, гдѣ прослужилъ восемь лѣтъ во фронтѣ и былъ полковымъ адъютантомъ. Потомъ назначенъ флигель-адъютантомъ и прошелъ военную школу на Кавказѣ. Стало-быть, задатки новаго полковаго командира были такіе, что преображенцы могли надѣяться на лучшую будущность. Соображали и судили о немъ всячески. Иные говорили:

— Мало-де служилъ во фронтѣ.

Но такихъ философовъ сейчасъ же обрѣзывали:

— Слава Богу,—молъ,—коли онъ не знаетъ фронневыхъ тренчиковъ,—меньше мучить будетъ.

Философы возражали:

— За то корпусный и дивизіонный тѣмъ хуже напустятся и сдѣлаютъ, наконецъ, и графа Баранова себѣ подобнымъ.

— Такъ, нѣтъ же,—спорили мы,—у него такое родство, связи и

протекція, что никто не посмѣетъ его пилить или полкъ при немъ тиранить. Уже если Катенинъ не боялся высшаго начальства, такъ Барановъ и подавно.

Между тѣмъ, будущность стала помаленьку разъясняться. Графъ, въ началѣ своего командованія, жилъ весьма уединенно, и только самые ближайшіе помощники по службѣ: полковой адъютантъ, казначей и проч. бывали у него чаще, съ большинствомъ же все ограничивалось короткими посѣщеніями и чисто служебными отношеніями. Служба шла прежнымъ порядкомъ и по прежнему росписанію.

Офицерство тяжело вздыхало:

О Боже, о Боже!
Все то же и то же!

Но если служебныя требованія не измѣнились, зато измѣнилась система выполненія ихъ. Наступило благодѣтельное затишье въ муштрованіи. На домашнихъ ученьяхъ, новый полковой командиръ не кричалъ, не суетился, не бранился, а главное,—никто не видѣлъ, чтобы когда-нибудь графъ Барановъ собственноручно ударилъ солдата ни въ первый годъ, ни во все время командованія полкомъ. Онъ отличался отъ своихъ предшественниковъ многими, существенными чертами характера и положенія. Жерковъ и Катенинъ ѣздили во дворецъ, насколько требовала служба; въ высшее общество первый вовсе не ѣздилъ, второй—только для того, чтобы показаться, какъ тогда говорилось: pour faire acte de présence». Барановъ же выросъ въ глазахъ царской фамиліи и, вращаясь въ высшемъ обществѣ, былъ вездѣ почти какъ у себя дома. Не надобно забывать, что онъ служилъ на Кавказѣ, то-есть былъ въ настоящей боевой школѣ, а она даетъ иное понятіе о вещахъ, чѣмъ школа мирнаго времени и книги. Въ этомъ смыслѣ, назначеніе графа Баранова имѣло значеніе: съ нимъ какъ-бы подкрадывалась къ намъ реформенная эпоха, наступившая черезъ десять лѣтъ, хотя начало ея слѣдуетъ все-таки отнести къ 1853 году, когда подготовилась и вспыхнула Восточная война.

Народъ говоритъ: «Чтобы узнать человѣка, надобно съ нимъ пудъ соли съѣсть». Графу Баранову скоро пришлось познакомиться этимъ путемъ со многими изъ подчиненныхъ. Въ началѣ 1853 года, былъ случай, поставившій на пробу характеръ и взглядъ на службу командира полка. 15-го января, императоръ Николай, проходя во дворцѣ мимо парныхъ часовыхъ, стоявшихъ въ сѣняхъ Салтыкова подъѣзда, замѣтилъ, что ефрейторъ 4-й преображенской роты Фроловъ, отдавая честь, недостаточно отставилъ прикладъ, держалъ правую руку согнутою и вообще стоялъ на часахъ небрежно.

Предшественники Баранова, даже тѣ изъ нихъ, кто умѣренно взыскивалъ съ людей, лично ими замѣченныхъ, однако, въ случаяхъ подоб-

ныхъ этому были безпощадны отъ избытка усердія. Графъ Барановъ оказался исключеніемъ. Онъ далъ выговоръ старшему караульному начальнику, строжайшій выговоръ ротному, нарядилъ фельдфебеля на пять дежурствъ, а Фролова разжаловалъ изъ ефрейторовъ въ рядовые 3-го класса. Кажется, достаточно за отставленіе приклада и неловкій сгибъ правой руки, между тѣмъ,—высшее начальство нашло наказаніе слишкомъ мягкимъ и отправило подъ арестъ на сутки и капитана Гольгоера (караульнаго начальника), и штабсъ-капитана Волоцкаго (ротнаго командира). Этотъ перевѣсъ справедливости и сдержанности полковаго надъ высшимъ начальствомъ произвелъ на насъ самое радостное впечатлѣніе.

Такое впечатлѣніе не исчезло и впослѣдствіи, а, напротивъ, все чаще повторялось и усиливалось. Неодобреніе высшаго начальства, въ исторіи съ ефрейторомъ Фроловымъ, нисколько не поколебало графа Баранова. Во все время его командованія взысканія съ офицеровъ и солдатъ отличаются строгою соразмѣрностью и справедливостью. Напримѣръ, за неявку на службу, опаздываніе, ошибки во фронтѣ и другія, подобныя вины, штрафы никогда не превосходили двухъ, трехъ лишнихъ дежурствъ, а для солдатъ—смѣщенія съ высшей должности на низшую или перевода изъ ротъ въ роты [1]). Въ концѣ года придется мнѣ еще привести любопытные примѣры провинностей.

Между тѣмъ, въ теченіе зимы, тучи на политическомъ горизонтѣ Европы сгущались и становились грознѣе и грознѣе. Какъ ни интересовались преображенцы своимъ новымъ командиромъ, но оставаться равнодушнымъ къ текущимъ великимъ событіямъ становилось невозможно. Къ веснѣ всѣ дипломаты Европы истощили усилія уладить дѣло полюбовно. Нашъ канцлеръ превосходилъ въ трудахъ всѣхъ ихъ и даже самого себя.

Разсказывали, что графъ Нессельроде долго и убѣдительно уговаривалъ государя не начинать войны, но, вмѣсто благодарности, общественные толки сейчасъ же начали заподозривать намѣренія маститаго дипломата и уже ставили его подъ англійское вліяніе.

Помню, какъ, разъ, въ Большомъ театрѣ старикъ-канцлеръ подошелъ къ ложѣ графини Строгановой и долго говорилъ съ нею, сопровождая свой разговоръ оживленными жестами. Не могу высказать, съ какимъ интересомъ и почтеніемъ смотрѣлъ я на этого маленькаго, сѣдаго старичка съ орлинымъ носомъ, на которомъ блестѣли очки. Онъ былъ въ простомъ черномъ фракѣ, безъ всякихъ орденовъ, и кто не зналъ его въ лицо, тотъ не могъ бы вообразить, чтобы человѣкъ такой

---

[1]) Приказы 15-го и 30-го января, 3-го и 17-го февраля, 18-го мая, 6-го и 10-го іюля, 16-го и 22-го августа 1853 года.

скромной наружности могъ играть такую громадную роль въ тогдашнихъ міровыхъ событіяхъ. Къ веснѣ политическія дѣла запутались еще болѣе, и война стала неизбѣжною.

На преображенцахъ и на гвардіи, вообще, всѣ эти первенствующія политическія событія отражались развѣ въ томъ, что въ первые мѣсяцы 1853 г. и до весны насъ сравнительно меньше муштровали и намъ стало какъ будто спокойнѣе. Одинъ государь не переставалъ нами заниматься, но это касалось болѣе до 1-го баталіона, а остальные были въ сторонѣ.

Между тѣмъ, казалось бы, что государю было не до насъ. Ожидая успѣховъ своей политики, увѣренный въ правотѣ дѣла и въ единодушной поддержкѣ старыхъ друзей священнаго союза, императоръ встрѣчалъ вездѣ и во всѣхъ колебаніе, вражду и недовѣріе. Всюду ожидала его неудача или разочарованіе. Но онъ какъ будто хотѣлъ забыться и разсѣяться въ своихъ любимыхъ сношеніяхъ съ преображенцами и заглушить раздраженіе, какое причиняла ему политика.

Въ началѣ января, государь велѣлъ представить себѣ четырехъ преображенскихъ солдатъ и смотрѣлъ на нихъ обмундировку по сроку 1853 г. Кромѣ того, въ теченіе всего года императоръ лично выбиралъ самыхъ лучшихъ людей, не только изъ рекрутъ, но изъ всѣхъ строевыхъ частей русской арміи, для укомплектованія любимаго Преображенскаго полка, въ которомъ болѣзни 1852 года такъ страшно опустошили ряды. Отъ 8-го января по 31-е декабря было зачислено въ полкъ 385 человѣкъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ (1853) началась перестройка старыхъ казармъ 1-го баталіона въ Милліонной улицѣ и 1-й баталіонъ перевели въ дворцовый экзерциргаузъ [1]). Манежъ обдѣлали какъ игрушку: настлали полъ, устроили койки, пирамиды для ружей, полки для ранцевъ, словомъ, преобразили въ отличную казарму, и все это было устроено баснословно скоро, но и баснословно дорого.

Государь имѣлъ обыкновеніе каждый день, въ 9 часовъ утра, гулять пѣшкомъ вокругъ дворца и прогулки заканчивалъ тѣмъ, что заходилъ въ новую казарму 1-го баталіона. Тамъ онъ любовался своими рослыми гренадерами, училъ ихъ подходить на ординарцы, рапортовать, заставляя повторять и выговаривать за нимъ каждое слово рапорта; смотрѣлъ одежду, аммуницію и разговаривалъ съ солдатами. Въ ту пору, по желанію государя, переведенъ былъ съ Кавказа и зачисленъ въ государеву роту унтеръ-офицеръ Рындинъ. Онъ отличился при защитѣ укрѣпленія Ахты тѣмъ, что, подъ огнемъ непріятеля, соскочилъ въ ровъ и вытащилъ оттуда на рукахъ упавшую съ вала маленькую Кегорнову

[1]) На углу Дворцовой площади и Милліонной.

мортирку. Рындинъ былъ человѣкъ очень малорослый, но наружность его была почтенная, голова совершенно сѣдая и длинные сѣдые бакенбарды очень благообразили его правильное и выразительное лицо. Государь часто разговаривалъ и шутилъ съ Рындинымъ, величая его «дѣдушкою», какъ прозвали его солдаты. Какъ-то разъ императоръ спросилъ «дѣдушку», любитъ ли онъ своихъ внучатъ и часто ли гладитъ ихъ по головкѣ? Смѣтливый кавказецъ отвѣчалъ: для того, чтобы гладить по головкѣ внуковъ, ему-де нужна лѣсенка, а припасти ее онъ еще не успѣлъ. Рындинъ сдѣлался горькимъ пьяницею и дотого разбаловался, что сталъ возмутительно дерзокъ. Въ 1854 г., когда полкъ былъ ужъ въ походѣ, какой-то генералъ ѣхалъ по шоссе, въ каретѣ, увидалъ Рындина, шедшаго съ ротою, и былъ такъ пораженъ его наружностью, что подозвалъ къ себѣ и добродушно спросилъ:

— Гдѣ ты, старинушка, такъ посѣдѣлъ?

— На Кавказѣ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ Рындинъ,— какъ походишь годъ, другой, по горамъ, да повоюешь съ черкесами, такъ поневолѣ посѣдѣешь. Это вѣдь не то, что въ каретѣ сидѣть, да прогуливаться!

Съ такими словами, Рындинъ нахально осмотрѣлъ экипажъ и самого проѣзжающаго.

Само собою разумѣется, что при высочайшихъ посѣщеніяхъ, полковые командиръ и всѣ офицеры 1-го баталіона всегда находились на лицо, да еслибы и служба ихъ къ тому не обязывала, полагаю, что они являлись бы не менѣе исправно, такъ какъ желаніе попасться на глаза монарху свойственно не однимъ преображенцамъ. Даже у дверей манежа всегда стояла толпа просителей, но государь лично принималъ прошенія и выслушивалъ только отставныхъ военныхъ; остальныхъ онъ отсылалъ во дворецъ, къ дежурному флигель-адъютанту.

Между тѣмъ, зданіе старыхъ казармъ быстро разрушалось массою рабочихъ, и, въ виду ежедневныхъ прогулокъ царя, работа кипѣла на славу.

При разборкѣ фундамента, 30-го іюля 1853 года, вынута была старая мраморная плита, съ надписью: «Божіею споспѣшествующею милостію всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская, во второе лѣто царствованія своего изволила въ зданіи дома сего, въ основаніе фундамента, положить первѣйшій сей камень, собственными своими руками. Мѣсяца маія 20-го дня anno 1726» [1]).

[1]) Доска эта вынута была каменщикомъ Тамбовской губерніи, города Елатома, крестьяниномъ г-на Граве, Николаемъ Ивановымъ, вмѣстѣ съ его товарищемъ, въ присутствіи производителя работъ, академика, архитектора Львова и инженеровъ: поручика Бакеркина и подпоручика Соловьева.

Одновременно съ переходомъ 1-го баталіона въ манежъ, полковой штабъ перебрался на ту сторону Мойки, въ домъ Кана, нанятый на время перестройки казармъ; тамъ же отведена была квартира командиру полка, и графъ Барановъ сейчасъ же переѣхалъ въ новое помѣщеніе. Личный составъ полковаго штаба въ ту пору совершенно измѣнился. На мѣсто покойнаго Пенхержевскаго, полковымъ адъютантомъ назначенъ былъ Т—ъ, но онъ далеко не замѣнилъ своего предшественника, хотя, самъ по себѣ, былъ добрый и прекрасный человѣкъ. Т—ъ олицетворялъ типъ гвардейскаго или точнѣе, — преображенскаго щеголя. Всегда одѣтый съ иголочки и со всѣми причудами господствовавшей моды, онъ надѣвалъ каску на уши и заламывалъ воротникъ шинели въ откидку, краснымъ сукномъ вверхъ, на манеръ императора Николая. Во всемъ прочемъ онъ былъ мало похожъ на государя, а скорѣе на англичанина, росту ниже средняго, весьма не казистаго сложенія, съ худощавымъ, безцвѣтнымъ и не выразительнымъ лицомъ. Можно бы добавить словами Грибоѣдова:

„Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка,
„И также онъ сквозь зубы говоритъ.

только нельзя сказать:

„И такъ же коротко обстриженъ для порядка.

Т—ъ, напротивъ, тщательно расчесывалъ свои волосы и завивалъ жиденькіе усы. Онъ говорилъ и шутилъ не менѣе другихъ, но я не нахожу въ своей памяти ни одного ему принадлежащаго слова для характеристики. Онъ былъ человѣкъ богатый, держалъ великолѣпныхъ упряжныхъ и верховыхъ лошадей, ѣздилъ по-англійски и даже разъ попытался участвовать въ «спортѣ», но долженъ былъ съѣхать съ круга при общемъ хохотѣ. Талантливый Неваховичъ изображалъ иногда этого спортсмена въ своемъ «Ералашѣ». Помню разъ нарисованъ былъ Т—ъ, лежащій на мостовой; голова, очевидно ударившаяся о тумбу, такъ и осталась на ней съ закрытыми глазами. Возлѣ стоятъ сломанныя дрожки, а кучеръ почесывается и говоритъ: «Ничего, ваше благородіе, только ось сломалась!» Т—ъ былъ отличный танцоръ, много выѣзжалъ и часто дирижировалъ балами. По службѣ онъ въ то время еще какъ-то не утвердился; въ 1853 году три раза сидѣлъ подъ арестомъ, и самъ графъ Барановъ получилъ за него выговоръ.

На мѣсто прежняго казначея, выбывшаго изъ полка, офицеры выбрали Николая Эдуардовича Герстфельда. Этотъ выборъ былъ чрезвычайно удаченъ. Герстфельдъ вышелъ въ офицеры изъ Дворянскаго полка въ 1847 году. Онъ былъ высокаго роста, весьма бѣлокуръ, одѣвался чисто и держалъ себя представительно, но безъ всякихъ вычуръ. Въ его лицѣ не было ничего особеннаго, кромѣ развѣ правильно расположенныхъ большихъ сѣрыхъ глазъ. Зато замѣчательно было общее выраженіе

лица, всегда спокойное, умное и нѣсколько строгое. Герстфельдъ рѣдко смѣялся, но въ его сдержанности проглядывалъ серіозный дѣльный характеръ. Поэтому, при ближайшемъ знакомствѣ, легко было помириться съ сухою по виду наружностью этого человѣка, отъ котораго никто никогда не слышалъ льстивой или шутовской выходки, но зато не слышалъ ни рѣзкаго или неделикатнаго слова.

Полковымъ квартирмистромъ, при вступленіи въ полкъ графа Баранова, былъ все еще старый способный Мекешинъ, выслужившійся изъ солдатъ до штабъ-офицерскаго чина. Я уже не разъ упоминалъ о немъ, здѣсь же не мѣшаетъ еще разъ вспомнить, даже обстоятельнѣе, во-первыхъ, потому, что это, опять-таки, типъ теперь уже отжившій, а во-вторыхъ, при графѣ Барановѣ старая, острая коса нашла на камень. Наружность Мекешина говорила не въ его пользу: рябой, лысый, съ носомъ, буквально, расплюснутымъ въ лепешку,—эта фигура въ безпогонномъ, однобортномъ мундирѣ была такова, что даже солдаты, глядя на него, пожимались да приговаривали: «Эхъ, ма! въ кого это онъ уродился? Вишь вѣдь какой, хоть съ него, хоть съ чорта патретъ (портретъ) пиши,—все единственно!»

Но по глазамъ былъ виденъ умный, смышленый, ловкій человѣкъ. Онъ умѣлъ угождать всѣмъ полковымъ командирамъ, но не забывалъ и себя. У Мекешина была геніальная способность благоразумно и кстати подѣлиться съ кѣмъ надобно и также во-время поживиться самолично. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ имѣлъ отъ полка порядочные барыши и «безгрѣшные доходы». Между тѣмъ, всѣ подрядчики были отмѣнно довольны и, въ знакъ благодарности, подносили ему серебряныя блюда. Съ своей стороны всѣ полковые командиры, до графа Баранова, но не включительно, тоже были совершенно довольны, такъ какъ квартирмирская часть всегда была въ отличномъ порядкѣ. Всѣ были цѣлы и всѣ сыты, за исключеніемъ развѣ гг. офицеровъ, которые какъ будто сговорились ничего не подносить своему квартирмистру, кромѣ ничего не стоющей рюмки водки или стакана вина.

За слѣдующія, любопытныя строчки, отмѣченныя вносными знаками, я благодаренъ Н. Э. Герстфельду, собственноручно вписавшему ихъ по моей просьбѣ: «графъ Барановъ скоро понялъ Мекешина и отнялъ у него, одно за другимъ, всѣ его права и всѣ доходы. Въ 1853 году всѣ счеты квартирмистра докладывались уже не имъ самимъ, а казначеемъ, по провѣркѣ и часто съ указаніемъ, на разные курьезы. Деньги, прежде бывшія всегда у Мекешина, перешли всѣ къ казначею, а ему выдавалось сколько было нужно. Впослѣдствіи графъ Барановъ окончательно поставилъ квартирмистра въ полную зависимость, такъ что Мекешинъ былъ только исполнитель приказаній. Извѣстны жалобы и неудовольствіе офицеровъ на Мекешина, при Катенинѣ, за квартирныя

деньги, которыхъ отъ него добиться было нельзя. При Барановѣ уже этого не было. Ясно, что поставить квартирмистра въ такое положеніе могъ только командиръ, который за время командованія, кромѣ фуража для своихъ лошадей, не воспользовался съ полка ни однимъ рублемъ. Доходы гвардейскаго полковаго командира получались преимущественно черезъ квартирмистровъ. Передавъ счеты квартирмистра на просмотръ казначея, графъ Барановъ открылъ ему, то-есть офицеру полка, выборному отъ всего общества, всѣ тайны, а это могъ рѣшиться сдѣлать человѣкъ чистый какъ онъ (т. е. гр. Барановъ). Надобно вспомнить то время, когда никому и въ голову не приходило винить полковаго командира за «безгрѣшные доходы», — чтобы вполнѣ оцѣнить графа Баранова. Надобно помнить еще и то, что онъ былъ далеко не со средствами и часто (по офицерскому обычаю) забиралъ изъ жалованья впередъ».

Кажется, я справедливо сказалъ, что съ графомъ Барановымъ уже въ 1853 году подкрадывалась къ намъ другая, лучшая эпоха.

Однако при подобныхъ условіяхъ, такому квартирмистру, какъ Мекешинъ, въ полку дѣлать было уже нечего. Онъ и перешелъ въ стрѣлковый баталіонъ Императорской фамиліи. На его мѣсто поступилъ нѣкто Парамоновъ, совершенно сѣдой старикъ, но очень бодрый и очень суетливый. Этотъ былъ только исполнитель, да и то изъ дюжинныхъ.

Наступила весна 1853 г. Въ апрѣлѣ, какъ видно изъ приказовъ, то и дѣло, производились какія-то репетиціи разводовъ, но разводы въ этомъ году всѣ сходили крайне благополучно. Высшее начальство было очень снисходительно и терпѣливо, а высочайшее—очень милостиво. Казалось бы, жить да Бога благодарить! Но вдругъ пришла пора, когда каждый отъ полковаго командира до послѣдняго солдата долженъ былъ встрепенуться, подтянуться и стать передъ монаршимъ лицомъ. Государь, долго и постоянно выбиравшій людей изъ всѣхъ полковъ и командъ, для укомплектованія Преображенскаго полка, естественно долженъ былъ взглянуть на результаты и пожелалъ сдѣлать самолично ранжировку полка. 5-мая преображенцы выступили въ Славянку, гдѣ стали каждый день дѣлать домашнія ранжировки. Государь ранжировалъ полкъ 9-го мая. Съ ранняго утра повели насъ на Софійскій плацъ (близъ Царскаго Села). Люди были безъ аммуниціи, а офицеры въ сюртукахъ и каскахъ. Императоръ пріѣхалъ въ 11 часовъ и началъ обходить роты, сопровождаемый всѣми офицерами.

Важнѣйшую роль въ ранжировкѣ играли, какъ и всегда, 1-й баталіонъ и особенно рота его величества. Государь занимался ею по преимуществу и осыпалъ разспросами графа Баранова и Коссаковскаго. Тутъ пришлось невольно залюбоваться новымъ командиромъ полка. Изъ всѣхъ строевыхъ генераловъ того времени я помню не многихъ,

которые бы шли прямо, когда государь съ ними говорилъ. Почти всѣ бѣжали съ боку рысцою, сгибаясь въ поясницѣ чуть не подъ прямымъ угломъ и засматривая на государя снизу вверхъ и въ бокъ. При царскомъ же «спасибо» эти господа еще больше сгибались или, по офицерскому выраженію,—«ныряли», такъ что голова выплывала изъ-подъ государева локтя. Если же императоръ давалъ кому-либо руку, то, даже у высшихъ сановниковъ было въ обычаѣ цѣловать царское плечо, но полковые командиры не мѣтили такъ высоко и цѣловали въ локоть или въ обшлагъ рукава. Совсѣмъ другимъ образомъ держалъ себя графъ Барановъ. Онъ не суетился, не бѣгалъ въ запуски съ ротными командирами, не рысилъ согнувшись въ дугу и высовываясь изъ-подъ руки. Онъ стоялъ передъ государемъ съ крайнею почтительностью, но не вытягиваясь и не держа руки по швамъ, ходилъ прямо, не забѣгая, и съ неослабнымъ вниманіемъ прислушивался къ царскимъ приказаніямъ, распоряжался быстро и безъ малѣйшаго промедленія, но не терялъ ни на минуту ни спокойствія, ни достоинства. При добромъ словѣ царя, Барановъ кланялся съ соблюденіемъ всѣхъ оттѣнковъ самаго строжайшаго этикета, но въ его поклонахъ не было ни капли такъ называемаго «телячьяго восторга» или комическаго, экцентричнаго усердія. Подивился я и на Коссаковскаго, не уступавшаго въ тактѣ и командиру полка. Какъ я сказалъ, государь, занимаясь своею ротою, безпрестанно обращался съ вопросами къ ея командиру. Приложивъ руку къ козырьку, Коссаковскій стоялъ какъ окаменѣлый, а между тѣмъ ни малѣйшей натяжки не видно было въ его фигурѣ. На каждый вопросъ, на каждое слово государя онъ отвѣчалъ дѣльно, толково, отчеканивая каждое слово и безъ малѣйшаго замѣшательства. При этомъ случаѣ Коссаковскій, кажется, окончательно понравился императору, потому что вслѣдъ за тѣмъ былъ переведенъ изъ полка въ свиту.

Ранжировка продолжалась до 4-хъ часовъ. Окончивъ ее, государь остался весьма довольнымъ своимъ преобразованіемъ, и дѣйствительно новоустроенные ряды имѣли великолѣпный видъ. Переустройство полка, кажется, такъ понравилось государю, что 13-го мая онъ опять лично дѣлалъ «переранжировку».

31-го іюля мы выступили на большіе маневры въ окрестности селенія Дятлицы. На этотъ разъ маневры были необыкновенно интересны. Самъ государь хотѣлъ помѣриться силами съ графомъ Ридигеромъ, старымъ, искуснымъ полководцемъ, участникомъ всѣхъ войнъ Александра 1-го и Николая 1-го, съ тѣмъ самымъ, кто побѣдилъ въ 1831 году Дверницкаго при Боремлѣ и еще недавно (1849) заставилъ Гергея положить оружіе. Изъ всѣхъ тогдашнихъ генераловъ гвардіи и гренадеръ одинъ только Николай Николаевичъ Муравьевъ могъ потягаться съ

Ридигиромъ, и если оба они или кто-нибудь изъ нихъ командовалъ на маневрахъ, мы всѣ выходили изъ апатіи и слѣдили за ходомъ дѣла съ величайшимъ интересомъ.

Нашимъ отрядомъ (гвардіею) командовалъ тоже одинъ боевой генералъ, но называть его не буду, чтобы не омрачить, хотя бы и въ мемуарахъ, памяти умершаго такими тѣнями, какъ ошибки на маневрахъ.

Противникомъ былъ графъ Ридигеръ съ гренадерами и армейскими полками. По предположенію, мы должны были стараться сбить непріятеля съ пути отступленія, не допустить его достигнуть главнаго операціоннаго пункта, какого-то большаго селенія, и, если удастся, занять этотъ пунктъ раньше непріятеля; тогда побѣда была бы на нашей сторонѣ. Для достиженія цѣли, надобно было не дать противнику сосредоточиться, разрознить, разбить его по частямъ или же фланговымъ движеніемъ откинуть его отъ пути отступленія. Но въ томъ-то и дѣло, что съ графомъ Ридигеромъ справиться было не легко, хотя на этотъ разъ силы его были на одну треть слабѣе нашихъ. Начался маневръ 1-го дня; въ началѣ мы еще ясно видѣли непріятеля, но онъ, казалось, не очень насъ боялся, отступалъ, не торопясь и лѣниво, какъ бы неохотно отстрѣливаясь.

— Еще только поплевываетъ!—ворчали старые гвардейцы,—а вотъ скоро ощетенится, разсердчаетъ!

И въ самомъ дѣлѣ—«разсердчалъ». Черезъ лазутчиковъ и черезъ разъѣзды нашъ генералъ получилъ благопріятныя свѣдѣнія. Лѣвый флангъ непріятеля слабъ и слишкомъ отдѣлился отъ главныхъ силъ, изъ которыхъ только часть идетъ по пути отступленія, остальныя-де двигаются влѣво отъ дороги. Какъ не воспользоваться такими случайностями? Нашъ главнокомандующій сейчасъ же и распорядился. Мы пошли бойчѣе впередъ. Преображенскій полкъ, обыкновенно, находился въ самомъ глубокомъ резервѣ, и намъ было видно, какъ изъ второй линіи то и дѣло брали войска и двигали ихъ вправо. Наконецъ, подошли мы къ пересѣченной мѣстности: версты на три все—лѣса, деревни, холмы, овраги. Непріятель вдругъ остановился. Въ его центрѣ и на правомъ флангѣ забѣлѣлись дымки, загудѣли орудія, и затрещала ружейная перепалка. Мы тоже остановились; нашъ центръ и лѣвый флангъ получили приказаніе только перестрѣливаться живѣе и демонстрировать, такъ какъ главный ударъ готовился вправо отъ насъ, на лѣвое крыло противника. По всему было видно, что наши повели дѣло энергично, пользуясь бездѣйствіемъ резерва; преображенскіе офицеры взобрались на пригорокъ и смотрѣли въ бинокли. Хоть далеко, а вся картина была на виду. Передъ нашимъ обходнымъ отрядомъ былъ большой лѣсъ, занятый непріятелемъ. Казалось, что лѣсъ горѣлъ, дотого непрерывно сверкали выстрѣлы. Гулъ орудій, стрѣлявшихъ иногда залпами, покрывалъ трескотню ружейной перестрѣл-

ки, которая все усиливалась и тоже гремѣла залпами, съ нашей стороны. Дымъ застлалъ всю окрестность, и мы только смутно могли видѣть двигавшіяся къ лѣсу массы нашей пѣхоты и пестрые значки непріятельской конницы. Между тѣмъ, у насъ въ центрѣ дѣла шли, какъ говорится, черезъ пень въ колоду. Противникъ, сначала довольно энергично стрѣлявшій, вдругъ ослабилъ огонь; на его позиціи одно орудіе за другимъ бралось на передки и отъѣзжало назадъ. Вдали, за чухонскими деревушками, мы видѣли въ бинокли какое-то быстрое движеніе пѣхоты и кавалеріи, и думали, весьма справедливо, что непріятель спѣшитъ подкрѣпить свой угрожаемый флангъ. Вдругъ слышимъ, что на этомъ угрожаемомъ флангѣ перестрѣлка становится слабѣе и рѣже, наконецъ, и совсѣмъ умолкаетъ. «Вѣрно, обошли, разбили непріятеля,—думали мы себѣ. Ну и дѣлу конецъ!» Вотъ и просимъ мы нашихъ батальонныхъ адъютантовъ:

— Господа, съѣздите, узнайте, не кончился ли маневръ, а то и позавтракать бы пора; адмиральскій часъ давно пробилъ!

Наши любезные, верховые товарищи поскакали, узнали и вернулись, наконецъ, но, къ удивленію нашему, они превесело смѣялись, чуть не хохотали, разсказывая, что на нашемъ грозномъ правомъ флангѣ случилась окказія. Непріятель, засѣвшій въ лѣсу, сначала стрѣлялъ такъ часто и сердито, что казалось, рѣшился отстаивать каждое деревцо. Мы обстрѣляли лѣсъ залпами и пошли выбивать. Вдругъ изъ лѣсу по тремъ дорогамъ высыпала кавалерія; въ дыму не видно было, сколько ихъ налетѣло, но наши свернулись въ каре и замедлили поневолѣ атаку, а тѣмъ воспользовался непріятель и отступилъ. Мы заняли лѣсъ, но за лѣсомъ открылись огромныя поля, а на нихъ не было никого. Непріятельская пѣхота и артиллерія прокрались по задней опушкѣ и пропали. Кавалерія тоже исчезла, неизвѣстно куда. Нашъ главнокомандующій былъ очень озадаченъ. Немедленно разослалъ онъ казачьи разъѣзды на рекогносцировку. Ѣздили они, ѣздили, но ни впереди, ни вправо, ни влѣво никого не нашли. Наконецъ, прискакалъ къ главнокомандующему самъ казачій генералъ:

— Ну, что?

— Нигдѣ никого нѣтъ, ваше превосходительство!

— Какъ нѣтъ? Да куда же дѣвался непріятель?

Казачій генералъ развелъ руками:

— И ума не приложу, ваше превосходительство!

— Вотъ такъ исторія!

Наконецъ, случайность, и даже самая глупая, разъяснила всю загадку. Какой-то непріятельскій маіоръ запутался или замѣшкался въ лѣсу и заѣхалъ прямо въ штабъ нашего главнаго командира. Его окружили и со смѣхомъ объявили военноплѣннымъ.

Маіоръ былъ изъ ученыхъ, съ академическимъ аксельбантомъ и по манерамъ былъ похожъ на ученаго.

Нашъ главнокомандующій самъ подъѣхалъ къ интересному плѣнному и сталъ жадно его разспрашивать.

— Скажите, пожалуйста, маіоръ, куда дѣвались всѣ ваши войска?

— Какія войска, ваше превосходительство?

— Ну, да главныя силы южнаго отряда. Вѣдь тутъ же былъ вашъ лѣвый флангъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство, всѣ наши войска тамъ..... (И онъ показалъ совершенно въ обратную сторону), а здѣсь были всего три батальона.

— Что вы мнѣ разсказываете!—сердито перебилъ нашъ начальникъ, перестрѣлка была слишкомъ сильная для трехъ батальоновъ, тутъ было много артиллеріи, вѣдь вы залпами стрѣляли!

Губы и усы маіора заморгали, видно было, что ему хотѣлось расхохотаться, но онъ не смѣлъ и отвѣчалъ серьезно:

— Да мы, ваше превосходительство, съ позволенія сказать, только много нашумѣли, людямъ розданъ былъ двойной комплектъ патроновъ и велѣно было стрѣлять какъ можно чаще. А наша артиллерія вся тамъ (онъ опять махнулъ рукою въ сторону нашего центра), тутъ только была сводная казачья и конно-артиллерійская батарея. Эти живѣе стрѣляютъ и поворачиваются, вотъ они и частили, всѣ руки себѣ пообожгли; у нихъ тоже было много зарядовъ, наши гренадеры помогали имъ заряды таскать.....

Главнокомандующій сильно поморщился:

— А конница какая же здѣсь была?

Маіоръ на этотъ разъ уже прямо усмѣхнулся:

— Какая конница, ваше превосходительство,—всего нѣсколько эскадроновъ гусаръ, да двѣ казачьи сотни!...

Начальникъ отряда освободилъ маіора, сказавъ ему съ ироническою улыбкою:

— Трудно будетъ вамъ найти своихъ, не желаете ли обождать, пока мы ихъ отыщемъ.

— Нѣтъ, покорнѣйше благодарю! Вѣдь не иголочка... Богъ дастъ, найду!

Все это разсказывали намъ наши адъютанты и прибавили, что главный нашъ начальникъ не въ духѣ. Между тѣмъ приказано было составить ружья, чему всѣ очень обрадовались. Офицерство разсыпалось, съ криками: «Эй, давай сюда водку, битки,—живо!»

Солдаты тоже пріободрились.

— Ну, братцы, давай жевать!—говорили они.

Но не успѣли солдатики размочить сухари, а офицеры пропустить по

*

рюмкѣ водки, какъ поднялась тревога. Дѣло было въ томъ, что на нашемъ лѣвомъ флангѣ, то-есть на пунктѣ, прямо противоположномъ тому, гдѣ давеча стрѣляли изъ пушки противъ воробья,—случилось уже совершенно необычайное происшествіе. Какіе-то два офицера генеральнаго штаба, не желая завтракать на солнышкѣ, поѣхали въ лѣсокъ, къ которому примыкалъ нашъ лѣвый флангъ; лѣсокъ былъ занятъ егерями, которые благодушествовали на холодкѣ и теперь преспокойно пожевывали сухарики. Передъ тѣмъ, чтобы расположиться на просторѣ, офицеры пожелали еще полюбоваться природою и взглянуть на живописную окрестность; подъѣхали они къ опушкѣ лѣса, но едва успѣли посмотрѣть въ бинокль, какъ вдругъ пустились бѣжать назадъ, вскочили на лошадей и во весь духъ поскакали по линіи на правый флангъ, къ отрядному генералу. По дорогѣ, они торопливо сказали что-то начальнику нашей 1-ой дивизіи Моллеру. Онъ тоже поспѣшно взобрался на лошадь, скомандовалъ намъ стать въ ружье, и суматоха поднялась повсюду. Адъютанты и ординарцы разскакались и отъ насъ, и къ намъ:

— Да что такое, что случилось?—спрашивали мы.

— А то, что Ридигеръ здѣсь, со всѣми своими силами!

— Какъ здѣсь? Гдѣ здѣсь?

— Да прямо противъ нашего лѣваго фланга, въ какой-нибудь полверстѣ!

— Вотъ тебѣ и разъ! Такъ вотъ онъ гдѣ? Это, вѣроятно, сказалъ себѣ и нашъ главнокомандующій, прискакавшій во весь опоръ на лѣвый флангъ, со стороны котораго сейчасъ же загудѣли выстрѣлы, такъ же какъ и передъ нами, то-есть сзади бывшаго центра непріятеля. Почти всѣ войска второй линіи поспѣшно потянулись влѣво. Нашъ главнокомандующій наскоро составилъ сильную колонну и лично вышелъ съ нею на рекогносцировку изъ того самаго лѣска, гдѣ офицеры генеральнаго штаба такъ неудачно разсчитывали позавтракать. Насъ тоже погнали на новую позицію.

Между тѣмъ, дѣло разыгралось и въ самомъ дѣлѣ жарко. Какъ только наши показались изъ-за лѣсу, непріятель, по предсказанію солдатъ, «ощетинился» и «поддалъ пару». Батарея за батареею выростала у него, какъ изъ-подъ земли, и жерла тяжелыхъ орудій заревѣли и засверкали такъ, что если бы, вмѣсто дыму, они пускали въ насъ картечью, то, не только людей, но и дерева бы цѣлаго не осталось. Нашъ главнокомандующій тоже разсердился и рѣшился идти напроломъ, не замѣчая, что ратуетъ съ 8 батальонами противъ 20 и съ двумя батареями противъ пяти. Но какъ только наша пѣхота вышла изъ лѣса, вдругъ слѣва отъ непріятельскихъ орудій высыпала конница да не эскадроны, а цѣлые полки, одинъ за другимъ бѣшено бросались на атакующихъ. Пришлось опять свертываться въ каре и поскорѣе прятаться въ лѣсъ, а тѣмъ временемъ справа, отъ громившей насъ артиллеріи, огромныя массы грена-

деръ грозно двигались на насъ и на наши сообщенія. Передовая колонна ихъ была уже на шоссе, далеко позади насъ, такъ что наши обозы и наша участь была въ рукахъ непріятеля. Но въ эту минуту, какъ въ Гомеровой Иліадѣ, боги Олимпа явились намъ на помощь и спасли отъ погибели. Въ этомъ случаѣ Аполлонъ и Аѳина явились въ образѣ посредниковъ, то-есть двухъ старыхъ генералъ-адъютантовъ, съ бѣлыми перевязами на рукавахъ. Они поскакали на встрѣчу нашему противнику и остановили движеніе гренадеръ. Вслѣдъ за тѣмъ, издали медленно и троекратно прозвучалъ рожокъ штабъ-горниста, трубившій общій отбой. Мы видѣли вдали, какъ государь, съ своею огромною, блестящею свитою, проскакалъ въ отрядъ Ридигера, и еще хорошо, что не мимо насъ, потому что у насъ все было въ страшномъ безпорядкѣ: пѣхота, кавалерія, артиллерія, смѣшались въ кучу, всякій кричалъ и командовалъ самъ не зная что и суета начальства обрушилась на насъ, ни въ чемъ не повинныхъ.

Пробывъ съ четверть часа въ южномъ отрядѣ, государь вернулся къ намъ на шоссе. Мы уже составили ружья и побѣжали къ нему навстрѣчу. Онъ поблагодарилъ войска обѣихъ сторонъ, потомъ подозвалъ нашего отряднаго начальника, поѣхалъ съ нимъ шагомъ по шоссе и что-то долго и съ оживленными жестами говорилъ генералу, который, сгорбившись и какъ будто пригнувшись на лошади, почтительно объяснялъ и докладывалъ государю. Вотъ что оказалось. Въ то время какъ мы, по справедливому выраженію плѣннаго маіора, «шумѣли» на своемъ правомъ флангѣ, Ридигеръ, искусно маневрируя въ противную сторону, безъ шуму стянулъ свои войска противъ нашего лѣваго крыла, велѣлъ пѣхотѣ лечь, спряталъ артиллерію въ чухонскихъ деревушкахъ, а кавалерію,—въ лощинахъ и оврагахъ. Такимъ образомъ непріятель успѣлъ закусить и отдохнуть, пока мы его искали. Сообщеній своихъ Ридигеръ нисколько не потерялъ, потому что какъ только у насъ закипѣла тревога, 10 непріятельскихъ баталіоновъ сейчасъ же очутились на своемъ пути отступленія, а 20 остальныхъ обрушились на нашъ лѣвый флангъ. Мы же, ослабивъ себя и тутъ, и въ центрѣ, тѣмъ самымъ потеряли свои сообщенія и подготовили себѣ катастрофу. Наконецъ, насъ развели. Южный отрядъ потянулся въ свою сторону, а мы, несмотря на превосходство силъ, должны были отступать назадъ, да еще и поскорѣе, такъ какъ посредники рѣшили и подписали, что мы разбиты въ пухъ и дребезги.

На слѣдующій день, маневръ получалъ интереснѣйшее направленіе: южный отрядъ долженъ былъ получить подкрѣпленіе и наступать, такъ какъ перевѣсъ въ силахъ былъ уже на его сторонѣ.

Кажется, самъ государь интересовался посмотрѣть, въ этотъ день, на графа Ридигера вблизи. Намъ говорили, что императоръ ночуетъ въ

Ропшѣ и завтра будетъ присутствовать въ отрядѣ Ридигера. Это извѣстіе исполнило надъ радостною надеждою, что завтрашній подъемъ будетъ не слишкомъ ранній. Мы ошиблись въ разсчетѣ. На другой день насъ подняли съ зарею и страшно заторопили. Гевальдигеры разъѣзжали съ нагайками и понукали денщиковъ и повозки. Офицеры наскоро одѣлись, захлебываясь и обжигаясь горячимъ чаемъ, и побѣжали на мѣста съ недоѣденными булками въ зубахъ. Чуть засіяло солнце, загрохотали орудія, и пальба все усиливалась и расплывалась въ обѣ стороны, однако, мы не двигались съ мѣста, а нашъ, преображенскій, резервъ даже и не разбиралъ ружей.

Съ ранняго утра непріятель выдвинулъ сильный авангардъ и сталъ его подкрѣплять и усиливать. Нашу передовую цѣпь прогнали, а нашъ аррьергардъ оказался слишкомъ слабъ и сдѣлалъ ошибку отступить слишкомъ поспѣшно, такъ что непріятель дерзко подошелъ къ нашей позиціи. Нашъ главнокомандующій сначала было разсердился на ошибку аррьергарда, а потомъ сообразилъ, что, можетъ, — она и къ лучшему, и попытался смѣлымъ натискомъ окружить непріятельскій авангардъ и разбить его прежде, чѣмъ подоспѣетъ помощь. Но съ Ридигеромъ такая задача оказалась не легка. Онъ быстро сорвался съ позиціи, принялъ на себя свой авангардъ, смѣло развернулъ всѣ силы версты на три и сталъ насъ атаковать.

Атака Ридигера была образцомъ наступательнаго маневра. По всей линіи сверкали и громыхали орудія, трещала ружейная перестрѣлка, конница назойливо и отважно набрасывалась въ каждомъ удобномъ случаѣ,—словомъ, онъ сидѣлъ у насъ на плечахъ; мы останавливались развѣ на нѣсколько секундъ. На правомъ же нашемъ флангѣ было «свѣтопреставленіе», кто-то прискакалъ оттуда и привезъ извѣстіе, что Ридигеръ страшно набросился на правое крыло и оторвалъ три баталіона, а посредники признали ихъ «несуществующими».

Непріятель провожалъ насъ такъ, что не дай Богъ! Мы чуть не бѣгомъ бѣжали, солнце было уже высоко и порядочно припекало, всѣ выбивались изъ силъ. При такихъ условіяхъ мы живо долетѣли до позиціи.

Непріятель штурмовалъ лѣсъ съ фронта всею своею пѣхотою и спѣшенными драгунами. У насъ все завертѣлось, закружилось и забросалось во всѣ стороны. Наступилъ полнѣйшій хаосъ, и трудно сказать, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не раздался звонкій, отчетливый звукъ царскаго штабъ-горниста.

— Слава тебѣ, Господи! Отбой!

Наши трубы и барабаны повторили сигналъ, все успокоилось, дымъ разсѣялся, намъ велѣно составить ружья.

Спасибо, подъѣхалъ къ намъ нашъ дивизіонный оберъ-квартир-

мистръ (офицеръ генеральнаго штаба), потерявшій гдѣ-то своего генерала Моллера. Онъ объяснилъ, что въ началѣ маневра Ридигеръ обрушился на нашъ лѣвый флангъ, напустилъ тамъ туману и страху, заставилъ стянуться къ серединѣ и потерять сообщенія съ центромъ, а потомъ, забравъ свою кавалерію, пожаловалъ къ намъ на часокъ работы, потомъ опять переѣхалъ противъ лѣваго крыла, поддалъ жару и возвратился къ намъ, чтобы насъ доканать.

Государь благодарилъ войска. Ридигера при царѣ не было, а ѣхали съ нимъ нашъ отрядный начальникъ, очень пасмурный, и его помощникъ, генералъ Моллеръ,—тоже не въ духѣ. Зато государь былъ чрезвычайно веселъ,—просто сіялъ. Онъ разблагодарилъ насъ и сталъ поддразнивать:

— Ну, что поработали? Всѣмъ ли работы достало? Не обдѣли ли кого? Коли кто обиженъ, говори. Мы дѣло поправимъ, найдемъ заработки!

Солдаты громко и весело кричали:

— Всѣмъ вдоволь досталось, ваше императорское величество! Никто не обиженъ!

— Ну, то-то!—разсмѣялся государь,—завтра самъ присмотрю. Не бойся,—въ обиду не дамъ! Вмѣстѣ поработаемъ!

Мы не поняли, что онъ хотѣлъ этимъ сказать. Многіе полагали, что онъ лично приметъ надъ нами начальство. Государь уѣхалъ, маневръ въ этотъ день былъ конченъ. Да чего еще лучшаго и желать! Графъ Ридигеръ, практикъ, по преимуществу, опрокинулъ всю теорію. Намъ слѣдовало его удерживать, не дать себя обойти и прикрывать Красное Село, а на дѣлѣ вышло, что, еслибъ, вмѣсто маневровъ, была война, лѣвый нашъ флангъ отброшенъ былъ бы на Дудергофъ, а правый и остатки центра,—но Красное Село, которое удерживать было, конечно, невозможно и пришлось бы спасаться, развѣ, въ Петербургѣ. Но высшія соображенія, управляющія судьбами маневровъ, рѣшили иначе, и гораздо мягче для насъ. Клинъ, вставленный Ридигеромъ въ нашу серединку, бережно вынули, побѣдоносному врагу безъ церемоніи приказали отступить, и онъ, кажется, основался на нашей вчерашней позиціи. Насъ же опять склеили, привели въ приличный видъ и рѣшили, что до завтра все заживетъ, и мы все-таки можемъ, по конспекту, спокойно отойти на Красное Село. Тамъ мы завтра получимъ сильное подкрѣпленіе, поравняемся силами съ непріятелемъ, выйдемъ на военное поле, гдѣ дадимъ ему генеральное сраженіе, а оно и рѣшитъ участь кампаніи.

Обозы придвинулись, офицерскія палатки выросли, какъ грибы, а солдатики закурили трубочки, заварили кашу и стали прилаживать шалаши для бивака.

Наконецъ, наступилъ третій и послѣдній день маневровъ.

Непріятель былъ уже на ногахъ, но наступалъ медленно, остановился и только «попукивалъ» и то очень рѣдко. Съ нимъ какъ будто что-то приключилось,—просто и узнать было нельзя! Когда мы тронулись, непріятель преслѣдовалъ, но тихо, вяло, какъ говорится,—«спустя рукава».

Онъ отсталъ такъ, что и стрѣльбу прекратилъ, и мы могли совершенно спокойно расположиться на своей позиціи. Помнится, мы стали выгнутою дугою,—флангами къ Красному Селу и Дудергофу.

Изъ Краснаго Села пришло подкрѣпленіе, но не фиктивное, а настоящій образцовый полкъ и еще какой-то армейскій. Пришла конница и артиллерія.

Государь опять перешелъ на сторону униженныхъ и оскорбленныхъ, то-есть на нашу. Однако, начальства онъ не принималъ, а продолжалъ только присутствовать и смотрѣть.

Наконецъ, появился непріятель, остановился вдали, развернулся, раздвинулся, но все это очень медленно и вяло, потомъ выкатилъ по всей линіи батареи и началъ канонаду. Мы отвѣчали. Онъ усилилъ, и мы усилили. Погода стояла тихая, дымъ не разносило, и мы стали дышать пороховымъ туманомъ и совсѣмъ въ него закутались.

Обоюдная канонада длилась чрезвычайно долго, а никто не двигался съ мѣста! Мы думали, что тѣмъ все дѣло и кончится.

Все это было ошибочно. Старый орелъ вдругъ встрепенулся, налетѣлъ и сталъ бить крыльями и больно клевать наше лѣвое крыло. Съ необыкновенною быстротою и смѣлостью Ридигеръ направилъ туда, безъ оглядки, всѣ силы своего праваго фланга, цѣликомъ. Конницу онъ пустилъ въ обходъ, засуетилъ, растрепалъ и чуть не сбросилъ половину нашихъ въ Дудергофскій прудъ.

Ридигеръ, самъ кавалеристъ, отлично умѣлъ распоряжаться кавалеріею, а мѣсто, на военномъ полѣ, какъ извѣстно, ровное. Онъ пустилъ въ атаку всю свою кавалерію.

Государь сталъ передъ Гвардейскою кирасирскою дивизію и лично повелъ ее во флангъ непріятеля, нашего ради спасенія. Самъ Ридигеръ выскакалъ впередъ, и мы видѣли, какъ онъ, пригнувшись на сѣдлѣ съ видомъ утомленнаго человѣка, тяжело галопировалъ на встрѣчу царской колоннѣ и опередилъ свою кавалерію. Она же остановилась только для того, чтобы перемѣнить фронтъ, и сейчасъ же понеслась, но уже не на насъ, а на кирасиръ. Земля и воздухъ застонали, загудѣли и зазвенѣли. Двѣ грозныя массы сошлись на разстояніи 50 шаговъ, но все кончилось благополучно, и столкновенія не произошло. Ридигеръ выхватилъ саблю и успѣлъ знаками и сигналомъ трубы остановить своихъ во-время, тогда какъ государь, съ обнаженнымъ палашомъ въ рукѣ, со своей

стороны останавливалъ и унималъ расходившихся кирасиръ. Тотчасъ же забили и затрубили отбой, и маневры кончились.

Государь выѣхалъ впередъ, довольный, веселый, улыбающійся. Ридигеръ и нашъ отрядный начальникъ были оба при немъ. Императоръ остановился, повернулся къ нимъ и шутливо сказалъ:

— Ну, злые враги, помиритесь, подайте другъ другу руку!

Оба противника, съ любезною улыбкою, пожали другъ другу руку, потомъ государь расхвалилъ, разблагодарилъ войска и уѣхалъ. Мы пошли домой. Передъ нами ѣхалъ Ридигеръ.

Графу было уже въ то время подъ 70 лѣтъ. Его рябое, сморщенное, лицо, безъ усовъ и бороды, гладко выбритыхъ, и обрамленное только бакенбардами,—почернѣло отъ загара. Генералъ-адъютантскій мундиръ былъ весь въ пыли и сталъ сѣрый, какъ солдатская шинель. Онъ ѣхалъ на большой вороной лошади, тяжело опустившись въ сѣдло и небрежно раскачивая ногами. Солдаты напрасно натуживались, потому что сейчасъ же представился случай видѣть вблизи этого страшнаго, а все-таки популярнаго человѣка. Когда экипажъ его подъѣхалъ, Ридигеръ слѣзъ съ лошади, но остановился около коляски и какъ будто захотѣлъ переждать, пока мы пройдемъ.

Любопытство солдатъ было возбуждено въ высшей степени. Они забыли всякій страхъ начальства и, не обращая вниманія на сердитыя лица офицеровъ, безъ церемоніи повернули головы вправо и стали смотрѣть на него въ упоръ. Ридигеръ улыбался и тоже смотрѣлъ на нихъ. Замѣтно, что его тѣшили такія наивности. Мало того,—солдаты, вдругъ, забурчали и начали величать его «Ироемъ» и «Молодчиною»,—все это, конечно, про себя, но такъ громко, что Ридигеръ, очевидно, слышалъ, потому что расхохотался, сѣлъ въ коляску и уѣхалъ.

И вотъ съ этимъ-то знаменитымъ воиномъ захотѣлъ помѣриться государь на маневрахъ 1853 года. Такое состязаніе возбудило всеобщій и самый живой интересъ, все болѣе и болѣе разгоравшійся въ виду характера и значенія двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Неудивительно, что изъ Петербурга стали пріѣзжать въ Красное Село любопытные и зрители оффиціальные и неоффиціальные. Наѣхало столько, сколько могло размѣститься въ немногихъ жильяхъ, не переполненныхъ войсками. Свита государя тоже значительно увеличилась. Въ ней появились сѣдоусые генералы, съ Георгіями на шеѣ,—какихъ мало кто и видѣлъ на маневрахъ. Но это были старые боевые товарищи Ридигера; они сѣли на коней и явились полюбоваться искусствомъ прославленнаго собрата. Съ замѣчательными военными дарованіями графъ Ридигеръ соединялъ въ себѣ прирожденный тактъ умнаго царедворца и свѣтскаго человѣка.

Маневры кончились около половины августа, но мы еще отбыли

послѣдній большой парадъ, и полкъ возвратился въ Петербургъ 19-го числа того же мѣсяца. Тамъ все пошло опять своимъ порядкомъ, кромѣ, однако же, личной дѣятельности полковаго командира; онъ дѣйствовалъ и держалъ себя вовсе не по образцу своихъ предшественниковъ. Графъ Барановъ обратилъ вниманіе на ротное хозяйство, а это тѣмъ болѣе важно, что о немъ давно уже не было помину въ приказахъ, и даже о контролѣ Сумарокова стало совсѣмъ не слышно.

Князь Н. К. Имеретинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Цензура медицинскихъ сочиненій въ 1819 году.

18-го января 1819 года Комитетъ министровъ слушалъ записку управляющаго министерствомъ полиціи отъ 10-го января за № 5-мъ, объ отвращеніи злоупотребленій въ примѣси въ напитки различныхъ вредныхъ веществъ.

«Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1818 года сообщилъ управляющему министерствомъ полиціи замѣчаніе медицинскаго совѣта, что въ продающейся книгѣ подъ названіемъ: «Россійскій хозяйственный винокуръ» для поправленія закислыхъ винъ, предписывается употреблять свинецъ и свинцовую дробь, что̀ составляетъ самый ужаснѣйшій ядъ. Почему медицинскій совѣтъ признавалъ необходимымъ строжайше запретить подслащивать окислые напитки свинцомъ, дробью и прочими вредными веществами; для притупленія же кислоты въ напиткахъ, предписать употребленіе раковыхъ жернаковъ, или устричныхъ раковинъ, магнезіи, поташа очищеннаго, минеральной щелочи или очищенной соды. Впредь же всѣ сочиненія, описывающія приготовленіе пищи и питія, не позволять печатать безъ цензуры Медико-хирургической академіи, или медицинскихъ факультетовъ при университетахъ.

«Медицинскій же совѣтъ министерства полиціи, по предложенію управляющаго министерствомъ, представилъ къ нему замѣчанія доктора Гаевскаго на счетъ вредныхъ примѣсей въ напитки, которые испрашиваетъ публиковать, съ присовокупленіемъ извѣстія о вышедшей нынѣ изъ печати «Полицейской судебной химіи», въ коей сдѣлано подробное описаніе по сему предмету. Въ проектѣ же публикаціи изъяснено: 1) Что поправленіе винъ свинцовыми составами чрезвычайно вредно и потому запрещается. 2) Прибавленіе къ вину квасцовъ, по той же причинѣ, строго запрещается. 3) Не позволяется для поправленія окисшаго пива класть въ оное известь, магнезію, по-

ташъ и сему подобное, ибо чрезъ соединеніе оныхъ съ кислотою пива составляются соли, имѣющія слабительное, мочегонное и разслабляющее свойство. 4) Для прекращенія броженія въ пивѣ, не должны быть опускаемы въ оное, какъ то дѣлается, оловянныя тарелки потому, что кислотою растворяется часть свинца, въ посудномъ оловѣ содержащагося. 5) Для удобренія уксуса, не смѣшивать онаго съ сѣрною кислотою. 6) Деревянныя и другія выжатыя испорченныя масла хотя отъ примѣсей свинцовыхъ окисей и поправляются, дѣлаясь чистыми, но соединеніе свинца съ масломъ превращаетъ оное въ сильный ядъ. Сверхъ того, министерство полиціи за нужное считаетъ замѣтить, что содержать уксусъ, пиво, вино, масло и другія жидкости въ металлическихъ сосудахъ чрезвычайно вредно. Подробное жъ наставленіе по сему предмету изложено въ вышедшей нынѣ изъ печати «Полицейской судебной химіи», изданной по рѣшенію медицинскаго совѣта министерства полиціи. Въ книгѣ сей содержится подробное описаніе о веществахъ, въ пищу и питье употребляемыхъ, о судебнохимическомъ изслѣдованіи различныхъ ядовъ и проч.».

Комитетъ положилъ: такъ какъ исправленіе испорченныхъ винъ средствами, въ книгѣ подъ названіемъ: «Россійскій хозяйственный винокуръ» описанными, совершенно вредно человѣческому здоровью, то предоставить управляющему министерствомъ полиціи предписать врачебнымъ управамъ сдѣлать то гласнымъ, а мѣстнымъ полиціямъ строжайше соблюдать, чтобъ никто изъ виноторговцевъ не осмѣливался поправлять вина описаннымъ въ помянутой книгѣ образомъ; о принятіи же въ руководство врачебнымъ управамъ «Полицейской химіи» для открытія различныхъ подмѣсей въ напиткахъ средствами, въ оной преподданными, предписанія тѣмъ управамъ не дѣлать, доколѣ разрѣшено не будетъ: должна ли оная книга и за одобреніемъ къ напечатанію медицинскимъ совѣтомъ министерства полиціи подвергнута быть цензурѣ, подъ вѣдомствомъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія состоящей; на каковой конецъ поручить управляющему министерствомъ полиціи и министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія представить комитету полное изложеніе правилъ о цензурѣ всѣхъ вообще книгъ.

Въ отвѣтъ на это министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ писалъ комитету министровъ [1]): «Цензура книгъ, до настоящаго образованія учебной части, состояла, по указу 1783 генваря 15, на попеченіи Управы благочинія, потомъ указомъ 16-го сентября 1796 учреждены особыя цензуры, въ Петербургѣ и Москвѣ подъ вѣдѣніемъ Правительствующаго Сената, въ Ригѣ, Одессѣ

[1]) Отъ 10-го февраля 1819 г. № 497.

и при таможнѣ Радзивиловской подъ наблюденіемъ губернскихъ начальствъ, Святѣйшаго Синода и епархіальныхъ архіереевъ. Потомъ 16-го февраля 1797 повелѣно цензурамъ быть токмо въ Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ, и состоять каждой изъ трехъ особъ, одной духовной, одной гражданской и одной ученой. За симъ 18-го апрѣля 1800 г. повелѣно прочимъ цензурамъ быть подчиненнымъ с.-петербургской и безъ одобренія ея не печатать книгъ. Послѣ того, по высочайшему указу 19-го февраля 1802 года цензура поступила въ вѣдѣніе гражданскихъ губернаторовъ, которые должны были употреблять къ цензурованію книгъ директоровъ народныхъ училищъ. Наконецъ, въ 1802 году 8-го сентября высочайшимъ манифестомъ объ учрежденіи министерствъ, купно съ прочими обязанностями, возложенными на министерство народнаго просвѣщенія, предоставлена попеченію онаго и цензура книгъ. Такимъ образомъ, министерство сіе, при образованіи учебной части вообще, сдѣлавъ приличныя по сему предмету распоряженія, поручило смотрѣніе за изданіемъ книгъ университетамъ и начертало уставъ, для единообразнаго руководства въ разсматриваніи книгъ и сочиненій во всей Имперіи, удостоенный высочайшаго утвержденія въ 9-й день іюля 1804 года.

«Въ семъ уставѣ изложены съ подробностью, какъ самый предметъ разсматриванія книгъ и сочиненій, такъ и средства противу всякаго злоупотребленія въ книгопечатаніи.

«Нижеслѣдующими статьями сего устава постановляется между прочимъ:

§ 3. «Ни одна книга или сочиненіе не должно быть напечатано въ Имперіи Россійской, ни пущено въ продажу, не бывъ прежде разсмотрѣно цензурою.

§ 4. «Для разсматриванія книгъ и сочиненій учреждаются цензурные комитеты при университетахъ изъ профессоровъ и магистровъ, и состоятъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ университетовъ. Каждый изъ сихъ комитетовъ разсматриваетъ книги и сочиненія, печатаемыя въ типографіяхъ, состоящихъ въ округѣ того университета, при которомъ оный комитетъ находится.

§ 5. «Для книгъ и сочиненій, печатаемыхъ въ округѣ С. Петербургскаго университета, до открытія университета, учреждается, подъ вѣдѣніемъ попечителя онаго, цензурный комитетъ изъ ученыхъ особъ, пребывающихъ въ столицѣ».

Изъятія, въ разсужденіи таковаго въ разсматриваніи всѣхъ вообще книгъ и сочиненій въ цензурныхъ комитетахъ вѣдомства министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, заключаются въ сдѣдующихъ пунктахъ устава.

6. «Цензура книгъ и сочиненій, издаваемыхъ отъ главнаго училищъ

правленія, академій: наукъ, художествъ и россійской, также отъ кадетскихъ корпусовъ, государственной медицинской управы, въ С.-Петербургѣ существующихъ и другихъ ученыхъ обществъ, правительствомъ утвержденныхъ и казенныхъ мѣстъ, возлагается на попеченіе и отчетъ самыхъ тѣхъ мѣстъ и ихъ начальниковъ. Сіи книги и сочиненія могутъ быть печатаемы въ принадлежащихъ симъ мѣстамъ и другихъ типографіяхъ.

7. «Тѣ же книги и сочиненія, которыя присланы будутъ въ типографіи упомянутыхъ мѣстъ для напечатанія на иждивеніи сторонннхъ издателей, предаются тисненію не прежде, какъ по разсмотрѣніи оныхъ въ цензурномъ комитетѣ.

8. «Книги и сочиненія церковныя, къ священному писанію, либо толкованію Закона Божія и святости относящіяся, подлежатъ разсмотрѣнію цензуры духовной, находящейся подъ вѣдѣніемъ Святѣйшаго Синода и епархіальныхъ архіереевъ. Таковыя книги и сочиненія должны быть печатаемы въ синодской или иныхъ типографіяхъ, подъ вѣдѣніемъ Синода состоящихъ.

9. «Журналы и другія періодическія сочиненія, выписываемыя чрезъ почтамтъ изъ чужихъ краевъ, разсматриваются въ особенно учрежденной при оныхъ цензурѣ, которая въ семъ руководствуется правилами сего устава.

11. Разсмотрѣніе и позволеніе къ напечатанію театральныхъ афишекъ и подобныхъ тому объявленій и извѣстій зависитъ отъ гражданскаго начальства».

Права разныхъ ученыхъ сословій и казенныхъ мѣстъ, относительно издаваемыхъ оными книгъ и сочиненій, изъясненныя въ помянутомъ 6 пунктѣ устава, не могутъ простираться порознь на членовъ тѣхъ сословій и мѣстъ ни въ какомъ случаѣ, по силѣ объявленнаго Правительствующему Сенату бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Завадовскимъ 6-го декабря 1808 года нижеслѣдующаго высочайшаго указа:

«Государь императоръ высочайше указалъ всякую книгу или сочиненіе, которыя кто-либо изъ членовъ, полагая всѣ правительства въ государствѣ, пожелалъ бы издать и начальство о томъ представляло бы, нигдѣ не печатать безъ того, чтобы оныя прежде не были разсмотрѣны въ цензурахъ университетскихъ округовъ, и отъ нихъ получили дозволеніе къ напечатанію».

При новомъ раздѣленіи министерствъ въ 1810 году, въ высочайше утвержденномъ 17-го августа того года росписаніи предметовъ, отдѣляемыхъ въ составъ министерства просвѣщенія, при поступленіи въ вѣдомство онаго всѣхъ академій, а въ томъ числѣ и Медико-хирургической, причислена къ сему же министерству ц е н з у р а в с ѣ х ъ м е д и ц и н-

скихъ сочиненій, разсмотрѣніе опытовъ, открытій и тому подобные предметы, къ ученой части принадлежащіе.

По учрежденію министерства полиціи, § 35, предметы медицинскаго совѣта при оном министерствѣ суть между прочимъ слѣдующіе: «Сочиненіе медицинскихъ топографій, предостерегательныхъ извѣстій народу, войску, флотамъ о сохраненіи здравія простыми средствами; извѣщеніе о общихъ болѣзняхъ и повѣтріяхъ и о способахъ охраненія отъ оныхъ; наставленія медицинскимъ чиновникамъ о единообразномъ лѣченіи свойственныхъ климату общихъ болѣзней и проч., изданіе журнала опытной медицины».

Сочиненіе и изданіе таковыхъ предметовъ предоставлено именно попеченію медицинскаго совѣта при министерствѣ полиціи, но въ уставѣ того же министерства, подъ заглавіемъ по цензурнымъ установленіямъ сказано:

§ 83. «Цензура всѣхъ издаваемыхъ въ Имперіи книгъ и періодическихъ сочиненій, принадлежащихъ министерству просвѣщенія, по точной силѣ особенныхъ его уставовъ и учрежденій.

§ 92. «Часть учебная медицинскихъ установленій, какъ-то: образованіе медиковъ, приглашеніе ихъ изъ другихъ государствъ, экзамены и разрѣшеніе практики принадлежитъ министерству просвѣщенія».

§ 93. «Часть ученая сихъ установленій (медицинскихъ) какъ-то: распространеніе и усовершеніе медицинскихъ познаній, испытаніе новыхъ открытій, одобреніе новыхъ лѣкарствъ и тому подобные предметы со всѣми принадлежащими къ тому заведеніями состоятъ въ вѣдѣніи министерства просвѣщенія.

Посему кажется, что цензура и медицинскихъ сочиненій предоставлена вѣдомству министерства просвѣщенія.

Устава Медико-хирургической академіи (состоящаго въ вѣдомствѣ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія) въ § 60 сказано: «Академія имѣетъ собственную цензуру для книгъ по всѣмъ врачебнымъ предметамъ, издаваемыхъ какъ членами ея, такъ и посторонними. За сею цензурою таковыя книги могутъ быть печатаемы во всѣхъ безъ изъятія типографіяхъ».

Изложивъ такимъ образомъ состоявшіяся по части цензуры и одобренія къ напечатанію книгъ высочайшія постановленія, долгомъ почитаю присовокупить мнѣніе мое, что, по силѣ оныхъ, одобреніе къ печатанію всѣхъ вообще книгъ за вышеприведенными въ пунктахъ 6, 8, 9 и 11 устава о цензурѣ исключеніями, относится собственно до министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; медицинскій же совѣтъ министерства полиціи, не выходя изъ предназначенныхъ ему собственнымъ его учрежденіемъ предѣловъ, какъ ясно кажется, не можетъ одобрять къ напечатанію никакихъ сочиненій: поелику сего не

присвоено именно ему никакими постановленіями. Хотя же въ вышеприведенномъ 6 пунктѣ устава о цензурѣ, въ числѣ мѣстъ, на коихъ возлагается цензура издаваемыхъ отъ нихъ книгъ и сочиненій, наименована государственная медицинская управа, но сіе касалось собственно до той медицинской части и управленія оною, которыя по раздѣленіи сей части между министерствами, по силѣ вышеприведенныхъ узаконеній, вошли вмѣстѣ съ Медико-хирургическою академіею въ составъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и потому, таковое узаконеніе до медицинскаго совѣта, министерства полиціи ни въ какомъ отношеніи не принадлежитъ».

Въ засѣданіи Комитета министровъ 15-го марта были слушаны двѣ записки о цензурѣ книгъ: 1-я—министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отъ 10-го февраля и 2-я—управляющаго министерствомъ полиціи отъ 26-го февраля.

По случаю происшедшаго въ Комитетѣ при слушаніи представленія управляющаго министерствомъ полиціи вопроса: должна ли изданная съ разрѣшенія медицинскаго совѣта министерства полиціи книга подъ названіемъ «Полицейская судебная химія» и за одобреніемъ того совѣта подвергнута быть цензурѣ, подъ вѣдомствомъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія состоящей, поручено было министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и управляющему министерствомъ полиціи внести въ Комитетъ полное изложеніе правилъ о цензурѣ всѣхъ вообще книгъ.

Вслѣдствіе чего и представили они таковыя изложенія; при чемъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, основываясь на манифестѣ 8-го сентября 1802 года объ учрежденіи министерствъ, на уставѣ о цензурѣ, въ 9-й день іюля 1804 года высочайшее утвержденномъ, на высочайше утвержденномъ въ 1810 году росписаніи предметовъ при новомъ раздѣленіи министерствъ, на уставѣ Медико-хирургической академіи и на самомъ учрежденіи министерства полиціи, доказываетъ, что цензура книгъ, за исключеніемъ только издаваемыхъ академіями, кадетскими корпусами и другими мѣстами, въ цензурномъ уставѣ поименованными, также за исключеніемъ книгъ духовныхъ, журналовъ и періодическихъ сочиненій, изъ чужихъ краевъ чрезъ почтамты выписываемыхъ, театральныхъ афишекъ и подобныхъ тому объявленій, о коихъ существуютъ особыя постановленія, принадлежитъ вообще до министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; что бывшей государственной медицинской управѣ хотя и предоставлено было право издавать книги и сочиненія подъ собственною цензурою, но сіе касалось собственно до той медицинской части и управленія оною, которыя состояли тогда въ ея завѣдываніи, и которыя потомъ при новомъ раздѣленіи министерствъ въ 1810 году вошли вмѣстѣ съ Медико-хирурги-

ческою академіею, коей предоставлена уставомъ ея и цензура всѣхъ медицинскихъ сочиненій, въ составъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и потому право сіе нынѣ до медицинскаго совѣта министерства полиціи ни въ какомъ отношеніи не принадлежитъ.

Управляющій министерствомъ полиціи раздѣляетъ цензуру на три главныя части: 1) на общую цензуру книгъ и періодическихъ сочиненій, издаваемыхъ въ Имперіи, которая безпрекословно принадлежитъ до министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; 2) на цензуру министерства полиціи, состоящую въ наблюденіи, чтобъ книги и сочиненія не были печатаемы безъ установленной цензуры, и чтобъ книги уже напечатанныя не содержали въ себѣ ничего противнаго общему порядку и спокойствію и подающаго поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, а также въ наблюденіи за привозимыми изъ-за границы книгами. Сюда принадлежитъ цензура театральныхъ піесъ и дозволеніе всякаго рода публикацій, и 3) на цензуру медицинскую. Здѣсь управляющій министерствомъ полиціи, описывая подробно весь ходъ исполненія медицинскаго управленія въ Россіи, объясняетъ, что и по новому раздѣленію министерствъ, вообще охраненіе народнаго здравія, сочиненіе наставленій врачамъ и всѣмъ званіямъ, по медицинскому разряду служащимъ, равно какъ народу и войскамъ, изданіе журнала опытной медицины, медико-физическихъ и топографическихъ описаній губерніямъ принадлежитъ до обязанности медицинскаго совѣта, при министерствѣ полиціи учрежденнаго, въ который вносятся всѣ важныя дѣла: практической медицины, гражданскія, слѣдственныя и уголовныя, по коимъ принадлежатъ его вѣдомству не только всѣ служащіе въ гражданской и военной частяхъ медики, но вольнопрактикующіе, отставные и въ особыхъ вѣдомствахъ, равно какъ и въ вѣдомствѣ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія находящіеся. Посему управляющій министерствомъ полиціи признаетъ, что въ такомъ положеніи вещей дѣла главнаго медицинскаго управленія въ Имперіи, коему ввѣрено сохраненіе народнаго здравія, не прилично и невозможно подвергнуть цензурѣ Медико-хирургической академіи: ибо тогда всѣ постановленія, предписанія, наставленія врачамъ и разныя предварительныя извѣстія, равно какъ слѣдственныя и уголовныя дѣла, должны бы быть обращены на цензуру помянутой академіи, коей члены по всѣмъ врачебнымъ практическимъ дѣламъ ихъ и состоятъ подъ наблюденіемъ и сужденіемъ медицинскаго совѣта министерства полиціи.

Комитетъ, находя, во-первыхъ, что допустить цензурованіе книгъ и особенно медицинскихъ въ разныхъ вѣдомствахъ совершенно неудобно, ибо въ сочиненіяхъ, до сей части относящихся, по разности мнѣній о средствахъ къ уврачеванію болѣзней, весьма легко встрѣтиться могутъ важныя противуположности, и чрезъ то поставить въ недоумѣніе, къ ко-

торому изъ нихъ прибѣгнуть; во-вторыхъ, что вообще цензура и по постановленіямъ и по самому существу своему ближе принадлежитъ къ министерству духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и въ-третьихъ, что обязанность министерства полиціи въ отношеніи къ цензурѣ заключаться должна только въ наблюденіи, дабы книги безъ пропуска оной печатаемы не были, и чтобъ напечатанныя даже не заключали въ себѣ ничего противнаго государственнымъ постановленіямъ, полагаетъ: представить его императорскому величеству, не благоугодно ли будетъ повелѣть: цензуру всѣхъ вообще издаваемыхъ гражданскихъ книгъ, на основаніи существующихъ узаконеній, оставить при одномъ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, не подвергая оной постановленій, предписаній, наставленій врачамъ и разныхъ предохранительныхъ извѣстій, издаваемыхъ медицинскимъ совѣтомъ министерства полиціи подъ собственною его отвѣтственностію, но наблюденіе за привозимыми изъ-за границы книгами и цензуру оныхъ, до рѣшенія о семъ Государственнаго Совѣта, предоставить по-прежнему министерству полиціи, а равнымъ образомъ независимо отъ того цензуру театральныхъ піесъ и всякаго рода объявленій и публикацій.

Управляющій же министерствомъ полиціи остался при своемъ представленіи.

Въ засѣданіи 29-го марта объявлено Комитету, что государь императоръ изволитъ утверждать Положеніе Комитета, о чемъ и послѣдовалъ на имя Комитета 31-го марта высочайшій указъ слѣдующаго содержанія:

«Разсмотрѣвъ сужденіе Комитета по предмету цензуры книгъ и находя заключеніе онаго основательнымъ, повелѣваю: цензуру всѣхъ вообще печатаемыхъ въ Имперіи гражданскихъ книгъ, на основаніи существующихъ узаконеній, въ томъ числѣ и медицинскихъ, по точной силѣ утвержденнаго мною въ 17-й день августа 1810 года росписанія предметовъ, отдѣленныхъ въ составъ министерства просвѣщенія, оставить при одномъ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, не подвергая однакожъ оной постановленій, предписаній, наставленій врачамъ и всякихъ предварительныхъ извѣстій, издаваемыхъ медицинскимъ совѣтомъ министерства полиціи, кои и остаются на его отвѣтственности, какъ мѣста, пекущагося о сохраненіи народнаго здравія. Наблюденіе же за привозимыми изъ-за границы книгами и цензуру оныхъ, до рѣшенія о семъ Государственнаго Совѣта, оставить по-прежнему подъ министерствомъ полиціи; а равнымъ образомъ и цензуру театральныхъ піесъ и всякаго рода объявленій и публикацій».

БИБЛІОТЕКА
КОЛОМЕНСКАГО
КОММЕРЧЕСКАГО СОБРАНІЯ

Радецкій и Скобелевъ

въ сраженіи 27-го и 28-го декабря 1877 г. подъ Шипкой [1]).

Хотя дѣйствія генераловъ Скобелева и Радецкаго подъ Шипкой давно уже оцѣнены по достоинству знающими и безпристрастными лицами, тѣмъ не менѣе отъ времени до времени появляются охотники умалить достоинства одного и возвеличить славу другаго, хотя бы то было въ ущербъ безпристрастной истинѣ. Уже вскорѣ послѣ окончанія послѣдней войны г. Градовскій въ своей брошюрѣ: «М. Д. Скобелевъ. Этюдъ по характеристикѣ нашего времени и его героевъ»—обстоятельно, на основаніи фактовъ, разобралъ дѣйствія подъ Шипкою обѣихъ колоннъ, тѣмъ не менѣе донынѣ еще кромѣ г. Верещагина являются лица, желающія, во что бы то ни стало, почему-то умалить славу героя, который, избѣгая всякой показной стороны дѣла и ненавидя рекламы, въ самыя важныя минуты заботился не о томъ, чтобы прославлять себя, а о томъ, чтобы, спасая честь Россіи, выручить своихъ товарищей и исправить вольныя или невольныя ошибки другихъ.

Могила героя безмолвна, но вѣчная правда жива, и долгъ честнаго

---

[1]) Документами служили: кромѣ личнаго воспоминанія, какъ участника сраженія, подлинные рапорты объ этомъ сраженіи генераловъ: Радецкаго, князя Мирскаго и Скобелева, а также статьи: генерала Куропаткина «Переходъ черезъ Балканы отряда генерала Скобелева», напечатанная въ „Военномъ Сборн." за 1889 годъ, и генерала Соболева «Послѣдній бой за Шипку», напечатанная въ «Русской Старинѣ» за 1889 годъ, май мѣсяцъ. Оба автора при составленіи своихъ статей пользовались документами, хранящимися въ архивѣ Главнаго штаба.

человѣка, въ особенности военнаго,—воздать каждому по заслугамъ его, не увлекаясь посторонними соображеніями. Ред.

Послѣ паденія Плевны и отправленія на Шипку подкрѣпленій, было приказано генералу Радецкому атаковать турецкую армію, блокирующую Шипку, и перейти Балканы. Личное мнѣніе генерала Радецкаго было то, что овладѣть Шипкой можно лишь движеніемъ сильнаго отряда отъ Тетевени или Арабъ-Конака по долинѣ Тунджи къ д. Шипкѣ. Тогда, по его мнѣнію, турки должны будутъ сами отойти отъ Шипки. Атаку же турокъ, до прихода войскъ генерала Гурко въ долину Тунджи, онъ считалъ преждевременной и рискованной. Но этого мнѣнія генерала Радецкаго не раздѣляли ни великій князь главнокомандующій, ни полевой штабъ арміи, ни многіе другіе, и въ томъ числѣ генералъ Скобелевъ. Всѣ они считали эту атаку возможной, къ которой, по ходу дѣлъ на театрѣ войны, необходимо приступить немедленно. Великій князь, посылая къ генералу Радецкому подкрѣпленія, приказалъ начать наступленіе немедленно, не ожидая появленія войскъ генерала Гурко въ долинѣ Тунджи.

Прежде чѣмъ говорить о томъ, какой былъ принятъ планъ для исполненія этого приказанія, считаю нужнымъ сказать, какія свѣдѣнія имѣлъ генералъ Радецкій въ половинѣ декабря, относительно силы и расположенія непріятеля вообще на театрѣ войны, и въ частности о корпусѣ Веселя-Паши, блокирующемъ Шипку. Первыя имѣлись изъ полеваго штаба главнокомандующаго; вторыя основывались, главнымъ, образомъ, на разспросахъ плѣнныхъ турокъ и на свѣдѣніяхъ, доставляемыхъ болгарами и нашими охотничьими командами. Но эти послѣднія свѣдѣнія получались только до конца ноября мѣсяца, съ декабря же, съ началомъ сильныхъ морозовъ, вьюгъ и мятелей въ горахъ, никакихъ уже свѣдѣній ни откуда не получалось. Болгары отказались ихъ доставлять, плѣнныхъ не было, а охотничьи команды, если и высылались, то лишь въ ближайшія мѣста.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ полеваго штаба, было извѣстно, что послѣ неудачныхъ атакъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ Сулеймана, на нашу восточную армію наслѣдника, съ цѣлью освободить Плевну, правительство султана, послѣ паденія Плевны, приказало Сулейману, оставивъ въ главныхъ крѣпостяхъ Болгаріи лишь необходимые для непосредственной обороны гарнизоны, перевезти всю свою армію въ Румелію, и стать въ резервъ турецкихъ корпусовъ, занимавшихъ позиціи у Арабъ-Конака и Шипки. Куда направилась армія Сулеймана, генералу Радецкому было не извѣстно. Она могла выйти къ Сливнѣ и затѣмъ быстро появиться у Шипки. Тогда противъ его 8-го корпуса могла бы образоваться армія въ 120 таборовъ при 200 орудіяхъ.

Что касается Веселя-Паши, то по нашимъ свѣдѣніямъ сила и расположеніе его были слѣдующія: пѣхоты отъ 50 до 60-ти таборовъ, орудій около 100, кавалеріи регулярной нѣтъ, а только черкесы и башибузуки, но ихъ показывали то больше, то меньше; видимо, число ихъ мѣнялось, а въ среднемъ изъ всѣхъ показаній ихъ было отъ 2 до 3 т. Около половины этой арміи было расположено на горахъ, противъ нашей позиціи, а лагери ихъ внизу на противоположныхъ отъ насъ скатахъ этихъ горъ. Другая половина стояла лагеремъ въ долинѣ, южнѣе д. Шипки, между этой деревней и Шейновымъ [1]). Съ восточной и съ западной сторонъ, т. е. отъ Янины и Иметли, построены были турками укрѣпленія, прикрывающія лагерь; есть ли укрѣпленія съ южной стороны, и если есть, то гдѣ, свѣдѣній этихъ болгары дать не могли. Сила корпуса считалась около 40 тысячъ.

Во исполненіе приказанія великаго князя, генералъ Радецкій рѣшилъ атаковать турецкій лагерь въ долинѣ Тунджи, съ юга двумя обходными колоннами: правой генерала Скобелева [2]) отъ Зеленаго Древа и Топлиша черезъ Иметлійскій перевалъ, и лѣвой князя Мирскаго [3]) отъ Травны черезъ Сельвинскій перевалъ. Съ своей же стороны, по приближеніи обходныхъ колоннъ къ Шипкѣ, предполагалъ поддержать атаку ихъ бригадой пѣхоты съ сѣвера съ горы св. Николая. Но, считая необходимымъ для успѣха, чтобы обходныя колонны были такой силы, чтобы онѣ могли хотя бы нѣкоторое время дѣйствовать самостоятельно, находилъ лѣвую колонну князя Мирскаго слишкомъ слабою, а потому просилъ телеграммою великаго князя усилить ее еще одной дивизіею пѣхоты. До полученія же отвѣта на эту просьбу, первоначально, были даны имъ слѣдующія инструкціи начальникамъ обходныхъ колоннъ:

---

[1]) Что дер. Шипка была сожжена турками, мы не знали, напротивъ, полагали, что тамъ расположенъ штабъ Веселя-Паши. Также не знали, что Шейново укрѣплено и входитъ въ юго-западный уголъ укрѣпленнаго лагеря.

[2]) 16-я пѣхотная дивизія, 9-й, 11-й и 12-й стрѣлковые баталіоны, семь болгарскихъ дружинъ, 2 роты 4-го сапернаго баталіона; Донской казачій № 9 полкъ, Уральская казачья сотня и горная № 2 батарея, всего $15^1/_2$ баталіоновъ, 7-мь болгарскихъ дружинъ, 7-мъ казачьихъ сотенъ и 6-ть горныхъ орудій. Кромѣ того, 6-ть полевыхъ орудій 16-й артиллерійской бригады были приспособлены къ перевозкѣ на саняхъ, на случай возможности перетащить ихъ черезъ горы.

[3]) Первоначально: три полка 9-й дивизіи (Елецкій, Сѣвскій и Орловскій), 4-я стрѣлковая бригада, одна рота 5-го сапернаго баталіона, Донской казачій № 23 полкъ и горная № 1-й батарея, потомъ назначена еще 30-я дивизія, всего 25 баталіоновъ, 6 сотенъ и 8-мь горныхъ орудій. Кромѣ того, двѣ батареи 9-й и 14-й артиллерійскихъ бригадъ, приспособленныхъ къ перевозкѣ на саняхъ, на случай возможности перетащить ихъ черезъ горы.

Генералу Скобелеву приказано было [1]), перейдя Балканы, занять Иметли, укрѣпиться и ожидать приказаній. Къ сторонѣ Лысой горы выставить боковой авангардъ.

Князю Мирскому [2]) наступать отъ Травны до Янины, двигаясь крайне осторожно въ виду того, что Сулейманъ переходитъ Балканы, при чемъ если въ составъ колонны не будетъ добавлено дивизіи, то ограничиться демонстраціей, дабы привлечь на себя Сулеймана, и не допустить его до Шипки. Если же будутъ положительныя свѣдѣнія, что изъ Сливны не идетъ непріятель, то двигаться къ Янинѣ.

Эти инструкціи были даны начальникамъ колоннъ до 20-го декабря. Въ ночь съ 20-го на 21-е декабря, генералъ Радецкій получилъ телеграмму отъ великаго князя, что генералу Делингсаузену приказано отправить 23-го декабря въ составъ 8-го корпуса, изъ Тырново въ Травну, 30-ю пѣхот. дивизію, въ составъ лѣвой обходной колонны. 23-го декабря, начальникъ штаба арміи телеграфируетъ генералу Радецкому, что начальнику 1-й кавалерійской дивизіи приказано имѣть три полка въ Сельви и ожидать приказанія генерала Радецкаго, куда, когда и сколько отправить, и что гренадерскій корпусъ 25-го декабря направляется на Габрово, въ 6-ть переходовъ по-эшелонно, въ каждомъ эшелонѣ по бригадѣ.

Распоряженія эти значительно улучшили положеніе генерала Радецкаго, и онъ измѣнилъ инструкціи, данныя начальникамъ обходныхъ колоннъ. Правой колоннѣ генерала Скобелева [3]) предписано начать наступленіе вечеромъ, 24-го декабря, и двигаться отъ Зеленаго Древа и Топлиша, черезъ Иметлійскій перевалъ къ д. Иметли, и далѣе къ д. Шипкѣ. По прибытіи въ Иметли устроиться и при благопріятныхъ обстоятельствахъ [4]), не дожидая прихода генерала Карцова, атаковать Шипку. При этомъ генералъ Радецкій увѣдомлялъ его, что лѣвая колонна князя Мирскаго можетъ начать свои дѣйствія не ранѣе 27-го декабря.

Князю Мирскому, того же 23-го числа, послано новое приказаніе: 24-го утромъ выступить изъ Травны. Первый переходъ сдѣлать до Крестца. Далѣе двигаться черезъ горы энергично. Если, по прибытіи въ Гузово, уже перейдя Балканы, станетъ извѣстно,

---

[1]) Предписаніе начальнику 16-й пѣх. дивизіи 19-го декабря 1877 года № 1019.

[2]) Предписаніе начальнику 9-й пѣх. дивизіи 19-го декабря 1877 года № 1020.

[3]) Предписаніе начальнику 16-пѣхот. дивизіи 23-го декабря 1877 г. № 1022.

[4]) То-есть если колонна князя Мирскаго успѣетъ перевалить Балканы одновременно съ нимъ.

что къ Шипкѣ идутъ турецкія подкрѣпленія, то цѣль отряда—не допустить ихъ соединиться съ арміей Веселя-Паши. Если же со стороны Сливны не будетъ непріятеля, то, въ случаѣ, если генералъ Скобелевъ будетъ атакованъ турками въ Иметли, или самъ атакуетъ — атаковать съ своей стороны правый флангъ турокъ. При этомъ князь Мирскій былъ поставленъ въ извѣстность, что 24-го числа въ Травну въ составъ его колонны прибудетъ 30-я пѣхотная дивизія.

Въ дополнительномъ приказаніи генерала Радецкаго князю Мирскому было сказано, что движеніе генерала Скобелева основано на разсчетѣ, что лѣвая колонна 26-го подойдетъ къ Гузову и 27-го будетъ въ состояніи поддержать атаку правой колонны. Такимъ образомъ, турецкій укрѣпленный лагерь внизу положено было атаковать 27-го числа, съ обоихъ фланговъ и тыла, при чемъ иниціатива предоставлена была генералу Скобелеву.

На Шипкинской позиціи, подъ своимъ личнымъ начальствомъ были оставлены генераломъ Радецкимъ: 14-я дивизія, Брянскій полкъ 9-й дивизіи, двѣ роты саперъ 2-го сапернаго баталіона и двѣ сотни пластуновъ 7-го пластунскаго баталіона.

Движеніе обходныхъ колоннъ началось согласно даннымъ приказаніямъ.

Обѣ колонны, при перевалѣ черезъ Балканы, испытали страшныя затрудненія, какъ оттого, что имъ пришлось двигаться по горнымъ тропинкамъ съ необыкновенными крутизнами, такъ и потому, что мятели, господствовавшія въ Балканахъ, покрыли горы глубокими пластами снѣга. Имъ приходилось двигаться по тропинкамъ, совершенно занесеннымъ снѣгомъ, который былъ въ одну сажень глубины; по всему пути нужно было прокладывать дорогу въ видѣ траншей, потому въ обѣихъ колоннахъ пришлось отказаться отъ перетаскиванія полевыхъ орудій черезъ перевалы и ограничиться одними горными. Въ особенности трудно пришлось колоннѣ князя Мирскаго, которому нужно было пройти по такому пути въ два раза болѣе, чѣмъ колоннѣ генерала Скобелева [1]).

Еще 20-го декабря, генералъ Радецкій телеграммою просилъ великаго князя прислать телеграфный паркъ въ Дряново и устроить тамъ станцію съ тѣмъ, чтобы связаться линіей съ отрядомъ князя Мирскаго. Самъ Радецкій рѣшилъ остаться при средней колоннѣ, на горѣ Св. Николая. Это былъ единственный пунктъ, съ котораго онъ

---

[1]) Отъ Травны до Дальняго Гузова считалось около 40 верстъ, отъ Топлиша до Иметли—около 20 верстъ.

Послѣ инструментальной съемки нашими топографами Болгаріи, оказалось въ дѣйствительности:

отъ Травны до Гузова..... 28 верстъ.
отъ Топлиша до Иметли .... 14¼ „

могъ хоть сколько-нибудь руководить дѣйствіями обходныхъ колоннъ, получая изъ правой колонны генерала Скобелева донесенія и все еще надѣясь, что его просьба и приказаніе великаго князя о проведеніи телеграфной линіи отъ Дряново въ колонну князя Мирскаго будутъ полевымъ штабомъ исполнены. Въ ясные дни съ горы Св. Николая должны были быть хорошо видны всѣ движенія въ долинѣ Тунджи обѣихъ обходныхъ колоннъ.

Теперь приступаю къ описанію движенія и дѣйствій обходныхъ колоннъ по донесеніямъ ихъ начальниковъ.

25-го числа правая колонна генерала Скобелева дошла до перевала. Отъ корпусной ставки на Шипкѣ хорошо было видно движеніе этой колонны. День былъ ясный. Нашъ главный врагъ, котораго боялись мы гораздо болѣе, чѣмъ непріятеля — мятели и вьюги въ горахъ — отсутствовалъ. Всѣ отсидѣвшіе на многострадальной Шипкѣ зиму хорошо понимали, что если измѣнится вѣтеръ и подымется мятель на подобіе тѣхъ, которыя были въ началѣ декабря, то движеніе остановится, и придется вернуться назадъ, если только будетъ это еще возможно.

Отъ князя Мирскаго получено было донесеніе, что его колонна 25-го подтягивается къ Сельцамъ, а авангардъ высланъ изъ Сельце на Гузовскій перевалъ. Опасеніе за колонну князя Мирскаго, что она къ вечеру 26-го числа опоздаетъ прибыть въ Гузово и не поддержитъ появленія 26-го въ долинѣ Тунджи колонны генерала Скобелева, послѣ этого донесенія перестало безпокоить.

До сихъ поръ все шло хорошо. Обѣ колонны по донесеніямъ перешли Балканы, въ долину Тунджи, одновременно, несмотря на то, что войскамъ колоннъ пришлось преодолѣть неимовѣрныя затрудненія. Одно было непріятно генералу Радецкому, что телеграфный паркъ, къ началу движенія обходныхъ колоннъ, въ Дряново не прибылъ. Генералъ Радецкій телеграфировалъ великому князю о томъ слѣдующее: «несмотря на всю переписку, доношу вашему высочеству, что телеграфной линіи, противъ ожиданія, не устроено отъ Дряново къ Травнѣ и далѣе, къ колоннѣ князя Мирскаго».

26-го числа утромъ генералъ Радецкій сообщалъ генералу Скобелеву: «что колонна князя Мирскаго головой своей достигла полпути отъ Сельце къ Гузову; разъѣзды его донесли, что по долинѣ Тунджи замѣчено большое движеніе обозовъ отъ Шипки къ Казанлыку. Ему предписано завтра, 27-го утромъ, идти на дер. Шипку и атаковать турокъ. Отряды генераловъ Брока и Дандевиля заняли 21-го Златицу, и Дандевиль, преслѣдуя турокъ, того же числа дошелъ до Лажени. Генералъ Карцевъ, достигнувъ Троянскаго перевала, нашелъ за переваломъ турокъ, сильно укрѣпившихся, и призналъ даль-

нѣйшее наступленіе съ фронта невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что къ непріятелю по слухамъ начали подходить подкрѣпленія отъ Колофера; Карцевъ, оставивъ на перевалѣ двѣ роты съ орудіемъ, отвелъ отрядъ къ Кулибѣ. Я сейчасъ же телеграфирую великому князю, настоятельно прося предписанія Карцеву идти впередъ и не дозволить туркамъ обратиться на васъ; вашему же превосходительству не дожидаться Карцева согласно прежняго предположенія, а занявъ Иметли, 27-го утромъ, идти на дер. Шипку и атаковать непріятеля».

26-го числа движеніе обѣихъ колоннъ продолжалось безъ особыхъ помѣхъ со стороны турокъ, кромѣ незначительныхъ боевъ съ небольшими частями и партіями непріятеля; болѣе серьезный бой былъ въ колоннѣ генерала Скобелева, и къ вечеру 26-го числа были заняты: колонной князя Мирскаго Гузово, куда успѣла сосредоточиться вся его колонна, а влѣво на востокъ занятъ былъ съ бою Маглишъ для прикрытія тыла его, на случай появленія съ этой стороны непріятеля. Въ колоннѣ генерала Скобелева вечеромъ занято съ бою Иметли.

26-го числа вечеромъ генералъ Радецкій получилъ донесеніе отъ генерала Скобелева, которое кончалось такъ: «Завтра 27-го въ полдень атакую Шипку съ тѣми силами, которыя могу собрать. Если бы Мирскій атаковалъ ранѣе, то во всякомъ случаѣ поддержку его всѣмъ, что будетъ подъ рукой».

Въ ночь съ 26-го на 27-е генералъ Скобелевъ донесъ, что 2-я бригада 16-й дивизіи спущена въ долину. За симъ онъ говоритъ: «туда же направляю всѣ прибывающія войска, при чемъ сдѣлаю распоряженіе объ укрѣпленіи позиціи впереди дебуше. Быть готовымъ къ атакѣ въ 12-ть часовъ дня завтра (27-го) со всѣми силами оказывается почти невозможнымъ, такъ какъ, по страшной трудности дороги, главныя силы до сихъ поръ еще не спустились. Сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы атаковать турокъ завтра (27-го) къ вечеру. Но во всякомъ случаѣ и въ которомъ часу бы ни было, если увижу атаку лѣвой колонны, поддержку ее какими бы силами я ни располагалъ. Во всякомъ случаѣ предупреждено ваше превосходительство, что если придется атаковать, то буду это дѣлать самымъ рѣшительнымъ образомъ, такъ какъ считаю отступленіе по той же дорогѣ, по которой наступалъ, если не невозможнымъ, то весьма и весьма затруднительнымъ». Приписка: «У Янины значительное число бивачныхъ огней, какъ кажется, болѣе чѣмъ на дивизію».

По полученіи этихъ донесеній, генералъ Радецкій послалъ приказа-

ніе князю Мирскому наступать рѣшительно на Шипку, при чемъ увѣдомилъ его, что генералъ Скобелевъ дебушируетъ успѣшно и поддержитъ его атаку. Генерала же Скобелева увѣдомляя о назначеніи въ его колонну трехъ полковъ 1-й кавалерійской дивизіи, которые должны выступить утромъ 27-го, прибавляетъ: что князь Мирскій съ разсвѣтомъ завтра двинется къ Хаскіою и будетъ около Шипки не ранѣе полудня. Разсчитывайте ваше движеніе такъ, чтобы князь Мирскій прибылъ къ Шипкѣ ранѣе васъ.

Вслѣдствіе этихъ донесеній генерала Скобелева, генералъ Радецкій не терялъ еще надежды, что если Скобелевъ будетъ двигаться энергично, то къ утру 27-го онъ все-таки успѣетъ притянуть, если не всю, то большую часть своей колонны, съ которой и вступитъ въ бой совмѣстно съ колонной князя Мирскаго. Если даже ему почему-либо и не удастся усилить бригаду, находящуюся въ с. Иметли, то онъ, заслышавъ выстрѣлы въ колоннѣ князя Мирскаго, во всякомъ случаѣ, поддержитъ его хотя бы этой бригадой. Къ утру 27-го, какъ бы медленно ни двигались его части, все-таки могли же прибыть хотя два-три баталіона на усиленіе бригады, занявшей Иметли еще 26-го числа. Такимъ образомъ инициатива передавалась князю Мирскому.

Въ колоннѣ генерала Радецкаго. Ожидая, 27-го, боя, генералъ Радецкій рано утромъ въ этотъ день направился на Николай, откуда въ ясные дни можно было видѣть движеніе и дѣйствіе обѣихъ обходныхъ колоннъ въ долинѣ, а день 27-го былъ ясный. Со стороны турокъ съ Шипкинской позиціи не было убавлено ни числа войска, ни числа орудій, повидимому, они или считали обходныя колонны незначительными и ожидали главной атаки со стороны нашей позиціи, или ожидали прибытія въ долину подкрѣпленій [1]).

Въ средней колоннѣ генерала Радецкаго, часовъ около 10-ти утра этого дня, послышались выстрѣлы въ обѣихъ колоннахъ, и съ Николая замѣчено было движеніе колонны князя Мирскаго къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ внизу. Около 12-ти часовъ, колонна эта развернулась и стала наступать съ боемъ на восточную сторону турецкаго укрѣпленнаго

[1]) Заявленіе генерала Скобелева о томъ, что 27-го и 28-го чиселъ было замѣтно движеніе турокъ съ горъ въ долину и ослабленіе позиціи на Лысой горѣ, было не справедливо, что и оказалось впослѣдствіи. Если бы оно даже и было получено генераломъ Радецкимъ своевременно, то онъ не далъ бы ему никакой вѣры, ибо съ нашихъ позицій доносили ему противное. Съ Николая, гдѣ была поставлена труба Мерца для наблюденій въ ясные дни за дѣйствіями обходныхъ колоннъ въ долинѣ, штабсъ-капитанъ Котельниковъ доносилъ, что по дорогѣ, идущей сзади батареи на Лысой горѣ, замѣтно движеніе одиночныхъ людей, небольшихъ группъ человѣкъ въ 20, и изрѣдка вьючныхъ лошадей. Но это было обыкновенное движеніе, наблюдавшееся во всѣ дни.

лагеря. Со стороны колонны генерала Скобелева, хотя и послышались, какъ сказано выше, около 10-ти часовъ, выстрѣлы почти одновременно съ колонной князя Мирскаго, но скоро они смолкли, и приближенія его колонны не замѣчалось. Поздно вечеромъ 27-го, пріѣхалъ отъ генерала Скобелева ординарецъ хорунжій Дукмасовъ съ донесеніемъ генерала Скобелева: «сегодня часа въ два по полудни, ввѣренный мнѣ отрядъ дебушировалъ почти цѣликомъ. Не атаковалъ рѣшительно турокъ только потому, что ждалъ появленія въ долинѣ колонны князя Мирскаго. Ночую въ долинѣ Тунджи на занятой сегодня позиціи. Завтра утромъ намѣренъ атаковать Шейново, но желалъ бы какихъ-нибудь указаній отъ вашего превосходительства».

Донесеніе это совершенно было непонятно генералу Радецкому. Какъ могъ не знать генералъ Скобелевъ, что князь Мирскій уже перевалилъ горы и началъ наступленіе. Если даже онъ и не успѣлъ получить посланнаго ему о томъ, утромъ 26-го, сообщенія, то въ такой ясный день, какимъ было 27-е число, наступленіе колонны князя Мирскаго должно было быть такъ же ясно видно съ горъ, занимаемыхъ правой колонной, какъ и съ Николая. Впослѣдствіи, самъ генералъ Скобелевъ подтвердилъ, что объ этомъ движеніи ему доносилъ съ горъ князь Вяземскій. Да и выстрѣлы князя Мирскаго должны были быть ему слышны, ибо выстрѣлы правой колонны, раздавшіеся утромъ одновременно съ лѣвой колонной, были слышны и на Николаѣ и въ лѣвой колоннѣ князя Мирскаго. Какихъ еще нужно ему было указаній отъ генерала Радецкаго, который находился въ 20-ти верстахъ отъ мѣста его дѣйствій, кромѣ исполненія его приказанія атаковать съ юга Шипку? Вѣдь генералъ Скобелевъ хорошо зналъ, что расположеніе турокъ въ долинѣ извѣстно генералу Радецкому лишь изъ показаній болгаръ и плѣнныхъ. Что за причина такой непонятной съ его стороны нерѣшительности?

Передъ началомъ наступленія, генералъ Скобелевъ держался мнѣнія и говорилъ всегда о необходимости самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій и боялся лишь одного, чтобы не очутиться одному въ долинѣ Тунджи. Приходилось генералу Радецкому даже сдерживать его пылъ, совѣтуя не пренебрегать осторожностью и потому разсчитать свое движеніе черезъ горы, чтобы прибыть въ Иметли не ранѣе 26-го числа. Теперь же онъ знаетъ, что князь Мирскій перевалилъ уже черезъ горы и прикрываетъ слѣдовательно его колонну съ лѣвой стороны. Съ правой у него генералъ Карцевъ и отряды Дандевиля и Брока, уже перевалившіе горы, кого же онъ боится, откуда ждетъ нападенія? Все это сильно волновало генерала Радецкаго.

Въ ночь съ 27-го на 28-е было послано генералу Скобелеву послѣднее приказаніе слѣдующаго содержанія:

«Колонна князя Мирскаго въ настоящее время стоитъ съ восточной стороны дер. Шипки. Вчера было видно, что имъ былъ взятъ одинъ редутъ и нѣсколько укрѣпленій. Къ сегодняшнему дню онъ, по всей вѣроятности, успѣлъ подтянуть весь свой отрядъ и съ утра начнетъ атаку. Вашему превосходительству казалось бы лучше, по занятіи Шейново, атаковать Шипку съ южной стороны, стараясь войти въ связь съ княземъ Мирскимъ. По занятіи Шипки будетъ спущена бригада 14-й дивизіи съ Николая»; т. е. слово въ слово то, что было рѣшено еще передъ началомъ движенія за Балканы на совѣтѣ у генерала Радецкаго.

Генералу Дохтурову, прибывшему 26-го вечеромъ въ Габрово, съ тремя полками 1-й кавалерійской дивизіи, было послано еще съ вечера приказаніе, утромъ 27-го, изъ Габрово перейти въ Топлишъ, гдѣ сдѣлать привалъ, и затѣмъ двигаться далѣе слѣдомъ за колонною генерала Скобелева, въ распоряженіе котораго дивизія поступаетъ. Но отъ генерала Дохтурова, утромъ 27-го, получена была записка съ вопросомъ: по какой дорогѣ ему слѣдовать? Начальникъ штаба генерала Скобелева подполковникъ Куропаткинъ совѣтуетъ идти по Шипкинскому шоссе, ибо въ бой дивизія опоздаетъ. Послано было генералу Дохтурову вторичное приказаніе слѣдовать, какъ было раньше приказано, черезъ Иметлійскій перевалъ. Пока шла эта переписка, дивизія начала движеніе на перевалъ значительно позже [1]).

---

[1]) Генералъ Куропаткинъ въ своей статьѣ „Переходъ черезъ Балканы отряда генерала Скобелева“, напечатанной въ „Военномъ Сборникѣ“ 1889 г., объясняетъ это недоразумѣніе такъ: „Я помню, что меня посѣтилъ въ Топлишѣ офицеръ генеральнаго штаба, состоящій при 1-й кавалерійской дивизіи капитанъ Андріановъ, естественно интересовавшійся какъ дорогою, такъ и тѣмъ, что происходило въ отрядѣ. Относительно дороги я ему далъ точныя указанія на трудности ея; но достаточно было знать, что большая часть отряда уже за Балканами, для вывода, что эти трудности преодолимы. Весьма вѣроятно, что полки дивизіи опоздаютъ, ибо разсчитывалъ, что рѣшительный бой произойдетъ 27-го декабря. Но никакой мой совѣтъ или заявленіе не могли и не должны были дать поводъ отступать отъ формальнаго и вполнѣ опредѣленнаго предписанія командира 8-го корпуса. Такая неправильная остановка въ Топлишѣ, въ теченіе шести часовъ, лишила полки Драгунскій и Уланскій возможности принять, не сомнѣваемся въ томъ, славное участіе въ бою подъ Шейновомъ. Прибавлю, что вообще на войнѣ, мнѣнія и совѣты раненыхъ людей не должны приниматься къ исполненію, какой бы постъ раненые ни занимали. Сильно страдающіе люди склонны на все смотрѣть съ мрачной точки зрѣнія, склонны къ нерѣшительности, а значитъ и къ совѣтамъ стоять на мѣстѣ и даже идти назадъ, а не впередъ“.

Въ ночь съ 27-го на 28-е число, получено было донесеніе отъ князя Мирскаго: что онъ цѣлый день дрался съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, что его войска понесли большія потери, въ частяхъ осталось мало патроновъ и что положеніе его отряда въ 100 шагахъ отъ непріятеля крайне затруднительно.

Въ лѣвой колоннѣ князя Мирскаго. 27-го съ утра эта колонна, согласно полученнаго приказанія генерала Радецкаго, начала наступленіе. Съ началомъ наступленія послышались выстрѣлы и въ сторонѣ колонны генерала Скобелева, по мѣрѣ того какъ разгорался бой, выстрѣлы со стороны колонны генерала Скобелева начали утихать и вскорѣ совсѣмъ замолкли. Получивъ нѣсколько разъ приказаніе атаковать Шипку непремѣнно 27-го числа, князь Мирскій не призналъ возможнымъ останавливать уже начавшійся бой, и наступленіе продолжалось безостановочно. Послѣдовательно заняты были съ боемъ Янина и Хаскіой. По занятіи послѣдняго, тотчасъ было выслано двѣ сотни казаковъ, которымъ предписано было войти въ связь съ колонной генерала Скобелева.

Между Хаскіоемъ и Шипкой начинается рядъ укрѣпленныхъ кургановъ, составляющихъ восточную часть укрѣпленнаго лагеря, доступы къ которымъ идутъ совершенно по открытой мѣстности, подверженной самому губительному огню. Войска лѣвой колонны энергично наступали и къ вечеру взяли пять сильно укрѣпленныхъ кургановъ, кромѣ нѣсколькихъ меньшихъ, а отдѣльные охотники Сѣвскаго полка проникли даже въ ближайшія развалины д. Шипки. Со стороны Иметли, т. е. колонны генерала Скобелева, во весь день боя, не слышно было ни одного выстрѣла, и не получено было никакихъ извѣстій. Когда наступила темнота, и бой прекратился, князь Мирскій рѣшился ночевать на занятыхъ позиціяхъ и приказалъ войскамъ окопаться. Незадолго до наступленія темноты, было получено отъ генерала Шнитникова донесеніе, что гор. Казанлыкъ въ тылу турокъ занятъ безъ боя. Между тѣмъ вечеромъ, плѣнные турки заявляли, что ожидается прибытіе къ Шипкѣ изъ Ени-Загры въ подкрѣпленіе 18 таборовъ. Несмотря на такое неопредѣленное и даже опасное положеніе его отряда, какъ доносилъ князь Мирскій, онъ рѣшился во всякомъ случаѣ оставаться на взятыхъ имъ позиціяхъ во что бы то ни стало, въ надеждѣ, что дѣло все-таки должно скоро выясниться.

27-е число въ колоннѣ генерала Скобелева. Вечеромъ 26-го числа, въ Иметли, у генерала Скобелева, по его донесенію, находились: 2-я бригада 16-й дивизіи съ горной батареей и двѣ роты саперъ.

Въ 11 часовъ 27-го числа, какъ пишетъ генералъ Скобелевъ, онъ получилъ донесеніе отъ флигель-адъютанта полковника князя Вяземскаго, оставленнаго имъ на горахъ съ четырьмя дружинами Болгар-

скаго ополченія, что замѣтны колонны князя Мирскаго, спускающіяся въ долину восточнѣе Шипки [1]); но этому донесенію генералъ Скобелевъ почему-то не повѣрилъ, хотя былъ предувѣдомленъ генераломъ Радецкимъ, что князь Мирскій уже въ долинѣ и можетъ начать наступленіе 27-го, и самъ приписалъ въ своемъ послѣднемъ донесеніи, отъ 26-го числа, что у Янины видно значительное число бивачныхъ огней. Онъ полагалъ, по его словамъ, что это могла быть также и армія Сулеймана, по слухамъ идущая изъ Сливны. Это ни на чемъ не основанное предположеніе, а также возможность появленія непріятеля и съ запада, вынудило его дѣйствовать, какъ онъ пишетъ, крайне осмотрительно, т. е. по-просту не исполнить своего обѣщанія, посланнаго еще наканунѣ генералу Радецкому, поддержать князя Мирскаго всѣмъ, что будетъ у него подъ рукою.

Вся помощь, которую генералъ Скобелевъ оказалъ колоннѣ князя Мирскаго 27-го числа, заключалась: 1) въ приказаніи открыть стрѣльбу изъ горныхъ орудій противъ появившейся непріятельской кавалеріи; 2) чтобы дать непріятелю преувеличенныя понятія о силахъ правой колонны, войскамъ приказано было стать шире, разложить костры и отойти на свой бивакъ тогда только, когда стемнѣетъ и 3) при зарѣ, изъ всѣхъ горныхъ орудій сдѣлать залпъ по Шейнову, чтобы князю Мирскому дать убѣжденіе о присутствіи правой колонны въ долинѣ [2]). Такая скромная поддержка, какъ всякій согласится, не много помогла лѣвой колоннѣ. Соображенія генерала Скобелева, на основаніи которыхъ онъ 27-го не счелъ возможнымъ оказать поддержку колоннѣ князя Мирскаго и исполнить приказанія и обѣщанія, данныя имъ еще наканунѣ, помѣщенныя въ его рапортѣ отъ 3-го января 1878 г., были слѣдующія: 1) вслѣдствіе поздняго времени. Это совершенно непонятно. Еще съ вечера 26-го у него была цѣлая бригада; 2) въ виду необходимости укрѣпиться на занятой позиціи и наконецъ 3) которое онъ считалъ, какъ кажется, главной причиной: необходимость сосредоточить всѣ силы, чтобы исполнить личное приказаніе генерала Радецкаго— не начинать боя, не собравъ всей колонны. Послѣдняя причина требуетъ объясненія. Дѣйствительно, такое приказаніе было дано генераломъ Радецкимъ на тотъ случай, если бы колонна князя Мирскаго не успѣла къ 26-му вечера перевалить Балканы, и генералъ Скобелевъ очутился бы одинъ въ долинѣ. Въ этомъ случаѣ дѣйствительно генера-

---

[1]) Рапортъ генерала Скобелева генералу Радецкому отъ 3-го января 1878 года.

[2]) Слѣдовательно, онъ зналъ, что князь Мирскій уже въ долинѣ. Это противорѣчитъ его донесенію генералу Радецкому отъ того же числа, что онъ не атаковалъ турокъ потому, что ожидалъ появленія колонны князя Мирскаго въ долинѣ.

ломъ Радецкимъ было приказано не начинать наступленія, пока онъ не соберетъ всѣхъ своихъ силъ въ долинѣ. Но ни въ какомъ случаѣ генералъ Радецкій не отдавалъ, да и не могъ отдать такого приказанія, какъ всякій то пойметъ, чтобы оставить безъ всякой поддержки лѣвую колонну, весь день 27-го, только на томъ основаніи, что не всѣ еще баталіоны спустились къ Иметли и, находясь всего въ 4-хъ верстахъ отъ того укрѣпленнаго лагеря, на который въ это время ведетъ атаку лѣвая колонна.

Бой 28-го числа въ средней колоннѣ генерала Радецкаго. Въ 6-мъ часу утра, когда еще было темно, генералъ Радецкій прибылъ на Николай. Тамъ около 5-ти часовъ утра, внизу въ сторонѣ колонны князя Мирскаго показались огни. Хотя за вѣтромъ выстрѣловъ и не было слышно, но, по отблеску огня отъ выстрѣловъ, можно было заключить, что князь Мирскій атакованъ турками, и у него идетъ горячій бой. Съ Николая въ этотъ день ничего не было видно. Горы покрылись густымъ туманомъ, густая пелена тумана закрыла и долину, и въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно. Что дѣлается внизу въ колоннѣ князя Мирскаго, послѣ послѣдняго его донесенія, не извѣстно. Не извѣстно также, успѣлъ ли передать своевременно хорунжій Дукмасовъ приказаніе генералу Скобелеву, чтобы тотъ начиналъ атаку 28-го раннимъ утромъ [1]), а если не успѣлъ, то атакуетъ ли генералъ Скобелевъ, какъ доносилъ, утромъ 28-го, или будетъ продолжать дѣйствовать также медленно осторожно, какъ дѣйствовалъ до сихъ поръ. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ, генералу Радецкому приходилось принять какое-либо рѣшеніе. Онъ въ 12 часовъ дня энергично атаковалъ въ лобъ ближайшія непріятельскія траншеи и батареи, выстроенныя противъ Николая сѣвернѣе д. Шипки, чтобы этой атакой оттянуть на себя непріятельскія силы и хоть сколько-нибудь облегчить положеніе князя Мирскаго внизу, а также и атаку генералу Скобелеву, если она послѣдуетъ. Назначеніе начала атаки въ 12 часовъ по полудни было въ томъ вниманіи, что если, какъ доносилъ генералъ Скобелевъ, онъ начнетъ атаку около 8 час. утра и поведетъ ее энергично, со свѣжими еще своими силами, то онъ къ 12 часамъ долженъ быть уже близко д. Шипки, такъ какъ отъ Иметли до Шейново около 4-хъ верстъ, а отъ Шейново до д. Шипки около 3-хъ, всего слѣдовательно 7 верстъ. Что турки, атакованные съ трехъ сторонъ: съ восточной княземъ Мирскимъ, съ сѣверной—генераломъ Радецкимъ и съ западной—свѣжими войсками генерала Скобелева, не смогутъ оказать упорнаго сопротивленія.

Въ 11-мъ часу генералъ Радецкій потребовалъ къ себѣ командира

---

[1]) Не успѣлъ. Онъ возвратился къ Скобелеву около 11-ти часовъ утра.

Подольскаго полка Духонина, который долженъ былъ повести главную атаку, показалъ ему послѣднюю депешу князя Мирскаго и сказалъ, что настало время выручать товарищей, и приказалъ ему, съ своимъ полкомъ, атаковать ближайшія непріятельскія укрѣпленія противъ Николая, сѣвернѣе дер. Шипки, въ 12-ть часовъ дня.

Отдавъ это приказаніе полковнику Духонину, онъ лично прибылъ къ 12 часамъ со своимъ штабомъ къ спуску съ горы Николая и тотчасъ приказалъ сапёрамъ разобрать стѣнку, которая заграждала съ южной стороны входъ на Николай, и пропустивъ мимо себя подольскія роты, спускающіяся внизъ для атаки непріятельскихъ укрѣпленій, оставался у этого спуска во все время штурма [1]). При немъ находился также и начальникъ 14-й дивизіи генералъ-лейтенантъ Петрушевскій со своимъ штабомъ. Главная атака возможна была только по шоссе, которое допускало движеніе фронтомъ, лишь въ три—четыре ряда.

Мертвая тишина, въ теченіе четверти часа отъ начала движенія подольцевъ, нарушена была громкимъ крикомъ «ура» передовыхъ ротъ, овладѣвшихъ первой траншеей. За густымъ туманомъ, турки увидѣли подольцевъ, когда они были лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ траншей. Вслѣдъ за крикомъ подольцевъ «ура», открылся жестокій огонь съ обѣихъ сторонъ какъ ружейный, такъ и артиллерійскій, и такъ какъ за густымъ туманомъ съ непріятельскихъ батарей атакующихъ видно не было, то турки весь огонь свой направили на Николай и вдоль шоссе, по которому двигались подольцы. Послѣ первыхъ, взяты были вторыя траншеи, но уже съ огромными потерями, а при атакѣ третьихъ траншей, куда добѣжали уцѣлѣвшія, большая часть ихъ товарищей устлали своими тѣлами ровъ. Потребовались подкрѣпленія, — и со свѣжими войсками можно было лишь удержаться въ занятыхъ траншеяхъ, но идти далѣе подъ жестокимъ перекрестнымъ огнемъ, какъ ружейнымъ, такъ и артиллерійскимъ, не представлялось никакой возможности. Туманъ сталъ еще гуще, и не было также никакой возможности сколько-нибудь оріентироваться. Назначенныя для обхода, двѣ другія штурмовыя колонны, съ жолоба и съ западной стороны скалъ, выходили на то же шоссе и подвергались тому же жестокому перекрестному огню. Подольцы начали отходить къ Николаю. Генералъ Радецкій, замѣтивъ отступленіе подоль-

[1]) Обвиненіе, что эта атака не была подготовлена предварительно ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, не имѣетъ никакого основанія. Въ этотъ день за густымъ туманомъ ничего нельзя было видѣть дальше 20—30 шаговъ, а потому всякая стрѣльба, по невидимой цѣли, не принесла бы никакой пользы. Напротивъ, если и можно упрекнуть чѣмъ подольцевъ, то въ томъ, что они при такомъ густомъ туманѣ рано крикнули „ура“, а не старались захватить траншеи, пользуясь туманомъ съ налета неожиданно, не предваряя непріятеля крикомъ „ура“.

скихъ ротъ, немедленно послалъ меня къ генералу Мольскому, оборонявшему нашу позицію на Волынской горкѣ и батареяхъ Круглой и Центральной, приказавъ, переговоря съ нимъ, взять у него все, что будетъ возможно, и отправить на Николай. Генералъ Мольскій нашелъ возможнымъ отдать два баталіона Волынскаго полка, которые немедленно и были направлены на Николай. Возвратившись на Николай, я засталъ атаки съ нашей стороны уже прекращенными, а генерала Радецкаго въ комендантскомъ баракѣ, что у Стальной батареи.

Въ 4-мъ часу стрѣльба со стороны непріятеля стала стихать, а затѣмъ и совершенно прекратилась. Только-что была составлена и послана великому князю телеграмма о боѣ 28-го числа, какъ прибылъ изъ колонны генерала Скобелева генералъ Столѣтовъ, а съ нимъ и тотъ паша, котораго только-что мы атаковали съ Николая, съ извѣстіемъ, что армія турокъ кладетъ оружіе, и что Весель-Паша, командовавшій турецкою арміею на Шипкѣ, послалъ приказаніе о сдачѣ и тѣмъ войскамъ, которыя занимали горы противъ нашей позиціи. Сдалось всего 41 таборъ, изъ нихъ 22 на горахъ, бывшихъ противъ генерала Радецкаго, а 19 таборовъ, сражавшихся внизу противъ обходныхъ колоннъ князя Мирскаго и генерала Скобелева, положили оружіе въ долинѣ; взято 103 орудія, въ томъ числѣ 18-ть мортиръ. Посланную телеграмму успѣли вернуть, и генералъ Радецкій послалъ другую съ донесеніемъ, что турецкая армія положила оружіе, и что онъ вмѣстѣ съ посылкою телеграммы командируетъ, для личнаго доклада великому князю о боѣ 27-го и 28-го числа, своего начальника штаба.

Въ лѣвой колоннѣ князя Мирскаго. Всю ночь съ 27-го на 28-е число, продолжалась небольшая ружейная перестрѣлка, такъ какъ позиціи обѣихъ сторонъ были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весьма близки другъ отъ друга. Съ разсвѣтомъ, огонь началъ все болѣе усиливаться и принялъ скоро ожесточенный характеръ. Въ девятомъ часу, турки перешли, было въ наступленіе, особенно противъ нашего праваго фланга, но были отбиты съ большимъ для себя уономъ. Послѣ того перестрѣлка на нѣкоторое время ослабѣла, и начало обнаруживаться, что турки усиливаютъ свой правый флангъ. Дѣйствительно, вскорѣ они перешли въ наступленіе противъ нашего лѣваго фланга и центра, но были отбиты, и войска наши, преслѣдуя ихъ, выбили непріятеля изъ лѣса, на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи, а на правомъ нашемъ флангѣ мы овладѣли д. Шипкой и шоссейнымъ спускомъ изъ Шипки къ Казанлыку, отрѣзавъ такимъ образомъ ихъ отъ войскъ, занимающихъ горы. Во время этой атаки, занятъ былъ съ боя редутъ съ двумя орудіями, расположенный противъ нашего лѣваго фланга, такъ что незанятыя еще нами турецкія укрѣпленія, на восточной сторонѣ укрѣпленнаго лагеря, фланкировались съ обоихъ фланговъ. Около 10 часовъ, у турокъ

оставалось въ обладаніи нѣсколько небольшихъ кургановъ, большой редутъ, задній редюитъ и лагерь.

Около 12-ти часовъ, раздалось общее «ура» со стороны Иметли, и послышались звуки музыки, и завязался ружейный и затѣмъ артиллерійскій огонь. Съ перваго часа и до двухъ, продолжался сильный какъ ружейный, такъ и артиллерійскій огонь, и разстрѣливаніе турокъ, скученныхъ на небольшомъ пространствѣ, приняло самый ожесточенный характеръ. Наконецъ, въ 3-мъ часу, съ двухъ сторонъ ринулись обѣ обходныя колонны на укрѣпленный непріятельскій лагерь, и турки, атакованные съ трехъ сторонъ, немедленно выкинули бѣлый флагъ.

Въ это же время, т. е. въ 1-мъ часу, какъ сказано выше, атаковалъ съ горы Николая и генералъ Радецкій укрѣпленія, прикрывающія съ сѣвера д. Шипку противъ горы Св. Николая, и если ими овладѣть не могъ, по ихъ неприступности, за то несомнѣнно оттянулъ на себя большую половину турецкой арміи; что и подтвердилось, ибо въ долинѣ въ укрѣпленномъ лагерѣ сдалось 19 таборовъ, дѣйствовавшихъ противъ обходныхъ колоннъ, а 22 на горахъ, стоявшихъ противъ генерала Радецкаго [1]). (Изъ нихъ, сколько помнится, 12 таборовъ на Лысой горѣ, а 10 таборовъ—на восточномъ фронтѣ у девятиглазой батареи).

---

[1]) Привожу то, что пишетъ полковникъ Соболевъ, состоявшій во время боя 28-го числа при князѣ Мирскомъ, о томъ впечатлѣніи на войска лѣвой колонны, которое произвела атака генерала Радецкаго. („Русская Старина“ за 1889 г. Май: Послѣдній бой за Шипку г.-м. Соболева).

„Началась атака Шейновскаго лагеря со стороны обѣихъ обходныхъ колоннъ. На Николаѣ было спокойно. Сражавшіеся внизу по временамъ поглядывали на вершины Балкановъ. Но туманъ, сгустившійся съ утра, мѣшалъ наблюденію. Въ началѣ перваго часа, когда внизу кипѣлъ страшный бой, на перевалѣ послышались частые ружейные залпы, а за симъ открытъ былъ огонь изъ 200 орудій. Это была такая минута, которую трудно описать. Никто, ни одинъ человѣкъ, участвовавшій въ обходныхъ колоннахъ, не зналъ, что генералъ Радецкій рѣшится атаковать турокъ въ лобъ. Атака эта считалась просто немыслимою. Глядя на Балканскія выси, покрытыя густымъ туманомъ, въ нашемъ воображеніи рисовались самыя страшныя, сверхъестественныя картины. „Что это тамъ? Господи! взгляните... Это адъ, настоящій адъ. Это Радецкій атакуетъ. Ну, рѣзня!“ Такія восклицанія слышались со всѣхъ сторонъ. Многіе крестились. Возбужденіе было всеобщее. Что-то тамъ на Николаѣ, думалось, а самимъ было дѣла по горло. Идя въ атаку, мы то и дѣло, что взглядывали наверхъ. Очевидно было, что тамъ настоящій адъ кипитъ, но тамъ, тамъ неизвѣстность, тамъ глубокая тайна, которую мы не въ силахъ были разгадать. Залпы десятковъ тысячъ ружей, издававшихъ какой-то отрывистый звукъ, сухой звукъ и гулъ сотенъ орудій—все это сливалось во что-то страшное, загадочное.... Временами намъ слышенъ былъ въ горахъ чрезвычайный шумъ, точно буря тамъ гудѣла и среди бури раздавались точно крики людей и бряцанье ихъ оружія“.

28-е число въ правой колоннѣ генерала Скобелева. Къ утру 28-го числа, въ распоряженіи генерала Скобелева, по его донесенію, имѣлись для наступленія слѣдующія части: три полка 16-й дивизіи, пять болгарскихъ дружинъ, два стрѣлковыхъ баталіона, горная батарея, одинъ драгунскій полкъ, два казачьихъ полка 1-й и 9-й, Уральская казачья сотня и команда болгарскихъ конниковъ, а къ 2 часамъ, онъ надѣялся, по его словамъ, что подойдутъ и послѣдніе полки Суздальскій 16-й дивизіи и Уланскій 1-й кавалерійской дивизіи.

Въ $5^1/_2$ часовъ утра 28-го послышалась сильная ружейная перестрѣлка на лѣвомъ флангѣ передоваго отряда правой колонны. Пріѣхавъ на выстрѣлы, генералъ Скобелевъ убѣдился, что это стрѣльба въ колоннѣ князя Мирскаго, но это его лишь успокоило, нисколько, по его мнѣнію, не обязавъ о немедленной поддержкѣ лѣвой колонны. Въ 8 часовъ утра, слѣдовательно, черезъ три часа, далъ онъ только приказаніе своему начальнику штаба о сборѣ своихъ войскъ.

Въ 10 часовъ сталъ строить боевой порядокъ. До 11-ти часовъ велась съ его стороны лишь перестрѣлка, и только тогда, когда въ 12-мъ часу на лѣвомъ флангѣ его боевой линіи крикнули «ура», живо распространившееся, по донесенію его, по всей боевой линіи, онъ рѣшился наконецъ перейти въ энергичное наступленіе. Какъ только турки увидѣли рѣшительное наступленіе со стороны отряда генерала Скобелева и себя окруженными со всѣхъ сторонъ, весьма скоро выкинули бѣлый флагъ и сдались.

Изъ этого описанія дѣйствій правой колонны 27-го и 28-го числа, по донесенію самого же Скобелева, видно, что генералъ Радецкій имѣлъ полное право быть недовольнымъ дѣйствіями этого генерала за эти дни.

Генералъ Радецкій обвинялъ его въ слѣдующемъ:

1) Въ томъ, что онъ двигался противъ всякаго ожиданія слишкомъ медленно, почему и не успѣлъ, подобно князю Мирскому, собрать къ назначенному времени своей колонны, хотя ему и предстоялъ путь въ два раза короче. Увѣреніе, что путь черезъ Иметлійскій перевалъ представлялъ больше трудности, чѣмъ Сельчинскій, едва-ли справедливо. Путь для обѣихъ колоннъ былъ одинаково труденъ, но для колонны князя Мирскаго онъ былъ вдвое длиннѣе. Но въ правой колоннѣ слишкомъ долго возились съ своими 6-ю орудіями на саняхъ. Ихъ разрѣшено было взять въ обходныя колонны лишь въ томъ случаѣ, если они не будутъ задерживать движенія, въ противномъ случаѣ ихъ немедленно оставить и продолжать путь съ одними горными. Такъ князь Мирскій и сдѣлалъ. Между тѣмъ въ правой колоннѣ съ ними возились, чуть-ли не двое сутокъ и, въ помощь имъ, данъ былъ цѣлый полкъ. Генералъ Скобелевъ долженъ же былъ сознавать, что главная наша сила была въ единовременномъ появленіи за Балканами обѣихъ колоннъ, а не въ

шести орудіяхъ. Кромѣ того, у генерала Скобелева былъ хуже составленъ разсчетъ движенія, чѣмъ у князя Мирскаго. Въ правой колоннѣ, нѣсколько разъ, однѣ части обгоняли на походѣ другихъ, что, разумѣется, очень замедляло движеніе, а этого легко можно было избѣгнуть. Двигайся генералъ Скобелевъ энергично, ему не пришлось бы быть задержаннымъ 14-ть часовъ передъ Иметли, и онъ легко могъ занять ее и сосредоточить всю свою колонну еще утромъ 26-го числа. Турки занимали Иметли лишь слабыми частями и не поддерживали эти части изъ Шейнова. Близость турокъ со стороны Лысой горы не должна была особенно безпокоить его. Съ этой стороны, противъ боковаго отряда, нельзя было ожидать, по непроходимости снѣговъ, сколько-нибудь серьезнаго наступленія, все должно было ограничиться лишь стрѣльбою изъ орудій съ дальняго разстоянія, что и подтвердилось на дѣлѣ. Головной полкъ 1-й кавалерійской дивизіи, двигаясь безъ большихъ остановокъ, прошелъ разстояніе отъ Топлиша до Иметли въ 9 часовъ времени, а движеніе кавалеріи, по такой дорогѣ, какъ Иметлійскій перевалъ, въ зимніе мѣсяцы, не могло быть много быстрѣе, чѣмъ движеніе пѣхоты. Ей пришлось довольно большую часть пути пройти пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу и обгоняя во все время своего движенія пѣхоту, что задерживало ее еще болѣе, а потому, если ей удалось, при этихъ условіяхъ, прибыть изъ Топлиша въ Иметли черезъ 9-ть часовъ, то пѣхота, безъ всякаго особеннаго труда, могла бы пройти это разстояніе въ 18, а тѣмъ болѣе въ 24 часа. 30-я пѣхотная дивизія выступила изъ Травны 25-го числа утромъ и успѣла пройти разстояніе по такой же дорогѣ, вдвое длиннѣе, чѣмъ правая колонна, и къ вечеру 26-го числа подошла къ Маглишу и заняла его съ бою противъ непріятеля, численность котораго была не меньше, чѣмъ тѣ части, которыя были противъ генерала Скобелева, при занятіи имъ Иметли. Отрядъ генерала Шнитникова могъ также ожидать турокъ со стороны близъ лежащаго Хаинкіоя, гдѣ стоялъ небольшой ихъ отрядъ, противъ Хаинкіойскаго прохода, и куда отступили $3^1/_2$ табора, оборонявшіе Маглишъ, противъ отряда генерала Шнитникова. Вообще колонна князя Мирскаго подвергалась большей опасности, при переходѣ Балкановъ, чѣмъ колонна генерала Скобелева, ибо первая могла легко быть атакована со стороны Сливны частями арміи Сулеймана, переходившими, по слухамъ, въ то же время черезъ Балканы изъ Болгаріи въ Румелію. Въ долинѣ Тунджи снѣгъ не препятствовалъ движенію войскъ.

2) Въ томъ, что онъ не поддержалъ князя Мирскаго 27-го числа, несмотря на его обѣщаніе, присланное генералу Радецкому еще наканунѣ, хотя тою бригадою съ горною батареею, которая находилась уже съ вечера 26-го въ Иметли, а 28-го, услышавъ лично еще въ $5^1/_2$ часовъ утра, что у князя Мирскаго идетъ жаркій бой, началъ насту-

пленіе съ своей стороны лишь въ 11 часовъ утра, слѣдовательно, только черезъ 6-ть часовъ, когда находился отъ Шейнова всего въ 4-хъ верстахъ. Вообще всѣ его дѣйствія 27-го и 28-го числа шли въ разрѣзъ какъ съ его донесеніями отъ 26-го и 27-го числа, такъ и приказаніями генерала Радецкаго [1]).

3) Хотя все, что̀ говоритъ генералъ Скобелевъ въ своемъ рапортѣ о настойчивомъ подтвержденіи генерала Радецкаго объ атакѣ д. Шипки, вѣрно, ибо д. Шипка [2]) была назначена конечнымъ пунктомъ атаки для обѣихъ колоннъ, но онъ умалчиваетъ только при этомъ, что атаку Шипки ему предложено было еще на совѣщаніи у генерала Радецкаго произвести черезъ Шейново, когда даже еще не было извѣстно, что Шейново укрѣплено и что оно входитъ въ юго-западный уголъ укрѣпленнаго лагеря [3]). Указывалъ генералъ Радецкій слѣдовать черезъ Шейново потому, что при этомъ генералу Скобелеву будетъ легче войти въ связь съ лѣвымъ флангомъ князя Мирскаго. Также и этому послѣднему предлагалось, чтобы легче войти въ связь съ правымъ флангомъ генерала Скобелева, слѣдовать къ Шипкѣ черезъ Гаскіой, что̀ княземъ Мирскимъ и было исполнено. Слѣдовательно, выбирать, что̀ ему выгоднѣе: атаковать Шейново или Шипку, не приходилось. Въ настоящемъ же случаѣ, когда Шейново оказалось укрѣпленнымъ, то атаковать Шипку, оставляя въ сторонѣ Шейново, было немыслимо, ибо Шейново отъ д. Шипки всего въ 3-хъ верстахъ, а потому атакующій подвергался бы не только фронтальному, но еще болѣе дѣйствительному и губительному фланговому огню съ обоихъ флангов: съ одной стороны изъ Шейново, съ другой—съ горъ, со стороны непріятеля, расположеннаго противъ

---

[1]) Описаніе генерала Скобелева, о которомъ говоритъ генералъ Куропаткинъ въ своемъ описаніи: „Переходъ правой колонны черезъ Балканы“,—когда онъ рѣшилъ не поддерживать 27-го атаки князя Мирскаго,—что лѣвая колонна можетъ одна взять Шейновскій лагерь безъ его участія, было весьма основательно; не 27-го, а 28-го, числа князь Мирскій, дѣйствительно, могъ это сдѣлать, не отмѣни онъ своего первоначальнаго приказанія, притянуть къ себѣ всю 30-ю дивизію, и атакуй энергично Шейновскій лагерь, съ восточной стороны, въ то время, когда онъ услышалъ, что въ горахъ идетъ атака генерала Радецкаго. Турки, энергично атакованные съ сѣвера и востока и видя приближеніе новой еще колонны генерала Скобелева съ запада, весьма вѣроятно, рѣшились бы выкинуть бѣлый флагъ раньше, чѣмъ принялъ бы въ бою участіе генералъ Скобелевъ. Только излишняя осторожность князя Мирскаго, который измѣнилъ свое первоначальное приказаніе, направивъ генерала Шнитникова къ Янинѣ, доставила возможность правой колоннѣ принять участіе въ концѣ боя.

[2]) Собственно ея укрѣпленія съ южной стороны, атаку же укрѣпленій съ сѣверной стороны генералъ Радецкій принималъ на себя.

[3]) Кромѣ того и въ ночь съ 27-го на 28-е ему было объ этомъ послано приказаніе.

горы Николая сѣвернѣе д. Шипки. Вѣдь такого приказанія не могъ отдать не только такой опытный и боевой генералъ, какъ Радецкій [1]), но даже чиновникъ, никогда не изучавшій военнаго дѣла, но только имѣющій, какъ говорится, голову на своемъ мѣстѣ.

Теперь могутъ спросить, почему же не было всего этого изложено въ донесеніи генерала Радецкаго о сраженіи 27-го и 28-го декабря,— да просто, по извѣстной всѣмъ снисходительности и добродушію Ѳеодора Ѳедоровича.

Несмотря на слишкомъ уже осторожныя дѣйствія генерала Скобелева, бой все-таки окончился вполнѣ удачно,—плѣненіемъ всей турецкой арміи, бо́льшаго, кажется, требовать было нельзя. Войска правой колонны совершили какъ трудный свой зимній переходъ черезъ Балканы, такъ и вели себя въ бою 28-го числа прекрасно; и отъ генерала Радецкаго, кромѣ похвалы, ничего не заслуживали, а между тѣмъ неудовольствіе на дѣйствія генерала Скобелева, высказанное въ оффиціальномъ донесеніи, могло бы набросить тѣнь и на его войска, чего генералъ Радецкій вовсе не желалъ. Потому онъ въ своемъ донесеніи, отъ 5-го января 1878 года о сраженіи 27-го и 28-го числа, и ограничился описаніемъ того, что происходило только въ его средней колоннѣ, упомянувъ лишь въ немъ, что генералу Скобелеву было приказано имъ, по спускѣ съ горъ, атаковать д. Шипку, конечную цѣль для обѣихъ колоннъ, черезъ Шейново. О дѣйствіяхъ же обходныхъ колоннъ приложилъ къ своему донесенію подлинные рапорты къ нему, отъ 3-го января 1878 г., князя Мирскаго и генерала Скобелева. Этого, казалось ему, вполнѣ было достаточно, чтобы опровергнуть все, что генералъ Скобелевъ писалъ въ своемъ рапортѣ о выборѣ между атакой Шейново или Шипки, приписывая себѣ, какъ бы въ заслугу, выборъ Шейнова, какъ болѣе важнаго пункта сраженія. Генералъ Скобелевъ противъ этого пункта донесенія генерала Радецкаго не возражалъ, хоть онъ существенно противорѣчилъ его донесенію. Выйдя тотчасъ же, по окончаніи боя 28-го числа, изъ подчиненія генерала Радецкаго, онъ къ тому имѣлъ бы полное и законное право.

---

[1]) До назначенія своего командиромъ 8 корпуса, генералъ Радецкій прошелъ прекрасную боевую школу и то, что называется, видалъ виды. Еще молодымъ инженеромъ, онъ состоялъ за офицера генеральнаго штаба при столь извѣстномъ на Кавказѣ своею храбростью генералѣ Пассекѣ, во время кровавой Даргинской (Сухарной) экспедиціи, въ которой Пассекъ былъ убитъ. Уже бывши офицеромъ генеральнаго штаба, онъ служилъ потомъ подъ начальствомъ также извѣстнаго въ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ на Кавказѣ, генералѣ князѣ Аргутинскомъ-Долгоруковѣ, а при покореніи Восточнаго Кавказа княземъ Барятинскимъ, онъ, командуя Дагестанскимъ полкомъ, за переправу черезъ Андійское койсу получилъ Георгіевскій крестъ, а затѣмъ при штурмѣ Гуниба командовалъ одной изъ штурмовыхъ колоннъ.

Не могъ, наконецъ, не сознать и самъ генералъ Скобелевъ, что своею осторожностію онъ пересолилъ и прибылъ, что называется, къ шапочному разбору. Вотъ причина его желанія выкроить изъ взятія Шейнова какое-то отдѣльное сраженіе. Между тѣмъ Шейново было только часть того же укрѣпленнаго лагеря, который генералъ Скобелевъ называетъ Шейновскимъ, а генералъ Радецкій и князь Мирскій Шипкинскимъ, и противъ котораго князь Мирскій дрался болѣе полутора сутокъ, имѣя противъ себя, по всей вѣроятности, $^2/_3$ изъ числа тѣхъ 19-ти таборовъ, которые дрались въ долинѣ противъ обѣихъ обходныхъ колоннъ, и генералъ Скобелевъ всего около 3-хъ часовъ, имѣя противъ себя лишь заслонъ, состоящій изъ кавалеріи и не болѣе 5—6 таборовъ пѣхоты.

Не сознавъ наконецъ самъ своей ошибки, не послалъ бы Скобелевъ атаковать Шейново съ музыкой и распущенными знаменами, ибо подобныя парадныя атаки въ серьезномъ дѣлѣ и съ серьезнымъ непріятелемъ не допускаются. Такія атаки умѣстны противъ туркменъ, безспорно людей также храбрыхъ, но вооруженныхъ лишь своею храбростью и саблей, безъ артиллеріи и ручнаго огнестрѣльнаго оружія, ибо нельзя же считать средне-азіатскія мултуки, съ фитильнымъ замкомъ, которыми большею частью были вооружены туркмены, дѣйствительнымъ оружіемъ противъ берданокъ и скорострѣльныхъ пушекъ. Противъ турокъ же вооруженныхъ и лучшимъ ружьемъ и лучшей пушкой, чѣмъ мы, владѣющихъ кромѣ того большимъ искусствомъ въ укрѣпленіи и отстаиваніи своихъ позицій, такія атаки не должны допускаться. Самъ генералъ Скобелевъ долженъ былъ въ этомъ убѣдиться, при своихъ атакахъ на Зеленыхъ горахъ, которыя, несмотря на его личную храбрость и отличное поведеніе войскъ, успѣха не имѣли и скорѣе были полезны туркамъ, возвышая ихъ нравственный духъ, чѣмъ намъ, понесшимъ только огромныя потери въ людяхъ безъ всякой для себя пользы.

Изъ этого описанія сраженія подъ Шипкой 27-го и 28-го декабря, составленнаго по донесеніямъ начальниковъ колоннъ, а также по документамъ, хранящимся въ военно-ученомъ архивѣ, видно, какъ неосновательно обвиненіе—профессоромъ академіи генеральнаго штаба генераломъ Гейсманомъ, *князя Мирскаго* въ томъ, что *онъ погорячился*, ибо онъ только исполнилъ настойчивое приказаніе генерала Радецкаго начать наступленіе непремѣнно 27-го числа. Также неосновательно и обвиненіе *генерала Радецкаго* въ томъ, *что онъ былъ не тамъ, гдѣ ему слѣдовало быть*. Если ему и удалось поправить промахъ Скобелева, то именно потому, что онъ находился при средней колоннѣ. Находись онъ при одной изъ обходныхъ колоннъ, то онъ изъ главнаго руководителя боя обратился бы въ начальника той колонны, при которой состоялъ бы, безъ всякаго вліянія на дѣй-

ствія другихъ колоннъ. Находясь же при средней колоннѣ, онъ могъ хоть сколько-нибудь своевременно получать донесенія отъ начальниковъ обходныхъ колоннъ, и быть всегда въ курсѣ дѣла, что доказывается такъ удачно выбраннымъ имъ временемъ для атаки съ Николая въ помощь обходнымъ колоннамъ, а на такую атаку едва-ли кто бы рѣшился, кромѣ самого генерала Радецкаго. Разсчетъ былъ настолько вѣренъ, что турки были атакованы всѣми тремя колоннами почти одновременно около 12-ти часовъ дня [1]).

Считаю умѣстнымъ при семъ выяснить также тѣ обстоятельства, при которыхъ приходилось генералу Радецкому оборонять Шипкинскій перевалъ, ибо не только В. В. Верещагинъ, его обвиняющій въ проживаніи въ 5-ти верстахъ отъ позиціи, но и защитники генерала Радецкаго видимо этихъ обстоятельствъ не знаютъ.

Великій князь главнокомандующій, получивъ извѣстіе объ атакахъ Сулеймана на Шипкинскій перевалъ, пріостановилъ свои операціи къ Ловчѣ и Плевнѣ и, направивъ въ Габрово 2-ю пѣхотную дивизію и 1-ю бригаду 11-й дивизіи, приказалъ также начальнику полеваго штаба, генералу Непокойчицкому, отправиться лично на Шипку и, познакомившись съ положеніемъ тамъ дѣлъ и переговоривъ съ генераломъ Радецкимъ, рѣшить, что намъ дѣлать.

15-го августа генералъ Непокойчицкій прибылъ на перевалъ и по осмотрѣ войскъ и позицій, 16-го августа, собралъ у себя военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено, до взятія Плевны, не предпринимать ничего противъ арміи Сулеймана, а лишь удерживать за собой перевалъ. Послѣ же взятія Плевны, когда освободятся войска, подкрѣпивъ достаточными силами генерала Радецкаго, перейти въ наступленіе и атаковать армію Сулеймана. Такъ какъ Плевну предполагалось атаковать въ концѣ августа, то удерживать за собою невозможную позицію на перевалѣ [2]), по предположенію генерала Непокойчицкаго, пришлось

---

[1]) Побѣда эта однако досталась намъ дорогою цѣною. Мы потеряли за два дня 5.300 челов., въ томъ числѣ 130 офицеровъ. По колоннамъ она распредѣляется такъ: на Шипкинской позиціи—1.700 челов., въ лѣвой колоннѣ князя Мирскаго—2.100, въ правой генерала Скобелева—1.485. Самую большую потерю понесъ Подольскій полкъ, роты котораго потеряли: 1-я рота—99 челов., 2-я—71, 3-я—60, 5-я—67, 6-я—62, 7-я—88, 8-я—79, 9-я—85, 10-я—59, 11-я—66, 1-я стр.—105, 2-я стр.—95 и 3-я стр.—87.

Сравнивая эти потери съ тѣми, которыя несли части войскъ, при штурмахъ и столкновеніяхъ въ средней Азіи и съ китайцами, видно, какъ иногда дорого нѣкоторымъ частямъ войскъ приходится платить за свою военную славу, и какъ достается она легко другимъ частямъ.

[2]) Какъ только были отбиты приступы Сулеймана, ген. Радецкій перешелъ въ наступленіе, чтобы хотя нѣсколько улучшить эту позицію, расширивъ ее на западъ занятіемъ Лѣсной горы, а если представится возможность,

бы не болѣе двухъ-трехъ недѣль. На основаніи этого рѣшенія, 2-я пѣхотная дивизія и 1-я бригада 11-й дивизіи, прибывшія въ Габрово, были возвращены обратно, первая къ Ловчѣ, а вторая на Восточный фронтъ нашего расположенія.

Между тѣмъ штурмъ Плевны 30-го и 31-го августа не удался, и мы были отбиты съ огромною для насъ потерею [1]). Усилить войска на Шипкѣ оказалось невозможнымъ, и пришлось оборонять перевалъ не двѣ, три недѣли, какъ думалъ первоначально генералъ Непокойчицкій, а $4^1/_2$ мѣсяца. Вотъ начало и причина Шипкинской эпопеи.

Послѣ неудачныхъ своихъ атакъ въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, турки противъ насъ приняли другой образъ дѣйствій. Они обратили все свое вниманіе на усиленіе осадныхъ работъ, заложили сильныя батареи на шести высотахъ, образовавшихъ подкову вокругъ нашей позиціи и Габровской дороги, соединили высоты эти почти непрерывнымъ рядомъ ложементовъ, удачно примѣненныхъ къ покатостямъ для ярусной обороны, начали сосредоточивать на батареяхъ значительные боевые запасы и затѣмъ принялись бомбардировать нашу позицію, настойчиво обстрѣливая ее съ фронта, обоихъ фланговъ и тыла, какъ ружейнымъ, такъ и артиллерійскимъ огнемъ, разсчитывая сосредоточеннымъ огнемъ заставить насъ очистить позицію.

При своемъ обстрѣливаніи нашей позиціи, они имѣли большое преимущество передъ нами, какъ въ количествѣ артиллеріи, такъ и воору-

---

то и Лысой горы. Цѣлый день 13-го августа шелъ жаркій бой за Лѣсную гору, и къ вечеру она была занята нашими войсками, но утромъ 14-го числа, вслѣдствіе настойчивыхъ атакъ турокъ, она была оставлена, и мы заняли прежнюю позицію. Ген. Радецкій не рѣшился послать послѣдній свой резервъ—Минскій полкъ, для удержанія Лѣсной горы. Необходимо было спустить съ позиціи Брянскій и Орловскій полки, которые съ 9-го августа и до 14-го числа, слѣдовательно, шестой день находились ежедневно въ непрерывномъ бою безъ горячей пищи. Надо отдать справедливость арміи Сулеймана, что она дралась прекрасно. По всему видно было, что съ такимъ храбрымъ противникомъ, какъ черногорцы, она имѣла прекрасную школу и пріобрѣла большую опытность, въ особенности въ горной войнѣ. Черногорская армія Сулеймана, безспорно, была лучшая изъ всѣхъ, выставленныхъ турками въ кампанію 1877 года.

[1]) Невольно приходитъ на память та увѣренность генерала Непокойчицкаго, съ которою онъ высказывалъ на военномъ совѣтѣ въ Габрово свое убѣжденіе, что послѣ Ловчи нами будетъ взята и Плевна, что силъ для того достаточно, и потому нѣтъ никакой надобности отлагать штурмъ Плевны до прибытія подкрѣпленій изъ Россіи. Что если Плевна и не была взята 18-го іюля, то не по недостатку силъ, какъ заявлялъ генералъ Криденеръ, а потому, что главная атака была ведена имъ не оттуда, откуда слѣдовало ее вести. Свое мнѣніе генералъ Непокойчицкій основывалъ на донесеніи и увѣреніи генерала Скобелева, что если бы его колонна 18-го іюля имѣла бы болѣе пѣхоты, то со стороны Зеленыхъ горъ ему удалось бы взять Плевну и 18-го числа.

женные лучшимъ оружіемъ, чѣмъ мы, и лучшимъ расположеніемъ своихъ батарей, съ которыхъ вся наша позиція была видна, какъ на ладони. Кромѣ того, ихъ огонь былъ отъ окружности къ центру, слѣдовательно, самый дѣйствительный; нашъ—отъ центра къ окружности, считающійся самымъ слабымъ. Въ ружейномъ огнѣ, вооруженные ружьемъ Пибоди, съ прицѣломъ на 1.500 ш., они также имѣли большое преимущество передъ нашей пѣхотой, которая была вооружена ружьемъ Крынка съ прицѣломъ на 600 шаговъ, кромѣ стрѣлковыхъ ротъ и унтеръ-офицеровъ, которые одни имѣли прицѣлы на 1.200 шаговъ. Кромѣ того, эта позиція была весьма легко обходима съ правой стороны (западной) черезъ близъ лежащій Иметлійскій проходъ [1]).

Турки, располагая болѣе сильною кавалеріею, всегда могли угрожать какъ тылу позиціи, такъ и сообщенію ея съ Габровомъ. Эта кавалерія, численность которой, по свѣдѣніямъ болгаръ и плѣнныхъ, простиралась до трехъ тысячъ, преимущественно черкесъ, могла черезъ 4 часа появиться изъ-за Балканъ черезъ Иметлійскій проходъ, на нашихъ сообщеніяхъ съ Габровомъ, и поддержанная небольшими частями пѣхоты, надѣлать намъ много хлопотъ, ибо мы могли, кромѣ пѣхоты, выдвинуть противъ черкесъ лишь одинъ казачій полкъ слабаго состава въ 600 коней. Эта возможность легкаго обхода нашей позиціи, въ продолженіе августа, сентября и октября, болѣе всего озабочивала генерала Радецкаго, и только съ ноября, когда Иметлійскій проходъ начало заваливать снѣгомъ, эта опасность для насъ миновала.

Турки одинъ только разъ воспользовались этимъ проходомъ, напавъ совершенно неожиданно, на разсвѣтѣ 20-го августа, на 7-ю болгарскую дружину, расположенную у Зеленаго Древа, успѣвъ порубить нѣсколько дружинниковъ до появленія резервовъ, и по малочисленности у насъ кавалеріи, слабо преслѣдуемые, благополучно возвратились за Балканы. Несмотря на постоянныя предупрежденія болгаръ, въ продолженіе всего лѣта и осени, о сборѣ ихъ произвести нападеніе, въ большихъ силахъ, чѣмъ первое, на наши сообщенія и Габрово, этого нападенія, къ нашему счастью, ими произведено не было. Все ограничилось лишь ожиданіемъ этого нападенія и принятіемъ мѣръ предосторожности.

Въ распоряженіи генерала Радецкаго, для обороны Шипки, были слѣдующія части войскъ: 14-я пѣхотная дивизія, 2-я бригада 9-й дивизіи съ ихъ артиллеріею, 4-я стрѣлковая бригада, двѣ роты 2-го сапернаго баталіона, двѣ сотни 7-го пластунскаго баталіона и болгарскаго ополченія 6-ть дружинъ. Изъ кавалеріи: 23-й Донской казачій полкъ и одна сотня 21-го казачьяго полка. Слѣдовательно, всего пѣхоты

[1]) Отъ с. Иметли, занятаго турецкой кавалеріей, до Зеленаго Древа, гдѣ было расположено болгарское ополченіе, всего 14 верстъ.

22 баталіона и 6-ть дружинъ болгарскаго ополченія, кавалеріи—7 сотенъ. Баталіоны не болѣе—600 штыковъ, дружины—300 штыковъ. Такимъ образомъ пѣхоты было около 15 т. штыковъ, кавалеріи 700 коней. Стоявшая противъ насъ армія Сулеймана опредѣлялась въ то время въ 25—30 тысячъ.

Войска эти генераломъ Радецкимъ, послѣ штурма Сулеймана 5-го сентября, были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: собственно позицію занимала 14-я дивизія, Орловскій полкъ 9-й дивизіи, двѣ роты саперъ и двѣ сотни пластуновъ. Болгарское ополченіе было поставлено у Зеленаго Древа, противъ Иметлійскаго прохода, охраняя сообщенія наши съ Габровымъ. Брянскій полкъ 9-й дивизіи стоялъ въ двухъ верстахъ по шоссе въ Габрово, ниже штаба 14-й дивизіи, у караулки, которая отъ полка и получила названіе Брянскаго домика. Назначеніе полка было охранять тылъ позиціи и часть Габровскаго шоссе. Еще двѣ версты ниже у телеграфнаго домика стоялъ главный резервъ,—4-я стрѣлковая бригада. Здѣсь же была и ставка командира корпуса, а также и лазаретъ 9-й дивизіи, составлявшій перевязочный пунктъ для частей войскъ, расположенныхъ на перевалѣ. 4-я стрѣлковая бригада должна была служить резервомъ какъ для войскъ, расположенныхъ на позиціи, такъ и для болгарскаго ополченія, охраняющаго наши сообщенія, если бы турки появились со стороны Иметлійскаго прохода. Отъ корпусной ставки, какъ до позиціи на перевалѣ, такъ и до расположенія болгарскихъ дружинъ у Зеленаго Древа, было почти одинаковое разстояніе около пяти верстъ, и резервъ одновременно могъ бы поспѣть, въ случаѣ нужды, какъ на перевалъ, такъ и къ Зеленому Древу.

Верстахъ въ 4-хъ отъ корпусной ставки, по дорогѣ къ Габрову, былъ расположенъ Донской казачій № 23-й полкъ, недалеко отъ раздѣленія дорогъ изъ Габрово въ долину Тунджи—на Зеленое Древо черезъ Иметлійскій проходъ и въ Казанлыкъ черезъ Шипкинскій перевалъ. Въ случаѣ появленія непріятеля со стороны Иметлійскаго прохода, онъ долженъ былъ немедленно присоединиться къ болгарскому ополченію. Для охраненія лѣваго фланга позиціи (съ восточной стороны), была расположена у монастыря внизу, недалеко отъ шоссе, на высотѣ корпусной ставки, сотня 21-го казачьяго полка. Съ этой стороны, по непроходимости мѣстности, нельзя было ожидать сколько-нибудь серьезнаго нападенія, а потому этой сотни вполнѣ было достаточно для охраненія нашего лѣваго фланга [1]).

---

[1]) Съ приходомъ въ концѣ октября 24-й дивизіи, были спущены съ Шипки для отдыха: 4-я стрѣлковая бригада въ Тырново, Орловскій полкъ къ г. Еленѣ, и Волынскій полкъ къ Зеленому Древу и у раздѣленія дорогъ у подъема на перевалъ.

Полки 24-й дивизіи заняли мѣста: Красноярскій полкъ занялъ расположе-

Изъ сказаннаго видно, что̀ заставило генерала Радецкаго поставить свой резервъ и находиться при немъ, въ разстояніи пяти верстъ отъ самой позиціи. Это было самое слабое мѣсто нашей обороны въ продолженіе лѣта и осени. При сколько-нибудь дѣятельномъ противникѣ, во время лѣта и осени, когда такъ легко было появиться непріятелю на наши сообщенія, генералъ Радецкій гораздо болѣе безпокоился объ охранѣ своихъ сообщеній, чѣмъ за удержаніе позиціи.

Другое обвиненіе В. В. Верещагина въ томъ, что изъ-за картъ генералъ Радецкій не посѣщалъ батарей и траншей, и оттого цѣлая дивизія вымерзла на Шипкѣ, также не только несправедливо, но похоже на клевету. Отъ кого онъ могъ слышать разсказанную имъ басню о докладѣ генералу Радецкому во время игры его въ карты объ опасномъ мѣстѣ за вторымъ оврагомъ. Лично онъ только разъ былъ на Шипкѣ у корпусной ставки, гдѣ бы онъ могъ видѣть, какъ проводитъ время генералъ Радецкій. Слышать что-нибудь подобное отъ защитниковъ Шипки онъ положительно не могъ. Ибо всѣ они хорошо знали, что стоило только случиться тревогѣ, какъ Радецкій тотчасъ же являлся на позицію и покидалъ ее не прежде, пока тамъ все успокоится и никогда не жалѣлъ себя. Во время зимы, когда начались въ горахъ мятели и вьюги, онъ не имѣлъ привычки требовать къ себѣ частныхъ начальниковъ, для различныхъ объясненій о положеніи людей на позиціи, а всегда являлся самъ туда, чтобы, переговоривъ съ кѣмъ нужно, тотчасъ же принять мѣры къ возможному облегченію тяжелаго положенія людей на позиціи. Всѣ бывшіе на Шипкѣ это знали, видѣли, а потому онъ и пользовался такою любовью и полнымъ довѣріемъ къ себѣ всѣхъ подчиненныхъ, въ особенности нижнихъ чиновъ. Правда, онъ не хо-

---

ніе Волынскаго полка, у Волынской горки, 1-я бригада—Иркутскій и Енисейскій полки, у Брянскаго домика; они должны были занимать позицію на Николаѣ поочередно. Брянскій полкъ сталъ на мѣстѣ 4-ой стрѣлковой бригады, у ставки командира корпуса, и съ ноября мѣсяца также долженъ былъ занимать побаталіонно позицію на Николаѣ вмѣстѣ съ полками 1-й бригады 24-й дивизіи.

Подробное описаніе перевала и позиціи, служебныхъ порядковъ и быта войскъ, военныхъ дѣйствій за время зимнихъ мѣсяцевъ обороны Шипки, изданы штабомъ 24-й дивизіи подъ заглавіемъ Матеріалы для исторіи Шипки съ картою и напечатаны въ „Воен. Сборн.“ за 1880 годъ №№ 1 и 2. Кромѣ того, были напечатаны въ „Воен. Сборн.“ Два зимнихъ мѣсяца на Шипкѣ изъ дневника 94-го Енисейскаго полка 1878 г.; Пять мѣсяцевъ на Шипкѣ въ 1877 г. изъ дневника офицера Подольскаго полка 1880 г.; 4-я стрѣлковая бригада за Дунаемъ 1881 г.; и Августовскіе бои на Шипкѣ 1884 г.; главнымъ матеріаломъ этой статьи послужили: замѣтки, веденныя во время боя бывшимъ командиромъ Брянскаго полка Липинскимъ, а также и дневникъ Брянскаго полка.

дилъ по траншеямъ болтать съ нижними чинами, какъ то считаетъ необходимымъ В. В. Верещагинъ, ибо онъ зналъ, что подобная болтовня существенной пользы не принесетъ никому и только годится развѣ для рекламъ, которыхъ онъ никогда не искалъ и по своей скромности не любилъ. Что 24-я дивизія такъ сильно пострадала, нельзя винить также ни ближайшее ея начальство, ни нижнихъ чиновъ. Полки сдѣлали все, что только въ силахъ человѣкъ вытерпѣть, и если погибли, то погибли безъ ропота, и не жалуясь на свою судьбу. Съ перваго же дня своего прибытія на Шипку, имъ выпала слишкомъ трудная доля—бороться не только съ непріятелемъ, но съ болѣе опаснымъ врагомъ, съ горными буранами и вьюгами, безъ сколько-нибудь удобныхъ помѣщеній, гдѣ можно было бы отдохнуть и отогрѣться послѣ трудной своей боевой службы. Ни матеріаловъ, ни даже свободнаго времени, за различными нарядами, у нихъ не было, чтобы хоть сколько-нибудь исправить самимъ свои помѣщенія. Всѣ ожидали, что скоро падетъ Плевна, подойдутъ подкрѣпленія и освободятъ Шипку. Но, несмотря на всю трудность службы и огромныя потери больными, полки дивизіи все-таки отстояли на Шипкѣ до тѣхъ поръ, пока не получилась возможность замѣнить ихъ свѣжими частями. Если въ одну ночь съ 16-го на 17-е декабря, 2-я бригада 3-й дивизіи, при переходѣ черезъ Балканы, на Бабѣ горѣ, застигнутая бурей, потеряла 10 офицеровъ, 800 нижнихъ чиновъ [1]) и 53 замерзшихъ, то что же должна была испытать 24-я дивизія, когда подобные ураганы длились не одну ночь, а по цѣлымъ недѣлямъ.

Какъ велика была убыль въ полкахъ, это видно изъ дневника Енисейскаго полка, напечатаннаго въ «Военномъ Сборникѣ», въ которомъ говорится, что 12-го декабря въ третьемъ баталіонѣ этого полка, кромѣ несущихъ баталіонную службу, оставалось: въ 9-й ротѣ: унтеръ-офицеровъ—3, рядовыхъ—8, въ 10-й ротѣ: унтеръ-офицеровъ—4, рядовыхъ—9, въ 11-й ротѣ: унтеръ-офицеровъ—4, рядовыхъ—5 и въ 12-й ротѣ: унтеръ-офицеровъ—5 и рядовыхъ—11; всего въ баталіонѣ 65 штыковъ, а съ домашнимъ расходомъ—119 человѣкъ. Цифра больныхъ во всемъ полку достигла 2.046 человѣкъ, а въ строю оставалось во всемъ полку 831 штыкъ. Не менѣе страдали и остальныя части на перевалѣ, хотя число больныхъ въ нихъ и не достигало той цифры, какъ въ полкахъ 24-й дивизіи. Въ половинѣ декабря, въ 8 полкахъ Шипкинскаго гарнизона было около 9 т. больныхъ и слабыхъ, изъ этого числа около 5.500 въ трехъ полкахъ 24-й дивизіи, а въ пяти остальныхъ около 3.500 человѣкъ.

Считаю умѣстнымъ здѣсь привести донесеніе командира Подольскаго полка (14-й дивизіи) отъ 17-го декабря, чтобы дать понятіе, что приходилось терпѣть частямъ войскъ гарнизона во время вьюгъ въ горахъ.

---

[1]) Заболѣвшими и обморозившимися.

«Въ ночь съ 16-го на 17-е поднялась снѣжная буря, достигшая на верхнихъ скалахъ горы св. Николая степени урагана. Баталіоны 55-го и 56-го пѣхотныхъ полковъ поднялись на гору съ величайшими затрудненіями, гуськомъ: проводники едва могли отыскать среди снѣжной бури свои ложементы и довести роты. Всю ночь и до настоящаго времени (10 час. дня) всѣ люди въ движеніи. Гг. офицеры не смыкали глазъ, ободряя людей, и наблюдали лично, чтобы не было дремлющихъ; и только, благодаря такому высокому и самоотверженному исполненію долга при 12° мороза на позиціи и 20° на верхнихъ скалахъ, охватываемыхъ со всѣхъ сторонъ порывами вѣтра, удалось спасти людей отъ замерзанія, хотя ознобившихся не мало; но все это легкіе ознобы носа, щекъ, ушей и пальцевъ; всѣ эти люди немедленно отправлены съ позиціи въ околодокъ. Счастливый исходъ сегодняшней ужасной бури, въ отношеніи спасенія людей, долженъ быть отнесенъ къ безконечному усердію офицеровъ, проявленному ими въ эту трудную минуту—высокому сознанію своихъ обязанностей; о семъ по долгу службы обязаннымъ себя считаю засвидѣтельствовать передъ вашимъ превосходительствомъ. Въ теченіе сегодняшней ужасной бури, верхнія и нижнія передовыя скалы занимала 1-я рота 55-го пѣхотнаго Подольскаго полка и на разсвѣтѣ смѣнена ротою Брянскаго полка. Возвращаясь по смѣнѣ, 1-я рота 55-го полка, въ полномъ составѣ, была свалена вихремъ вѣтра и покатилась. Люди, кое-какъ удерживая другъ друга, поднялись и дошли до своихъ теплыхъ помѣщеній въ порядкѣ и даже съ неудавшеюся попыткою затянуть пѣсню. Такому высокопримѣрному духу и состоянію этой роты она обязана командиру роты, подпоручику Войницкому—рота его возвратилась со спасенными людьми и всего съ двумя легко ознобленными. Въ настоящую минуту положеніе людей на верхнихъ скалахъ выше описанія, и потому, послѣ всего перенесеннаго 1-ю ротою 55-го полка, люди сняты съ верхнихъ скалъ и удерживаются въ нижнихъ ложементахъ передовыхъ скалъ, верхніе же будутъ занимать, лишь по тревогѣ по всей позиціи; ни въ одной траншеѣ огня развести нельзя; одежда всѣхъ офицеровъ и солдатъ изображаетъ изъ себя сплошную ледяную кору (напримѣръ, башлыковъ развязать нельзя; при попыткѣ сдѣлать это—куски ихъ отваливаются); для отправленія естественной .... ружья покрыты сплошной корой, и съ чрезвычайнымъ усиліемъ поддерживаютъ въ хорошо смазанныхъ масломъ ружьяхъ исправное дѣйствіе затвора и выбрасывателя, постоянно приводя ихъ въ движеніе своими окоченѣлыми пальцами. При испытаніи стрѣльбы, винтовки Крынка дѣйствуютъ исправно; берданки, тщательно смазанныя керосиномъ, даютъ первые выстрѣлы осѣчки, а затѣмъ дѣйствуютъ исправно. Отъ траншей къ секретамъ выставлены люди, чтобы подать необходимую всякаго рода помощь выдвинутымъ впередъ постамъ. Пе-

рестрѣлка идетъ только ружейная, противъ скалъ и жолоба. Энергическая служба офицеровъ поддерживается неизмѣнно; буря еще сильная, и опасность еще не миновала».

Вотъ при какихъ трудныхъ климатическихъ условіяхъ приходилось генералу Радецкому удерживать Шипкинскій перевалъ. И онъ держался на Шипкѣ, не стараясь разукрашивать въ своихъ донесеніяхъ дѣйствительно трудное свое положеніе, чтобы не отвлекать великаго князя главнокомандующаго отъ главной нашей цѣли—скорѣе покончить съ Плевной, надѣясь, что тогда получится возможность выручить и гарнизонъ Шипки изъ его невозможнаго положенія. Не получая тревожныхъ донесеній со стороны генерала Радецкаго, полевой штабъ арміи относительно Шипки совершенно успокоился, считая даже, что генералъ Радецкій преувеличиваетъ цифру стоящихъ противъ него турокъ. Такъ, 8-го декабря, генералъ Непокойчицкій телеграммою просилъ его отвѣта: не можетъ ли онъ, не дожидая прихода отряда генерала Скобелева, начать наступленіе съ войсками одного своего 8-го корпуса? А численность корпуса была: на Шипкѣ, со спускомъ 24-й дивизіи, оставалось около 9 т. штыковъ пѣхоты, а въ остальныхъ трехъ полкахъ 9-й дивизіи и 4-й стрѣлковой бригады, которые могли быть притянуты въ Габрово отъ г. Елены и Хаинкіоя, пѣхоты около 8 т. штыковъ, ибо два полка Сѣвскій и Орловскій сильно пострадали подъ Еленой и были въ слабомъ составѣ. Всего, значитъ, въ корпусѣ около 17 т. штыковъ пѣхоты противъ 40 т. арміи Веселя-Паши, стоявшей еще въ сильно укрѣпленной позиціи. Чтобы объяснить его высочеству объ истинномъ положеніи дѣлъ на Шипкѣ и просить объ усиленіи лѣвой колонны князя Мирскаго 30-ю дивизіею, генералъ Радецкій послалъ въ Боготъ меня, лично доложить обо всемъ великому князю. Покойный генералъ Левицкій опредѣлялъ корпусъ войскъ Веселя-Паши, стоявшій противъ Шипки, всего около 10—15 т. Вотъ объясненіе вышеприведенной телеграммы отъ 8-го декабря.

Когда послѣ плѣненія Шипкинской арміи, великій князь, слѣдуя черезъ Шипкинскій перевалъ въ Казанлыкъ, увидѣлъ самъ тѣ землянки, въ которыхъ жили всю зиму войска, оборонявшія Шипку, увидѣлъ ту позицію, окруженную съ обѣихъ сторонъ командующими высотами, которую приходилось оборонять этимъ войскамъ, наконецъ трупы подольцевъ, житомірцевъ и брянцевъ, лежащіе еще неубранными, цѣлыми рядами передъ турецкими укрѣпленіями, тогда только онъ самъ оцѣнилъ, какой подвигъ совершили войска 8-го корпуса, чтобы исполнить его приказаніе—удержать зимою Шипку и затѣмъ атаковать блокирующую ее армію. Объѣзжая войска, онъ такъ сердечно благодарилъ какъ ихъ, такъ и генерала Радецкаго, какъ только онъ одинъ умѣлъ это дѣлать. За ласковыми его словами всѣми забыты были бывшія невзгоды.

Въ заключеніе не могу не сравнить ту боевую школу, которую пришлось пройти какъ генералу Скобелеву, такъ и генералу Радецкому еще до войны 1877 года и пріобрѣсти себѣ въ арміи извѣстность своею выдающейся храбростью.

Нисколько не отвергая ни таланта, ни тѣхъ подвиговъ, которые были совершены генераломъ Скобелевымъ въ Средней Азіи до послѣдней нашей войны съ турками, справедливость однако заставляетъ сказать, что всѣ эти подвиги совершены были противъ непріятеля, плохо вооруженнаго, часто одними батиками (палицами), далеко невоинственнаго, какими были и остались до настоящаго времени коканцы, противъ которыхъ всякая смѣлость всегда и во всемъ была вполнѣ умѣстна. Но не съ такимъ непріятелемъ пришлось генералу Радецкому сражаться во время своей долгой службы на Кавказѣ. Горцы въ началѣ сороковыхъ годовъ были враги грозные, воинственные, фанатичные и хотя не имѣющіе своей артиллеріи, но лучше вооруженные своими нарѣзными винтовками, чѣмъ наши солдаты, вооруженные тогда гладкоствольными кремневыми ружьями. При томъ горцы были чрезвычайно опытны и способны къ горной и лѣсной войнѣ, а всѣ наши встрѣчи съ ними обыкновенно происходили въ трудно доступныхъ трущобахъ Дагестана и вѣковыхъ лѣсахъ Чечни. Намъ дорого иногда обходились побѣды надъ ними, напримѣръ, штурмы Ахульго и Салты были не по одному только названію кровавыми штурмами. Горцамъ удавалось давать отпоръ и такимъ извѣстнымъ нашимъ генераламъ, какъ Граббе (Ичкеринскій лѣсъ въ 1842 году) и герою Бородина и Краона князю Воронцову (Даргинская экспедиція). Но за то эта война была прекрасной боевой школой, изъ которой вышли столь извѣстные въ свое время на Кавказѣ: Фрейтагъ, Пассекъ, Клугенау, князь Аргутинскій-Долгорукій, Бебутовъ, Слѣпцовъ, князь Барятинскій и другіе. Эта же война послужила школой и генералу Радецкому и дала возможность ему пріобрѣсти во время войны 1877 г. ту громкую и вполнѣ заслуженную имъ извѣстность, на которую въ послѣднее время нѣкоторые изъ поклонниковъ генерала Скобелева, желая оправдать неудачи послѣдняго, такъ несправедливо стараются набросить тѣнь. А между тѣмъ всѣ задачи, выпавшія во время войны на долю генерала Радецкаго, исполнены имъ безъ неудачъ и съ полнымъ успѣхомъ, а эти задачи были далеко не легкія: сначала оборона съ небольшимъ резервомъ нашего южнаго фронта и Балканскихъ проходовъ, затѣмъ выручка Шипки, удержаніе перевала за собою въ продолженіе цѣлой зимы и, наконецъ, зимній переходъ черезъ Балканы и плѣненіе цѣлой арміи.

В. Дмитровскій.

Изъ архива И. Е. Великопольскаго.

Предлагаемый рядъ писемъ сохранился въ остаткахъ когда-то большого, но почти уже исчезнувшаго семейнаго архива, находившагося въ селѣ Чукавинѣ, Старицкаго уѣзда Тверской губерніи, родовомъ имѣніи небезызвѣстнаго въ свое время писателя Ивана Ермолаевича Великопольскаго,—и переданномъ намъ дочерью послѣдняго—Надеждою Ивановной Чаплиной.

Архивъ этотъ былъ очень разнообразенъ и долженъ былъ представлять собою немалый интересъ: туда стеклись бумаги Харитона Андреевича Чеботарева, профессора и ректора Московскаго университета, и его жены Софьи Ивановны, рожденной Вилькинсъ, родственницы Н. И. Новикова [1]); сына ихъ—Андрея Харитоновича (род. въ 1784 г., ум. въ 1833 г.), адъюнкта Московскаго университета, и дочери—Софьи Харитоновны (ум. въ 1833 г.), вышедшей замужъ за извѣстнаго врача и профессора того же университета Матвѣя Яковлевича Мудрова (ум. въ 1831 г.). Наконецъ, въ этомъ же архивѣ находились и бумаги женатаго на дочери Мудрова—Софьѣ Матвѣевнѣ (ум. 1897 г.)—Ивана Ермолаевича Великопольскаго.

И. Е. Великопольскій (род. въ Казани 27-го декабря 1797 г., ум. въ с. Чукавинѣ 8-го февраля 1868 г.), питомецъ Казанскаго университета (1812—1814 г.), съ 1815 г. служилъ л.-гв. въ Семеновскомъ полку, а затѣмъ, по раскассированіи его въ 1820 году, переведенъ былъ въ стоявшій во Псковѣ и его окрестностяхъ армейскій Старо-ингерманландскій пѣхотный полкъ. Здѣсь, во Псковѣ, по всей вѣроятности, познакомился онъ съ Пушкинымъ, проживавшимъ тогда въ с. Ми-

[1]) Его сестра, Вѣра Ивановна, была за Вилькинсомъ.

хайловскомъ, и сошелся съ нимъ довольно близко; сближенію ихъ содѣйствовало, между прочимъ, то обстоятельство, что Великопольскій съ жаромъ предавался, еще съ юношескихъ лѣтъ, литературнымъ занятіямъ, а также и то, что оба поэта были страстные, азартные игроки. Слѣдомъ знакомства ихъ являются три письма Пушкина къ Великопольскому, посланія его къ Ивану Ермолаевичу:

Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось,
Пѣвецъ любви то рѣзвой, то унылой,

и

Такъ элегическую лиру
Ты промѣнялъ, нашъ моралистъ,
На благочинную сатиру? [1]),

а также посланія Великопольскаго къ Пушкину:

Въ умахъ людей, какъ прежде, царствуй,
Храни священный огнь души,
Какъ можно менѣе мытарствуй,
Какъ можно болѣе пиши... [2]).

и

Узналъ я тотчасъ по замашкѣ
Тебя, насмѣшливый поэтъ! [3])

и письмо его къ Александру Сергѣевичу (1828 г.), свидѣтельствующее о томъ, что отношенія ихъ въ это время уже начинали портиться; вскорѣ оба поэта и совсѣмъ разошлись.

Выйдя въ отставку въ 1827 году съ чиномъ маіора, Великопольскій большей частью проживалъ въ Москвѣ, гдѣ въ 1831 году женился на Софьѣ Матвѣевнѣ Мудровой. На досугѣ онъ получилъ еще бо́льшую, чѣмъ во время службы, возможность заниматься литературой; и дѣйствительно, количество написаннаго имъ годъ отъ году все увеличивалось, хотя печаталъ онъ сравнительно мало. Изъ отдѣльно изданныхъ произведеній его намъ извѣстны: «Сюрпризъ, опера-интермедія-водевиль въ стихахъ» (М. 1830), «Московскія минеральныя воды», начало повѣсти въ стихахъ, изданное въ Москвѣ въ 1831 году; «Владиміръ Влонской», трагедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ (С.-Пб. 1837), «Любовь и честь», драма (С.-Пб. 1841). «Янетерской», трагедія, признанная С. С. Уваровымъ безнравственною и по его приказанію сожженная въ цензурномъ комитетѣ [4]), «Память

[1]) Написана Пушкинымъ по поводу изданной Великопольскимъ „Сатиры на игроковъ“ (С.-Пб. 1828 г.), въ которой онъ изобличаетъ людей въ порокѣ, коему самъ платилъ немалую дань.

[2]) Напечатано, безъ указанія на Пушкина, въ сборникѣ Великопольскаго «Раскрытый портфель» С.-Пб. 1859 г.

[3]) См. сборникъ П. И. Бартенева: «Пушкинъ», т. II, М. 1881 г.

[4]) См. письмо № 2.

Бородинской битвы, сельская картина 1839 года» (С.-Пб. 1848 г.), «Опытъ оправданія пьесы «Память Бородинской битвы» (С.-Пб. 1848), «Русское чувство, драматическая фантазія» (С.-Пб. 1854), наконецъ—сборникъ его сочиненій (вышелъ только 1-й томъ), подъ заглавіемъ «Раскрытый портфель: выдержки изъ «сшитыхъ тетрадей» автора, не желающаго объявлять своего имени» (С.-Пб. 1859) и «Мечта и дѣйствительность, фантастическая драма въ 5 дѣйствіяхъ» (С.-Пб. 1865).

Послѣднія 25 лѣтъ своей жизни, съ 1842 года, Великопольскій провелъ въ непрестанной и тяжелой борьбѣ за свою идею. Онъ изобрѣлъ усовершенствованный способъ обработки льна и другихъ прядильныхъ растеній, сулившій выгоды какъ ему, такъ и крестьянскому населенію Россіи, и всѣми силами, словомъ, перомъ и дѣломъ, старался о распространеніи его и о дарованіи ему возможности извлечь изъ своего открытія наибольшую пользу для себя лично. Хотя способъ его вездѣ былъ признанъ заслуживающимъ всякаго вниманія и поощренія, однако Великопольскій никакъ не могъ приступить къ дѣлу изъ-за разныхъ ставившихся ему препятствій и, запутавшись по разнымъ департаментамъ, кончилъ тѣмъ, что совершенно разстроилъ свое состояніе и умеръ чуть что не въ нищетѣ. Человѣкъ желѣзной воли, безупречной честности изумительной энергіи, Великопольскій никогда не терялъ вѣры въ правоту своего дѣла, постоянно кипѣлъ жизнью, задумывалъ разные, иногда несбыточные, планы, писалъ, предпринималъ изданія книгъ и т. под.

Портретъ И. Е. Великопольскаго, при семъ приложенный, сдѣланъ съ карточки, снятой въ 1867 г. и обязательно доставленной намъ Н. И. Чаплиной.

Б. Модзалевскій.

1.

Н. А. Аммосовъ [1])—Ив. Ерм. Великопольскому.

15-го іюня 1865 г. (С.-Петербургъ).

М. Г. Иванъ Ермолаевичъ! Вы никакъ не должны сомнѣваться въ полной моей готовности ручаться за васъ во всѣхъ случаяхъ, требую-

[1]) Николай Алексѣевичъ Аммосовъ (род. въ 1787 г., ум. въ 1868 г.) служилъ сперва въ артиллеріи, затѣмъ былъ членомъ Департамента военныхъ поселеній по искусственной части, въ 1834 г. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и въ 1840 г. вышелъ въ отставку. Онъ извѣстенъ, какъ изобрѣтатель особаго пневматическаго отопленія посредствомъ «аммосовскихъ» печей; авторъ нѣсколькихъ спеціальныхъ брошюръ, переводчикъ сочиненій Кондильяка и Фенелона, онъ писалъ также и повѣсти, печатавшіяся въ «Иллюстрированной газетѣ» и «Воскресномъ досугѣ» (См. «Русскій Біографическій Словарь»).

*

щихъ честнаго исполненія слова или обязанностей; а потому, на вчерашнее ваше письмо, которымъ вы просите меня быть, въ случаѣ поѣздки вашей за-границу, порукою за васъ, совмѣстно съ прочими членами посреднической коммиссіи [1]), въ срочномъ вашемъ возвращеніи,—отвѣчаю вамъ полнымъ съ моей стороны согласіемъ, отъ всей души желая, чтобы вы получили хотя какую-нибудь возможность поправить ваше бѣдственное положеніе. Истинно васъ уважающій Николай Аммосовъ.

2.

Ив. Ерм. Великопольскій—Мих. Ник. Турунову [2]).

1-го апрѣля 1864 г. (С.-Петербургъ).

М. Г. Михаилъ Николаевичъ! Въ увѣдомленіи отъ 22-го марта за № 221, полученномъ мною отъ Цензурнаго комитета, о результатѣ пересмотра дѣла о запрещеніи, въ 1841 году, трагедіи моей «Янетерской» [3]), сказано только, что она не можетъ быть дозволена къ напечатанію ни въ полномъ объемѣ, ни въ извлеченіяхъ,—тогда какъ извѣстно по справкѣ, что Совѣтъ по дѣламъ книгопечатанія обусловилъ причину этого запрещенія тѣмъ, что піеса моя была въ 1839 году признана крайне безнравственною.

Хотя ваше превосходительство изволили исключить это объясненіе изъ сдѣланнаго мнѣ увѣдомленія,—вѣроятно, полагавъ его для меня не нужнымъ, а можетъ быть даже и съ благосклонною цѣлью отстранить отъ меня сопряженную съ тѣмъ непріятность,—напротивъ же того, когда піеса была въ 1841 году сожжена, то въ иностранныхъ газетахъ было предположено, что я нарушилъ въ моемъ сочиненіи обязанности русскаго къ своему отечеству и престолу. Поэтому о причинѣ запрещенія, о которой никогда не было мнѣ объявлено, я необходимо долженъ

---

[1]) Она была учреждена надъ дѣлами и имуществомъ И. Е. Великопольскаго, въ это время уже совсѣмъ разорившагося на предпріятіи своемъ съ открытымъ имъ способомъ дешевой обработки льна и другихъ прядильныхъ растеній. Коммиссія состояла изъ Н. А. Аммосова, В. Р. Зотова и инж.-подполк. Мих. Андр. Агамонова.

[2]) Предсѣдатель С.-Петербургскаго цензурнаго комитета.

[3]) Трагедія эта, пропущенная въ печать цензоромъ Е. И. Ольдекопомъ, въ 1841 году, была признана „крайне безнравственною“, отобрана по приказанію министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова, отъ Великопольскаго и сожжена въ цензурномъ комитетѣ 5-го марта 1841 г. въ количествѣ 628 экземпляровъ.

имѣть оффиціальное увѣдомленіе, о чемъ я и позволяю себѣ обратиться со всепокорнѣйшею къ вашему превосходительству просьбою.

Сверхъ того, не сохранивъ у себя чистаго списка піесы, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство о возвращеніи мнѣ рукописи, хотя перечеркнутой красными чернилами отъ начала до конца и съ подписаніемъ на ней запрещенія.

При изъявленіи глубочайшаго уваженія и совершенной преданности, честь имѣю быть и пр.

Жительство имѣю Литейной части, 3-го квартала, по Знаменской улицѣ, противъ Павловскаго института въ д. № 11.

3.

Эпиграмма И. Е. Великопольскаго на Н. Ѳ. Щербину.

28-го августа 1864 г.

Какая бы тому была причина,
Что смертный человѣкъ такъ часто ошибается:
Въ трактирѣ Строева [1]) хотѣлъ смѣнить Щербина,
Но заикается.

4.

И. Е. Великопольскій—митрополиту Филарету.

28-го января 1856 г. С.-Петербургъ.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь! Будучи женатъ на дочери покойнаго знаменитаго московскаго врача, доктора медицины, Матвѣя Яковлевича Мудрова, имѣвшаго счастіе быть лично извѣстнымъ вашему высокопреосвященству, я сохраняю у себя сокровищницу библіотеки его, въ которой находятся и собственныя его сочиненія печатныя и рукописныя.

Матвѣй Яковлевичъ, какъ всѣмъ извѣстно, имѣлъ огромную практику и затѣмъ посвящалъ все свое время на самое задушевное преподаваніе врачевства многочисленнымъ своимъ слушателямъ въ аудиторіяхъ Императорскаго Московскаго университета и Медико-Хирурги-

---

[1]) Примѣч. Великопольскаго: «Въ трактирѣ Палкина покойный Владиміръ Михайловичъ Строевъ, покуда не спился, собиралъ, пріятными своими разговорами, около себя хорошій кружокъ; по его же смерти на его мѣсто сѣлъ Щербина и принялъ его позу, но вышло не совсѣмъ удачно: онъ отъ природы заика».

ческой академіи, въ особенности же въ Клиническомъ институтѣ, котораго былъ основателемъ и директоромъ, а потому не могъ удѣлять много времени для собственныхъ сочиненій; но написанное имъ сдѣлало эпоху въ русской медицинѣ и имѣло сильное вліяніе на пріуготовленіе къ врачебному поприщу учениковъ его и послѣдователей, изъ которыхъ столькими именами гордится русское врачевство.

Словомъ своимъ «О пользѣ и предметахъ военной гигіены», сказаннымъ имъ въ 1809 году въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета, онъ основалъ въ Россіи ученіе этой важнѣйшей части военно-врачебной науки; а рѣчью «О благочестіи и нравственныхъ качествахъ Гиппократова врача», произнесенною имъ въ 1813 г. на обновленіе при томъ же университетѣ Клиническаго института, первый положительно утвердилъ въ Россіи ученіе Гиппократа, передавъ своимъ слушателямъ на отечественномъ языкѣ безсмертныя его правила, важныя для чести и для науки медика. Впослѣдствіи, подвизаясь во всемъ по стопамъ славнаго учителя, проименованнаго «княземъ врачей», онъ произнесъ въ 1820 году, при освященіи новыхъ при томъ же университетѣ институтовъ Медицинскаго и Клиническаго, «Слово о способѣ учить и учиться медицинѣ» [1]), въ которомъ уже и самъ, подобно великому своему образцу, преподалъ къ руководству своимъ ученикамъ немаловажныя въ томъ истины, почерпнутыя изъ собственныхъ правилъ и наблюденій.

Въ числѣ неизданныхъ трудовъ его находится и подносимая при этомъ вашему высокопреосвященству рукопись. Она содержитъ великія богатства для врачующихъ и врачуемыхъ, заключая въ себѣ, для первыхъ—единое вѣрное, въ Бозѣ обрѣтаемое напутствіе человѣческихъ опыта и знаній, а для вторыхъ—лучшее, въ христіанской благости, утѣшеніе и врачеваніе недуговъ.

Не ограничивавшись преподаваніемъ и практикою врачеванія тѣлеснаго и, съ самыхъ раннихъ лѣтъ своихъ, научившись любви и страху Божіимъ изъ примѣра и наставленій благочестиваго своего родителя, смиреннаго сельскаго пастыря церкви, котораго память святилъ до послѣдней минуты своей жизни, Матвѣй Яковлевичъ находилъ въ молитвѣ еще болѣе способовъ цѣленія тѣла чрезъ врачеваніе души, нежели въ средствахъ, изготовляемыхъ человѣческою мудростію, и всегда совѣтовалъ врачамъ, слушавшимъ его преподаваніе, не полагаться на однѣ свои силы и знанія, а для земной, подаваемой ими помощи, просить благословенія небеснаго.

Съ этою цѣлію онъ изготовилъ къ изданію переложенное имъ на русскій языкъ «Духовное врачевство и врачебный молитвенникъ, или

[1]) Издано въ Москвѣ, въ 1820 г.; произнесено 25-го сентября.

христіанскія размышленія о болѣзняхъ тѣла человѣческаго, съ присовокупленіемъ молитвъ для болящихъ» (и для врачующихъ, какъ то видно изъ содержанія книги).

Въ настоящее время, по прошествіи уже двадцати пяти лѣтъ отъ кончины его [1]), когда время и общее признаніе его достоинствъ усмирили враждовавшія ему партіи, всегда сопутствующія знаменитому имени, сѣмена же, глубоко посѣянныя имъ въ наукѣ, между тѣмъ возросли и дали драгоцѣнные плоды въ подвизающейся на пользу человѣчества практикѣ столькихъ прославившихся учениковъ его, я, по праву и обязанности мужа единственной его дочери и наслѣдницы, считаю себя призваннымъ къ изданію всѣхъ его сочиненій.

Для отчетливаго исполненія такого многоотвѣтственнаго намѣренія, я обращусь къ совѣтамъ и содѣйствію медиковъ, чтущихъ его память, но, чтобы достойно передать на всеобщую пользу плоды мудрости духовной, собранные имъ у источника небеснаго, одного такого содѣйствія недостаточно.

Благоволите же, высокопреосвященнѣйшій владыко, удѣлить отъ многотрудныхъ вашихъ занятій нѣкоторое время на прочтеніе подносимой рукописи, заключающей въ себѣ наставленія для врачеванія духовнаго, котораго истинное таинство, пребывающее въ Святомъ Духѣ, нисшедшемъ на апостоловъ, почіетъ на представителяхъ и преемникахъ ихъ на землѣ.

Въ качествѣ духовнаго врача, не оставьте, святый архипастырь, вашимъ обильнымъ небесною благодатію благословеніемъ изданіе этой книги и, въ уваженіе памяти славнаго трудами своими богобоязненнаго передателя ея, многомилостиво не откажите мнѣ, какъ издателю и зятю покойнаго, освятить ее посвященіемъ высокому вашему имени, съ помѣщеніемъ предъ книгою этою благоговѣйнаго письма и отвѣта, какимъ ваше высокопреосвященство благоизволите удостоить меня.

Матвѣй Яковлевичъ имѣлъ намѣреніе просить о разрѣшеніи напечатать это сочиненіе славянскими буквами, какъ болѣе приличествующими духу молитвъ и соединенныхъ съ ними, въ предлагаемой книгѣ, размышленій.

Какъ зять его и, по его дочери, преемникъ правъ на изданіе сочиненій его, возношу предъ вашимъ высокопреосвященствомъ эту загробную его просьбу, всепокорнѣйше прося о милостивомъ исходатайствованіи мнѣ на то дозволенія, въ память и почетъ знаменитому мужу, видѣвшему въ томъ залогъ благотворнаго вліянія, приготовленнаго имъ

---

[1]) Умеръ въ С.-Петербургѣ 8-го іюля 1831 г

изданія, на душевное состояніе болящихъ, къ довершенію пользы, принесенной имъ человѣчеству [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ осѣните, боговдохновенный владыко, святымъ вашимъ благословеніемъ также и преклоняющагося предъ вами съ глубокопочтеніемъ. Вашего высокопреосвященства, милостивѣйшаго архипастыря, покорнѣйшій слуга И. Великопольскій.

5.

П. С. Казанскій [2])—И. Е. Великопольскому.

2-го декабря 1857.

Рукопись г. Мудрова, «Духовное врачевство», по поступленіи ея въ Комитетъ цензурный, отдана была на разсмотрѣніе ректору Виѳанской семинаріи, архимандриту Наѳанаилу [3]). Но по кончинѣ его, сего 1857 г. сентября 2-го дня, она оказалась еще непрочитанной имъ. И посему, послѣ разбора бумагъ и книгъ покойнаго о. ректора, опять поступила въ канцелярію комитета и передана на разсмотрѣніе о. протоіерею Петру Спиридоновичу Делицыну [4]), у котораго теперь и находится.

Секретарь Цензурнаго комитета, профессоръ академіи, Петръ Казанскій.

6.

В. Петровскій—И. Е. Великопольскому.

13-го іюля 1858 г. Московская духовная академія, Сергіевъ Посадъ.

Ваше высокородіе Иванъ Ермолаевичъ! Имѣю честь извѣстить васъ о ходѣ дѣла касательно представленной вами къ высокопреосвященнѣйшему Филарету, митрополиту московскому, рукописи подъ загла-

[1]) Рукопись Мудрова, скрѣпленная цензоромъ Порфиріемъ, была получена Великопольскимъ въ Чукавинѣ, 24-го августа 1858 г. Изданіе ея не состоялось.

[2]) Петръ Симоновичъ Казанскій (род. въ 1819, ум. въ 1878 г.), профессоръ русской исторіи въ Московской духовной академіи, писатель, авторъ сочиненій: „Исторія православнаго монашества на востокѣ“, (2 ч., М. 1854—1857), „Исторія православнаго русскаго монашества отъ основанія Печерской обители до основанія лавры св. Троицы“. (М. 1853 г.) и др.

[3]) Въ мірѣ Гавріилъ Нектаровъ, магистръ XI курса Московской духовной академіи.

[4]) Род. въ 1796 г., ум. въ 1863 г., писатель и переводчикъ.

віемъ: «Духовное врачество и врачебный молитвенникъ (Соч. доктора Матѳія Мудрова)».

Сданная отъ его высокопреосвященства въ Московскій комитетъ духовной цензуры и полученная послѣднимъ 20-го апрѣля 1857 года, эта рукопись поступила на разсмотрѣніе къ члену комитета, академіи инспектору, архимандриту Порфирію [1]), который, разсмотрѣвъ ее, далъ о ней мнѣніе съ одобрительнымъ отзывомъ. Но комитетъ, принимая во вниманіе содержаніе (молитвы) рукописи, нашелъ должнымъ представить этотъ отзывъ и самое рукопись въ Святѣйшій Синодъ на благоусмотрѣніе и окончательное утвержденіе. Святѣйшій Синодъ, указомъ отъ 24-го іюня сего года, за № 5960-мъ, полученнымъ комитетомъ 2-го іюня сего года, согласно съ заключеніемъ Московскаго комитета, дозволилъ сію рукопись разрѣшить къ напечатанію, съ тѣмъ, чтобы 13-е и 14-е размышленія (ст. 156—178), по изъясненнымъ въ донесеніи комитета причинамъ, были изъ рукописи исключены. Такъ какъ одобреніе на рукописи долженъ подписать цензоръ, разсматривавшій ее, а этотъ цензоръ въ настоящее время отправился на ревизію и возвратится въ августѣ, то и рукопись эта не можетъ быть возвращена вамъ для напечатанія ранѣе августа. По прибытіи о. инспектора не замедлимъ выслать ее къ вамъ.

Извѣщая васъ о семъ и поздравляя съ счастливымъ исходомъ представленной вами рукописи, съ истиннымъ почтеніемъ къ вамъ имѣю честь быть вышего высокородія покорнѣйшимъ слугою письмоводитель Цензурнаго комитета, студентъ Московской академіи, Викторъ Петровскій.

7.

П. С. Казанскій—И. Е. Великопольскому.

12-го августа 1858 г.

Иванъ Ермолаевичъ! Послѣ рѣшенія Св. Синода комитетъ не въ правѣ дѣлать какія-либо измѣненія кромѣ указанныхъ имъ. Исключеніе 13-го и 14-го размышленія не можетъ быть замѣчено посторонними читателями, потому что счетъ размышленій измѣнится.

Что касается до посвященія митрополиту сей книги, то онъ принялъ за правило не принимать никакихъ посвященій ему книгъ и отказался въ своей резолюціи отъ сей рукописи.

---

[1]) Порфирій Поповъ (род. въ 1826 г., ум. въ 1866 г.) съ 1861 г. ректоръ Виѳанской семинаріи и настоятель Симонова монастыря, съ 1864 г.—настоятель духовной миссіи въ Римѣ.

На-дняхъ о. Порфирій возвратился и потому не замедлитъ скрѣпить вашу рукопись.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю пребыть вашимъ усерднымъ слугою профессоръ Петръ Казанскій.

8.

М. П. Вронченко [1])—Н. А. Моисееву [2]).

15-го октября 1834 г. Смирна.

Горестную вѣсть долженъ я сообщить вамъ... Вы уже ее угадали! Да, добрый другъ нашъ Моисеевъ [3]) оставилъ насъ навсегда. Я, узнав-

---

[1]) Михаилъ Павловичъ Вронченко (род. въ 1801 г., ум. 4-го ноября 1855 г.)—писатель, переводчикъ Шекспира, Байрона и Гёте; воспитаніе получилъ въ Московскомъ университетѣ и въ Школѣ колонновожатыхъ, откуда вышелъ въ Свиту его величества, нынѣ Генеральный штабъ (1822). Въ 1828 г. ему поручено было произвести съемки и сдѣлать астрономическія опредѣленія въ Молдавіи, Болгаріи и Румеліи; затѣмъ онъ находился при нашей арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій противъ турокъ, а въ 1833 году, состоя при 6-мъ пѣхотномъ корпусѣ, расположенномъ близъ Константинополя, былъ командированъ, по высочайшему повелѣнію, въ Малую Азію для ея изученія и сообщенія о ней нѣкоторыхъ свѣдѣній. Проведя въ этой командировкѣ 1833, 1834 и 1835 годы и вернувшись затѣмъ въ Петербургъ, Вронченко издалъ тамъ въ 1838—1840 г. свое обширное изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Обозрѣніе Малой Азіи въ нынѣшнемъ ея состояніи“. (С.-Пб., 2 ч. съ табл.). Прослуживъ нѣкоторое время въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, Вронченко снова перешелъ въ Генеральный штабъ и умеръ въ чинѣ генералъ-маіора. О немъ см. статью А. В. Никитенка въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1867 г., № 10, стр. 1—58. Портретъ Вронченка находится въ изданномъ въ 1872 г. „Историческомъ очеркѣ корпуса военныхъ топографовъ“.

[2]) Николай Алексѣевичъ Моисеевъ, единоутробный братъ Ив. Ерм. Великопольскаго, сынъ матери его Надежды Сергѣевны, рожд. княжны Болховской, послѣ смерти перваго мужа—Ермолая Ивановича Великопольскаго—вышедшей за-мужъ за казанскаго помѣщика колл. асс. Алексѣя Ѳедоровича Моисеева. Н. А. Моисеевъ, находившійся въ службѣ съ 1827 г., въ 1841—1845 г. состоялъ при Почтовомъ департаментѣ и имѣлъ чинъ статскаго совѣтника. Сестра его—Варвара Алексѣевна была за-мужемъ за извѣстнымъ геометромъ, профессоромъ Казанскаго университета Н. И. Лобачевскимъ.

[3]) Василій Алексѣевичъ Моисеевъ, братъ Николая Алексѣевича, воспитанникъ Казанскаго университета, въ 1833 г. состоялъ, въ чинѣ титулярнаго совѣтника, 4-мъ драгоманомъ при миссіи нашей въ Константинополѣ (Мѣсяцесловъ на 1834 г.), и съ 1833 г. былъ прикомандированъ къ М. П. Вронченко, съ которымъ и путешествовалъ по Малой Азіи. По словамъ А. В. Никитенки „этотъ молодой человѣкъ, оріенталистъ съ прекраснымъ образованіемъ и характеромъ, подавалъ блестящія надежды. Причисленный къ Смирнскому консульству въ званіи драгомана, онъ долженъ былъ посто-

шій и полюбившій его недавно, чувствую потерю его живо, слѣдственно можете быть увѣрены, что понимаю, какъ вы ее чувствуете.

Долгое время путешествіе наше шло благополучно. Мы ѣздили безъ фирмана, а брали буюрлду (?) у мѣстныхъ начальниковъ. Подъѣзжая къ Коніи, во второй половинѣ августа, долго толковали мы о томъ, требовать ли у тамошняго паши буюрлду для возвращенія въ Смирну чрезъ Кемидери, береговою дорогою, какъ то мы предполагали прежде, или ѣхать черезъ Ангору и Кютайи: какъ будто бы мы предчувствовали бѣду! Ни я, однако, ни онъ не говорили другъ другу о невольномъ отвращеніи отъ поѣздки по берегу моря, и было рѣшено требовать буюрлду. Уже больной, въ Муглѣ, Моисеевъ сказалъ мнѣ, что въ то время, когда онъ шелъ къ пашѣ говорить объ этомъ дѣлѣ, вдругъ возникла въ немъ мысль, что онъ занеможетъ въ Аталіи и въ Макри. Странно! какъ душа видитъ иногда будущее!

Благополучно переѣхали мы Таврусъ, спустились къ морю въ Календери и доѣхали до Алайи. Тамъ занемогъ лихорадкою нашъ кавасъ; мы продолжали путь по берегу, а онъ на каюкѣ до Аталіи. На другой день пріѣзда туда у Моисеева сдѣлался въ головѣ жаръ и въ тотъ же день оказалась лихорадка. Нашелся порядочный докторъ, который далъ ему обыкновенныя въ такихъ случаяхъ лѣкарства,—и въ три дня лихорадка прекратилась. Мы отправились далѣе; докторъ далъ Моисееву въ запасъ хинины въ пилюляхъ. Шесть дней ѣхали мы до Макри—Моисеевъ былъ здоровъ; но въ Макри оказалась у него лихорадка опять; онъ признался, что имѣлъ запоръ съ самаго выѣзда изъ Аталіи, и не принялъ противъ него ничего. На другой день мы, однако, поѣхали, ибо пароксизмъ былъ незначителенъ и по прошествіи его къ полуночи осталась едва замѣтная слабость. На слѣдующій день мы опять поѣхали, но пароксизмъ открылся вскорѣ послѣ выѣзда. Мы остановились послѣ 6-ти часовой ѣзды; Моисееву было не хорошо, и слѣдующій день онъ рѣшился отдохнуть, принялъ слабительное, въ другой разъ (оно не дѣйствовало) и ночью началъ принимать хинину. Утромъ мы поѣхали опять, но пароксизмъ оказался опять утромъ же. Тутъ покойникъ сдѣлалъ неосторожность: принялъ хинины во время озноба (меня тогда при немъ не было); чрезъ это пароксизмъ усилился жестоко: съ большимъ трудомъ могъ онъ, переждавъ лихорадочный жаръ, доѣхать до шалаша первыхъ пастуховъ, на дорогѣ попавшихся, и тамъ

янно находиться при Вронченкѣ; но слабое здоровье его не въ состояніи было перенести путевыхъ трудностей въ Малой Азіи, и онъ умеръ въ одномъ изъ бѣдныхъ мѣстечекъ ея, несмотря на попеченія своего сопутника, искренно и имъ однимъ оплаканный" („Журн. Мин. Нар. Просв." 1868 г., № 10, стр. 12). Вронченко неоднократно упоминаетъ о Моисеевѣ въ своемъ дневникѣ (см. тамъ же, стр. 45, 46, 47, 49),

ночевали мы; Матео сдѣлалъ надъ больнымъ наметъ изъ своей шинели. На слѣдующій день поѣхали опять, чтобы добраться до города Мугла, отстоявшаго отъ ночлега на 8 часовъ. Къ вечеру пріѣхали мы туда; Моисеевъ былъ утомленъ, но болѣзнь все еще казалась обыкновенною лихорадкою, и никакой опасности не предвидѣлось. Отведенный намъ домъ какого-то грека былъ очень дуренъ, и призванный докторъ (знаете, каковы доктора внутри края?) предложилъ намъ перейти къ нему. Это мы сдѣлали слѣдующимъ утромъ. Больной опять имѣлъ пароксизмъ, и съ этого времени лихорадка сдѣлалась почти безпрерывною. Я хотѣлъ тотчасъ же ѣхать въ Смирну, чтобы оттуда прислать хорошаго доктора; но въ тотъ же день открылась и у меня лихорадка опять (первый пароксизмъ былъ у меня въ Аталіи), и на слѣдующій день я слегъ въ постель, пролежавъ дня два почти безъ чувствъ. Когда я опомнился, докторъ объявилъ, что у Моисеева febra putrida и у меня тоже, но не въ такой степени. Тутъ я тотчасъ же отправилъ въ Смирну каваса (взятаго въ г. Алмалы на мѣсто нашего, оставшагося тамъ за болѣзнію) къ консулу за докторомъ. Не знаю, какъ послѣ того лѣчилъ докторъ, нашъ хозяинъ, Моисеева, ибо я самъ былъ въ очень дурномъ положеніи; знаю, что ему дѣлалось хуже и хуже: подъ лѣвымъ ухомъ открылась опухоль, мѣшавшая ему говорить и раскрыть ротъ. Иногда я выпалзывалъ изъ моей конурки, чтобы повидаться съ нимъ; онъ однажды сказалъ слово о завѣщаніи и потомъ не говорилъ объ этомъ вовсе. Пять дней спустя по отъѣздѣ каваса пріѣхалъ изъ Смирны докторъ Мазгана и драгоманъ Абро. Больной едва узналъ ихъ. Мазгана тотчасъ прорѣзалъ нарывъ подъ ухомъ, что̀ произвело хорошее дѣйствіе; значительнаго облегченія, однакожъ, не было. Такъ прошли два дни. На третій—это было 1-го октября—Мазгана по утру началъ мнѣ совѣтовать отправиться въ Смирну моремъ (я послѣ трехъ слабительныхъ и рвотнаго, отъ котораго чуть не вырвало у меня съ желчью самую душу, и которое убило бы меня навѣрное, еслибъ не такъ сильно было мое желѣзное сложеніе,—былъ очень слабъ, но избавленъ отъ лихорадки), говоря, что Моисеевъ внѣ опасности, что я могу занемочь опять отъ сиверькаго вѣтра. И такъ, въ полдень мы отправились съ Абро, а Мазгана остался съ больнымъ. Я забылъ сказать, что за два дня передъ тѣмъ занемогъ сильно и добрый Матео, который сидѣлъ при больномъ день и ночь во все время болѣзни съ самоотверженіемъ истинно рѣдкимъ. Вышло, что Мазгана предвидѣлъ конецъ и услалъ меня, чтобы я не былъ свидѣтелемъ сцены неизбѣжной. И въ самомъ дѣлѣ, въ самый день отъѣзда моего больной сдѣлался слабѣе, но оставался по-прежнему въ полузабытьѣ, пробуждаясь изрѣдка; къ вечеру моча остановилась; въ 9 часовъ онъ потревожился, сложилъ руки на груди, произнесъ два раза «Боже мой!» и тихо, безъ мукъ, безъ судо-

рогъ, преставился; это было 1-го числа. Отираю еще одну слезу, дань искренной горести...

Мы долго ничего не знали. Шесть дней ѣхали мы съ Абро сюда; лихорадка моя возобновилась. Отдохнувъ здѣсь день или два, Абро опять поѣхалъ въ Муглу, но на дорогѣ встрѣтилъ возвращающагося Мазгана съ Матео, нѣсколько поправившимся. Они пріѣхали сегодня. Письмо отъ Мазганы съ печальнымъ извѣстіемъ получено въ Смирнѣ 10-го числа, намъ объ немъ сказали 13-го. Покойнаго похоронили по-христіански, по-надлежащему: въ Муглѣ есть греческое духовенство. Горе еще слишкомъ ново, и потому на счетъ оставшихся вещей не сдѣлано никакого по сю пору распоряженія. Все исполнится, какъ должно. Прощайте! душевно желаю вамъ твердости и всѣхъ благъ. Вашъ покорный слуга М. Вронченко.

9.

М. Г. Гавриловъ—М. Я. Мудрову [1]).

4-го іюля 1809 г. (Москва).

Милостивый государь мой Матвѣй Яковлевичъ! Усердно благодарю васъ за приглашеніе. Извините старика, что сегодня, по обстоятельствамъ, еще съ утра не располагался въ гости. Вмѣсто вкуснаго обѣда одолжите меня для прочтенія расхваленною вашею рѣчью [2]), ибо мнѣ доставшуюся у меня отняли. Я, однако жъ, замѣтилъ одинъ порокъ тотъ, что вы говорили не много, между тѣмъ, какъ достоинство латинской рѣчи замѣчено въ томъ, что ораторъ произносилъ не долго.

Съ душевнымъ къ вашъ почтеніемъ пребуду вамъ покорнѣйшій слуга Матвѣй Гавриловъ.

---

[1]) Матвѣй Гавриловичъ Гавриловъ (род. 1759, ум. въ 1829 г.), въ 1809 году бывшій экстраординарнымъ профессоромъ россійской словесности и изящныхъ наукъ въ Московскомъ университетѣ, а затѣмъ читавшій, въ званіи ординарнаго профессора, лекціи славянскаго языка, теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи. Гавриловъ съ 1790 г. состоялъ въ теченіе 28-ми лѣтъ редакторомъ „Политическаго Журнала“, который съ 1809 г. выходилъ подъ названіемъ „Историческаго, статистическаго и географическаго журнала“.

[2]) „Слово о пользѣ и предметахъ военной гигіены, или науки сохранять здравіе военнослужащихъ, въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета, іюля 3 дня 1809 года, произнесенное.... Матвѣемъ Мудровымъ“. М. Въ унив. типографіи, 39 стр. 4°.

10.

И. А. Заборовскій [1])—М. Я. Мудрову.

15-го іюня 1815 г.

Милостивый государь и любезный другъ Матвѣй Яковлевичъ! Жена моя [2]) весьма обрадована была полученіемъ вашего почтеннѣйшаго письма и даннаго совѣта штабъ-лѣкаря, которому дотолѣ въ лѣченіи ему не вѣрила. Оба благодаримъ васъ, любезный другъ, за попеченіе ваше. Больная принимаетъ лѣкарствы, и ей становится гораздо лучше; кажется, что шпанскія и пластыри произвели большое облегченіе, но слабость чрезвычайная, ничего не ѣстъ. Письмо отъ преосвященнаго намѣстнику вручено; открылось, что писано было на мой счетъ. Прошу покорнѣйше васъ, любезный другъ, изъявить мое почтеніе и покорнѣйшую благодарность за отличный пріемъ меня здѣшнимъ намѣстникомъ, котораго я прежде не имѣлъ чести быть знакомымъ (sic). Нашелъ въ немъ умнаго и любезнаго человѣка. Впрочемъ, пребыть честь имѣю съ моимъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію, навсегда покорнѣйшій и вѣрный слуга Иванъ Заборовскій.

Вручитель сего письма о больной скажетъ вамъ лично, въ какомъ положеніи ее оставилъ.

11.

Графъ А. А. Закревскій [3])—М. Я. Мудрову.

15-го февраля 1831 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь Матвѣй Яковлевичъ! На-дняхъ государь императоръ изволилъ спрашивать у меня, скоро ли будетъ оконченъ

---

[1]) Иванъ Александровичъ Заборовскій (род. 18-го мая 1735 г., ум. 17-го сентября 1817 г.), за сраженіе 10-го іюля 1775 г. получившій орденъ Георгія 3-й степени и чинъ генералъ-маіора, съ 1777 г. былъ правителемъ Ярославскаго, съ 1782 г.—Тульскаго намѣстничества, а съ 1787 г. владимірскимъ и костромскимъ генералъ-губернаторомъ; вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

[2]) Елизавета Ѳедоровна, рожд. Лопухина (род. 4-го апрѣля 1743 г., ум. 23-го марта 1820 г.), внучатная племянница царицы Евдокіи Ѳеодоровны Лопухиной.

[3]) Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, занимавшій тогда постъ министра внутреннихъ дѣлъ, рескриптомъ отъ 4-го сентября 1830 г. былъ поставленъ во главѣ особаго комитета, которому поручено было принятіе мѣръ противъ появившейся въ Россіи холеры. М. Я. Мудровъ, какъ врачъ, пользовавшійся широкою извѣстностью, вошелъ въ составъ центральной коммиссіи, назначенной дѣйствовать, подъ руководствомъ графа Закревскаго, противъ заразы.

«Трактатъ о холерѣ» [1]), составляемый вами вмѣстѣ съ прочими членами находившагося при мнѣ медицинскаго совѣта, при чемъ его величество объявилъ, что по составленіи онаго трактата всѣ члены сего совѣта будутъ призваны въ С.-Петербургъ для общихъ совѣщаній съ медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ и съ нѣкоторыми извѣстнѣйшими членами московскаго совѣта, трактатъ коего также здѣсь ожидается и будетъ разсматриваться вмѣстѣ съ вашимъ. Вслѣдствіе сего покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, заняться съ особеннымъ вниманіемъ и дѣятельностью составленіемъ помянутаго трактата о холерѣ и, сколь возможно, поспѣшить окончаніемъ онаго и доставленіемъ ко мнѣ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью, имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнымъ слугою графъ А. Закревскій.

P. S. Поспѣшаю увѣдомить васъ, что государь императоръ пожаловалъ васъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ чѣмъ и поздравляю ваше превосходительство. Г-на Нагумовича [2]) и Дядьковскаго [3]) я представлялъ къ ордену св. Владиміра 3-й степени, но государь имъ пожаловалъ знаки ордена св. Анны 2-й степени, императорскою короною украшенные, ибо его величеству не угодно было нарушить постепенность, принятую въ наградахъ. Весьма сожалѣю, что по сему случаю не могъ исходатайствовать имъ награды, которую полагалъ достойною по ихъ заслугамъ и которая могла бы имъ быть особенно пріятна.

Господина Венедиктова [4]) и Чеботарева [5]) я представилъ къ ордену св. Владиміра 4-й степени, но второму высочайшаго соизволенія не послѣдовало по причинѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, находящихся въ его формулярномъ спискѣ. Буду хлопотать, чтобы, по крайней мѣрѣ,

---

[1]) См. слѣдующія письма.

[2]) Левъ Яковлевичъ Нагумовичъ, д-ръ мед., тогда старшій докторъ пѣхоты гвардейскаго корпуса, а впослѣдствіи д. с. с., членъ Медицинскаго ученаго комитета (р. въ 1799 † 14-го апрѣля 1853 г.)

[3]) Іустинъ Евдокимовичъ Дядьковскій (р. 1-го іюня 1784 г., † 22-го іюля 1841 г.), извѣстный врачъ, бывшій въ это время ординарнымъ профессоромъ въ Московскомъ отдѣленіи Медико-хирургической академіи, а съ конца 1831 г перешедшій въ Московскій университетъ на каѳедру терапіи.

[4]) Александръ Саввичъ Венедиктовъ, надв. сов., ординарный профессоръ анатоміи въ Харьковскомъ университетѣ, въ 1836 году отрѣшенный отъ должности съ преданіемъ суду. Отрывокъ изъ записокъ Венедиктова о студенчествѣ его въ Харьковскомъ университетѣ напечатанъ Вс. Изм. Срезневскимъ въ „Отчетѣ о 41 присужденіи наградъ гр. Уварова“, СПБ. 1901 г., стр. 215—216.

[5]) Андрей Харитоновичъ, шуринъ М. Я. Мудрова, занимавшій при немъ, какъ предсѣдателѣ центральной коммиссіи, должность ученаго секретаря. См. ниже его письма къ С. Х. Мудровой.

исключили оныя изъ его формуляра и объ успѣхѣ въ свое время васъ увѣдомлю.

Копіи съ указовъ сенату о пожалованномъ вамъ чинѣ и орденѣ г-ну Дядьковскому при семъ прилагаю; на счетъ же г. Нагумовича будетъ особенный указъ по военному вѣдомству. Объ г-нѣ Венедиктовѣ сказано въ копіи съ указа, посылаемаго при семъ письмѣ къ г. Кильдюшевскому [1]).

Рукою М. Я. Мудрова помѣчено: «Февраля 24-го (вторникъ) читано въ засѣданіи Совѣта и въ протоколъ записано».

12.

Графъ А. А. Закревскій—М. Я. Мудрову.

28-го марта 1831 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь Матвѣй Яковлевичъ! Я получилъ письмо вашего превосходительства отъ 16-го сего марта и при немъ вступленіе къ «Трактату о холерѣ», которое, переправивъ, возвращаю къ вамъ, присовокупляя, что оно еще не вполнѣ соотвѣтствуетъ желанію моему. Вступленіе должно содержать общія мысли о сочиненіи,—его исторію, начало (principe), пользу и необходимость. Однимъ словомъ, оно должно давать нѣкоторое понятіе о самой книгѣ; и потому въ немъ необходимо коснуться исторіи холеры, ея появленія въ Индіи, сравненія ея съ другими повальными болѣзнями, переходы изъ одной страны въ другую, наконецъ,—вступленіе въ Россію, ея дѣйствія, неизвѣстность ея медикамъ и степень дознанія ея свойствъ. Все сіе описать обстоятельно, послѣ чего можно дать понятіе о центральной коммиссіи, дабы объяснить поводъ сочиненія трактата; самый слогъ, отличаясь ученостію, долженъ быть простъ и ясенъ.

Предоставивъ все вышесказанное на соображеніе ваше, я желаю, чтобы Совѣтъ медицинскій при центральной коммиссіи немедленно занялся со всевозможною поспѣшностію приведеніемъ къ окончанію означеннаго трактата и, совершивъ оный, представилъ ко мнѣ безъ малѣйшаго отлагательства.

---

[1]) Вѣроятно,—Павелъ Николаевичъ (род. въ 1799, ум. 20-го ноября 1858 г.), воспитанникъ Московскаго отдѣленія Медико-хирургической академіи, съ 1827 г. бывшій въ ней адъюнктъ-профессоромъ по сравнительной анатоміи и физіологіи, въ 1830 и 1831 г. посланный «на холеру» въ Саратовъ, Вольскъ, Тулу и Данцигъ; съ 1831 г.—ординарный профессоръ, съ 1838 г.—докторъ медицины; затѣмъ—профессоръ повивальнаго института при Московскомъ воспитательномъ домѣ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга графъ А. Закревскій.

13.

Графъ А. А. Закревскій—М. Я. Мудрову.

1-го апрѣля 1831 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь Матеій Яковлевичъ! Изъ послѣдняго письма вашего превосходительства отъ 24-го марта усматриваю желаніе ваше и членовъ Совѣта объ отсрочкѣ въ доставленіи требуемаго «Трактата о холерѣ». Несмотря на справедливость нѣкоторыхъ изъ представляемыхъ вами доказательствъ, не могу, къ сожалѣнію, исполнить по сему просьбы вашей. Полицейскія мѣры предосторожности имѣютъ въ непродолжительномъ времени быть представлены на высочайшее разсмотрѣніе; медицинскія же, не менѣе необходимыя,—тѣмъ съ большею поспѣшностію должны быть приведены къ окончанію своему, что наступающая весна, грозя возрожденіемъ гибельной болѣзни, вынуждаетъ спѣшить составленіемъ руководства къ повсемѣстному употребленію.

Послѣднее обстоятельство письма вашего, на счетъ обнаружившейся вновь холеры въ Москвѣ, меня весьма опечалило, но я надѣюсь, что дѣятельныя мѣры правительства и попеченія московскихъ медиковъ преградятъ распространеніе зла сего и избавятъ столицу отъ горестнаго и затруднительнаго положенія, которое испытывала она въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою графъ А. Закревскій.

Рукою М. Я. Мудрова помѣчено: «Получилъ апрѣля 6-го дня, читалъ въ Совѣтѣ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Приказъ военнаго министра Барклая-де-Толли съ запрещеніемъ частнымъ начальникамъ производить пушечную пальбу по произволу.

5-го октября 1810 г. № 59.

Дошло до свѣдѣнія, что минувшаго августа 30-го числа во время обѣденнаго стола у выборгскаго коменданта генералъ-маіора де-Жерве по приказанію его производима была съ крѣпости пушечная пальба, каковая высочайшимъ указомъ 1796 года декабря въ 8-й день и послѣдовавшими предписаніями въ викторіальные и другіе праздничные дни запрещена, за что сдѣлавъ означенному генералъ-маіору де-Жерве выговоръ, объявляю о томъ и по всей арміи.

О приселеніи малороссіянъ къ войску донскому.

Высочайшее повелѣніе войска донскаго войсковому атаману г. генералу-отъ-кавалеріи графу Платову.

10-го октября 1817 г., № 149.

Тягостное положеніе поселенныхъ на границѣ Донскаго войска съ Кавказскою губерніею малороссіанъ, обращенныхъ въ казаки, убѣждаетъ меня согласиться съ представленіемъ вашимъ отъ 18-го августа, и потому я позволяю вамъ, изъ всѣхъ 118-ти станицъ войска донскаго отдѣлить триста семей казаковъ и приселить ихъ къ означеннымъ изъ малороссіанъ казакамъ, дабы они совокупно могли быть раздѣлены на двѣ части къ отправленію повинностей по мѣсту ихъ жительства и къ хозяйственнымъ управленіямъ.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XXXVII [1]).

Отступленіе. — Посылка А. Орлова парламентеромъ въ главную квартиру французской арміи.—Порученіе, данное Левенштерну.—Характеристика графа Палена.—Генералъ Юзефовичъ.—Отступленіе къ Лобау. — Графъ Паленъ раненъ.—Назначеніе Левенштерна состоять при немъ.

Во время этой сумятицы, я былъ пріятно удивленъ, встрѣтивъ графа Петра Палена, только-что пріѣхавшаго, чтобы принять командованіе аррьергардомъ арміи.

Въ тотъ моментъ, когда я высказывалъ ему свое удовольствіе по поводу нашей встрѣчи, пушечное ядро разворотило между нами дернъ и осыпало насъ землею; это было предостереженіе, указывающее, что мы неудачно выбрали моментъ для разговора. Паленъ просилъ меня дать ему на время хорошую верховую лошадь, такъ какъ его экипажи еще не прибыли, что я исполнилъ съ удовольствіемъ.

Подъ вечеръ, графъ Паленъ приказалъ мнѣ встать за Ландскроною, наблюдать за движеніемъ непріятеля на нашемъ лѣвомъ флангѣ, отойти на слѣдующій день къ Герлицу, когда пройдетъ весь нашъ аррьергардъ, и сжечь по пути всѣ мосты.

Ночь прошла спокойно; въ 8 часовъ утра я прошелъ черезъ Герлицъ; непріятель слабо преслѣдовалъ меня, и я успѣлъ безпрепятственно разрушить мостъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1901 г. май.

Въ тотъ моментъ, когда я былъ этимъ занятъ, подъѣхалъ Алексѣй Орловъ, посланный парламентеромъ въ главную квартиру французской арміи. Онъ переѣхалъ по мосту послѣднимъ; какимъ образомъ онъ вернулся обратно, мнѣ не извѣстно.

Желая упорядочить дѣйствія казацкихъ отрядовъ, графъ Паленъ подчинилъ ихъ соотвѣтствующимъ начальникамъ, и такъ какъ я не имѣлъ возможности присоединиться къ генералу Ланскому, то былъ подчиненъ непосредственно генералу Юзефовичу. Мнѣ было поручено командовать аванпостами, не терять изъ вида непріятеля, поддерживать сообщеніе съ арміей Блюхера и отступать мало-по-малу на дорогу въ Лобау и Леопольдсгайнъ, разрушая всюду мосты,—обязанность, въ высшей степени непріятная, такъ какъ при этомъ не только приходится выносить непріятеля на своихъ плечахъ до самой переправы, но и считаться со всевозможными мелочами, принимать всяческія предосторожности, дѣлать приготовленія и при томъ не всегда можно разсчитывать на успѣхъ. Преслѣдуя васъ энергично, непріятель можетъ перейти мосты, смѣшавшись съ вашими солдатами; если же вы разрушите ихъ слишкомъ рано, то рискуете пожертвовать людьми, потерять отсталыхъ, и тогда вы подвергнетесь столь же тяжкому упреку, какъ велика была бы ваша отвѣтственность, ежели непріятелю удалось захватить мосты прежде, нежели вы успѣли бы ихъ разрушить.

Начальство рѣдко цѣнитъ оказанныя вами въ этомъ случаѣ услуги, такъ какъ, находясь вдали или будучи занято въ этотъ моментъ чѣмъ-либо другимъ, оно рѣдко отдаетъ себѣ отчетъ въ тѣхъ трудностяхъ, съ коими сопряжена эта обязанность. Я знаю это по опыту и убѣжденъ, что слѣдовало бы всегда имѣть отрядъ пѣхоты (а нынѣ драгунъ) [1]), чтобы поддержать кавалерію, на которую возлагается эта обязанность, и конныхъ піонеръ, которые, вѣроятно, будутъ вскорѣ сформированы и которые могли бы быть полезны въ подобномъ случаѣ.

Принцъ Евгеній Виртембергскій и графъ де-Сенъ-Пріестъ встали со своей пѣхотой позади маленькой рѣчки Леопольдсгайнъ, чтобы задерживать слишкомъ быстрыя движенія непріятеля и дать остальной арміи время уйти къ Лобау.

Графъ Паленъ внесъ, какъ я уже сказалъ, болѣе порядка и единообразія въ отряды, находившіеся подъ его начальствомъ; онъ составилъ изъ нихъ одно цѣлое, вполнѣ соотвѣтствовавшее той трудной задачѣ, которую ему приходилось выполнить и на высотѣ которой онъ стоялъ, благодаря своимъ личнымъ качествамъ и военнымъ дарованіямъ.

Это былъ въ нашей арміи рыцарь безъ страха и упрека. Человѣкъ

---

[1]) Позднѣйшая приписка.

честный и правдивый, онъ никогда не сдѣлалъ поступка достойнаго порицанія, за который совѣсть могла бы упрекнуть его; начальство всегда уважало его, а непріятель боялся; товарищи любили его, подчиненные обожали. Въ высшей степени простой и скромный въ обращеніи, онъ имѣлъ способность заставлять повиноваться себѣ, не внушая страха; всѣ дѣлали изъ любви къ нему то, что для инаго сдѣлали бы только по обязанности. Онъ имѣлъ способность и привычку командовать, былъ требователенъ и самъ отличался исполнительностью, никогда не преувеличивалъ свои заслуги и охотно уступалъ другимъ славу успѣха, сопровождавшаго обыкновенно все, что онъ предпринималъ.

По его приказанію къ моему отряду было присоединено два эскадрона татаръ (de lanciers tartares) и батальонъ егерей и мнѣ было поручено прикрывать отступленіе до Лобау, защищать ущелье между Леопольдсгайномъ и Тротчендорфомъ (Trotchendorff) и поддерживать непосредственное сообщеніе съ генераломъ Гельфрейхомъ, который шелъ эшелонами позади графа Палена. Прибывъ въ Лобау, я долженъ былъ разрушить мосты и отступить на позицію, занятую уже графомъ Паленомъ.

Принцу Евгенію Виртембергскому было приказано держаться со своей пѣхотной дивизіей до вечера передъ Леопольдсгайномъ и оставить эту позицію ночью, идя подъ прикрытіемъ генерала Юзефовича и моего отряда. Но непріятель предупредилъ его и атаковалъ въ тотъ же вечеръ. Два полка егерей, 4-й и 20-й, посланные въ Геннерсдорфъ, были отрѣзаны саксонской кавалеріей, перешедшей рѣку вбродъ, и сильной колонной пѣхоты, которая заняла деревню Геннерсдорфъ и пресѣкла егерямъ всякое сообщеніе съ главными силами дивизіи принца Евгенія.

Надобно было какъ можно скорѣе исправить случившееся для того, чтобы спасти нашихъ егерей; надобно было совершить поспѣшное движеніе; это могла выполнить только кавалерія.

Принцъ Евгеній отлично понималъ это; онъ послалъ своего адъютанта, капитана Вахтена просить генерала Юзефовича взять на себя эту обязанность со своими драгунами. Но генералъ отказался на томъ основаніи, что Геннерсдорфъ уже былъ занятъ непріятелемъ, откуда его надобно было предварительно вытѣснить при помощи пѣхоты; только тогда, по его словамъ, возможно сдѣлать что-либо для егерей, которые, какъ мы видѣли, были окружены саксонцами.

Принцъ Евгеній, все болѣе и болѣе тѣснимый непріятелемъ, прискакалъ самъ, чтобы убѣдить генерала Юзефовича помочь имъ, но всѣ его убѣжденія были напрасны. Генералъ отвѣчалъ на всѣ доводы: «очистите деревню отъ непріятеля, и я освобожу егерей».

Я былъ возмущенъ этимъ спокойствіемъ и апатіей, и хотя всѣ его разсужденія были вѣрны въ теоріи, но вѣдь нельзя же всегда дѣйство-

вать только по правиламъ. Я подъѣхалъ къ принцу Евгенію и сказалъ ему, что я берусь освободить егерей. Сказано, сдѣлано; я подскакалъ въ галопъ, проѣхалъ черезъ деревню и хотя непріятель обстрѣливалъ меня со всѣхъ сторонъ, но я выѣхалъ на равнину и атаковалъ саксонцевъ, которые этого не ожидали; побѣда была полная, они обратились въ бѣгство, егеря ободрились и, въ свою очередь, вытѣснили французовъ изъ деревни и расчистили мнѣ путь; я вернулся къ своему посту съ нѣсколькими стами плѣнныхъ.

Это было настоящимъ торжествомъ для принца Евгенія; онъ не зналъ, какъ благодарить меня. Генералъ Юзефовичъ сильно поморщился, увидавъ, что я осмѣлился попытать съ казаками то, что онъ не счелъ возможнымъ предпринять съ драгунами; онъ сдѣлался моимъ врагомъ, узнавъ о слѣдующемъ донесеніи, посланномъ принцемъ Евгеніемъ объ этомъ дѣлѣ:

«11-го числа мая, при деревни Третендорфѣ, когда стрѣлки 4-го и 20-го егерскихъ полковъ были атакованы и взяты непріятельскою кавалеріею въ плѣнъ, полковникъ баронъ Левенштернъ бросился чрезъ занятую непріятельскими стрѣлками деревню и не только освободилъ всѣхъ нашихъ стрѣлковъ, но изрубилъ часть непріятельской кавалеріи, а часть взялъ въ плѣнъ.

«Сверхъ того, полковникъ баронъ Левенштернъ во время отступленія нашей арміи отъ города Люцена до крѣпости Швейдница находился ежедневно въ арріергардныхъ дѣлахъ и подавалъ во всѣхъ случаяхъ примѣръ храбрости и неустрашимости своимъ подчиненнымъ. За таковые отличнѣйшіе подвиги полковника барона Левенштерна, пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю себѣ отдать ему должную справедливость, какъ достойному, храброму, благоразумному и неустрашимому офицеру».

Но всѣ эти похвалы и смѣю даже сказать мои маленькіе успѣхи не принесли мнѣ никакой пользы. Я привыкъ къ этому и уже ни на что не надѣялся; къ тому же событія слѣдовали съ такою быстротою, и мнѣ приходилось такъ много дѣйствовать, что я и самъ не придавалъ особеннаго значенія этому подвигу, котораго было бы достаточно, чтобы упрочить репутацію человѣка болѣе счастливаго или относящагося заботливѣе къ своимъ личнымъ интересамъ. Но генералъ Юзефовичъ не могъ простить мнѣ этой удачи и началъ угнетать меня, желая, такъ сказать, опекать меня. Онъ разсѣялъ безъ всякой надобности моихъ казаковъ, указывалъ мнѣ, какіе отряды формировать и куда ихъ посылать, самъ назначалъ офицеровъ, которые должны были командовать ими, и опредѣлялъ даже, какое именно посылать число лошадей, но онъ такъ мало былъ знакомъ съ подобнаго рода службою, что когда мы пробыли подъ его командою 36 часовъ, то изъ 800 лошадей бывшихъ въ моемъ распоряженіи у меня осталось не болѣе ста; а между тѣмъ, слу-

чись тревога, всѣ сказали бы: «Левенштернъ находится тамъ съ двумя полками казаковъ и его отрядъ достаточно силенъ, чтобы удержать непріятеля до тѣхъ поръ, пока мы успѣемъ сформироваться»; никто не повѣрилъ бы, что у меня подъ рукою всего сто лошадей. За то вечеромъ, когда я представилъ ему донесеніе объ израсходованныхъ мною въ этотъ день людяхъ, то онъ самъ испугался; но я успокоилъ его, показавъ ему истинную цифру этого расхода и объяснивъ, какимъ образомъ мнѣ удалось это сдѣлать. Это было очень просто: куда генералъ приказывалъ мнѣ послать 50 человѣкъ, я посылалъ человѣкъ 10 или 12; опытъ показалъ мнѣ, что небольшіе обсерваціонные отряды дѣлаютъ дѣло такъ же хорошо, какъ и болѣе сильные отряды; слѣдуя этой системѣ, не утомляешь понапрасну солдатъ и всегда имѣешь въ рукахъ достаточно людей на непредвидѣнный случай.

Несмотря на эти мелкія помѣхи и непріятности, я продолжалъ дѣйствовать энергично; мнѣ пришлось имѣть жаркое дѣло у Лобау.

Къ счастью, я отослалъ во-время батальонъ егерей, который былъ бы изрубленъ, если бы я имѣлъ глупость принять Леопольдсгайнское ущелье за Ѳермопилы.

Такъ какъ непріятель обошелъ мою позицію, то я уже не могъ замедлить марша, ибо иначе мой батальонъ немедленно былъ бы взятъ въ плѣнъ. Генералъ Юзефовичъ, посовѣтовавшій мнѣ поставить батальонъ у опушки одного лѣсочка, чтобы задержать непріятеля, былъ бы, я думаю, очень доволенъ, если бы я сдѣлалъ эту ошибку; поэтому онъ былъ непріятно удивленъ, увидавъ, что батальонъ вступилъ въ боевую линію, не потерявъ ни одного человѣка: я выпутался изъ бѣды съ моими казаками и татарами. Графъ Паленъ не только не высказалъ мнѣ порицанія, но даже похвалилъ меня за то, что я не разыгралъ не кстати роль Леонида.

Прибывъ въ Лобау, я сжегъ мостъ, и мнѣ стоило большаго труда очистить городъ отъ нашихъ отсталыхъ солдатъ, которые занимались опустошеніемъ погребовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, мертвецки пьяные, такъ и остались въ погребахъ, а одинъ даже утонулъ въ погребѣ, гдѣ пролитое вино образовало лужу, въ которую онъ свалился и задохнулся.

Я подъѣхалъ къ графу Палену, расположившемуся на одной возвышенности позади города, въ тотъ моментъ, когда онъ отдавалъ генералу Никитину приказаніе установить тамъ батарею, чтобы угостить непріятеля, который приближался къ намъ съ намѣреніемъ возстановить мостъ.

Давъ отдохнуть моимъ лошадямъ, онъ приказалъ мнѣ идти вдоль этой возвышенности, наблюдая за непріятелемъ, и оставаться въ непосредственномъ сообщеніи съ генераломъ Юзефовичемъ, который, будучи

со мною весьма любезенъ даже до приторности, никогда не упускалъ случая сдѣлать мнѣ непріятность.

Генералы Ланской и Винценгероде всегда посылали мои донесенія главнокомандующему и императору въ оригиналѣ, между тѣмъ, какъ Юзефовичъ, пользуясь тѣми данными, какія я доставлялъ ему, сообщалъ ихъ графу Палену, какъ свѣдѣнія, полученныя имъ лично, избѣгая называть мое имя и указать источникъ, изъ котораго имъ были получены эти свѣдѣнія. Не желая быть козлищемъ отпущенія Юзефовича и привыкнувъ быстро принимать рѣшенія, я просилъ графа Палена дозволить мнѣ присоединиться къ его главной квартирѣ, что онъ мнѣ тотчасъ и разрѣшилъ; но прежде нежели я успѣлъ прибыть туда, я узналъ, что онъ имѣлъ несчастіе быть раненымъ въ голову въ сраженіи при Левенбергѣ и что его перевезли, по его приказанію, въ Гольдбергъ, куда я и послѣдовалъ за нимъ.

Изложивъ графу причины, по которымъ я желалъ сложить съ себя командованіе моей частью, я сказалъ ему, что можно выносить утомленіе и опасности, коимъ я подвергался ежедневно, только въ томъ случаѣ, если начальство умѣетъ цѣнить ихъ, и что я твердо рѣшилъ не работать болѣе для Юзефовича.

Графъ Паленъ вполнѣ одобрилъ меня и предложилъ остаться при немъ и немного отдохнуть отъ понесенныхъ мною трудовъ. Я съ радостью согласился на это и предался отдохновенію, надѣясь, что мнѣ удастся продлить это dolce far niente до окончательнаго выздоровленія графа.

Командующимъ арьергардомъ вмѣсто графа Палена былъ назначенъ генералъ Васильчиковъ; онъ заѣхалъ по пути на короткое время къ графу.

Васильчиковъ былъ также одинъ изъ нашихъ доблестныхъ боевыхъ генераловъ. Былъ моментъ, когда мнѣ страшно захотѣлось поѣхать вмѣстѣ съ нимъ и отвѣдать снова счастіе въ ежедневныхъ стычкахъ съ непріятелемъ. Графъ Паленъ отговорилъ меня отъ этого, доказавъ мнѣ, что я нуждался въ отдыхѣ и что успѣю возстановить свои силы до тѣхъ поръ, пока онъ поправится, а затѣмъ мы вмѣстѣ съ нимъ со свѣжими силами примемся снова за дѣло.

Я рѣшилъ не покидать человѣка, котораго я привыкъ съ юныхъ лѣтъ любить и уважать; вдобавокъ мнѣ удалось отдѣлаться отъ Юзефовича; этого было въ настоящую минуту съ меня довольно.

Но, какъ читатель увидитъ, часы моего отдохновенія были уже сочтены.

XXXVIII.

Партизанскія дѣйствія Левенштерна и Фигнера.—М. Орловъ.—Жестокость Фигнера съ французами.—Графъ Бубна.—Операціи въ окрестностяхъ Глогау.—Перемиріе.

Мы собирались сѣсть въ карету, чтобы слѣдовать за отступавшей арміей, когда прибылъ курьеръ отъ графа Витгенштейна, привезшій мнѣ письмо отъ его начальника штаба, генерала д'Оврэ (Auvray). Послѣдній передалъ мнѣ приказаніе графа отправиться немедленно къ главнокомандующему. Кратковременный отдыхъ, коимъ я наслаждался, продолжался ровнехонько 36 часовъ! Но этого было достаточно для меня, чтобы отдѣлаться отъ генерала Юзефовича и вступить снова въ ту сферу дѣятельности, которая была моей стихіей. Графъ Витгенштейнъ приказалъ мнѣ перерѣзать операціонную линію французской арміи, оперировать энергично у нея въ тылу и, обойдя правый флангъ непріятеля, приблизиться къ ея лѣвому крылу, идя по направленію къ Глогау. Мнѣ было приказано остаться какъ можно долѣе на коммуникаціонной линіи французовъ и перейти Одеръ ниже Глогау, постаравшись предварительно получить извѣстія отъ Бюлова или Воронцова, коимъ было поручено прикрывать Берлинъ.

Графъ Витгенштейнъ предоставилъ мнѣ полную свободу дѣйствій, разрѣшивъ выполнить это порученіе, какъ я найду болѣе удобнымъ, и требуя только, чтобы я извѣщалъ его о томъ, въ какомъ направленіи двигается непріятельская армія, что было для него весьма важно.

Главнокомандующій предупредилъ меня, что подобное же порученіе возложено на полковника Фигнера и что хотя онъ предоставляетъ намъ полную свободу дѣйствій, но мы должны согласовать наши движенія такимъ образомъ, чтобы поддерживать другъ друга и соединиться при переправѣ черезъ Одеръ, такъ какъ непріятель конечно постарается, во всякомъ случаѣ, затруднить намъ эту переправу, если возможно, даже и помѣшать ей.

Я былъ польщенъ довѣріемъ главнокомандующаго и поспѣшилъ къ аррьергарду генерала Васильчикова, чтобы принять снова командованіе бригадою казаковъ, которую генералъ Юзефовичъ считалъ уже, кажется, своею неотъемлемою собственностью. Онъ выразилъ мнѣ свое сожалѣніе по поводу того, что я его оставилъ; я не повѣрилъ ни одному сказанному имъ слову. Не теряя времени на объясненія, я простился съ нимъ и, надѣясь на свою счастливую звѣзду, началъ снова смѣлую жизнь партизана.

Партизанъ долженъ дѣйствовать всегда спокойно и разсудительно, онъ долженъ спать въ тылу непріятельской арміи такъ же спокойно, какъ

у себя въ постелѣ. Если партизанъ волнуется, если его тревожить его положеніе, то онъ никуда не годится.

Партизанскія дѣйствія могутъ быть успѣшны только при быстротѣ и рѣшительности движеній, и при соблюденіи величайшей тайны.

Партизанъ долженъ скрывать свои намѣренія ото всѣхъ; планъ дѣйствій долженъ быть у него въ головѣ, и если обстоятельства потребуютъ, то онъ долженъ не задумываясь измѣнить его, даже не сходя съ лошади. При быстротѣ движеній онъ рѣдко имѣетъ возможность справляться съ картою мѣстности, которую онъ долженъ знать наизусть, и только въ крайнемъ случаѣ онъ можетъ имѣть въ карманѣ или въ шапкѣ обрывокъ карты той мѣстности, гдѣ ему приходится дѣйствовать.

Выступая изъ какой-нибудь деревни, партизанъ долженъ идти въ сторону противоположную той, куда ему надобно направиться, чтобы крестьяне не могли указать непріятелю, куда онъ пошелъ; затѣмъ онъ долженъ окольными путями пробраться на настоящую дорогу. Дневныхъ маршей слѣдуетъ по возможности избѣгать, но съ другой стороны нельзя идти только ночью, въ особенности если хочетъ напасть на непріятеля врасплохъ, ибо въ потьмахъ нельзя дѣйствовать навѣрняка.

Необходимо имѣть хорошихъ проводниковъ, и хотя это будетъ не особенно любезно по отношенію къ нимъ, но ихъ нельзя отпускать обратно, иначе какъ по прошествіи четырехъ или пяти дней, когда они уже не съумѣютъ болѣе оріентироваться.

Ихъ слѣдуетъ конечно щедро вознаграждать за эту принудительную задержку; это самое вѣрное средство заставить ихъ служить добросовѣстно. Проводники всегда были мнѣ очень полезны, и мой кошелекъ былъ всегда къ ихъ услугамъ; за то я могъ обходиться безъ штабныхъ офицеровъ.

Хотя партизанъ долженъ всегда имѣть строго обдуманный планъ дѣйствій, но выполненіе его зависитъ обыкновенно отъ столькихъ случайностей, что онъ не долженъ упорствовать на немъ, если это окажется затруднительно; партизанъ долженъ быть свободенъ въ своихъ движеніяхъ, какъ птица, рѣющая въ воздухѣ; все зависитъ отъ препятствій, какія онъ встрѣтитъ на пути, отъ свѣдѣній, какія будутъ имъ получены, и отъ того, какую добычу ему удастся захватить.

Цѣль партизана—нанести вредъ непріятелю; а въ какомъ именно пунктѣ, это не важно, лишь бы былъ достигнутъ желаемый результатъ.

Но, главное, надобно постоянно сообщать главнокомандующему точныя свѣдѣнія о движеніи непріятеля: въ этомъ заключается главная задача партизана. Для достиженія ея необходимо имѣть надежныхъ и ловкихъ агентовъ, которые умѣли бы искусно переодѣться и доставить кому нужно необходимыя свѣдѣнія; ихъ также необходимо щедро вознаграждать. Не имѣя таковыхъ агентовъ, придется зачастую совершать

усиленные марши для того, чтобы доставить главнокомандующему донесенія и очутиться затѣмъ снова на одномъ изъ фланговъ непріятельской арміи; придется посылать смѣтливыхъ офицеровъ въ главную квартиру или на ближайшій постъ и спѣшить обратно, чтобы приняться за дѣло.

Партизанъ долженъ имѣть вѣрный глазъ, долженъ любить свое дѣло, быть неутомимымъ и не обращать вниманія на тревожныя свѣдѣнія, какія мѣстные жители сообщаютъ обыкновенно въ отвѣтъ на дѣлаемые имъ разспросы. Партизанъ долженъ быть всегда спокоенъ духомъ, долженъ имѣть хорошій, ровный характеръ, не долженъ думать о наградахъ и обязанъ дѣлать свое дѣло, какъ нѣчто пріятное само по себѣ.

Надобно умѣть внушить довѣріе солдатамъ и въ особенности вселить въ нихъ убѣжденіе, что непріятель долженъ бояться ихъ, а не они непріятеля. Это довѣріе можно внушить имъ, избѣгая вступать въ неравный бой съ непріятелемъ, т. е. съ превосходными его силами. Неудача неизбѣжно влечетъ за собою гибель партизана и надолго обезкураживаетъ его отрядъ.

Если шансы кажутся благопріятными, то нападеніе должно быть произведено стремительно; при этомъ нельзя допускать ни разсужденій, ни колебаній; надобно атаковать непріятеля съ быстротою молніи или вовсе отказаться отъ нападенія. Одержавъ хотя бы блестящій успѣхъ, партизанъ не долженъ оставаться на мѣстѣ, а долженъ тотчасъ двинуться далѣе, совершить форсированный маршъ и только тогда отдыхать. Человѣкъ, не обладающій присутствіемъ духа, которое столь необходимо во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, не долженъ браться за партизанское дѣло; онъ долженъ оставаться въ арміи, гдѣ онъ можетъ быть полезнѣе, тогда какъ, находясь съ тылу непріятельской арміи, онъ надѣлаетъ только глупостей.

Тамъ приходится дышать совершенно иной атмосферой; деревья, дороги, рѣки, деревни, даже самые жители, все кажется инымъ въ тылу непріятельской арміи. Надобно всегда быть при дѣлѣ, не развлекаться ничѣмъ, хитрить, не доѣдать, не досыпать и переносить всевозможныя лишенія весело и бодро. Если начальникъ партизанскаго отряда будетъ унылаго и мрачнаго характера, то ему не сдобровать.

Я былъ свидѣтелемъ того, какъ весьма храбрые штабъ-офицеры, отличившіеся на полѣ битвы, не знали, что дѣлать, какъ только ихъ предоставляли своимъ собственнымъ силамъ, и какъ они, желая все предусмотрѣть и взвѣсить, были самыми жалкими начальниками летучихъ отрядовъ. Нѣкоторые изъ нихъ понимали свою неспособность и отказывались отъ этихъ обязанностей, иные же, ослѣпленные самолюбіемъ,

хотѣли во что бы то ни стало командовать летучими отрядами и ничего не въ состояніи были сдѣлать съ ними.

Такъ какъ въ тылу непріятельской арміи нѣтъ никого, кто бы могъ контролировать дѣйствія офицеровъ, то ихъ неспособность остается нѣкоторое время незамѣченной, но въ концѣ концовъ она обнаруживается, когда главнокомандующій не получаетъ необходимыхъ для него свѣдѣній. Бываютъ и такіе партизаны, которые, при всей своей способности и талантливости, не умѣютъ беречь людей,—послѣ одной или двухъ экспедицій ихъ отряды бываютъ измучены и становятся неспособными нести дальнѣйшую службу.

Михаилъ Орловъ, напримѣръ, человѣкъ безспорно способный и командовавшій летучимъ отрядомъ, съ которымъ онъ совершилъ подвиги, достойные величайшихъ похвалъ, не умѣлъ беречь своихъ солдатъ: онъ никогда не служилъ въ арміи. Блестящій штабный офицеръ, онъ не понималъ требованій будничной службы; онъ умѣлъ гарцовать передъ взводомъ на смотрахъ въ Петербургѣ, но плохо зналъ свойства лошади, ея силы и то, что отъ нея можно требовать, щадя ея здоровье. Однажды графъ Витгенштейнъ, хотѣвшій дать ему какое-то порученіе, объявилъ ему объ этомъ при мнѣ; Орловъ попросилъ дать ему другой отрядъ, объясняя, что его отрядъ несъ такую непосильную службу, что онъ изнемогъ.

Графъ Витгенштейнъ, старый опытный кавалеристъ, отнесся къ этой просьбѣ крайне неодобрительно и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Вы несете такую же службу съ самаго начала кампаніи, не хотите ли и вы, чтобы я перемѣнилъ вашъ отрядъ?

Я отвѣчалъ отрицательно и, дѣйствительно, у меня ни у одной лошади не была стерта сѣдломъ спина, тогда какъ у Орлова почти всѣ лошади страдали этимъ. Надобно, однако, замѣтить, что его отрядъ былъ сформированъ изъ регулярной кавалеріи, а мой—изъ казаковъ.

Графъ Витгенштейнъ не далъ ему свѣжаго отряда, и Михаилъ Орловъ отправился въ главную квартиру арміи, гдѣ онъ вступилъ снова въ исполненіе обязанностей флигель-адъютанта, обязанностей, впрочемъ, весьма почетныхъ и выгодныхъ.

Михаилъ Орловъ, славный, честный малый, не сердился на меня за это; но спросилъ, что я дѣлаю для того, чтобы у меня не было больныхъ лошадей; отвѣтъ былъ простой, — я берегъ ихъ, какъ свой глазъ, и не требовалъ отъ нихъ ничего сверхъ силъ.

Но возвратимся къ моей экспедиціи.

Я совершилъ переходъ, чтобы присоединиться къ нашему крайнему лѣвому флангу и затѣмъ, взявъ лѣвѣе, выѣхалъ на дорогу въ Шенау (Schoenaw), Ланъ и Любенталь, слѣдовательно, я уже находился на пра-

вомъ флангѣ французской арміи, которая объ этомъ и не подозрѣвала. Оттуда мнѣ было уже легко пробраться на ея коммуникаціонную линію.

Въ Ланѣ я встрѣтился съ другимъ начальникомъ летучаго отряда, генераломъ Кайсаровымъ, который долженъ былъ маневрировать на правомъ флангѣ непріятеля и ничего не предпринимая идти параллельно непріятельской арміи, по направленію къ Швидмицу.

Я шелъ всю ночь, чтобы перейти р. Бобръ до разсвѣта и очутиться на дорогѣ въ Левенбергъ и Гольдбергъ, когда никто этого еще не подозрѣвалъ бы; съ этого именно пункта я началъ свою экспедицію, но я находился тогда впереди непріятельской арміи, теперь же я былъ у нея въ тылу.

Я засѣлъ въ засаду въ большомъ, поросшемъ лѣсомъ оврагѣ, называемомъ Гайнъ-вальдъ (Hayn-wald), гдѣ скрывался весь день и гдѣ взялъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ, которые были весьма непріятно удивлены, встрѣтившись съ казаками въ тотъ моментъ, когда они шли по дорогѣ, считая себя въ полной безопасности.

Но достигнутый результатъ не удовлетворялъ меня; я разсчитывалъ на случай, на счастье, которое въ картахъ, какъ и на войнѣ, благопріятствуетъ тому, кто дѣйствуетъ смѣло и рѣшительно.

Если бы лошади походили на верблюдовъ и могли бы находиться по нѣсколько дней безъ питья, то можно было бы въ случаѣ надобности прятаться въ теченіе нѣсколькихъ дней, но ихъ необходимо поить: этимъ невольно обнаруживаешь свое присутствіе, что̀ случилось и со мною. Впрочемъ, моя тревога продолжалась всего одну минуту, такъ какъ вмѣсто непріятельской колонны передо мною неожиданно появился на большой дорогѣ полковникъ Фигнеръ.

Мы оба ошиблись; онъ разсчитывалъ произвести энергичную атаку на меня, а я на него. Мы соединились съ нимъ и уже болѣе не разставались.

Мы намѣревались предпринять что-либо серьезное по направленію къ Гольдбергу или Левенбергу, но узнали, что Наполеонъ оставилъ въ этихъ пунктахъ сильные гарнизоны и учредилъ около нихъ сильные этапы.

Такъ какъ мы не могли оставаться тутъ долѣе по недостатку съѣстныхъ припасовъ, то вышли на дорогу, которая вела въ Бунцлау. Я шелъ во главѣ колонны и, подойдя къ рѣчкѣ Бобръ, наткнулся неожиданно на двѣ артиллерійскія роты, шедшія въ Іоргау для того, чтобы реорганизоваться. Атаковать ихъ и взять въ плѣнъ было минутнымъ дѣломъ.

Мы забрали шесть офицеровъ и 150 артиллеристовъ, кои не могли придти въ себя отъ изумленія, увидавъ, что они были взяты въ плѣнъ среди своей арміи: они провели ночь спокойно въ Левенбергѣ, гдѣ

никто не подозрѣвалъ о нашемъ присутствіи. Я разпрашивалъ ихъ о Наполеонѣ, о томъ, прошелъ ли онъ или когда долженъ былъ пройти, но они не умѣли или не хотѣли удовлетворить мое любопытство, думая, быть можетъ, что мнѣ могло придти въ голову напасть на него врасплохъ точно такъ же, какъ я атаковалъ неожиданно ихъ самихъ... Это могло случиться и даже имѣло нѣкоторые шансы на успѣхъ.

Такъ какъ у французскихъ офицеровъ, взятыхъ мною въ плѣнъ, были превосходныя лошади, то я разрѣшилъ имъ сѣсть на нихъ и ѣхать за мною во главѣ колонны; я всегда имѣлъ обыкновеніе ѣхать впереди отряда, чтобы слѣдить за всѣмъ своими собственными глазами, такъ какъ я все видѣлъ быстрѣе и дальше, нежели мои казаки. Я приказалъ везти плѣнныхъ между моей колонной и отрядомъ Фигнера, который, состоя изъ 2-хъ эскадроновъ Александрійскаго гусарскаго полка, 2-хъ эскадроновъ уланъ и полка бугскихъ казаковъ, шелъ за мною въ разстояніи одной версты.

Прійдя въ Нейдорфъ, гдѣ я рѣшилъ переночевать, я приказалъ дежурному офицеру раздать плѣннымъ съѣстные припасы.

Онъ уѣхалъ, чтобы сдѣлать нужныя распоряженія, и возвратился вскорѣ весь блѣдный и взволнованный, съ извѣстіемъ, что ни одного плѣннаго не осталось въ живыхъ.

Когда я уѣхалъ, полковникъ Фигнеръ приказалъ бугскимъ казакамъ перебить ихъ всѣхъ до одного.

Я былъ пораженъ такимъ распоряженіемъ и поспѣшилъ къ нему, чтобы осыпать его упреками. Но онъ отвѣчалъ мнѣ, съ спокойнымъ лицомъ, какъ будто совершилъ самое святое дѣло, что совѣсть ни въ чемъ не можетъ упрекнуть его, такъ какъ въ 1812 г. въ Россіи онъ поклялся передъ Богомъ, что никогда не пощадитъ жизни ни одного француза. Онъ хотѣлъ доказать мнѣ справедливость этого жестокаго поступка, объяснивъ побудительныя причины, которыя заставили его дать столь жестокую клятву, но я не хотѣлъ слушать его, ушелъ въ негодованіи и, видя, что дѣлу помочь нельзя, далъ себѣ слово не оставлять болѣе плѣнныхъ на его попеченіе.

Къ счастью, я спасъ офицеровъ, взявъ ихъ собою; они болѣе не разставались со мною и переправились черезъ Одеръ вмѣстѣ съ прочими плѣнными, взятыми мною позднѣе.

Одною изъ особенностей этого фанатичнаго и жестокаго человѣка было то, что онъ приказывалъ убивать только однихъ французовъ и поляковъ. Къ италіанцамъ, нѣмцамъ, голландцамъ и т. д. онъ относился снисходительно и нерѣдко помогалъ имъ деньгами.

Я провелъ, понятно, ночь крайне тревожно; несчастные французы, столь безжалостно убитые, не выходили у меня изъ головы.

Успокоившись, я терпѣливо выслушалъ Фигнера, объяснившаго мнѣ

причины своей ненависти къ французамъ и полякамъ; признаюсь, что, не оправдывая его, я понялъ, что съ его пылкимъ, увлекающимся характеромъ можно было дать подобную клятву.

Дѣйствуя съ партизанскимъ отрядомъ въ Россіи въ 1812 г., Фигнеръ увидалъ однажды, какъ французы и поляки, забравшись въ сельскую церковь, изнасиловали тамъ женщинъ и дѣвушекъ, распявъ предварительно нѣкоторыхъ изъ этихъ несчастныхъ, чтобы лучше удовлетворить свою гнусную страсть.

Фигнеръ проникъ въ церковь, освободилъ женщинъ, которыя были еще живы и, павъ ницъ передъ алтаремъ, поклялся не щадить болѣе ни одного француза и поляка. Онъ приказалъ связать всѣхъ тѣхъ, кого онъ застигъ въ церкви на мѣстѣ преступленія, и такъ какъ зданіе было деревянное, то онъ велѣлъ поджечь его; виновные погибли ужасною, но вполнѣ заслуженною ими смертію.

Волосы стали у меня дыбомъ, слушая этотъ разсказъ. Я ничего не отвѣтилъ ему; да и что бы я могъ сказать на это? Я отомстилъ бы вѣроятно виновнымъ точно такъ же, какъ онъ, но я не распространилъ бы свою месть на всю націю, до безконечности. Фигнеръ, своеобразный во всемъ, нерѣдко переодѣвался простымъ рабочимъ или крестьяниномъ и, вооружившись вмѣсто палки духовымъ ружьемъ и взявъ въ карманъ Георгіевскій крестъ, чтобы въ случаѣ надобности показать его казакамъ, которыхъ онъ могъ встрѣтить и тѣмъ доказать свою личность, онъ ходилъ одинъ на развѣдки въ то время, какъ всѣ отдыхали.

Мы имѣли дневку близъ Армада-Бруннъ (Armada-Brunn) въ прелестномъ лѣсочкѣ. Я позавтракалъ съ подполковникомъ Рейтерномъ, эскадроннымъ командиромъ Александрійскаго гусарскаго полка; трава служила намъ столомъ и ковромъ, и аппетитъ былъ у насъ на славу.

Въ этотъ моментъ Фигнеръ возвратился изъ экскурсіи, совершенной имъ пѣшкомъ, и привелъ съ собою плѣннаго француза, котораго онъ просилъ меня допросить, ибо онъ самъ не говорилъ по-французски. Я лежалъ на травѣ; плѣнный, обрадованный тѣмъ, что онъ услыхалъ свой родной языкъ, всталъ передо мною на колѣна, чтобы лучше разслышать то, что я ему скажу. Онъ не умѣлъ или не хотѣлъ отвѣтить на мои вопросы о томъ, къ какому армейскому корпусу и къ какой дивизіи онъ принадлежалъ, и т. п. и только указалъ мнѣ на пуговицы своего мундира и назвалъ имя своего сержантъ-маіора.

Фигнеръ, у котораго глаза уже налились кровью, видѣлъ только упрямство въ томъ, что въ дѣйствительности могло быть незнаніемъ, такъ какъ во французской арміи умышленно скрываютъ отъ солдатъ названіе корпусовъ, въ которыхъ они служатъ, и ихъ командировъ.

Но Фигнеръ, замахнувшись надъ солдатомъ палкою, приказалъ ему отвѣчать; несчастный увѣрялъ его, что онъ никогда не слыхалъ имени

ни своего корпуснаго, ни дивизіоннаго командира; вдругъ несчастный палъ мертвый къ нашимъ ногамъ, обливаясь кровью, хлынувшею у него изъ рта. Оказалось, что Фигнеръ выстрѣлилъ ему въ голову изъ своего духоваго ружья.

Мы съ Рейтерномъ были такъ далеко отъ мысли о возможности подобной развязки, что были поражены отъ ужаса, быстро вскочили на ноги и готовы были убить Фигнера. Но онъ былъ начальникомъ подполковника Рейтерна и хотя не мой непосредственный начальникъ, но все же старшій въ чинѣ: и этотъ поступокъ съ нашей стороны могъ бы послужить весьма печальнымъ примѣромъ. Мы оставили Фигнера съ его жертвою, но я далъ себѣ слово разстаться съ нимъ при первой возможности.

Число нашихъ плѣнныхъ увеличивалось ежедневно; ихъ было уже свыше 700 человѣкъ, италіанцевъ и испанцевъ; Фигнеръ, прекрасно говорившій по-италіански, взялъ ихъ подъ свое особое покровительство; онъ мечталъ сформировать изъ нихъ италіанскій легіонъ, который хотѣлъ назвать легіономъ мести, мечтая истребить при его помощи въ Италіи всѣхъ французовъ.

Онъ преслѣдовалъ этотъ планъ такъ настойчиво, что ему было разрѣшено сформировать легіонъ во время перемирія; я видѣлъ этихъ солдатъ, когда они выступили въ походъ уже въ формѣ, хорошо вооруженные и посаженные на прекрасныхъ лошадей; ихъ можно было принять за прекрасно обученное, старое войско. Фигнеръ былъ человѣкъ не заурядный; онъ во многомъ проявлялъ выдающійся умъ.

Послѣ безцѣльнаго и гнуснаго убійства, совершившагося на моихъ глазахъ, я ѣхалъ впереди моего отряда одинъ, погруженный въ задумчивость, обдумывая это прискорбное событіе, какъ вдругъ я примѣтилъ, въ разстояніи приблизительно одной версты, коляску, которая быстро катилась по шоссе, конвоируемая нѣсколькими всадниками. Имѣя при себѣ двѣнадцать казаковъ, которые должны были сопровождать меня всюду, куда бы я ни поѣхалъ, я преслѣдовалъ этотъ экипажъ.

Я долго скакалъ и почти нагналъ коляску, но, замѣтивъ, что мои казаки отстали и что я былъ одинъ, я долженъ былъ остановиться и не могъ такимъ образомъ задержать экипажъ и того, кто въ ней сидѣлъ.

Вечеромъ я узналъ, что отъ меня ускользнулъ австрійскій генералъ графъ Бубна. Онъ ѣхалъ въ главную квартиру Наполеона. Я былъ очень доволенъ, что мнѣ не удалось задержать его, такъ какъ я былъ бы въ большомъ затрудненіи, не зная, слѣдовало ли отпустить его или отослать въ нашу главную квартиру. Австрія не была еще нашей союзницей, поэтому я не рѣшился бы самовольно отпустить графа. Нѣсколько лѣтъ спустя, графъ Нессельроде говорилъ мнѣ, что если бы я

задержалъ графа Бубна, то это причинило бы большія затрудненія нашему кабинету.

Изъ Нейдорфа я направился въ Бримкенау, откуда только-что выступилъ маршалъ Викторъ со своимъ армейскимъ корпусомъ; я захватилъ его лагерь, всѣхъ отсталыхъ и маркитанокъ, которыя охотно отвѣчали на любезности нашихъ солдатъ и продавали имъ водку и сосиски на наличныя деньги.

Мои солдаты провели вечеръ очень пріятно; маркитантки, которыя были отпущены на волю на слѣдующій день, не жаловались на оказанный имъ пріемъ; ни одна изъ нихъ не была ограблена. Можно ли сказать послѣ этого, что казаки не были галантными кавалерами.

Маршалъ Викторъ ни мало не подозрѣвалъ о томъ, что происходило въ оставленномъ имъ лагерѣ. Онъ узналъ объ этомъ только на слѣдующій день отъ маркитантокъ, которыя вернулись къ его отряду; но, вѣроятно, онѣ умолчали о нѣкоторыхъ подробностяхъ, относительно которыхъ женщины всегда бываютъ скрытны.

Месть Фигнера не простиралась на женщинъ; онъ щедро заплатилъ за водку и за рагу изъ дичи, поданные ему прехорошенькой маркитанткой, переодѣтой гусаромъ.

Число моихъ плѣнныхъ увеличивалось съ каждымъ днемъ, но я уже не поручалъ ихъ надзору Фигнера, хотя они стѣсняли меня и замедляли мои движенія. Я отдалъ въ распоряженіе казаковъ фургоны и экипажи, найденные мною въ лагерѣ, за исключеніемъ повозокъ маркитантокъ, которыя были имъ возвращены. Казаки были довольны этою любезностью съ моей стороны и выполнили мое приказаніе добросовѣстно.

Въ тотъ же вечеръ ко мнѣ привели русскаго дезертира со звѣрскимъ лицомъ, вооруженнаго палкою съ желѣзнымъ наконечникомъ, который наводилъ ужасъ на жителей уединенныхъ поселковъ. Онъ заслужилъ того, чтобы его немедленно разстрѣляли, но я не хотѣлъ лишить подлежащихъ властей права казнить этого злодѣя; поэтому я приказалъ связать его и посадить подъ арестъ. Но мои молодые офицеры, съ подполковникомъ Рейтерномъ во главѣ, будучи навеселѣ, вздумали разыграть комедію суда, прочесть дезертиру смертный приговоръ и немедленно разстрѣлять его холостыми зарядами. Ему завязали глаза, велѣли ему стать на колѣна, а гусарамъ приказали стрѣлять въ него изъ ружей холостыми зарядами; они думали, что онъ упадетъ на землю, хотя бы отъ страха; не тутъ-то было: какъ только раздались ружейные выстрѣлы, подсудимый вскочилъ на ноги, сдернулъ съ глазъ повязку и громко расхохотался. Я прибѣжалъ на звукъ выстрѣловъ и когда мнѣ разсказали, въ чемъ дѣло, я пожурилъ молодыхъ людей и спросилъ негодяя, почему онъ не испугался. Онъ отвѣчалъ, продолжая посмѣиваться:

— Я догадался, что господа хотѣли позабавиться; если бы принесли пукъ розогъ, я струхнулъ бы; въ моемъ полку никого не разстрѣливаютъ.

Это былъ отъявленный негодяй; я полагаю, что когда его выдали мѣстнымъ властямъ, то онъ понесъ вполнѣ заслуженное наказаніе за свои проступки.

Я ѣздилъ на лошади, у которой былъ очень длинный шагъ, поэтому мнѣ случалось нерѣдко ускакать одному впередъ далѣе, чѣмъ позволяла осторожность. Однажды, я въѣхалъ одинъ въ какую-то деревню и, проѣзжая мимо харчевни, увидѣлъ въ открытое окно человѣкъ съ десять французовъ, сидѣвшихъ за столомъ. Мнѣ не хватило терпѣнія обождать казаковъ, я подъѣхалъ къ окну и, не сходя съ лошади, закричалъ имъ, чтобы они сдавались. Не подумавъ исполнить моего приказанія, они бросились къ ружьямъ; одинъ изъ нихъ прицѣлился въ меня. Повернуть лошадь назадъ значило бы погубить себя; поэтому я закричалъ имъ, что если кто-нибудь осмѣлится выстрѣлить, то ни одинъ изъ нихъ не останется въ живыхъ.

Мой увѣренный тонъ подѣйствовалъ; они не шевельнулись, тогда я приказалъ имъ сложить ружья въ углу. Подумавъ, что человѣкъ, который былъ совершенно одинъ, не могъ бы такъ угрожать имъ, они повиновались безпрекословно. Заслышавъ, наконецъ, топотъ моихъ солдатъ, я приказалъ французамъ выйти изъ дома и передалъ въ руки казаковъ двѣнадцать плѣнныхъ. Это происшествіе надѣлало шума; съ тѣхъ поръ казаки говорили обо мнѣ, что я одинъ могу взять въ плѣнъ 12 человѣкъ. Но заслуга была не велика. Не трудно брать плѣнныхъ имѣя отрядъ въ 1.500 человѣкъ конницы. Единственная опасность, могущая угрожать въ этомъ случаѣ, это то, что въ васъ могутъ выстрѣлить въ упоръ, но при счастіи и нѣкоторомъ присутствіи духа этого можно избѣжать. Надобно быть очень неблагоразумнымъ, чтобы сдѣлать такую неосторожность, какую я только-что продѣлалъ. Послѣ этого случая, мои ординарцы не позволяли мнѣ болѣе удаляться отъ нихъ.

Рѣзвыя маркитантки сообщили маршалу Виктору о томъ, что мы посѣтили покинутый имъ лагерь, и онъ послалъ въ погоню за нами генерала Русселя со всей его кавалеріей.

Какъ только я узналъ достовѣрно, что генералъ Руссель гнался за мною по пятамъ, я оставилъ Нейтедтъ и остановился въ Фрейштадтѣ. Такое же движеніе выполнилъ Фигнеръ. Чтобы развязать себѣ руки, мы отправили изъ Фрейштадта нашихъ плѣнныхъ за Одеръ.

Намъ удалось такимъ образомъ перерѣзать въ тылу французской арміи всѣ его коммуникаціонныя линіи; я взялъ въ плѣнъ болѣе 800 человѣкъ и, кромѣ того, двѣ роты артиллеристовъ, распространилъ всюду тревогу и страхъ, вошелъ въ сообщеніе съ генераломъ Бѣло-

вымъ, получилъ весьма важныя извѣстія и наблюдалъ за Глогау, не потерявъ ни одного человѣка; мой отрядъ былъ бодръ и свѣжъ; лошади были въ превосходномъ состояніи.

Наша экспедиція увѣнчалась желаемымъ результатомъ; мнѣ и Фигнеру пора была возвратиться къ арміи, памятуя пословицу, что если повадится кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову положить; наше присутствіе въ тылу непріятельской арміи не было уже тайною для французовъ, и насъ начали серьезно преслѣдовать.

Въ Фрейштадтѣ я поставилъ казаковъ бивуакомъ въ паркѣ замка графа Калькрейта, зятя графа Гаугвица, а самъ остановился въ замкѣ, гдѣ графъ принялъ меня любезно и предупредительно.

Въ то время, какъ я былъ въ Фрейштадтѣ, генералъ Русселъ прислалъ мнѣ парламентеромъ полковника съ извѣщеніемъ, что главнокомандующіе обѣихъ армій заключили перемиріе, и съ предложеніемъ мнѣ и Фигнеру прекратить непріязненныя дѣйствія.

Я не былъ еще знакомъ въ то время съ генераломъ Русселемъ, честность и благородство котораго я вполнѣ оцѣнилъ впослѣдствіи, и памятуя исторію предъидущихъ войнъ, я зналъ, что гг. французскіе генералы не пренебрегали иногда пустить при удобномъ случаѣ въ ходъ подобную хитрость. Я не хотѣлъ вѣрить этому извѣстію и просилъ парламентера передать генералу, что буду считать себя въ правѣ продолжать непріязненныя дѣйствія до тѣхъ поръ, пока не получу оффиціальнаго извѣщенія о заключеніи перемирія отъ моего начальства.

Генералъ приказалъ сказать мнѣ, что если я не вѣрю тому, въ чемъ онъ даетъ мнѣ честное слово, то онъ силою прогонитъ меня изъ Фрейштадта, который по заключенной конвенціи входитъ въ его районъ и волею неволею заставитъ меня перейти Одеръ.

Эта угроза не произвела никакого впечатлѣнія ни на меня, ни на Фигнера. Я предложилъ французскому парламентеру отобѣдать со мною, а тѣмъ временемъ приказалъ двумъ полкамъ сѣсть на лошадей; Фигнеръ также выстроилъ своихъ гусаръ, уланъ и свой Бугскій полкъ въ боевой порядокъ; мы поставили ихъ на дорогу, которая шла прямо къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ кавалерійскій корпусъ генерала Русселя. Отобѣдавъ, я проводилъ французскаго полковника до того пункта, гдѣ были выстроены наши отряды и попросилъ его вести насъ на встрѣчу генералу Русселю, чтобы сократить ему на половину путь, когда онъ вздумаетъ прогнать насъ.

Полковникъ былъ храбрый воинъ временъ Наполеона; увидѣвъ, что мы были храбры и хвастливы, онъ попросилъ насъ постоять нѣкоторое время спокойно, и далъ намъ слово, что уговоритъ генерала Русселя не предпринимать никакого движенія до полученія приказаній отъ нашего начальства, которыя не могли замедлить.

*

И дѣйствительно, генералъ Руссель не появился, а написалъ мнѣ прелюбезное письмо, позволивъ мнѣ воспользоваться отдыхомъ, въ которомъ я и мои солдаты чрезвычайно нуждались.

Французы умѣютъ цѣнить твердость и рѣшительность характера, но имъ надобно показать, что вы съумѣете настоять на своемъ. Если вы имѣли несчастіе выказать слабость, то они сядутъ вамъ на шею.

У меня произошло съ этимъ же французскимъ полковникомъ весьма непріятное столкновеніе, которое дало ему возможность составить себѣ вѣрное понятіе о моемъ характерѣ, далеко не столь мягкомъ, какъ можно было думать, судя по моему тщедушному тѣлу.

Этого полковника сопровождали четыре конныхъ егеря. Одинъ изъ нихъ позволилъ себѣ ударить мирнаго жителя, который явился ко мнѣ съ жалобою. Я заявилъ полковнику, что требую немедленнаго удовлетворенія. Онъ обѣщалъ посадить егеря подъ-арестъ, но я не удовольствовался этимъ и настаивалъ, чтобы ему дали немедленно десять ударовъ саблею плашмя. Возмущенный этимъ предложеніемъ, полковникъ воскликнулъ, что это не принято во французской арміи, что тѣлеснаго наказанія не существуетъ и т. д.

Но я не хотѣлъ уступить и отвѣчалъ, что у насъ также не принято обижать мирныхъ жителей, отдавшихся подъ наше покровительство, что виновный долженъ быть наказанъ и что, въ противномъ случаѣ, я отправлю его и его четырехъ егерей въ нашу главную квартиру, гдѣ это дѣло разберутъ люди поважнѣе насъ, и оно дойдетъ, вѣроятно, до Наполеона. Бѣдный полковникъ не зналъ, что дѣлать, но, видя, что со мной не сговориться, онъ далъ своему егерю десять ударовъ саблею, въ присутствіи всѣхъ жителей мѣстечка, собравшихся на площади. Егерь скрежеталъ зубами отъ ярости. Жители, весьма довольные, пришли гурьбою благодарить меня, а генералъ Руссель, которому я разсказалъ объ этомъ впослѣдствіи, одобрилъ мое поведеніе и сказалъ:

— Вы поступили такъ, какъ будто вы вѣкъ служили съ французами; для того, чтобы они васъ слушали и уважали, нужно имѣть желѣзный характеръ.

Въ Фрейштадтѣ жила со своей семьею супруга прусскаго генерала Гейстера. Насъ очаровали ея три прелестныя дочери, и мы вздумали дать въ честь ихъ балъ, который прошелъ весьма оживленно и удался какъ нельзя лучше.

Въ числѣ плѣнныхъ итальянцевъ оказалось два повара и мороженщикъ, они изготовили намъ превосходный ужинъ, какого жители Фрейштадта никогда не ѣдали.

Каждому изъ насъ хотѣлось разыграть маленькій романъ съ тремя граціями, которыя были царицами бала, но намъ помѣшало въ этомъ появленіе двухъ адъютантомъ: Фонтенелля, адъютанта принца Невша-

тельскаго, и Крамина, адъютанта Барклая-де-Толли, которые привезли намъ приказаніе, чтобы всѣ партизаны и отдѣльные отряды, эшелонированные до Гамбурга, прекратили непріязненныя дѣйствія и отступили за демаркаціонную линію, назначенную уполномоченными, собравшимися въ Неймаркѣ.

Получивъ оффиціальное увѣдомленіе о заключеніи этой конвенціи, мы не имѣли болѣе предлога оставаться въ Фрейштадтѣ, который былъ нашей Капуей.

Я сдѣлалъ заранѣе всѣ необходимыя распоряженія, чтобы перейти Одеръ у Каролата; заявилъ объ этомъ генералу Русселю и назначилъ выступленіе на слѣдующій день.

Онъ прислалъ ко мнѣ своего адъютанта, чтобы изъявить мнѣ свое удовольствіе по поводу того, что наше недоразумѣніе окончилось столь благополучнымъ образомъ, и въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ одинъ безъ конвоя, чтобы заключить со мною мировую, и помѣстился въ томъ же самомъ замкѣ, гдѣ я остановился.

Пока дѣлались всѣ приготовленія къ выступленію, я взялъ почтовыхъ лошадей и, заручившись пропускомъ отъ генерала Русселя, проѣхалъ черезъ мѣстечко, гдѣ было разставлено на квартирахъ его войско, и направился въ Нейзальцъ, бойкое торговое мѣстечко, гдѣ я хотѣлъ учесть вексель въ 1.500 экю, который я имѣлъ на Берлинъ.

Возвратясь ночью въ Фрейштадтъ, я увидѣлъ всю кавалерію Русселя, расположившуюся бивуакомъ въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ города; когда я пріѣхалъ къ нему, то онъ любезно сказалъ мнѣ, что онъ не хотѣлъ ввести ее въ Фрейштадтъ въ мое отсутствіе, чтобы доказать мнѣ, что онъ желалъ сдѣлать мнѣ пріятное.

Я переправился черезъ Одеръ въ пять часовъ утра и расположился въ Каролатскомъ замкѣ; разставивъ свой отрядъ по квартирамъ, я взялъ почтовыхъ лошадей и отправился въ Лиссу (въ Познани) къ генералу Винценгероде, который перенесъ туда свою главную квартиру, чтобы сформировать армейскій корпусъ, который долженъ былъ войти впослѣдствіи въ составъ сѣверной арміи.

XXXIX.

Служба во время перемирія.—Недоразумѣнія между нашими и французскими авангардами.—Сопровожденіе прусскаго короля по демаркаціонной линіи.—Свиданіе Левенштерна съ полковникомъ Семери.

Я проѣхалъ не останавливаясь черезъ Фрауштадтъ и Лиссу, находившіеся въ герцогствѣ Познанскомъ, и явился къ генералу Винценгероде, который считалъ меня погибшимъ.

Генералъ Винценгероде былъ радъ увидѣть меня, и я съ удовольствіемъ встрѣтился со своими друзьями: Нарышкинымъ, Волконскимъ, Лопухинымъ, Ренни, Пашковымъ и другими, которые благодаря перемирію уже нѣсколько недѣль наслаждались отдыхомъ.

Мнѣ кажется, я также имѣлъ право на отдыхъ; я хотѣлъ воспользоваться имъ, чтобы отправиться къ генералу Барклаю въ Рейхенбахъ и похлопотать о себѣ, напомнивъ ему нѣкоторыя вещи, которыя повидимому были всѣми забыты.

Не тутъ-то было! генералъ Винценгероде не отпустилъ меня.

Ему нуженъ былъ человѣкъ, которому онъ могъ бы поручить наблюденіе за демаркаціонной линіей и за блокадою Глогау; пустивъ въ ходъ обычное словечко: «способный и дѣльный офицеръ», онъ задѣлъ мое самолюбіе, и я былъ занятъ все время перемирія.

Къ моему отряду былъ присоединенъ полкъ донскихъ казаковъ Ребреева и полкъ полтавскихъ казаковъ; это была вновь сформированная никуда не годная милиція, но маіоръ Ребреевъ одинъ стоилъ цѣлаго полка: это былъ ученикъ Сысоева, истый типъ казака, въ самомъ блестящемъ значеніи этого слова.

Я устроилъ свою главную квартиру въ Фрауштадтѣ, который не слѣдуетъ смѣшивать съ Фрейштадтомъ.

Демаркаціонная линія, за которой мнѣ велѣно было наблюдать, тянулась отъ Цоллихау вдоль Одера до Глогау и Кебена.

Вправо отъ меня находился полковникъ Прендель, влѣво—генералъ Ланской.

Согласившись взять на себя эту обязанность, я постарался оправдать возложенныя на меня ожиданія; во-первыхъ, я произвелъ рекогносцировку всей мѣстности, что заняло меня въ теченіе нѣсколькихъ дней, затѣмъ я разставилъ по всей линіи деревянные знаки съ номерами, чтобы казаки могли лучше оріентироваться, и запретилъ имъ подъ страхомъ самаго строгаго наказанія переходить за черту этихъ знаковъ и вступать подъ какимъ бы то ни было предлогомъ въ сношенія съ французами, такъ какъ война еще не была окончена.

Въ то же время я строго блокировалъ Глогау; всякое сообщеніе

между жителями по сю сторону Одера было строжайшимъ образомъ воспрещено.

Вначалѣ все шло какъ нельзя лучше, но нѣкоторое время спустя возникли разныя недоразумѣнія, отчасти быть можетъ по винѣ моихъ казаковъ; чтобы предупредить столкновенія въ будущемъ, я былъ уполномоченъ войти въ переписку съ французскимъ генераломъ, командовавшимъ войскомъ по ту сторону демаркаціонной линіи.

«Ваше превосходительство,—писалъ я,—до моего свѣдѣнія дошло, что между вашими и моими аванпостами произошло столкновеніе. По моимъ казакамъ сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ.

«Я вполнѣ увѣренъ, что это случилось безъ вашего вѣдома, тѣмъ не менѣе прошу ваше превосходительство извѣстить меня, чѣмъ именно были вызваны эти непріязненныя дѣйствія, дабы я могъ наказать моихъ казаковъ, если они окажутся виновны, предупредить подобнаго рода столкновенія впредь, а въ противномъ случаѣ потребовать того же съ вашей стороны.

«Подобныя недоразумѣнія могутъ повлечь за собою непріятности, которыя въ свою очередь могутъ имѣть самыя серіозныя и нежелательныя послѣдствія, коихъ вамъ и мнѣ конечно слѣдуетъ избѣгать. Честь имѣю быть и проч. Левенштернъ, командующій демаркаціонной линіей и блокадою Глогау».

Франштадтъ, 8-го (20-го) іюня 1813 г.

Я получилъ отъ генерала Монтонъ-Дюверне, генералъ-адъютанта Наполеона, командовавшаго дивизіей молодой гвардіи на Одерѣ, нижеслѣдующій отвѣтъ:

«Баронъ! Я полагалъ, что шагъ, сдѣланный по моему приказанію офицеромъ моего штаба, послѣ того какъ неосторожный начальникъ поста дозволилъ тремъ солдатамъ выстрѣлить въ вашихъ казаковъ, замѣченныхъ въ лодкѣ на правомъ берегу Одера, и объясненіе, данное по моему приказанію тѣмъ же офицеромъ тому, кто былъ посланъ вами на слѣдующій день для разъясненія этого дѣла, показало вамъ, что я весьма огорченъ происшедшимъ. Нынѣ еще разъ подтверждаю это съ особеннымъ удовольствіемъ.

«Я очень радъ, что молодой офицеръ, привезшій ваше письмо (г. Бибиковъ), можетъ удостовѣрить, насколько я былъ удивленъ тѣмъ, что вопросъ объ этомъ маловажномъ событіи еще не рѣшенъ окончательно.

«Я желалъ бы, баронъ, чтобы между вашими аванпостами и аванпостами дивизіи, коей я командую, не происходило недоразумѣній, которыя могли бы быть истолкованы превратно.

«Нѣсколько вашихъ казаковъ бродятъ въ лѣсу на нашемъ берегу; полагая, что они заблудились, я отдалъ приказаніе обойтись съ ними вѣжливо въ случаѣ, если бы они были задержаны, и препроводить ихъ

къ вамъ. Надѣюсь, что эти казаки попали на берегъ, занятый нами, не съ праваго берега.

«Съ особеннымъ удовольствіемъ пользуюсь, г. баронъ, настоящимъ случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать вамъ совершенное мое почтеніе. Генералъ-адъютантъ, командующій дивизіей на Одерѣ, Монтонъ-Дюверне».

Въ лагерѣ подъ Бейтеномъ, 20-го іюня 1813 г.

Поручикъ Бибиковъ, посланный мною съ письмомъ къ французскому генералу, передалъ мнѣ, что генералъ принялъ его какъ нельзя лучше и пригласилъ отобѣдать. Бибиковъ осмотрѣлъ Бейтенскій лагерь, походившій на маленькій городокъ съ просторными бараками, лавками, ресторанами и т. п.

Первое недоразумѣніе, возникшее между нами и французами, окончилось такимъ образомъ благополучно, но вскорѣ возникли новыя столкновенія; между нами завязалась болѣе серіозная и ядовитая переписка, и генералъ Дюверне препроводилъ ее маршалу Мортье, который обратился за разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ къ коммиссіи, засѣдавшей въ Неймаркѣ. Эта переписка возникла между нами вслѣдствіе полученнаго мною отъ моихъ тайныхъ агентовъ извѣстія о движеніи барокъ, нагруженныхъ строевымъ лѣсомъ, срубленнымъ въ лѣсахъ короля прусскаго, для доставленія его по Одеру въ Глогау.

Я приказалъ завладѣть барками, когда онѣ поравняются съ м. Каролатъ.

На этихъ баркахъ плыло человѣкъ двадцать французскихъ пѣхотинцевъ и военный коммиссаръ.

Мое приказаніе было выполнено весьма ловко; барочники, уроженцы Силезіи, пристали къ моему берегу.

Я приказалъ тотчасъ разгрузить барки, чтобы ихъ не могли отнять у меня силою, отпустилъ на волю французскаго коммиссара и солдатъ, а лѣсъ оставилъ у себя, какъ собственность короля, и передалъ его въ удѣльное вѣдомство.

Генералъ Дюверне былъ взбѣшенъ этимъ, и у насъ завязалась переписка, въ которой мы наговорили другъ другу немало колкостей.

Вся эта переписка была препровождена генералу Винценгероде, а онъ представилъ ее государю, который приказалъ препроводить ее также въ коммиссію въ Неймаркъ.

Вотъ что писалъ мнѣ генералъ Монтонъ-Дюверне:

«Г. баронъ! мнѣ донесли, что ваши посты, расположенные на Одерѣ, задержали три барки, нагруженныя лѣсомъ, которыя плыли вверхъ по рѣкѣ, 20 французскихъ солдатъ, конвоировавшихъ эти барки, и военнаго коммиссара.

«Чиновникъ, которому было поручено отвести барки, протестовалъ противъ этого насилія и видѣлъ, что барки были разгружены и что

находившійся на нихъ лѣсъ былъ перевезенъ на телѣгахъ въ деревню Каролатъ.

«Судоходство по Одеру не прекращено актомъ о перемиріи; поэтому я нахожу, м. г., что командующій постомъ, задержавшій эти барки, заслуживаетъ порицанія и что барки, ихъ грузъ и конвой должны быть возвращены на правый берегъ, занятый нами, откуда онѣ послѣдуютъ далѣе, къ мѣсту своего назначенія.

«Я счелъ долгомъ задержать, до возвращенія мнѣ этого лѣса, одного прусскаго офицера, сопровождавшаго означеннаго чиновника до Бейтена; я увѣренъ, г. баронъ, что какъ только все случившееся дойдетъ до вашего свѣдѣнія, то вы распорядитесь, чтобы мое требованіе было удовлетворено и чтобы подобныя вещи больше не повторялись на линіи, коей вы командуете, ибо это есть единственное средство пресѣчь въ будущемъ всякія недоразумѣнія и споры между вашими и мои постами.

«Честь имѣю быть и т. д. Монтонъ-Дюверне».

20-го іюля 1813 г. Лагерь при Кролквицѣ.

Я отвѣчалъ слѣдующее:

«Ваше превосходительство, я только-что получилъ донесеніе офицера, командующаго постомъ близъ Каролата, и не могу достаточно выразить вамъ своего изумленія по поводу задержки прусскаго унтеръ-офицера Лоренца (онъ не офицеръ, какъ вы его называете) и заключенія его въ тюрьму, что̀ можетъ дать поводъ думать, будто имъ совершено какое-либо преступленіе.

«Я требую, ваше превосходительство, чтобы онъ былъ немедленно освобожденъ, такъ какъ этотъ человѣкъ совершенно не причастенъ къ дѣлу о задержаніи барокъ.

«Барочники добровольно направили къ лѣвому берегу Одера свои барки, нагруженныя лѣсомъ.

«Они избрали единственное, бывшее въ ихъ власти, средство спасти грузъ и барки, составляющія безспорно ихъ собственность. Вы завладѣли ими силою и лишились ихъ благодаря нашей хитрости. Я отослалъ къ вамъ солдатъ и коммиссара, которые были нами задержаны.

«Барки принадлежатъ бѣднымъ и безъ того уже достаточно несчастнымъ жителямъ Силезіи, а лѣсъ — королю прусскому, нашему августѣйшему союзнику; слѣдовательно, я обязанъ защищать все то, что̀ принадлежитъ имъ; и поэтому не возвращу ни барокъ, ни лѣса иначе, какъ получивъ на то приказаніе отъ коммиссіи, засѣдающей въ Неймаркѣ, которая одна можетъ быть компетентнымъ судьею въ этомъ дѣлѣ.

«Если послѣ всего этого вы не пожелаете возвратить мнѣ прусскаго унтеръ-офицера, то я конечно не имѣю возможности принудить васъ къ тому.

«При томъ Лоренцъ, переѣхавъ черезъ Одеръ безъ моего разрѣшенія,

нарушилъ этимъ свой долгъ и заслуживалъ наказанія. Онъ уже наказанъ вами. Но я долженъ сказать, въ его оправданіе, что онъ переплылъ рѣку съ цѣлью проводить вашего коммиссара и служить ему переводчикомъ,— обязанность, которую онъ несъ въ Каролатѣ, и въ случаѣ надобности, защитить его отъ непріятностей со стороны казаковъ, которые, будучи такими же простыми людьми, какъ ваши солдаты, не разсуждаютъ о правѣ людей и коихъ слова и поступки не всегда бываютъ строго обдуманы.

«Мнѣ кажется, что одно это намѣреніе заслуживаетъ, чтобы къ нему отнеслись иначе. Честь имѣю и проч».

Фрауштадтъ 28-го іюля 1813 г.

Въ то время какъ мы вели эту бумажную войну, я получилъ отъ генерала Винценгероде приказаніе отправиться въ Гуленъ, чтобы встрѣтить и эскортировать короля прусскаго вдоль демаркаціонной линіи. Король ѣхалъ изъ Рейхенбаха въ Берлинъ.

Я пріѣхалъ въ Гуленъ за нѣсколько часовъ до короля и, приготовивъ все для его пріема, терпѣливо ожидалъ его пріѣзда.

Его величество вскорѣ пріѣхалъ, но остановился только для того, чтобы смѣнить лошадей.

Я рапортовалъ ему; услыхавъ мою фамилію, онъ спросилъ меня, тотъ ли я Левенштернъ, который передъ сраженіемъ при Люценѣ защищалъ Козенское ущелье; на мой утвердительный отвѣтъ, его величество поблагодарилъ меня зато, что я донесъ о подвигѣ, совершенномъ однимъ изъ его конвойцевъ, припомнилъ, что его звали Піетри, и присовокупилъ, что это особенно памятно ему потому, что это былъ первый пруссакъ, получившій въ эту войну, по моему представленію, Георгія.

Я сдѣлалъ низкій поклонъ и такъ какъ лошади были уже запряжены, то я вскочилъ на коня, чтобы эскортировать короля съ пятьюдесятью казаками, выбранными мною съ этой цѣлью.

Выѣхавъ изъ деревни, король подозвалъ меня къ коляскѣ, поблагодарилъ и не позволилъ сопровождать его далѣе.

Я былъ этимъ весьма доволенъ и, раскланявшись съ генераломъ Сухтеленомъ и англійскимъ посланникомъ Торнтономъ, которые сопровождали короля, простился съ графомъ Врангелемъ, состоявшимъ при особѣ его величества, и возвратился въ Фрауштадтъ, гдѣ я засталъ еще одно письмо отъ генерала Монтонъ-Дюверне, въ которомъ онъ предлагалъ мнѣ свиданіе для того, чтобы рѣшить окончательно возникшее между нами недоразумѣніе.

По тону и по самому содержанію этого письма я увидѣлъ, что мое послѣднее письмо произвело желаемое дѣйствіе. Генералъ Монтонъ понялъ наконецъ, въ чемъ дѣло, т. е. что я не намѣренъ выслушивать

отъ него наставленій и что я могу говорить съ нимъ, какъ равный съ равнымъ.

Все сдѣланное мною такъ же, какъ и мои письма, были одобрены генераломъ Винценгероде, который донесъ обо всемъ императору, и его величество выразилъ ему свое полное удовольствіе по поводу моего энергичнаго и твердаго образа дѣйствій.

Коммиссія, засѣдавшая въ Неймаркѣ, также рѣшила это дѣло въ мою пользу, и мнѣ было приказано не возвращать ни барокъ, ни ихъ груза.

Такъ какъ генералъ Винценгероде разрѣшилъ мнѣ имѣть свиданіе съ генераломъ Монтонъ-Дюверне, то я спросилъ его письменно, гдѣ и когда я могу съ нимъ встрѣтиться.

Въ тотъ же день я получилъ очень любезное письмо отъ маршала герцога Тревизскаго съ просьбою передать отъ него письмо генералу Винценгероде, съ которымъ онъ познакомился въ то время, когда Винценгероде находился въ Москвѣ во время пребыванія тамъ французовъ.

Я узналъ впослѣдствіи, что Наполеонъ, до свѣдѣнія котораго дошли всѣ подробности нашего дѣла, былъ очень недоволенъ, сдѣлалъ выговоръ своему генералъ-адъютанту и приказалъ своимъ генераламъ поддерживать съ нами впредь доброе согласіе.

Я выѣхалъ въ ночь въ Каролатъ, гдѣ намѣревался ожидать генерала Монтона, но еще передъ отъѣздомъ я получилъ отъ него письмо, въ которомъ, выражая свое сожалѣніе по поводу того, что случайное нездоровье не позволяетъ ему встрѣтиться со мною, онъ сообщалъ мнѣ, что по его порученію, на слѣдующій день, въ 8 часовъ утра явится для переговоровъ со мною на островъ, лежащій напротивъ Бейтена, полковникъ баронъ де-Семери, начальникъ штаба его дивизіи.

Въ 8 часовъ утра я былъ на берегу, напротивъ острова, лежащаго на Одерѣ, и сѣлъ съ двумя казаками въ лодку въ тотъ самый моментъ, когда французскій офицеръ отчалилъ отъ противуположнаго берега, сопровождаемый двумя стрѣлками.

Мы пристали одновременно къ острову, и знакомство скоро завязалось.

Полковникъ Семери оказался человѣкъ весьма любезный, предупредительный, и мы быстро покончили съ нимъ всѣ вопросы, а затѣмъ, растянувшись на травѣ, стали бесѣдовать о всевозможныхъ вещахъ, о Парижѣ, Чернышевѣ, котораго полковникъ часто встрѣчалъ въ парижскихъ салонахъ и которому онъ просилъ передать поклонъ.

Въ концѣ концовъ онъ высказалъ мнѣ, что во французскомъ лагерѣ очень ошибались на мой счетъ, судя по моимъ поступкамъ и перепискѣ, они считали меня человѣкомъ злымъ, съ длинной бородою и физіономіей татарина, и что онъ весьма удивленъ моей чисто европейской наружностью, которая была бы на мѣстѣ въ самыхъ лучшихъ

парижскихъ салонахъ. Французы всегда любятъ польстить и, сказавъ: «вы были бы на мѣстѣ въ Парижѣ», они воображаютъ, что сказали вамъ этимъ величайшую любезность.

— Судя о васъ по письмамъ,—сказалъ онъ,—мы полагали, что вы человѣкъ очень непріятный, но вы кажетесь мнѣ теперь такимъ сговорчивымъ и любезнымъ, что я начинаю думать, что мы ошибались.

Я отвѣчалъ ему, что я только исполнялъ всегда свой долгъ и ненавижу всякіе происки, что̀ я и доказалъ, поспѣшивъ явиться на приглашеніе генерала Монтона. Но если мнѣ угрожаютъ, то я становлюсь несговорчивъ.

Мы разстались довольные другъ другомъ и послѣ этого свиданія дѣлали, каждый со своей стороны, все возможное, чтобы поддержать спокойствіе, въ которомъ мы всѣ нуждались.

Но это спокойствіе было еще разъ нарушено претензіями, заявленными комендантомъ крѣпости Глогау, генераломъ Лапланомъ, который, привыкнувъ, какъ и всѣ французскіе генералы, быть полновластнымъ хозяиномъ въ завоеванной странѣ, хотѣлъ проявить свою власть и по отношенію ко мнѣ.

Но онъ ошибся и вскорѣ имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ; при всемъ своемъ миролюбіи, я не позволилъ ему нарушать мои права.

Надобно, впрочемъ, отдать справедливость генералу Лаплану; онъ, со своей стороны, также постарался какъ можно скорѣе устранить возникшія недоразумѣнія. Неудача, постигшая генерала Монтона, заставила его вѣроятно дѣйствовать осторожнѣе, а, быть можетъ, ему было болѣе свойственно щадить самолюбіе своего противника.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1901 г.

ТОМЪ СТО ШЕСТОЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

I. Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова. 53—75, 277—306, 497—522
II. Изъ записокъ Д. П. Рунича. Перев. В. В. Тимощукъ . . . . . 153—168, 373—394
III. Записки генерала В. И. Левенштерна. 177,—195, 427—444, 643—668
IV. Воспоминанія Валеріана Александр. Панаева. 473—490
V. Изъ записокъ стараго преображенца, 1853 г. Князя Н. К. Имеретинскаго . . . . 567—586

Портреты.

I. Портретъ Димитрія Самозванца. Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 4-ой книгѣ).

II. Портретъ протоіерея І. І. Базарова въ молодости. Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 5-ой книгѣ).

III. Портретъ Ивана Ермолаевича Великопольскаго.

(При 6-ой книгѣ).

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

		стран.
I.	Императоръ Николай I и восточный вопросъ (1828—1830 гг.) (Оконч.) Н. К. Шильдера.	5—32
II.	Иноземное преданіе объ императорѣ Александрѣ I. В. А. Бильбасова.	33—41
III.	Указъ Св. Синоду о расторженіи брака великаго князя Константина Павловича 29-го марта 1820 г.	42
IV.	Ссоры мои съ тремя министрами. (Изъ переписки П. С. Валуева). Сообщилъ П. Я. Дашковъ.	43—52
V.	Письмо И. С. Тургенева къ К. Д. Кавелину объ Обществѣ распространенія грамотности 10-го сентября 1860 г. Сообщ. Ив. Кубасовъ . . .	70
VI.	По поводу разсказа объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу. Проф. А. И. Кирпичникова .	71—81
VII.	Письмо князя А. Горчакова—С. К. Вязмитинову о встрѣчѣ С.-Петербургскаго ополченія 7-го іюня 1814 года	82
VIII.	Россія и папскій престолъ. П. Пирлинга. (Съ французскаго) . . . . . 83—118, 313—347,	523—560
IX.	Бердичевъ въ сороковыхъ годахъ. Сообщилъ А. Мердеръ.	119—121
X.	Письмо И. И. Дмитріева гр. Н. П. Румянцеву 9-го октября 1814 г.	122
XI.	Десять неизданныхъ писемъ В. А. Жуковскаго А. И. Тургеневу. Сообщ. П. Н. Тургеневъ.	123—138
XII.	Смоленскъ подъ управленіемъ французовъ въ 1812 г.	139—144
XIII.	Къ исторіи польской смуты 1863 года: 1) Воззваніе бѣлорусса православнаго къ бѣлоруссамъ католикамъ. 2) Всеподдан. адресъ православныхъ дворянъ Могилевской губ. Сообщ. Г. Н. Гортынскій	145—150
XIV.	Измѣна Мазепы. Сообщ. М. К. Марченко. .	151—152
XV.	Письмо А. Тургенева—Н. Карамзину 11-го авг. 1819 г. Сообщ. П. Н. Тургеневъ.	169—170
XVI.	Ѳедоръ Николаевичъ Львовъ. Сообщ. Вл. С. Манассеинъ.	171—175
XVII.	Донесеніе о смерти кн. Арк. Александровича Суворова-Рымникскаго 30-го апр. 1811 г. Сообщ. В. Алексѣевъ	176
XVIII.	Оправдательное письмо М. А. Милорадовича—М. Б. Барклаю-де-Толли 4-го мая 1810 г. . .	196
XIX.	Три письма Н. С. Мордвинова къ Іер. Бентаму. Сообщ. В. Викторовъ.	197—202
XX.	Изъ прошлаго Забайкалья. М. Грулева . .	203—224
XXI.	Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ въ 1823 г. В. П.....	225—233

СТРАН.

XXII. Портретъ Державина въ Иркутскѣ. Сообщ. В. П. 234
XXIII. Николай Ивановичъ Тургеневъ въ письмахъ къ своимъ братьямъ. (Изъ собранія писемъ Павла Васильевича Жуковскаго). Сообщ. А. А. Ѳоминъ . . . . . 235—275
XXIV. Который Капнистъ? Сообщ. В. А. Бильбасовъ 276
XXV. Присяга императору Николаю I въ Тулѣ. Н. Д. . 307—311
XXVI. Лунное затменіе въ началѣ XVIII вѣка. Сообщ. М. К. Марченко 312
XXVII. Еврейскій самосудъ. Сообщ. А. Мердеръ . . 348
XXVIII. Нижегородскій губернаторъ А. Н. Муравьевъ. П. Д. Стремоухова. . . . . 349—361
XXIX. Народные подвиги въ 1812 г. 362
XXX. О народномъ просвѣщеніи въ Россіи. (Всеподданнѣйшая записка попечителя Харьковскаго университета Перовскаго) 20-го апрѣля 1826 г. 363—367
XXXI. Собственноручное письмо Б. П. Шереметева къ кн. А. Д. Меншикову. Сообщ. М. К. Марченко. 368
XXXII. Размолвка В. Р. Марченко съ графомъ Аракчеевымъ. Сообщ. Н. Д. . . . . 369—371
XXXIII. Письмо А. Болотова П. С. Щепкину. Спб. 20-го сент. 1827 г. 372
XXXIV. Письмо П. С. Нахимова, 19-го марта 1854 г., по поводу синопской побѣды. Сообщ. А. Х. Алкалаевъ . . . . . 395—396
XXXV. Изъ переписки Н. А. Полеваго. Сообщ. Н. К. Козьминъ. . . . . 397—413
XXXVI. Послѣдствія невыученнаго урока музыки. Сообщ. А. Мердеръ 414
XXXVII. Петербургскіе нравы въ концѣ 20-хъ годовъ . 415—416
XXXVIII. Забытый подвигъ. * * * . . . . . 417—426
XXXIX. Памятникъ гражданину Минину и князю Пожарскому . . . . . 445—447
XL. Исполины. Стихотвореніе А. И. С-ва. 448
XLI. Великій князь Николай Павловичъ съ 1814 по 1822 годъ. Н. К. Шильдера . . . . . 449—472
XLII. Резолюціи императора Николая Павловича на бумагахъ департамента государственныхъ имуществъ въ 1837 г. Сообщ. ст. секр. В. И. Вешняковъ. . . . . 491—495
XLIII. Неприсвоенный званію костюмъ мировыхъ посредниковъ.—Жидовскіе кумиры. Сообщилъ А. Мердеръ 496
XLIV. Замѣчанія кн. А. Н. Голицына на нецензурность «Военнаго Журнала» 1818 г. . . . . 561—565
XLV. Письмо И. И. Дмитріева къ Н. И. Тургеневу съ благодарностью за присланную книгу 21-го ноября 1818 г. 566
XLVI. Цензура медицинскихъ сочиненій въ 1819 г. . 587—594

СТРАН.

XLVII. Радецкій и Скобелевъ въ сраженіи 27-го и 28-го декабря 1877 г. подъ Шипкой. В. Дмитровскаго. . . . . 595—624
XLVIII. Изъ архива И. Е. Великопольскаго. . . . . 625—641
IL. Приказъ военнаго министра Барклая-де-Толли съ запрещеніемъ частнымъ начальникамъ производить пушечную пальбу по произволу.—О приселеніи малороссіанъ къ войску донскому . 642

Библіографическій листокъ.

1. Изъ прошлаго. Воспоминанія офицера Генеральнаго штаба. Часть 1-я. На войнѣ. П. Паренсова. Изданіе исправленное, дополненное, съ картинами, планами, портретами и рисунками. Спб. 1901 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ апрѣльской книжки).
2. А. В. Половцовъ. Прогулка по Русскому музею императора Александра III въ С.-Петербургѣ. Съ 39-ю рисунками. Москва. 1900 г. Его же (тамъ же).
3. Девятнадцатый вѣкъ. Обзоръ науки и техники и политическихъ событій. Подъ общею редакціей М. М. Филиппова, съ 300 портретами выдающихся ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, композиторовъ и государственныхъ дѣятелей. Спб. 1901 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ майской книги).
4. И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). Графъ В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву. Часть первая: Жизнь графа Перовскаго.—Его плѣнъ у французовъ.—Письма изъ Италіи.—Дружба съ Жуковскимъ.—Кончина. Часть вторая: Зимній походъ въ Хиву, въ 1839 г., подъ начальствомъ Перовскаго.—Его письма объ этомъ походѣ. Спб. 1901 года. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ іюньской книги).

Приложенія.

Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ А. И. Бычковъ. 1—96

Лишь бы поскорѣе все, что надобно, высказать. Это бы дало болѣе свободы и вѣрности дѣйствовать.

Четвергъ. Утро прошло прекрасно въ добрыхъ мысляхъ. Письмо къ Дуняшѣ [1]) и Машѣ [2]).

Марш(альскій) обѣдъ. Покраснѣлъ безъ причины. Разгов(оръ) за обѣд(омъ) о голосѣ. Дурацкая прогулка. Послѣ обѣда у Ливенши съ Сам(ойловою) [3]) и Шув(аловою) [4]). Споръ молодости со старостью [5]).

15, пятница. Прог(улка) въ саду. Моденъ [6]). Обѣдня. Карамзинъ [7]). Въ библіотекѣ. Встрѣча на лѣстницѣ. Разговоръ до обѣда о голосѣ: Нарышкинъ, Берольдингенъ [8]). Обѣдъ: Лейтонъ [9]). Послѣ обѣда. Дверь. Записки. Начало. M-elle Rooma [10]). Совѣсть. 10 августа [11]). Романсъ. Сонъ. Монологи. Шампанское. Письмо Дуняши [12]). Письма.

Начатое 10 іюля 1819 года, посланіе это было окончено 2 августа того же года (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 82 и 83). Хронологическія помѣты черновой рукописи этого посланія въ связи съ приведенными строками дневника Жуковскаго подъ 13 августа 1819 года („она принадлежитъ товарищу", т. е. В. А. Перовскому) положительно разрѣшаютъ вопросъ о годѣ написанія посланія. Цѣнный матеріалъ для выясненія отношеній Жуковскаго къ графинѣ Самойловой напечатанъ въ недавно изданной брошюрѣ Н. К. Кульмана „Рукописи В. А. Жуковскаго, хранящіяся въ библіотекѣ гр. А. А. и А. А. Бобринскихъ" (Спб. 1901), стр. 1—43. Объ отношеніяхъ Жуковскаго и Перовскаго къ графинѣ Самойловой см. также въ статьѣ Ив. Захарьина (Якунина) „Дружба Жуковскаго съ Перовскимъ" въ „Вѣстникѣ Европы" 1901 года, апрѣль, стр. 528—534.

[1]) Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской.

[2]) Марьѣ Андреевнѣ Мойеръ, рожд. Протасовой. М. А. Протасова вышла замужъ за дерптскаго профессора И. Ф. Мойера въ 1817 году.

[3]) Съ графинею С. А. Самойловою.

[4]) Съ графинею Екатериною Петровною Шуваловою, фрейлиною великой княгини Александры Ѳеодоровны.

[5]) Графинѣ Ш. К. Ливенъ было въ то время 76 лѣтъ (она родилась въ 1743 году).

[6]) О немъ см. выше, стр. 57, прим. 9-е.

[7]) Н. М. Карамзинъ проводилъ лѣто 1819 года въ Царскомъ Селѣ.

[8]) Виртембергскій посланникъ въ Петербургѣ (съ 1816 по 1822 г.) графъ Игнатій Берольдингенъ.

[9]) Лейбъ-медикъ Иванъ Ивановичъ Лейтонъ.

[10]) Англичанка, компаньонка гр. С. А. Самойловой (см. Н. К. Кульманъ, „Рукописи В. А. Жуковскаго, хранящіяся въ библіотекѣ гр. А. А. и А. А. Бобринскихъ" (Спб. 1901), стр. 3, прим. 1-е).

[11]) 10 августа 1819 года было написано Жуковскимъ стихотвореніе „Жизнь. (Видѣніе во снѣ)" (см. Стихотворенія Жуковскаго, изд. 9-е, т. II, стр. 75—78),—очевидно, подъ впечатлѣніемъ того чувства, которое пробудилось у Жуковскаго къ гр. Самойловой.

[12]) См. выше, прим. 1-е.

Чтеніе. Княг(иня) Волх(онская) [1]) предъ чтеніемъ. Послѣ обѣда минутная прогулка. Гусары. Шторхъ [2]). О смерти.

16, суббота. Въ Сарскомъ Селѣ. Лонгиновъ [3]). Разгов(оръ) съ Ек(атериною) Андр(еевною) [4]). Плюскова [5]). Тимофеева. Обѣдъ у Гауеншильда: [6]) Фесслеръ [7]), Крузенштернъ [8]). Послѣ обѣда у Карамзина. Велеурскій [9]). К(нязь) Волхонскій [10]). Тургеневъ [11]). Плюскова.

17, воскр(есеніе). Крестины [12]). Перовскій. У Ливенши. У новокрещенной [13]). Обѣдъ. Воронцовъ [14]). Стихи [15]). Балъ у Кочубея [16]). По-

---

[1]) Гофмейстерина великой княгини Александры Ѳеодоровны, княгиня Александра Николаевна Волконская.

[2]) Академикъ Андрей Карловичъ Шторхъ (р. 1766 † 1835), извѣстный трудами по статистикѣ и политической экономіи, былъ чтецомъ у императрицы Маріи Ѳеодоровны и наставникомъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей.

[3]) Николай Михайловичъ, секретарь императрицы Елизаветы Алексѣевны; онъ умеръ въ 1853 году въ званіи члена Государственнаго Совѣта.

[4]) Карамзиною, супругою историографа.

[5]) Наталья Яковлевна, фрейлина, хорошая знакомая Карамзиныхъ.

[6]) Ѳедоръ (Фридрихъ) Матвѣевичъ Гауеншильдъ былъ директоромъ благороднаго лицейскаго пансіона въ Царскомъ Селѣ съ 1814 по 1822 годъ; онъ же былъ профессоромъ нѣмецкаго языка въ Лицеѣ.

[7]) Извѣстный Игнатій Фесслеръ († 1839), вызванный въ 1810 году въ Россію Сперанскимъ, занявшій въ этомъ году каѳедру философіи въ С.-Петербургской духовной академіи, но черезъ пять мѣсяцевъ принужденный покинуть не только академію, но и Петербургъ. Фесслеръ избралъ себѣ мѣстожительствомъ Саратовскую губернію; въ концѣ іюля или началѣ августа 1819 г. онъ пріѣхалъ въ Павловскъ и Царское Село (см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 280); въ октябрѣ 1819 года онъ былъ назначенъ суперинтендентомъ и предсѣдателемъ Саратовской евангелической консисторіи.

[8]) Иванъ Ѳедоровичъ (р. 1770 † 1846), морякъ и кругосвѣтный плаватель.

[9]) Графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій (р. 1788 † 1856), въ то время камеръ-юнкеръ и состоявшій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, впослѣдствіи оберъ-шенкъ. Человѣкъ весьма образованный и даровитый, онъ былъ большой любитель музыки.

[10]) Вѣроятно, князь Петръ Михайловичъ, начальникъ Главнаго штаба, впослѣдствіи фельдмаршалъ и министръ императорскаго двора.

[11]) Александръ Ивановичъ.

[12]) Великой княжны Маріи Николаевны.

[13]) У великой княжны Маріи Николаевны.

[14]) Вѣроятно, за обѣдомъ шла рѣчь о графѣ М. С. Воронцовѣ, женившемся 20 апрѣля 1819 года на графинѣ Елизаветѣ Ксаверіевнѣ Браницкой, и предстоявшемъ его пріѣздѣ изъ-за границы въ Россію. Графъ Воронцовъ покинулъ Францію въ сентябрѣ 1819 года; въ Бѣлую Церковь онъ пріѣхалъ въ началѣ ноября (новаго стиля), а въ Петербургъ въ концѣ декабря 1819 года (см. его автобіографію въ Архивѣ князя Воронцова, т. XXXVII, стр. 69—70).

[15]) Вѣроятно, начало стихотворенія „Праматерь внукѣ“, написаннаго на первое причащеніе великой княжны Маріи Николаевны (стихотвореніе это носило сначала заглавіе: „17 августа 1819 года“, о чемъ см. Н. К. Кульманъ, Рукописи В. А. Жуковскаго, хранящіяся въ библіотекѣ гр. Бобринскихъ, Спб. 1901, стр. 11). Окончательно отдѣлано оно было 23 августа (см. Бумаги Жуковскаго, стр. 83).

[16]) Графа Виктора Павловича. „Третьяго дня,—писалъ А. И. Тургеневъ кн. П. А. Вяземскому 19 августа 1819 г.—ввечеру, въ Царскомъ Селѣ, живущіе тамъ генералъ-адъютанты, графъ Кочубей и другіе дали прекрасный балъ, къ которому была приглашена павловская и царскосельская публика“ (см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 292).

ѣздка въ Сарское Село съ Перовск(имъ). К(нязь) Баратовъ. Шашки.

18, понед(ѣльникъ). У Н(атальи) Ѳедотовны [1]): je ne sais quoi [2]). У Фридрихсъ [3]). Обѣдъ съ государ(ынею). Разговоръ о балѣ; il ne sait rien [4]). За обѣдомъ—Фридрихсъ. Послѣ обѣда. Картина. Музыка. Вечеръ. Чтеніе Naufrage [5]). Mon enfant [6]). Ундина [7]). Гусары въ окнѣ; велик(ій) князь.

19, вторникъ. Пустой день. Нѣсколько стиховъ поутру. Ввечеру у Шторха. Чтеніе. У Бобринской. Роза. Cotillon.

20, середа. Поутру въ Петербургъ. У Козлова [8]). У Тургенева [9]). Голиц(ынъ) [10]). Пашк(о)вы. Пушкинъ. Обѣд(алъ) у Чебышева [11]). Театръ: Chaperon rouge [12]). У Тургенева: Пушк(инъ), Гнѣдичь, Плещеевъ [13]).

21, четв(ергъ). Поутру у Тургеи(ева). У С. Флорана [14]). У Каве-

---

[1]) Плещеевой, вдовы друга императора Павла, Сергѣя Ивановича Плещеева. Н. Ѳ. Плещеева, рожденная Веригина († 1855), до замужества была фрейлиною императрицы Маріи Ѳеодоровны; въ 1797 г. была пожалована кавалерственною дамою, а въ 1826 году въ статсъ-дамы. И далѣе въ дневникѣ 1819 года вездѣ подъ Плещеевою разумѣется Наталья Ѳедотовна Плещеева.

[2]) Т. е. не знаю что.

[3]) У адъютанта великаго князя Николая Павловича, барона Петра Андреевича Фредерикса (или, какъ тогда писали, Фридрихса), женатаго на графинѣ Цециліи Владиславовнѣ Гуровской, воспитывавшейся при прусскомъ дворѣ вмѣстѣ съ принцессою Шарлоттою (великою княгинею Александрою Ѳеодоровною).

[4]) Т. е. онъ ничего не знаетъ.

[5]) Быть можетъ, одноактная комедія Лафона (Lafont) Le Naufrage ou les funérailles de Crispin (см. Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ, выпускъ I, отдѣлъ III, Спб. 1892, стр. 190).

[6]) Вѣроятно, тоже комедія.

[7]) Извѣстное произведеніе Ламотъ-Фукэ.

[8]) У поэта И. И. Козлова.

[9]) Александра Ивановича.

[10]) Князь Александръ Николаевичъ, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

[11]) См. выше, стр. 41, прим. 7-е.

[12]) Le petit chaperon rouge, комическая опера Boieldieu, въ первый разъ представленная въ Парижѣ въ іюлѣ 1818 года.

[13]) Пріятель Жуковскаго, Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ.

[14]) Книгопродавца.

*

лина [1]). У Лаваль [2]): Бѣлосельская [3]). Къ Тургеневу. Боголюб(овъ) [4]). К(нязь) Баратовъ. Каразинъ [5]). Домой.

22, пятница. Въ Павловскъ. Перовск(ій) въ Петербургѣ. Обѣдъ марш(альскій). Романсы не для всѣхъ. Разговоръ. О княгинѣ Волх(онской). Монологи. Загряжск(ая) [6]). Вечеръ дома. Гроза.

26, вторникъ. Поутру у Прозоровск(ой) [7]). У в(еликой) княгини. Альбомъ. Завтракъ у Плещеевой. Эпитафія [8]). Музыка. Мазурка. Вечеръ. Разговоръ о V(o)eux téméraires [9]), о Simple histoire [10]). Перовскаго исторія. Балъ у Бобринской. Глупая исторія съ Кукольник(омъ) [11]).

Fest zusammenhalten was Gott und die Umstände [12]) zusammen-

---

[1]) Дмитрія Александровича (р. 1779†1851), тоже получившаго воспитаніе въ Московск. университ. благор. пансіонѣ, бывшаго потомъ директоромъ медицинскаго департамента и позже директоромъ Главнаго педагогич. института въ Петербургѣ.

[2]) Камергеръ графъ Иванъ Степановичъ Лаваль (†1846) былъ женатъ на милліонеркѣ Александрѣ Григорьевнѣ Козицкой (†1850).

[3]) Вѣроятно, сестра графини А. Г. Лаваль, княгиня Анна Григорьевна Бѣлосельская, рожденная Козицкая (†1846), мать извѣстной княгини Зинаиды Александровны Волконской.

[4]) Варѳоломей Филиппович Боголюбовъ († 1842), человѣкъ близкій ко многимъ тогдашнимъ вельможамъ. О его знакомствѣ съ А. И. Тургеневымъ см. въ „Письмахъ Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 157 и 262.

[5]) Извѣстный Василій Назаровичъ Каразинъ.

[6]) Извѣстная Наталья Кирилловна Загряжская, рожд. графиня Разумовская.

[7]) Княгини Анны Михайловны (см. выше, стр. 57, прим. 14-е).

[8]) Эпитафія чижику (см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 302).

[9]) Les voeux téméraires, романъ г-жи Жанлисъ, вышедшій первымъ изданіемъ въ 1799 году.

[10]) Романъ мистриссъ Инчбальдъ (Inchbald), вышедшій на англійскомъ языкѣ въ Лондонѣ въ 1791 году и въ томъ же году переведенный на французскій языкъ.

[11]) Съ Василіемъ Григорьевичемъ Кукольникомъ (отцомъ извѣстнаго писателя Нестора Васильевича Кукольника). В. Г. Кукольникъ, между прочимъ, съ 1813 по 1 іюня 1817 года преподавалъ римское и русское гражданское право великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. 2 марта 1819 г. онъ былъ назначенъ предсѣдательствующимъ въ конференціи С.-Петербургскаго университета; всѣ предполагали, что онъ будетъ ректоромъ университета, но въ день, назначенный для выборовъ ректора, Кукольникъ въ своей рѣчи заявилъ, что въ Петербургѣ онъ болѣе не останется, и просилъ не подвергать его баллотировкѣ. Приглашенный графомъ А. Г. Кушелевымъ-Безбородко для устройства гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, Кукольникъ покинулъ Петербургъ въ іюлѣ 1820 года; скончался онъ 6 февраля 1821 года. Лѣтомъ Кукольникъ жилъ въ Павловскѣ.

[12]) Въ подлинникѣ описка: Umstanden.

gefügt haben; kindliche Pflichten erfüllen; der äussern Welt geben was sie fordern kann; nicht zurückrufen was vergessen sein soll..., dieses ist für dich der Weg des Friedens [1]).

27, среда. У велик(ой) княг(ини). Встрѣча съ императри(цею). У Самойлов(ыхъ): пригл(ашеніе) въ Петер(бургъ). V(o)eux téméraires. Послѣ обѣда разг(оворъ) съ Лобан(овымъ) [2]). Перовск(аго) сонъ.

28, четвергъ. У велик(ой) княг(ини). Разг(оворъ) съ велик(имъ) княз(емъ) о Перовскомъ. У M-elle Wildermeth съ Шамбо. Обѣдъ. Лобановъ. Романсы. Ввечеру на гулянье. Встрѣ(ча) Перовск(аго) съ Бобринск(ою). M-e Adlerberg [3]). Балъ Кочубея [4]).

29, пятница. Поутру. Альбомъ Самойл(овой) [5]). Сонъ: Кукольн(икъ). Тѣнь. Чижи [6]).—Съ Шувал(овою) [7]) у Ливенъ. Редуте. Обѣд(алъ) у Вольфа [8]). Съ Карамзинымъ у Н(атальи) Ѳедот(овны). Вечеръ.

30, суббота. У великой княгини. У Ливенши. Въ Сарское Село. Энгельгартъ [9]), Чадаевъ [10]). Во дворцѣ. Вечеръ у Карамзина. Болѣзнь в(еликаго) князя.

31, воскресеніе. Тургеневъ. У Ливенши. В(еликій) князь. Маршальск(ій) обѣдъ. Прогулка. Вечеръ у Плещеевой: разговоръ о предвѣдѣніи. Манускриптъ Козлова [11]).

---

[1]) Т. е. Крѣпко хранить то, что соединили Богъ и обстоятельства; исполнять сыновнія обязанности; давать обществу то, что оно можетъ требовать не вызывать воспоминанія о томъ, что должно быть предано забвенію— это для тебя путь мира.

[2]) Вѣроятно, съ княземъ Алексѣемъ Яковлевичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ (р. 1795†1848), въ то время флигель-адъютантомъ, а впослѣдствіи генералъ-адъютантомъ.

[3]) Жена адъютанта великаго князя Николая Павловича, Марья Васильевна Адлербергъ (см. выше, стр. 58, прим. 6-е).

[4]) Графа Виктора Павловича.

[5]) 29-мъ августа 1819 года помѣчено разсужденіе Жуковскаго о счастіи жизни, написанное имъ въ началѣ альбома графини С. А. Самойловой (см. Н. К. Кульманъ, Рукописи В. А. Жуковскаго, хранящіяся въ библіотекѣ гр. Бобринскихъ, Спб. 1901, стр. 9).

[6]) Тѣ чижики, которымъ Жуковскій писалъ эпитафіи.

[7]) Съ фрейлиною графинею Е. П. Шуваловою.

[8]) Вѣроятно, у Ивана Францевича Вольфа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, служившаго въ канцеляріи императрицы Маріи Ѳеодоровны.

[9]) Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ, директоръ Царскосельскаго лицея.

[10]) Извѣстный Павелъ Яковлевичъ Чаадаевъ.

[11]) По всему вѣроятію, здѣсь разумѣется рукописный переводъ И. И. Козлова (на французскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ) „Абидосской Невѣсты“ Байрона. Этотъ переводъ произвелъ впечатлѣніе и на А. И. Тургенева, который 22 октября 1819 г. писалъ князю П. А. Вяземскому слѣдующее: „Постараюсь прислать тебѣ переводъ И. И. Козлова, бывшаго танцмейстера, лишившагося ногъ, но пріобрѣвшаго вкусъ къ литературѣ

(Сентябрь). 1, понедѣльникъ. Письмо къ Лонгинову [1]). Обѣдъ маршальск(ій). Вечеръ у Плещ(еевой). Карамз(инъ). Плюск(ова). Кочет(ова) [2]). Уш(акова) [3]). Карбунк(улъ). Старушка [4]). Разгов(оръ) о Перовск(омъ).

2, вторникъ. Письмо къ Вяземск(ому). Обѣдъ марш(альскій). Перовск(ій). Послѣ обѣда у Вольфа. Перовск(ій) у Кочуб(ея).

3, середа. Письмо къ Вяземск(ому) о стихахъ [5]). Къ Лонгинову. Чт(еніе) Исторіи [6]). Обѣдъ. Игра въ билліардъ. Прогулка. Чтеніе V(oeux) téméraires [7]). Записка Тургенева [8]).

4. Вечеръ у Бобринск(ой). Разговоръ [9]).

5. По утру у великой княгини. Обѣдъ маршальск(ій). Vergissmeinnicht. Вечеръ у граф(ини) Головк(иной) [10]).

6. Вечеръ у Плещ(еевой).

и выучившагося въ три мѣсяца (sapienti sat!) по-англински, Байрона „Bride of Abidos“ на французскомъ. Елизавета Алексѣевна дала ему за сіе перстень“ (см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 335—336). Впослѣдствіи И. И. Козловъ, какъ извѣстно, перевелъ „Абидосскую Невѣсту“ и на русскій языкъ (отдѣльно издана въ 1826 году; отрывки же появились въ печати еще въ 1823 и 1825 гг.).

[1]) Николаю Михайловичу, секретарю императрицы Елизаветы Алексѣевны.

[2]) Фрейлина Е. Н. Кочетова (см. выше, стр. 58, прим. 2-е).

[3]) Варвара Павловна, фрейлина великой княгини Александры Ѳеодоровны.

[4]) Т. е. Жуковскій читалъ свои произведенія: „Красный карбункулъ“ и „Старушка“ (первоначальное названіе „Баллады, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди“, о чемъ см. Бумаги Жуковскаго, стр. 44 и 151).

[5]) Объ этомъ письмѣ Жуковскаго А. И. Тургеневъ писалъ 3 ноября 1819 года князю П. А. Вяземскому слѣдующее: „Чудо изъ чудесъ! Сію минуту приносятъ ко мнѣ письмо отъ Жуковскаго къ тебѣ съ замѣчаніями на твои стихи къ Дмитріеву. Прочелъ письмо и препровождаю. Онъ правъ при своей лѣни, ибо требуетъ отъ насъ того, что мы обязаны отдавать ему: святого уваженія къ его святынѣ, надъ которой и тебѣ не должно кощунствовать. Насъ для него немного; ибо многіе знаютъ его только по таланту, а онъ у насъ одинъ. Отъ себя одного я, можетъ быть бы, этого не сказалъ; или, быть можетъ, сказалъ бы, ибо надобно повѣрить временемъ показанія чувства; а съ нимъ я давно живу и чувствую, чувствую и живу, и онъ знаетъ, что меня морозъ Зимняго дворца не прохватитъ“ (см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 304).

[6]) „Исторіи“ Карамзина.

[7]) См. выше, стр. 68, прим. 9-е.

[8]) Вѣроятно, написанная Тургеневымъ по прочтеніи замѣчаній Жуковскаго на стихи князя Вяземскаго (см. выше, прим. 5-е).

[9]) Съ графинею С. А. Самойловою или о ней.

[10]) Быть можетъ, у графини Екатерины Львовны Головкиной, рожд. Нарышкиной († 5 ноября 1820 года), жены графа Ю. А. Головкина († 1845).

7. Обѣдъ маршальск(ій). Разсказы. Вечеръ у Плещ(еевой) со всѣми. Чтеніе комедіи. Стихи.

8. Государыня. Обѣдъ маршальск(ій). Вензель. Разгов(оръ) у дверей. Repentir. Прощанье съ государынею. Вмѣстѣ къ Адлербергу [1]). Курочка. Вечеръ дома.

9. Стихи въ альбомъ [2]). Въ библіотеку. Обѣдъ: въ билліардъ. Вечеръ у в(еликой) княгини.

10. Стихи. Обѣдъ у Н(аталіи) Ѳедотовны. Вечеръ у Нат(аліи) Ѳед(отовны). Чтеніе моихъ перевод(овъ).

11. Стихи. Обѣдъ марш(альскій). Прогулка. Предл(оженіе) чтенія по вечерамъ. Вечеръ у Н(аталіи) Ѳ(едотовны). Плюскова. Волхон(ская). Чтеніе S. histoire [3]).

12. Обѣдъ маршальск(ій). Игра въ cercean. Вечеръ у Нат(аліи) Ѳед(отовны). Чтеніе.

13. Пріѣздъ государ(ыни). Начало поэмы [4]). Прогулка. Les pensées. Два дня изъ одного. Вечеръ у Модена.

14. Стихи. Обѣдъ марш(альскій). Билліардъ: Моденъ. Пѣсни; cercean; послѣ обѣда на крыльцѣ. Шахматы. Вечеръ у великой княгини. Чтеніе Charles (e)t Marie [5]); музыка Плещеева [6]). О M-lle Wildermeth. Моденъ.

15. Стихи. Поэма. Къ Карамз(инымъ): одна Екатер(ина) Андр(еевна). О Самойл(овой) [7]). Карамзинъ. Плюскова. У Бобринск(ой) балъ и катанье.

---

[1]) Владиміру Ѳедоровичу.

[2]) Вѣроятно, стихи въ альбомъ графини С. А. Самойловой.

[3]) Т. е. Simple histoire (см. выше, стр. 68, прим. 10-е).

[4]) Вѣроятно, переписка набѣло или окончательная обработка, а, можетъ быть, чтеніе начала „Орлеанской дѣвы“, драматической поэмы Шиллера. Переводить „Орлеанскую дѣву“ Жуковскій началъ еще въ 1818 году (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 194, прим. 6-е). О переводѣ Жуковскимъ „Орлеанской дѣвы“, между прочимъ, сообщалъ А. И. Тургеневъ кн. П. А. Вяземскому въ письмахъ отъ 1 іюля и 13 августа 1819 года (см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 258 и 288). „Удивительная вѣрность въ переводѣ и, слѣдовательно, въ поэзіи“, писалъ Тургеневъ въ письмѣ отъ 13 августа. Два первыя дѣйствія „Орлеанской дѣвы“ написаны Жуковскимъ въ альбомѣ графини С. А. Самойловой 1819 года (см. Н. К. Кульманъ, Рукописи В. А. Жуковскаго, хранящіяся въ библіотекѣ гр. Бобринскихъ, Спб. 1901, стр. 13, 27—28 и 61—68).

[5]) Съ такимъ названіемъ имѣется романъ баронессы Суза (Souza), вышедшій въ свѣтъ въ 1802 году.

[6]) Пріятеля Жуковскаго, Александра Алексѣевича Плещеева. О дѣятельности его на музыкальномъ поприщѣ см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 440.

[7]) О графинѣ Софіи Александровнѣ Самойловой.

16. Поэма. Маршальск(ій) обѣдъ. Игра въ билліардъ. Къ Модену въ шахматы. Къ Н(аталіи) Ѳед(отовнѣ). Чтеніе.

17. Стихи [1]). Завтракъ на фермѣ: рябина; разг(оворъ) о велик(ой) княгинѣ. Бобр(инскій) [2]) на караулѣ. Къ Карамзину: милая черта его души. Разговоръ о Mémoire [3]). Вечеръ у Бобринск(ой). Разговоръ о стихахъ [4]): c'est touchant [5]). Головная боль и танцы.

18. Прогулка. Pensées—двѣ эмблемы. Первая лучше, и ее принялъ. Игра въ билліардъ съ Моденомъ. Вечеръ у Нат(аліи) Ѳед(отовны) и чтеніе.

1820.

3 октября. Дерптъ. Выѣхалъ [6]) 3 въ 12 часовъ. Въ Гульбенѣ пляска.

4. Энгельгардсгофъ. Обѣдъ.

5. Рига. Пріѣхалъ въ три часа. Hôtel St. Pétersbourg на площади. Памятникъ [7]). Поутру къ Кубе [8]). Вино. Выѣхалъ въ половинѣ втораго. Ввечеру въ Митавѣ.

6. Между Бекгофомъ и Фрауенбургомъ Цеецер(н)ское озеро, на лѣвой рукѣ отъ дороги. Прекрасный видъ. Большой лѣсъ сосновый на высотѣ равнины. Длиною въ $1^1/_4$ мили.—Фрауенбургъ. Станція. Помѣстье гр. Ливенъ (Мезотенъ).

7. Изъ Оберъ Бартау въ Руцау переѣздъ ночью. Темнота и

---

[1]) Стихи на день ангела гр. С. А. Самойловой, начинающіеся словами: „Напрасно я мечтою льстился“ (напеч. въ названной брошюрѣ г. Кульмана, стр. 16—18).

[2]) Графъ Алексѣй Алексѣевичъ Бобринскій (р. 1800 † 1868), въ 1821 г женившійся на гр. С. А. Самойловой.

[3]) Вѣроятно, объ извѣстной книгѣ А. С. Стурдзы „Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne“, изданной въ 1818 году.

[4]) Очевидно о стихахъ на день ангела гр. Самойловой.

[5]) Т. е. это трогательно.

[6]) Въ 1820 году доктора отправили за границу великую княгиню Александру Ѳеодоровну, для возстановленія здоровья; въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ великую княгиню, находился и Жуковскій; это было его первое путешествіе за границу.

[7]) Гранитная колонна, поставленная въ 1817 году въ память императора Александра I и побѣдоносной русской арміи.

[8]) Вѣроятно, къ Леонтію Ивановичу Кубе, въ то время бывшему лифляндскимъ губернскимъ прокуроромъ, а потомъ занимавшему должность лифляндскаго вице-губернатора.

дождь. Въ Рупау коммиссаръ, бывшій въ прусской службѣ. 11 дѣтей. Коммиссаръ Таубе.

Полангенъ. Корчма у жида. Горницы, гдѣ были филины. Домъ таможенный. Домъ городничаго у мельницы. Питье за здоровье. Тоже утр(омъ) на прощанье.—Иммератъ. Warnung für Taback(s)räucher [1]). Головы.

8. Мемель. Въ четыре часа или въ половинѣ пятаго. Видъ простой. Мельницы въ дѣйствіи. Опрятные домики. Hôtel de Russie. Печи. Почтальонъ. Физіономіи нѣмецкія. Одна церковь. Съ $^1/_2$ пятаго до осьми утра. Буря. Ужинъ. Зала для танцевъ. Переѣздъ черезъ проливъ.—Шварцертъ. Перемѣна на берегу. Камни.—Нидденъ. Перемѣна на берегу. Пѣснь.—Розиттенъ. Ужинъ. Булки. Почтмейстеръ съ шишкой. Два гостя.—Саркау. Портретъ в(еликой) к(нягини) [2]).

9. Мильзенъ. Большіе портреты. Ужасно дурная дорога до Кенигсберга [3]). Видъ Кенигсберга. Встрѣча съ солдатами. Замѣчаніе о лицахъ. Hôtel de Russie и толстая трактирщица. Bernstein [4]). Покупка книгъ. Обѣдъ. Починка. Горница № 11, двѣ печи.

Кенигсбергъ. Музыка. Книжная лавка. Шлоссъ. Видъ Кенигсберга. Островъ. Театръ и площадь. Прегель. Schlosskirche, готическ(ая) архитектура. Домъ Кантовъ [5]) и... [6]).

---

[1]) Т. е. предостереженіе для курильщиковъ табака.

[2]) Великой княгини Александры Ѳеодоровны.

[3]) „Самымъ пріятнымъ зрѣлищемъ было для меня то, что всѣ, которые обыкновенно ѣздятъ по здѣшней дорогѣ, называютъ скучнымъ и несноснымъ, это такъ-называемый штрандъ, или дорога ужасными песками отъ Мемеля до Кенигсберга“ — писалъ Жуковскій Е. А. Протасовой 1 ноября 1820 года изъ Берлина. „Чтобъ легче было лошадямъ, ѣздятъ обыкновенно по самому краю песчанаго берега, такъ что одно колесо всегда въ морѣ. Въ жаркое время, когда песокъ раскаленъ и море спокойно, эта дорога должна быть несносна и утомительна; мы, напротивъ, ѣхали послѣ бури... Песокъ былъ взмоченъ, и мы ѣхали скоро; и, благодаря бурѣ, дорога штрандомъ, самая худшая во всякое время, была для насъ лучшею, ибо за Кенигсбергомъ была грязь или песокъ, и мы тащились, какъ черепахи“ (см. „Русскій Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 35).

[4]) Т. е. янтарь; его встрѣчается много въ сѣверо-восточной Пруссіи.

[5]) Знаменитаго философа Иммануила Канта, который родился и умеръ въ Кенигсбергѣ.

[6]) Слѣдующее затѣмъ слово написано крайне неразборчиво. Далѣе написана еще фраза изъ пяти словъ, въ которой ясно читается третье слово: великодушія; первыя два слова разобрать трудно; послѣднія два слова, какъ кажется, читаются такъ: адъютанты общества. Слѣдуетъ вообще замѣтить, что записная книжка, содержащая въ себѣ дорожный дневникъ Жуковскаго отъ Дерпта до Берлина и за первые дни пребыванія его въ Берлинѣ (14—22 октября), писана очень мелкимъ и неразборчивымъ почеркомъ, такъ что, несмотря на все стараніе, нѣсколько словъ въ ней не удалось прочесть.

10. Бранденбургъ. Древнія стѣны.—Гоппенбрухъ. Большія кресла.—Бра у(н)сбергъ. Почтовая станція и почта.—Мильгаузенъ. Народъ на площади. Разговоръ съ почтмейстеромъ толстымъ о ландверѣ: 3 недѣли сряду и 3 мѣсяца. Законъ о крестьянахъ: въ 12 лѣтъ половина земли. Прежнія привилегіи.—Preussische Holland. Прекрасное, живописное положеніе на горѣ. Нечистой старой городокъ. Обѣдъ.—Reichenbach. Крестьянинъ содержатель гости(ницы). Прекрасная изба. Шкапы изъ ильма лакир(ованнаго). Тарелки и фаянсъ. Часы. Множество дѣтей. Вальсъ. Дорога до Preuss(ische) Mark. Прекр(асное) захожд(еніе) солнца—за холмомъ, и холмъ казался огнедышущею горою; все небо въ огнѣ; пріятное расположеніе духа. Деревня Бухвальде освѣщенная солнцемъ; церковь и кладбище и гробъ, который чернѣлся на заревѣ. N. B. Писать къ Сашѣ и Тург(еневу) вмѣстѣ [1]).—Preuss(ische) Mark. На почтѣ. Негодная станція, вонючая и нечистая.—Ризенбургъ. Американскій посланникъ [2]).

11. Маріенвердеръ. Пріѣхали ночью. Двѣ трактир(щицы). Ужинъ. Венды. Ночью дорога гористая. Вообще мѣстность довольно разнообразная.—Нейенбургъ. Кофе. Картины Фридриха [3]). Венды.—Плохочинъ. Чтеніе. Венды. Passagierzimmer.—Оши. Обѣдъ. Толстый почтмейстеръ съ гостями въ другой горницѣ. Лѣсъ.—Юнкергофъ. Встрѣча съ Эбелинкомъ. Лѣсъ. — Тухель. Лѣсъ. Конецъ Вендамъ. Попортилъ фуражку. Чай.

12. Коницъ. Старинный городъ. Башня. Дѣвки въ руб(ашкахъ).—Шлохау. Горница съ канапе.—Петерсвальде. Кофе.—[4]) съ бесѣдкой. Виды.—Ястровъ. Шахматный городокъ и прекрасивый. Дѣвочка. Портреты. Обѣдъ.—Фрейденфиръ. Деревня. Мал(енькая) горница.—Кроне. Прелестный домикъ смотрителя. Горница, обитая пестрыми обоями. Фортопіано. Передъ зеркаломъ цвѣты. Порядокъ. Вода за уж(иномъ).—Рушендорфъ. Ввечеру. Старикъ комнатный служитель.

13. Шлоппе. Ночью. Чай.—Гохцейтъ. Ночью.—Вольденбергъ. Встрѣча съ почтовою коляскою. Два офицера. Горница на верху. Кофе.—Фридбергъ. Кавалеръ Желѣзнаго креста—испанскій стрѣлокъ.—Ла(н)дсбергъ. Майоръ хромой въ бархатной шапкѣ. Его

---

[1]) Къ Александрѣ Андреевнѣ Воейковой, рожд. Протасовой, и Александру Ивановичу Тургеневу. См. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 192—193.

[2]) Т. е. встрѣча съ ѣхавшимъ въ Петербургъ американскимъ посланникомъ Midleton.

[3]) Живописецъ Каспаръ-Давидъ Фридрихъ (Friedrich, р. 1774†1840). Его картины, преимущественно ландшафты, носятъ романтическій и меланхолическій характеръ.

[4]) Одно слово при печатаніи выпущено.

жена и услужливая дѣвка. Шампанское; разговоръ о Бибиковѣ [1]). Фортопьяно. Обѣдъ. — Бальцъ. Игроки въ вистъ. Сюрпризъ короля [2]) в(еликой) княгинѣ. — Кистринъ. Ночевали. Трактирная дѣвка. Худой ужинъ. Выѣхали въ 9 часовъ.

14. Зееловъ.—Минхсбергъ. Дилижансъ. Обѣдъ.—Фогельсдорфъ. Чай. Перовскій.—Берлинъ. Hôtel St-Pétersbourg.

15. Въ Hôt(el) de St.-Pétersb(ourg). [Германъ [3]). Худановскій]. Къ в(еликому) князю. Къ в(еликой) княгинѣ [4]). — Къ Шуваловой [5]). Слезы.—Къ Волхонск(ой) [6]). Къ Модену [7]). Въ hôtel: шляпы. Обѣдъ у короля: князь Витгенштейнъ [8]). Король. Принцы Вильгельмъ [9]) и Карлъ [10]). Принцесса Александрина и ея женихъ [11]). M-e Truchsess [12]). M-e Viereck [13]). Принцъ Оранскій [14]). Маленькій принцъ [15]).— Вечеръ въ театрѣ [16]) и дома. Brief und Antwort [17]). Девріенъ [18]).

---

[1]) Вѣроятно, объ Александрѣ Ильичѣ Бибиковѣ (р. 1729 † 1774), участвовавшемъ въ Семилѣтней войнѣ, взявшемъ въ плѣнъ прусскаго генерала Верниса, что ускорило паденіе Кольсберга.

[2]) Прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III, отца великой княгини Александры Ѳеодоровны.

[3]) Полковникъ Преображенскаго полка Александръ Ивановичъ Германъ, состоявшій при россійскомъ посольствѣ въ Берлинѣ.

[4]) Великій князь Николай Павловичъ и его супруга находились въ Берлинѣ уже съ 1-го (13-го) октября.

[5]) Къ фрейлинѣ великой княгини, графинѣ Е. П. Шуваловой.

[6]) Къ гофмейстеринѣ великой княгини, княгинѣ А. Н. Волконской (см. выше, стр. 57 , прим. 15-е).

[7]) Къ гофмаршалу двора великаго князя, графу Модену (см. выше, стр. 57, прим. 9-е).

[8]) Министръ королевскаго двора.

[9]) Сынъ короля, будущій германскій императоръ.

[10]) Сынъ короля, принцъ Карлъ (р. 1801 † 1883).

[11]) Дочь короля, принцесса Александрина, и ея женихъ, наслѣдный великій герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій Павелъ-Фридрихъ; обрученіе ихъ происходило 24-го сентября н. ст. 1820 г.

[12]) Графиня Трукзесъ, оберъ-гофмейстерина королевскаго двора.

[13]) Находилась при дворѣ королевы Луизы (см. Gräfin von Voss, Neunundsechszig Jahre am Preussischen Hofe, Leipzig, 1876, стр. 224 и 249).

[14]) Принцъ Вильгельмъ-Фридрихъ Оранскій (впослѣдствіи, съ 1840 г., король Нидерландскій), женатый съ 1816 г. на великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ.

[15]) Младшій сынъ короля, принцъ Альбрехтъ (р. 1809 † 1872).

[16]) „Главное мое знакомство (въ Берлинѣ): театръ;"—писалъ Жуковскій Е. А. Протасовой 1-го ноября 1820 года — „бываю каждый вечеръ въ театрѣ. Для насъ, пріѣзжихъ, есть безденежное мѣсто въ королевской ложѣ" (см. „Русскій Архивъ" 1900 г., сентябрь, стр. 36—37).

[17]) Комедія въ одномъ дѣйствіи, передѣлка съ французскаго Карла Лебрёна (Lebrun, р. 1792 † 1842), актера и автора нѣсколькихъ пьесъ для театра.

[18]) Знаменитый актеръ Людвигъ Девріенъ (р. 1784 † 1832). Восторженный отзывъ о немъ Жуковскаго см. ниже въ этомъ дневникѣ.

Epreuves villageoises[1]): Hog(u)et[2]), M-elles Lemierre, Vestriss, Ro(e)-misch[3]). Негодный буффъ.

16. Визиты къ princesse Guillaume [4]), къ принц(у) Вильг(ельму), Оранск(ому), Кумберланд(скому) [5]), къ пр(инцу) Дессау [6]), къ Мекленбур(гскому), къ принцу Карлу, Альбр(ехту) [7]), къ принц(ессѣ) Александр(инѣ). Обѣдалъ дома. Ввечеру въ театрѣ. Пигмаліонъ [8]). Дурно.— Wer ist der Bräutigam [9]). Дурная піеса. Mattauss [10]). M-e Devrient [11]).— Der Nachtwäch(ter) [12]). Несравненный Девріенъ.

Воскресенье, 17. Утро. Визиты. Къ Мекленб(ургскому). Къ принц(у) Августу [13]). Къ Алопеусу [14]): человѣкъ умной; лицо козлиное; портр(еты) M-e Récamier [15]) и графа д'Артуа [16])... [17]). — У обѣдни. — Великая княгиня показ(ывала) рыцарскую залу и другія горницы дворца. Смѣсь великолѣпія съ нечистотою. Можно сказать, что я ничего не видѣлъ. Виз(итъ): графинѣ Головкиной [18]); пріемъ. Обѣдалъ дома. Глупой эти-

---

[1]) Танцовщикъ берлинской балетной труппы.

[2]) L'épreuve villageoise, балетъ, музыка котораго написана Persuis'омъ.

[3]) Всѣ трое—танцовщицы балетной труппы. Фамилія первой писалась не Lemierre, какъ стоитъ въ дневникѣ Жуковскаго, а Lemière.

[4]) Къ супругѣ принца Прусскаго Вильгельма (братъ короля Фридриха-Вильгельма III), принцессѣ Маріаннѣ.

[5]) Эрнстъ-Августъ, герцогъ Кумберландскій (р. 1771 † 1851), впослѣдствіи король Ганноверскій, былъ женатъ на сестрѣ королевы Прусской Луизы, принцессѣ Фридерикѣ Мекленбургъ-Стрелицкой.

[6]) Герцогъ Леопольдъ-Фридрихъ Ангальтъ-Дессаускій былъ женатъ на принцессѣ Прусской Фридерикѣ-Вильгельминѣ-Луизѣ.

[7]) Къ наслѣдному великому герцогу Мекленбургъ-Шверинскому Павлу-Фридриху, жениху принцессы Прусской Александрины, или къ герцогу Карлу Мекленбургъ-Стрелицкому, состоявшему въ прусской службѣ, любителю театра, писавшему подъ псевдонимомъ Weisshaupt'a.

[8]) Монодрама, передѣл. съ французскаго соч. Руссо, музыка Георга Бенда (Benda, 1721 † 1795).

[9]) Заглавіе этой комедіи драматической писательницы Іоганны Франуль фонъ-Вейсентурнъ (von Weissenthurn, р. 1773 † 1847) приведено Жуковскимъ не вполнѣ точно; настоящее заглавіе слѣдующее: Welcher ist der Bräutigam?

[10]) Фамилія этого актера, пользовавшагося большою извѣстностью, написана Жуковскимъ невѣрно; слѣдуетъ читать: Mattausch.

[11]) Жена знаменитаго трагика.

[12]) Фарсъ, въ стихахъ, соч. Теодоромъ Кернеромъ.

[13]) Къ принцу Прусскому Августу.

[14]) Къ русскому посланнику при Берлинскомъ дворѣ, графу Давыду Максимовичу Алопеусу (р. 1769 † 1831).

[15]) Извѣстной своимъ умомъ и красотою г-жи Рекамье (р. 1777 † 1849).

[16]) Впослѣдствіи короля французскаго Карла X.

[17]) Одно слово не разобрано.

[18]) Ср. выше, стр. 70, прим. 10-е.

кетъ здѣшняго двора. Перед(ъ) обѣд(омъ) у Шуваловой: чтеніе. Ввечеру въ театрѣ. Альцеста [1]): M-e Milder [2]), большой голосъ; прекр(асная) метода, мало выраженія; въ игрѣ благородство. Декораціи прекрасны, особливо храмъ и пещера. Всѣ детали въ большомъ совершенствѣ, такъ что все вмѣстѣ производитъ полное дѣйствіе на воображеніе.

18, понедѣльникъ. Поутру. У в(еликой) княгини. Разговоръ о путешествіи. Штрандъ. Vous pensez haut [3]). Арфа. Съ Моденомъ къ Штаубвассеру. Въ экспозицію [4]). M-e Kleist. Бюстъ Шадова [5]). Работы Рауха [6]): бюсты в(еликой) к(нягини), короля; модель Блюхерова монумента [7]). Обѣдъ у в(еликой) к(нягини). La comtesse de Truchsess [8]). Хохотъ. Домой. Эссенъ [9]). Въ театръ: Das Vorlegeschloss [10]); пустая піеса, но Девріенъ не забывается; для всякой роли ея характеръ и нѣтъ ничего общаго съ другими. Nina [11]): M-lle Lemierre и Hoguet [12]). Пантомима съ музыкою сильнѣе дѣйств(уетъ), нежели слова.

19. Утро дома. У Шамбо [13]). Въ лавк(ахъ). У M-e Bock [14]). У Фур-

---

[1]) Опера Глюка.

[2]) Извѣстная пѣвица.

[3]) Т.-е. вы думаете вслухъ.

[4]) Выставка въ королевской Академіи художествъ открылась 24-го сентября н. ст.

[5]) Скульпторъ Іоганнъ-Готфридъ Шадовъ (р. 1764 † 1850).

[6]) Скульптора Христіана-Даніила Рауха (р. 1777 † 1857). Къ числу его произведеній принадлежитъ надгробный памятникъ королевы Прусской Луизы въ Шарлоттенбургѣ.

[7]) На выставкѣ находились изъ работъ Рауха: мраморные бюсты великой княгини Александры Ѳеодоровны и короля Прусскаго Фридриха-Вильгельма III, а также его модель памятника фельдмаршалу Блюхеру.

[8]) См. выше, стр. 75, прим. 12-е.

[9]) Флигель-адъютантъ Александръ Филипповичъ Эссенъ. Въ ноябрѣ 1820 года Жуковскій отправилъ съ нимъ письмо къ А. И. Тургеневу для передачи А. А. Воейковой (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 192 и 194).

[10]) Фарсъ, вольная передѣлка съ англійскаго Адальберта фонъ Тале (v. Thale,—псевдонимъ Карла фонъ Деккера (р. 1784 † 1844), прусскаго генерала и военнаго писателя, сочинявшаго также пьесы для театра.—Въ дневникѣ Жуковскаго въ заглавіи пьесы сдѣлана описка (стоитъ: Der вмѣсто: Das).

[11]) Нина, или съумасшествіе отъ любви, пантомим. балетъ Milon'a, музыка Persuis'a и другихъ композиторовъ.

[12]) См. выше, стр. 76, прим. 2 и 3-е.

[13]) Секретарь великой княгини Александры Ѳеодоровны, Иванъ Павловичъ Шамбо.

[14]) Вѣроятно, жена пріятеля Жуковскаго, Т. Е. Бока.

мана [1]). Чтеніе Le m(alade) imag(inaire) [2]). У Алопеуса: посланникъ, Крафтъ [3]), Мальт(ицъ) [4]), Фелькерзамъ. Въ театръ: M-e Truchsess, la princesse de Dessau. Ahnfrau [5]). Удивительное совершенство декорацій. Игра актеровъ неудовлетворительна.

20. Поутру въ банѣ—у нѣмцевъ Badeanstalt. Обѣдъ у герц(ога) Кумберландск(аго): ганов(ерскій) мин(истръ), prince Guillaume, princesse Guillaume, Alexandrine, duchesse de Cumberland, Arnou. — Въ театръ: Весталка [6]). M-e Schulz [7]). — Перовскаго ночныя похожденія.

21. У Шамбо. У Бойке [8]). Прогулка: статуя герцога. Lange Brücke. Видъ на дворецъ. Яблоки. Фридр(иховъ) мостъ. Lustgarten. Монум(ентъ) герц(огу) Дессау. Липовая аллея. Бранд(енбургскія) ворота. Слѣпой съ арфою. Обѣдъ у короля. Въ театрѣ: J. v. Voss Künstlers Erdenwallen [9]).

22 [10]). У в(еликой) к(нягини). О Шарл(оттен)бургѣ. Завтр(акъ) у Шамбо. Въ Шарлот(тенбургъ): дорога. Bellevue. Улица. Видъ дворца ..... [11]). Жена кастеляна. Памятникъ [12]). Дворецъ: японск(ая) комната... [13]). Церковь дворцовая: бюстъ; мѣсто короля, памятникъ, коверъ, крестъ, библія. Стар(ая) горн(ица) съ порт(ретами). Спальня Fr(iedrich'a) I. Спальня п(ринца) Карла. Русской святой; анекдотъ. Кабинетъ наслѣднаго принца. Его бюро, рисованье. Круглой salon съ статуями.

---

[1]) Вѣроятно, тотъ Фурманъ, съ которымъ Жуковскій познакомился въ Дерптѣ и къ которому онъ написалъ въ 1815 году стихи (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 42).

[2]) Извѣстная комедія Мольера.

[3]) Секретарь посольства въ Берлинѣ, Андрей Логиновичъ Крафтъ.

[4]) Баронъ Францъ Петровичъ Мальтицъ (р. 1798 † 1857), въ то время бывшій канцелярскимъ служителемъ посольства въ Берлинѣ, впослѣдствіи занимавшій постъ русскаго посланника въ Гаагѣ. Ему, между прочимъ, принадлежитъ окончаніе Шиллерова „Димитрія Самозванца", изданное въ 1817 г.

[5]) Трагедія Франца Грильпарцера (Grillparzer, р. 1791 † 1872).

[6]) Опера Спонтини.

[7]) Извѣстная пѣвица.

[8]) Берлинскій книгопродавецъ.

[9]) Комедія плодовитаго писателя Юліуса фонъ Фосса (р. 1768 † 1832).

[10]) День 22-го октября записанъ Жуковскимъ въ его дневникѣ дважды: кратко въ записной тетрадкѣ № 4 б (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 9), а затѣмъ болѣе подробно въ записной тетрадкѣ № 4 в (см. тамъ же, стр. 9). Въ виду того, что въ краткой записи встрѣчаются нѣкоторыя замѣтки, не повторенныя въ подробной записи, здѣсь помѣщаются оба описанія дня 22-го октября.

[11]) Одно слово написано неразборчиво.

[12]) Королевѣ Луизѣ.

[13]) Затѣмъ одно слово написано неразборчиво.

Билліардная. Кій Фридр(иха). Прохожая...[1]), бюсты. Живописныя работы Ф(ридриха) В(ильгельма) I: два солдата, tabagie[2]) и пр. Горница моделей; ружье Фр(идриха) II. Маленькій кабинетъ. Библіотека; стаканъ королевы. Кабинетъ; портретъ королевы. Перчатки для М-е Viereck и Вильдерм(етъ). Галлерея китайская. Кабинетъ Фр(идриха) Вильгельма II. Спальня короля: его сертукъ; Theaterzettel[3]). Горницы Фридриха; статуи Экиры и Игеи. Горн(ицы) Фридр(иха) Вел(икаго): Бѣлая зала съ статуями и часами. Мраморная съ золотомъ. Съ пюпитромъ и Раф(аэлевыми) вазами. Прохожая съ бюро. Спальня. Комн(аты) королевы [Ф(ридриха) В(ильгельма) II]. Обои бѣлые. Бюстъ госуд(аря). Спальня короля. Горница собранья: чашки, мебели, стулъ, столъ, глаза, перья, сургучъ. Спальня; анекд(отъ) о Наполеонѣ. Прохожая. Комнаты в(еликой) к(нягини) и Алек(сандрины). Бывшій кабин(етъ) вел(икой) к(нягини). Столъ; памятникъ. Бюстъ королевы. Спальня. Баня. Садъ; Спрея; островъ; плотъ. Видъ на Шпандау. Дернъ съ сидѣньемъ. Мостъ. Мачта Прудъ; карпы.—Théâtre de Gropius: 7 чудесъ, Vogelschiessen[4]).

Октябрь (22). Былъ поутру у в(еликой) к(нягини), гдѣ нашелъ Шамбо и Модена. Выпросилъ письмо въ Шарлоттенбургъ и поѣхалъ туда вмѣстѣ съ Шамбо. Время было прекрасное. Осенній, ясный, прохладный день. Листья не всѣ еще осыпались; а у насъ уже вѣроятно царствуетъ зима. Въ Шарлот(тенбургъ) изъ Берлина ведетъ прекрасная липовая аллея. Городокъ маленькій, но пріятный. Одна главная широкая улица съ густыми липами. Прежде всего пошли мы къ памятнику. Архитектура зданія прекрасная снаружи; въ маломъ памятникъ Павловъ въ Павловскѣ[5]). Но тамъ поражаетъ душу величество зданія и мѣста; здѣсь душа наперед уже растрогана; подходишь къ мѣсту, гдѣ спитъ любимая мать[6]), царица, не забытая народомъ, женщина, украшеніе своего времени, жертва несчастія, и она погребена тамъ, гдѣ все полно ея воспоминаніемъ, гдѣ она была душою семьи своей и наслаждалась чист(ымъ) сем(ейнымъ) счастіемъ. Внутрен(ность) зданія мнѣ не нравится. Нѣтъ простоты. Но самъ памятникъ прекрасный; видно, что сердце управляло рукою художника[7]): онъ былъ воспитан-

---

[1]) Одно слово затѣмъ осталось неразобраннымъ.

[2]) Табачня, курительное общество.

[3]) Театральныя афиши.

[4]) Въ частномъ театрѣ Гропіуса въ Берлинѣ (какъ это видно изъ „Berlinische Zeitung“ за 1820 годъ) въ это время показывалась діорама „Семь чудесъ стараго свѣта“ съ движущимися фигурами, и давалась комедія H. Clauren'a „Das Vogelschiessen“.

[5]) Извѣстный памятникъ, воздвигнутый императрицею Маріею Ѳеодоровною императору Павлу I.

[6]) Прусская королева Луиза.

[7]) Рауха (о немъ см. выше, стр. 77, прим. 6-е).

никъ Луизы, и первый трудъ его посвященъ былъ ея гробу. Когда дверь отворится, то уже видишь на возвышеніи ложе спящей: надобно взойти на нѣсколько ступеней, чтобы ее всю увидѣть. Голова ея скл(онена) на одно плечо; руки положены крестомъ на груди; платье прекрасно скрываетъ и въ то же вр(емя) показываетъ ея станъ; одна нога положена на другу(ю). Въ углахъ канделябры; на одномъ Горы, а на другомъ Парки: прекрасная мысль—она спитъ, а часы бѣгутъ и Парки не дремлютъ. Гробъ, въ которомъ ея остатки, находится внизу; дверь къ нему заперта; но мысль объ немъ заставляетъ смотр(ѣть) съ особ(ымъ) чувств(омъ) на памятникъ. Это видимое есть образъ того, что не видишь: смерть здѣсь кажется сномъ, и невольно сливается съ нею мысль о пробужденіи. Чувство, возбуждаемое симъ памятникомъ, есть унылое воспоминаніе, смѣшанное съ неясною надеждою. Надъ головою семь увядшихъ вѣнковъ: это первые, сплетенные дѣтьми въ первый день рожденія послѣ ея смерти. Король со всею семьею бываетъ два раза у ея гроба: въ день ея смерти и въ день ея рожденія. Кладутъ на гробъ свѣжіе вѣнки. Любовь къ ней здѣсь свѣжа и не ослабѣла. Все, что̀ не самый памятникъ, мнѣ вообще мало нравится; слишкомъ много мелочныхъ украшеній; окно, въ которое входитъ свѣтъ, мѣшаетъ впечатлѣнію; видишь, что оно сдѣлано для освѣщенія памятника, а я бы желалъ, чтобы свѣтъ въ этомъ храмѣ приходилъ неизвѣстно откуда; въ мраморѣ колоннъ и стѣнъ слишкомъ много разнообразія; передъ дверью, ведущею подъ сводъ, видны ступени; лучше бы ихъ скрыть: онѣ нестрятъ и разрушаютъ главн(ый) эффектъ; гораздо бы было лучше спускаться, отворивъ дверь, тогда бы это было точно переходомъ изъ одного свѣта въ другой: теперь я вижу однѣ ступени, и дверь не представляетъ уже столько таинственнаго; лампа слишкомъ богата; а самое противное есть то, что поставили для лучшаго обозрѣнія памятника какую-то дерев(янную) скамейку, на которую надобно взлѣзть, чтобы видѣть памятникъ съ нѣкотораго возвышенія: это выгодно для художника; но оно, напоминая объ немъ, разрушаетъ главное дѣйствіе.—Потомъ я осм(атривалъ) дворецъ. Прежде всего видѣлъ дворц(овую) церковь, гдѣ бюстъ королевы; въ ней крещены всѣ дѣти; коверъ, памятникъ маленьк(ому) принцу [1]), со смертью котораго начались несч(астія) королев(скаго) дома; въ церкви [сказыв(алъ) кастел(янъ)] король любитъ работать въ

[1]) Сыну короля Фридриха-Вильгельма III, принцу Фердинанду (р. 13-го декабря н. ст. 1804 † 1-го апрѣля н. ст. 1806). „Королева Луиза долгое время была совсѣмъ неутѣшна вслѣдствіе потери этого ребенка,—пишетъ графиня Фоссъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—и даже казалось, будто ей не суждено было испытать ни одной минуты совершенно безоблачнаго счастія съ того мгновенія, какъ онъ скончался у нея на рукахъ“ (см. Gräfin von Voss, Neunundsechszig Jahre am Preussischen Hofe, стр. 246).

рѣ; раскаленные камни летятъ и съ трескомъ разрываются въ воздухѣ; лава огненной струей спускается съ горы и освѣщаетъ всю окрестность; земледѣлецъ издали можетъ слѣдовать за нею глазомъ и видѣть, какъ исчезаютъ постепенно и садъ его, и пива, и домъ, и какъ страшный черный камень заступаетъ мѣсто обработанной, плодоносной земли". Читая эти строки, припоминаешь ходожественное описаніе Днѣпра знаменитаго Н. В. Гоголя.

Дружба Жуковскаго съ Перовскимъ составляетъ предметъ четвертой главы. Матеріалами для этой статьи, отчасти неизданными, послужили, преимущественно, письма В. А. Перовскаго къ В. А. Жуковскому, числомъ болѣе 50-ти, переданныя сыномъ поэта Павломъ Васильевичемъ, послѣ смерти отца, по его желанію, графинѣ А. А. Толстой, отъ которой эти матеріалы и поступили къ автору разбираемой нами книги.

Въ послѣдней, пятой главѣ первой части труда г. Захарьина описана кончина графа В. А. Перовскаго.

Описаніе зимняго похода въ Хиву В. А. Перовскаго въ 1839 г. составляющее главный предметъ второй части книги П. Н. Захарьина, состоитъ изъ 15-ти главъ и составлено авторомъ по разсказамъ и запискамъ очевидцевъ. Походъ этотъ, по словамъ г. Захарьина, былъ совершенъ въ такой тайнѣ, что первое извѣстіе о немъ въ русской печати появилось лишь 20 лѣтъ спустя, въ видѣ оффиціальнаго изложенія подробностей его въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ", издаваемыхъ при Московскомъ университетѣ.

Въ первой главѣ авторъ, выяснивъ наши отношенія къ Хивѣ въ началѣ XIX вѣка, говоритъ о заботахъ императора Александра I о мирномъ сближеніи съ Хивой; объ отправленіи туда изъ Оренбурга караваннаго головы Ніязмухаметова и, почти одновременно—съ Кавказа штабсъ-капитана Н. Н. Муравьева, которому поручено было „склонить туркменъ или трухменцовъ, обитающихъ на восточныхъ берегахъ Каспійскаго моря, и хивинцевъ къ пріязненнымъ сношеніямъ съ Россіею". Обѣ миссіи были неудачны.

Во второй главѣ говорится о пріѣздѣ въ Оренбургъ въ 1833 г. вновь назначеннаго губернатора и командующаго отдѣльнымъ Оренбургскимъ корпусомъ, генералъ-маіора В. А. Перовскаго, о хлопотахъ его о разрѣшеніи похода въ Хиву и сформированіи экспедиціоннаго отряда.

Двѣ слѣдующія главы заняты описаніемъ выступленія отряда изъ Оренбурга и неурядицъ въ отрядѣ съ навьючкою верблюдовъ; здѣсь же описаны бѣдствія участниковъ похода отъ сильныхъ морозовъ и недостатка топлива.

Въ пятой главѣ г. Захарьинъ описываетъ по истинѣ безчеловѣчныя жестокости начальника 1-й колонны, генералъ-маіора Ціолковскаго; въ слѣдующей—говорится о прибытіи отряда въ Эмбенское укрѣпленіе.

Въ главахъ седьмой по десятую описаны враждебныя дѣйствія хивинскаго хана Алла-Кула, неудачная атака хивинцами Чушка-Куллъскаго укрѣпленія и прибытіе въ Эмбу „на поклонъ" султана Айчувакова, сформированіе и выступленіе изъ Эмбы отдѣльной колонны на Чушка-Кулль подъ начальствомъ генералъ-маіора Ціолковскаго и новыя жестокости этого генерала.

Въ десятой главѣ говорится о неожиданномъ прибытіи къ отряду генерала Перовскаго, подъ начальствомъ котораго отрядъ и прибылъ въ Чушка-Кулль; въ двухъ слѣдующихъ—о возвращеніи отряда на Эмбу, отъѣздѣ генераловъ Перовскаго и Молоствова въ Оренбургъ и о выступленіи отряда съ Эмбы.

Въ тринадцатой главѣ авторъ выясняетъ причины неудачи экспедиціи и приводитъ числовыя данныя, опредѣляющія стоимость ея. „Первымъ погубителемъ этой экспедиціи былъ, несомнѣнно, генеральнаго штаба полковникъ О. фонъ-Бергъ, который далъ „совѣтъ лукавый" относительно пути на Хиву и даже намѣтилъ два пункта для укрѣпленій; но на указанномъ пути изъ Оренбурга до Эмбы оказались такіе глубокіе овраги, черезъ которые, по нанесенному снѣгу, довелось устраивать понтонные мосты, и только такимъ образомъ переправлять черезъ эти овраги артиллерію... Второю причиною неудачи экспедиціи, и самою главною, была необычайно суровая зима, съ сильными морозами, частыми бурапами и глубокимъ снѣгомъ, какихъ не могли запомнить самые древніе старики-киргизы".

Въ двухъ послѣднихъ главахъ говорится о свиданіи В. А. Перовскаго съ государемъ, послѣ котораго Перовскій переѣхалъ на житье въ Петергофъ. Тутъ же описана и дальнѣйшая судьба участниковъ этого похода.

Вслѣдъ за описаніемъ похода въ Хиву г. Захарьинъ помѣстилъ въ своей книгѣ письма графа В. А. Перовскаго къ московскому почтъ-директору А. Я. Булгакову. Письма эти служатъ прекраснымъ дополненіемъ и новою иллюстраціею къ этому походу.

Далѣе приведены письма позднѣйшія, касающіяся втораго похода Перовскаго въ степь, въ 1853 г., когда онъ взялъ сильную коканскую крѣпость Акъ-Мечеть, послѣ чего рѣка Сыръ-Дарья перешла, на большомъ протяженіи, въ наши руки. Всѣ эти письма, чрезвычайно изящныя по своему слогу, писаны на французскомъ языкѣ, которымъ графъ владѣлъ въ совершенствѣ. За текстомъ напечатанъ и переводъ этихъ писемъ.

Въ концѣ книги напечатаны декларація генералъ-адъютанта Перовскаго отъ 14-го октября 1839 г. о причинахъ и цѣли военныхъ противу Хивы дѣйствій и приказы по отдѣльному Оренбургскому корпусу, и приложено факсимиле графа Перовскаго (приказъ по отряду войскъ Хивинской экспедиціи отъ 1-го февраля 1840 года).

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно.**

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.